

Қазақстан Республикасының Ғылым және жоғары білім министрлігі
Ғылым комитеті
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты

ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫ

№ 4 (22)

2023

Құрылтайшы: Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты

Бас редактор:

Ақан Оңғарұлы, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының бас директоры,
тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор (Алматы, Қазақстан)

Редакциялық кеңес:

А.Г. Ситдиқов, тарих ғыл. докт., ТР ҒА академигі, ТР ҒА А.Х. Халиков ат. Археология институты; Қазан федералдық университеті (Қазан, Ресей) (төраға);
А.Беттс, доктор, проф., Сидней университеті (Сидней, Австралия);
А. Оутрам, археология докт., проф., Эксетер университеті (Эксетер, Ұлыбритания);
А.А. Тишкин, тарих ғыл. докт., проф., Алтай мемлекеттік университеті (Барнаул, Ресей);
В.Б. Панковский, тарих ғыл. канд., Украина ҰҒА Археология институты (Киев, Украина);
Ж.Қ. Таймағамбетов, тарих ғыл. докт., проф., ҚР ҰҒА академигі, ҚР Ұлттық музейі (Астана, Қазақстан);
З. Самашев, тарих ғыл. докт., проф., Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Астана, Қазақстан);
И.Л. Кызласов, тарих ғыл. докт., Археология институты (Москва, Ресей);
М. Фрачетти, археология докторы, Вашингтон университеті (Сент-Луис, АҚШ);
М.Е. Елеуов, тарих ғыл. докт., проф., әл. Фараби ат. Қазақ Ұлттық университеті (Алматы, Қазақстан);

Н. Бороффка, археология докт., проф., Неміс археология институты (Берлин, Германия);
Н.Ю. Смирнов, тарих ғыл. канд., РҒА Материалдық мәдениет тарихы институты (Санкт-Петербург, Ресей);
П.М. Колыцов, тарих ғыл. докт., проф., Б.Б. Городовиков ат. Қалмақ мемлекеттік университеті (Элиста, Ресей);
Р. Йовита, PhD, Нью-Йорк университеті (Нью-Йорк, АҚШ);
Р.Х. Сулейманов, тарих ғыл. докт., профессор, Мирзо Ұлықбек ат. Өзбекстан ұлттық университеті (Ташкент, Өзбекстан);
С.Е. Әжіғали, тарих ғыл. докт., профессор, Ш.Ш. Уәлиханов ат. Тарих және этнология институты (Алматы, Қазақстан);
Ш. Шода, PhD, Нара ұлттық мәдени құндылықтар ғылыми-зерттеу институты (Нара, Жапония);
Ц. Төрбат, PhD, Моңғолияның Ұлттық университеті (Ұланбатыр, Моңғолия)

Редакциялық алқасы:

А.А. Бисембаев, тарих ғыл. канд., Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Алматы, Қазақстан);
Ә.М. Манапова, тарих ғыл. канд., Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Алматы, Қазақстан);
Б.Ә. Байтанаев, тарих ғыл. докт., ҚР ҰҒА академигі, Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Алматы, Қазақстан);
Д.А. Воякин, тарих ғыл. канд., Орталық Азия халықаралық зерттеулер институты (Самарқан, Өзбекстан);
Е.Ш. Ақымбек, PhD, Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Алматы, Қазақстан);
Ж. Құрманқұлов, тарих ғыл. канд., Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Алматы, Қазақстан);
М.Қ. Хабдулина, тарих ғыл. канд., Л.Н. Гумилев ат. Еуразия ұлттық университеті (Астана, Қазақстан);
Т.Б. Мамиров, тарих ғыл. канд., Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Алматы, Қазақстан)

Жауапты хатшылар:

Г.С. Жұмабекова, тарих ғыл. канд., Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Алматы, Қазақстан);
Ғ.А. Базарбаева, тарих ғыл. канд., Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты (Алматы, Қазақстан)

Редакция, баспа-құрылтайшының мекен жайы:

050010 Алматы қаласы, Достық даңғылы, 44
 Телефон: (727) 272 06 89
 E-mail: arch.kaz@archaeolog.kz;
 archeologiakazahstana@gmail.com

Журналдың арнайы сайты: archeokz.kz

Журнал 2018 жылдың 26 сәуірінен бастап шығады. ҚР Байланыс және ақпарат министрлігінің Ақпараттар мен архивтер комитетінің мерзімді баспасөз басылымын және (немесе) ақпараттық агенттікті есепке қою туралы 2011 жылғы 14 қарашадағы № 12108-Ж кәулігі берілген

Басылым ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2022–2023 жж. БНҚ шеңберінде жүзеге асырылды,
 жоба ЖТН BR11765630

Министерство науки и высшего образования Республики Казахстан
Комитет науки
Институт археологии имени А.Х. Маргулана

АРХЕОЛОГИЯ КАЗАХСТАНА

№ 4 (22)

2023

Учредитель: Институт археологии имени А.Х. Маргулана

Главный редактор:

Акан Онгарулы, генеральный директор Института археологии имени А.Х. Маргулана,
кандидат исторических наук, ассоциированный профессор (Алматы, Казахстан)

Редакционный совет:

А.Г. Ситдилов, докт. ист. наук, академик АН РТ, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Россия) (председатель);
А. Беттс, доктор, проф., Сиднейский университет (Сидней, Австралия);
А. Оутрам, доктор археологии, проф., Университет Эксетер (Эксетер, Великобритания);
А.А. Тишкин, докт. ист. наук, проф., Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия);
В.Б. Панковский, канд. ист. наук, Институт археологии НАН Украины (Киев, Украина);
Ж.К. Таймагамбетов, докт. ист. наук, проф., академик НАН РК, Национальный музей Республики Казахстан (Астана, Казахстан);
З. Самашев, докт. ист. наук, проф., Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Астана, Казахстан);
И.Л. Кызласов, докт. ист. наук, Институт археологии РАН (Москва, Россия);
М. Фрачетти, докт. археологии, Университет Вашингтон (Сент-Луис, США);

М.Е. Елеуов, докт. ист. наук, проф., Казахский национальный университет им. аль-Фараби (Алматы, Казахстан);
Н. Бороффка, докт. археологии, проф., Немецкий археологический Институт (Берлин, Германия);
Н.Ю. Смирнов, канд. ист. наук, Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург, Россия);
П.М. Кольцов, докт. ист. наук, проф., Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова (Элиста, Россия);
Р. Йовита, PhD, Университет Нью-Йорк (Нью-Йорк, США);
Р.Х. Сулейманов, докт. ист. наук, проф., Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека (Ташкент, Узбекистан);
С.Е. Ажигали, докт. ист. наук, проф., Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова (Алматы, Казахстан);
Ш. Шода, PhD, Национальный исследовательский институт культурных ценностей (Нара, Япония);
Ц. Төрбат, PhD, Национальный университет Монголии (Улан-Батор, Монголия)

Редакционная коллегия:

А.А. Бисембаев, канд. ист. наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан);
А.М. Манапова, канд. ист. наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан);
Б.А. Байтанаев, докт. ист. наук, академик НАН РК, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан);
Д.А. Воякин, канд. ист. наук, Международный институт центральноазиатских исследований (Самарканд, Узбекистан);
Е.Ш. Акымбек, PhD, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан);
Ж. Курманкулов, канд. ист. наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан);
М.К. Хабдулина, канд. ист. наук, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва (Астана, Казахстан);
Т.Б. Мамиров, канд. ист. наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан)

Ответственные секретари:

Г.С. Джумабекова, канд. ист. наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан);
Г.А. Базарбаева, канд. ист. наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан)

Адрес редакции, издателя-учредителя:

050010 г. Алматы, пр. Достык, 44
Телефон: (727) 272 06 89
E-mail: arch.kaz@archaeolog.kz;
arheologiakazakhstan@gmail.com

Официальный сайт журнала: archeokz.kz

Журнал основан 26 апреля 2018 г.
Свидетельство о постановке на учет периодического печатного издания и (или) информационного агентства № 12108-Ж от 14 ноября 2011 г. выдано Комитетом информации и архивов Министерства связи и информации РК

Издание осуществлено в рамках ПЦФ Комитета науки МНВО РК на 2022–2023 гг.,
ИРН проекта BR11765630

Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan
Science Committee
Margulan Institute of Archaeology

KAZAKHSTAN ARCHEOLOGY

ҚАЗАҚСТАН АРНЕОЛОГИАСЫ

№ 4 (22)

2023

Founder: Margulan Institute of Archaeology

Editor-in-Chief:

Akhan Onggaruly, Director General of the Margulan Institute of Archaeology,
Candidate of Historical Sciences and Associate Professor (Almaty, Kazakhstan)

Executive Editors:

Airat G. Sitdikov, Dr. of Hist. Sciences, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, A.Kh. Khalikov Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russia) (chairman);
Alan Outram, Dr. of Archaeology, Prof., Exeter University (Exeter, UK);
Alexey A. Tishkin, Dr. of Hist. Sciences, Prof., Altai State University (Barnaul, Russia);
Alison V.G. Betts, Doctor, Prof., The University of Sydney (Sydney, Australia);
Igor L. Kyzlasov, Dr. of Hist. Sciences, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
Madiyar Ye. Yeleuov, Dr. of Hist. Sciences, Prof., Al Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan);
Michael D. Frachetti, Dr. of Archaeology, Washington University (St. Louis, USA);
Nikolaus N.O. Boroffka, Dr. of Archaeology, Prof., German Archaeological Institute/DAI (Berlin, Germany);
Nikolay Yu. Smirnov, Cand. of Hist. Sciences, Institute for the History of material culture of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia);

Petr M. Koltsov, Dr. of Hist. Sciences, Prof., B.B. Gorodovikov Kalmyk State University (Elista, Russia);
Rady P. Iovita, PhD, New York University (New York, USA);
Rustam Kh. Suleymanov, Dr. of Hist. Sciences, Prof., Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan (Tashkent, Uzbekistan);
Serik E. Ajigali, Dr. of Hist. Sciences, Prof., Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology (Almaty, Kazakhstan);
Shinya Shoda, PhD, Nara National Research Institute for Cultural Properties (Nara, Japan);
Tsagaan Turbat, PhD, National University of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia);
Valentin B. Pankowski, Cand. of Hist. Sciences, Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine (Kyiv, Ukraine);
Zainolla Samashev, Dr. of Hist. Sciences, Prof., Margulan Institute of Archaeology (Astana, Kazakhstan);
Zhaken K. Taimagambetov, Dr. of Hist. Sciences, Prof., Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, National museum of Kazakhstan (Astana, Kazakhstan)

Editorial Board:

Aliya M. Manapova, Cand. of Hist. Sciences, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan);
Arman A. Bissembaev, Cand. of Hist. Sciences, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan);
Bauyrzhan A. Baitanayev, Dr. of Hist. Sciences, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan);
Dmitriy A. Voyakin, Cand. of Hist. sciences, International Institute for Central Asian studies (Samarkand, Uzbekistan);
Maral K. Khabdulina, Cand. of Hist. Sciences, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan);
Talgat B. Mamirov, Cand. of Hist. Sciences, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan);
Yeraly Sh. Akymbek, PhD, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan);
Zholdasbek Kurmankulov, Cand. of Hist. Sciences, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan)

Executive Secretaries:

Gulnara S. Jumabekova, Cand. of Hist. Sciences, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan);
Galiya A. Bazarbayeva, Cand. of Hist. Sciences, Margulan Institute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan)

Address of the editorial office, publisher-founder:

050010 Almaty, Dostyk Ave., 44
Phone: (727) 272 06 89
E-mail: arch.kaz@archaeolog.kz;
arheologiakazahstana@gmail.com

Official website of the journal: archeokz.kz

The journal was founded on April 26, 2018.
Certificate of registration of periodical print publication and (or) information agency № 12108-Ж dated November 14, 2011 was issued by the Committee of Information and Archives of the Ministry of Communications and Information of the Republic of Kazakhstan

The publication was carried out within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2022–2023, project IRN BR11765630

МАЗМҰНЫ СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ МӘСЕЛЕЛЕРІ – ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ

<i>Бедельбаева М.В. (Қарағанды, Қазақстан), Новоженев В.А. (Алматы, Қазақстан), Жусупов Д.С. (Қарағанды, Қазақстан)</i>	
Сакральные ландшафты Бетпақдалы	9
<i>Петенев Г.Г. (Усть-Каменогорск, Қазақстан)</i>	
Река как особый топос в био и социокультурной жизни древних народов (по материалам комплекса с изваянием у с. Беткудук, Восточный Казахстан)	34
<i>Berseneva N. (Chelyabinsk, Russia)</i>	
The Dead near to the Living at the Bronze Age Settlements in the South Urals: Research Approaches and Classification of Intramural Burials	66
<i>Хасенова Б.М. (Астана, Қазақстан)</i>	
Женские украшения гунно-сарматского времени Казахстана	86
<i>Agalarzade A. (Baku, Azerbaijan), Karimov S. (Lenkoran, Azerbaijan)</i>	
The golden winged bull (gryphons) images in ancient religions	101

ДАЛАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР – ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Варфоломеев В.В. (Қарағанды, Қазақстан)</i>	
Неординарное погребение из бегазы-дандыбаевского могильника Тесиктас	112
<i>Лукпанова Я.А. (Уральск, Алматы, Қазақстан), Жанузак Р.Ж. (Алматы, Қазақстан)</i>	
Новые материалы позднесарматского времени из Западного Казахстана (курган № 21, мог. Акадыр-2)	127
<i>Hermann L. (Stavelot, Belgium), Zheleznyakov B. (Almaty, Kazakhstan)</i>	
Tamga Petroglyphs from Akkainar (Almaty oblysy) in Kazakhstan	140
<i>Рогожинский А.Е. (Алматы, Қазақстан)</i>	
Долгая дорога к храму (история открытия и новых поисков буддийской обители в долине р. Каратал)	155

ПӘНАРАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Михиенко В.А., Белоусова Н.Е., Родионов А.М., Харитонов Р.М., Федорченко А.Ю. (Новосибирск, Россия)</i>	
Проблемы идентификации отходов бифасиального производства в индустриях ранних этапов верхнего палеолита (по материалам Алтая)	176
<i>Лошакова Т.Н., Антонов М.А. (Алматы, Қазақстан)</i>	
Реконструкция жилища поселения Токсанбай	197
<i>Шагирбаев М.С., Сакенов С.К. (Алматы, Қазақстан)</i>	
Скотоводческое хозяйство населения эпохи бронзы Северного Казахстана (по материалам поселения Шагалаы II)	212
<i>Рассадников А.Ю. (Екатеринбург, Россия), Куприянова Е.В. (Челябинск, Россия)</i>	
Жертвоприношения животных синташтинской культуры бронзового века Южного Урала: археозоологические исследования кургана 33 могильника Степное-1	243
Қысқартулар тізімі – Список сокращений	265
Авторларға арналған ереже – Правила для авторов	267

CONTENT

ARCHAEOLOGY ISSUES

M. Bedelbayeva (<i>Karaganda, Kazakhstan</i>), V. Novozhenov (<i>Almaty, Kazakhstan</i>), D. Zhushupov (<i>Karaganda, Kazakhstan</i>) Sacred landscapes of Betpakdala (in Russian)	9
G. Peteneva (<i>Oskemen, Kazakhstan</i>) The river as a special topos in the bio- and sociocultural life of ancient peoples (based on the materials of the complex with a statue near the village of Betkuduk, East Kazakhstan) (in Russian)	34
N. Berseneva (<i>Chelyabinsk, Russia</i>) The Dead among the Living at the Bronze Age Settlements in the Southern Urals: approaches to research and classification of intramural burials (in English)	66
B. Khassenova (<i>Astana, Kazakhstan</i>) Women's jewelry of the Hunno-Sarmatian time of Kazakhstan (in Russian)	86
A. Agalarzade (<i>Baku, Azerbaijan</i>), S. Karimov (<i>Lenkoran, Azerbaijan</i>) The golden winged bull (gryphons) images in ancient religions (in English)	101

FIELD STUDIES

V. Varfolomeev (<i>Karaganda, Kazakhstan</i>) An extraordinary burial from Begazy-Dandybay burial ground Tesiktas (in Russian)	112
Y. Lukpanova (<i>Uralsk, Almaty, Kazakhstan</i>), R. Zhanuzak (<i>Almaty, Kazakhstan</i>) New materials of the Late Sarmatian period from West Kazakhstan (kurgan No. 21, Akadyr-2 burial ground) (in Russian)	127
L. Hermann (<i>Stavelot, Belgium</i>), B. Zheleznyakov (<i>Almaty, Kazakhstan</i>) Tamga Petroglyphs from Akkainar (Almaty oblysy) in Kazakhstan (in English)	140
A. Rogozhinskiy (<i>Almaty, Kazakhstan</i>) A Long Road to the Temple (The history of the discovery and new searches for a Buddhist monastery in the Karatal River Valley) (in Russian)	155

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

V. Mikhienko , N. Belousova , A. Rodionov , R. Kharitonov , A. Fedorchenko (<i>Novosibirsk, Russia</i>) Problems of identification of debris from production of bifaces in the Early and Initial Upper Palaeolithic assemblages (based on materials from Altai) (in Russian)	176
T. Loshakova , M. Antonov (<i>Almaty, Kazakhstan</i>) Reconstruction of the Toksanbai settlement dwelling (in Russian)	197
M. Shagirbayev , S. Sakenov (<i>Almaty, Kazakhstan</i>) Pastoral economy of the Bronze Age population in Northern Kazakhstan (based on materials of the Shagalaly II settlement) (in Russian)	212
A. Rassadnikov (<i>Ekaterinburg, Russia</i>), E. Kupriyanova (<i>Chelyabinsk, Russia</i>) Animal sacrifices of the Sintashta culture of the Bronze Age of the Southern Urals: archaeozoological studies of the mound 33 of the Stepnoe-1 burial ground (in Russian)	243
List of Abbreviations	265
Submissions	267

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.9.33>

Сакральные ландшафты Бетпакдалы

© 2023 г. Бедельбаева М.В., Новоженев В.А., Жусупов Д.С.

Keywords: Central Kazakhstan, Betpakdala, sacral space, mountains Tayatkan-Shunak, Bronze Age, mounds, petroglyphs

Түйін сөздер: Орталық Қазақстан, Бетпакдала, сакралды кеңістік, Тайатқан-Шұнақ таулары, қола дәуірі, обалар, петроглифтер

Ключевые слова: Центральный Казахстан, Бетпакдала, сакральное пространство, горы Тайаткан-Шунак, эпоха бронзы, курганы, петроглифы

Marina Bedelbayeva¹*, Victor Novozhenov² and Dauren Zhusupov³

¹*Corresponding author, Head of the Museum of Archaeology and Ethnography, Buketov Karaganda University, Karaganda, Kazakhstan. E-mail: bm_v_1967@mail.ru

² Leading Researcher, International Centre for the Rapprochement of Cultures under the auspices of UNESCO, Almaty, Kazakhstan. E-mail: vnovozhenov@gmail.com

³Leading Researcher, Karaganda Regional Museum of Local History, Karaganda, Kazakhstan. E-mail: donya_1986@mail.ru

Sacred landscapes of Betpakdala

The article analyzes the main aspects of the organization of the sacred space on the example of the historical monuments of the Tayatkan-Shunak area. The landscape-mythological boundary marking “its own space” was often indicated by petroglyphs. The center of the sacred space of Tayatkan-Shunak is the location of rock carvings, the earliest of which date back to the Bronze Age. The drawings reflect the worldview components of the traditional mytho-ritual complex of the population and were part of complex rituals. The results of research on archaeological sites – Bronze Age fences and burial mounds are presented. The oldest mythological motifs are organically integrated into the existence of a Muslim cult complex – the worship of the mausoleums of Agybay Batyr and his wife, which is associated with Islamic traditions, but also has a more ancient context – the cult of the dead. The landscape elements consecrated by these historical monuments contribute to the sacralization of space and time, personified in a continuous cultural connection with previous generations.

Source of funding: The publication was carried out within the framework of granted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2023–2025, project IRN AP19679947.

For citation: Bedelbayeva, M., Novozhenov, V., Zhusupov, D. 2023. Sacred landscapes of Betpakdala. *Kazakhstan Archeology*, 4 (22), 9–33 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2023.4.22.9.33](https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.9.33)

Марина Васильевна Бедельбаева^{1*},
Виктор Александрович Новоженев²,
Даурен Сейітұлы Жүсіпов³

^{1*}корреспондент авторы, археология және этнография музейінің меңгерушісі, Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті, Қарағанды, Қазақстан

²жетекші ғылыми қызметкер, ЮНЕСКО қамқорлығындағы Мәдениеттерді жақындастыру орталығы, Алматы, Қазақстан

Марина Васильевна Бедельбаева^{1*},
Виктор Александрович Новоженев²,
Даурен Сеитович Жусупов³

^{1*}автор-корреспондент, заведующая музеем археологии и этнографии, Карагандинский университет им. Е.А. Букетова, Карағанды, Казахстан

²ведущий научный сотрудник, Центр Сближения культур под эгидой ЮНЕСКО, Алматы, Казахстан

³жетекші ғылыми қызметкер, Қарағанды
облыстық тарихи-өлкетану музейі,
Қарағанды, Қазақстан

Бетпақдаланың киелі ландшафттары

Мақалада Тайатқан-Шұнақ аймағының тарихи ескерткіштері мысалында киелі кеңістік ұйымдастырудың негізгі аспектілері талданады. «Өз кеңістігі» болып таңбаланатын, ландшафтты-мифологиялық шекара көбінесе петроглифтермен белгіленді. Тайатқан-Шұнақ қасиетті кеңістігінің орталығы ең ежелгісі қола дәуірімен мерзімделетін жартастағы бейнелердің орналасқан жері болып табылады. Суреттер тұрғындардың дәстүрлі мифтік-ғұрыптық кешенінің дүниетанымдық компоненттерін бейнелейді және күрделі салттың бір бөлігі болып табылды. Археологиялық ескерткіштер – қола дәуірі қоршаулары мен обаларды зерттеудің нәтижелері берілген. Мұсылмандық культ кешенінің қалыптасуында ежелгі мифологиялық мотивтер ажырамай бірігіп кетті – Ағыбай батыр мен оның әйелі кесенелеріне табыну, бұл ислам дәстүрлерімен байланысты болғанымен анағұрлым көне контекст – өлілер культіне ие. Осы тарихи ескерткіштермен қасиетті ландшафтэлементтері алдыңғы ұрпақтармен үздіксіз мәдени байланыста болған кеңістік пен уақытты киелі етуге үлес қосады.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2025 жж. гранттық қаржыландыру аясында орындалды, жобаның ЖТН АР19679947.

Сілтеме жасау үшін: Бедельбаева М.В., Новоженев В.А., Жусупов Д.С. Бетпақдаланың киелі ландшафттары. *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 4 (22). 9–33-бб. (Орысша).

[DOI: 10.52967/akz2023.4.22.9.33](https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.9.33)

³ведущий научный сотрудник, Карагандинский
областной историко-краеведческий музей,
Караганды, Казахстан

Сакральные ландшафты Бетпақдалы

В статье анализируются основные аспекты организации сакрального пространства на примере исторических памятников местности Тайаткан-Шунак. Ландшафтно-мифологическая граница, маркирующая «свое пространство», нередко обозначалась петроглифами. Центром сакрализованного пространства Тайаткан-Шунак является местонахождение наскальных изображений, самые ранние из которых датируются эпохой бронзы. Рисунки отражают мировоззренческие компоненты традиционного мифо-ритуального комплекса населения и являлись частью сложных обрядов. Представлены результаты исследований археологических памятников – ограды эпохи бронзы и курганов. Древнейшие мифологические мотивы органично вплелись в существование мусульманского культового комплекса – поклонение мавзолеям Агыбай-батыра и его жены, что связано с исламскими традициями, но имеет и более древний контекст – культ мёртвых. Освящённые этими историческими памятниками элементы ландшафта способствуют сакрализации пространства и времени, олицетворенного в непрерывной культурной связи с предшествующими поколениями.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2025 гг., ИРН проекта АР19679947.

Для цитирования: Бедельбаева М.В., Новоженев В.А., Жусупов Д.С. Сакральные ландшафты Бетпақдалы. *Археология Казахстана*. 2023. № 4 (22). С. 9–33. [DOI: 10.52967/akz2023.4.22.9.33](https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.9.33)

1 Введение (Бедельбаева М.В., Новоженев В.А., Жусупов Д.С.)

Проблема формирования сакрального пространства и соответствующих духовных практик как основы идентичности социума в границах определённой территории имеет универсальный характер и приобретает актуальное значение в контексте задачи модернизации общественного сознания.

Под сакральным пространством мы понимаем культурно-исторические и природные ландшафты, содержащие объекты материальной, духовной, хозяйственной, культовой деятельности древних людей, сохранённые и воспринятые в культуре современного населения как объекты поклонения, обладающие в восприятии человека иррациональными, мистическими смыслами и силой. Чаще всего такие ландшафты содержат историко-археологические памятники различных эпох (курганы, петроглифы, мазары и др.) и природные объекты, которые в разные исторические периоды прошлого и в настоящее время почитаются местным населением как культовые места. На терри-

тории Шетского района расположены 215 объектов, включенные в Государственный список памятников истории и культуры местного значения Карагандинской области: из них 172 (80%) отнесено к памятникам археологии, 34 (16%) – сооружения монументального искусства, 6 (3%) – памятники архитектуры и 3 (1%) сакральных объекта [Государственный список ...].

Целью статьи является введение в научный оборот результатов археологического обследования памятников в районе гор Тайаткан–Шунак для культурно-исторической реконструкции сакральных ландшафтов Бетпакдалы. Задачи состоят в детальном документировании историко-археологических объектов, выявленных и атрибутированных с использованием комплексных научных данных из разноплановых источников – архивы, карты, космоснимки, материалы разведки и раскопок курганов, входящих в единый комплекс с местонахождением петроглифов – для систематизации и интерпретации этих сведений.

Объективными факторами, задающими специфику региональных процессов формирования сакральных ландшафтов, являются естественные природно-климатические условия Бетпакдалы: сочетание больших площадей низкогорных и равнинных типов рельефа различных высотных амплитуд, континентальный аридный климат, неравномерное распространение природных и хозяйственных ресурсов. Эти природно-географические факторы длительное время способствовали развитию и устойчивому сохранению традиции возведения культовых и погребальных сооружений, нанесению изображений на скальные поверхности в отдельных микрорайонах, почитание которых кое-где сохранились вплоть до современности [Медоев 1979; Новоженев 2014].

2 Материалы и методы исследования (Бедельбаева М.В., Новоженев В.А., Жусупов Д.С.)

2.1 Методы исследования

В процессе изучения Бетпакдалы был использован географически детерминированный подход и выделена определённая территория – район гор Тайаткан–Шунак – с высокой концентрацией памятников различных эпох, которые отражают пространственно-временную дифференциацию процессов освоения региона. С целью систематизации картографического материала использованы методы статистики и анализа для выявления пространственного распределения культурно-исторических объектов во взаимосвязи с ландшафтной ситуацией и природной средой в рамках многокомпонентного комплекса «человек–природа–общество». Классификационно-типологические методы позволили выявить характерные конструктивные элементы объектов и их расположение с учётом топографии местности. В ходе изучения памятников археологии использовались традиционные полевые методы исследования (разведка, раскопки, фотофиксация и др.). Посредством сравнительно-исторических методов проведена предварительная атрибуция культурно-хронологической принадлежности археологических источников. Привлечены материалы по синхронным памятникам изучаемого комплекса из сопредельных регионов. Данный подход эффективен при характеристике поэтапной эволюции археологических культур разных хронологических периодов и конструировании целостной исторической ретроспективы развития древнего общества на указанной территории.

Особое внимание уделено определению значения и интерпретации содержания изобразительного наскального творчества на основе статистической обработки данных и применения структурно-семиотического подхода. Используются методы визуального осмотра и описания в ходе характеристики монументальной погребальной архитектуры казахов XIX в.

2.2 Материалы исследования

Наиболее заметными в полупустынном регионе Бетпақдалы являются памятники наскального искусства – петроглифы. В комплексе с другими археологическими объектами они предстают как единый культурно-исторический ландшафт, а границы таких памятников тождественны территории, вмещающей все сопряжённые в ландшафте следы жизнедеятельности древних коллективов. Петроглифы и иные археологические объекты опосредованно отражают в ландшафте способ обитания древних сообществ, их отношение к окружающей среде и функциональную значимость отдельных её компонентов в зависимости от уровня общественного, технического развития в конкретный период истории [Novozhenov 2020; Рогожинский, Новоженев 2018].

В течение голоцена природная среда Бетпақдалы изменялась существенным образом и вслед за ней менялись содержание и формы наскального искусства, а также самих культурно-исторических ландшафтов. Древние изображения и композиции могли восприниматься иначе в последующие времена и преобразовывались в соответствии с изменявшимися ценностными установками и художественными традициями: происходило создание новых изображений на тех же поверхностях скал, подновление или внесение изменений в более древние петроглифы.

Памятники изобразительного наскального творчества возникали на путях традиционных коммуникаций: вдоль Шёлкового пути и его многочисленных ответвлений, вдоль маршрутов кочёвок и путей миграций, в местах массовых периодических или сезонных собраний, на древних торговых дорогах, у водных переправ, то есть в ландшафтах, особенно активно использовавшихся людьми. Петроглифы как особый информационный канал именно там наиболее результативно выполняли свою главную коммуникативную функцию.

На развитие наскальной изобразительной традиции повлиял специфический способ хозяйственно-культурной адаптации местного населения: широкие региональные контакты, сосуществование различных культур и этносов, преобладание подвижных форм животноводства. Сложившийся в регионе основной вид хозяйственной и культурной деятельности населения был естественным образом ориентирован на перманентное экстенсивное освоение окружающего ландшафта, и петроглифы нередко служили важными указателями для ориентирования на местности при кочевании по полупустынным просторам на путях к богатым травой степным пастбищам. Поэтому скопления наскальных изображений расположены обычно в особо приметных местах ландшафтов: на скальных выходах по вершинам и склонам сопок, на обрывистых берегах малых и больших рек, на горных перевалах и вблизи мест зимних или летних становищ кочевников.

Эти памятники заметны издали, с ними связаны местные предания и легенды, они нередко почитаются в настоящее время как «святые места», наделённые особой иррациональной силой и энергетикой, и могут рассматриваться как одна из важнейших составляющих сакрального ландшафта как древнего, так и современного социума.

Понятие «сакральный ландшафт» рассматривается нами как отражение в мифологическом, а затем и в религиозном сознании представления о присутствии в жизни природы и социума иррациональных, мистических, особо почитаемых сил в качестве организующего начала. При этом под сакральным пространством мы понимаем особым образом организованную жизнедеятельность социума на определённой территории, освоенной утилитарно, семантически и символически, на которой расположены возникшие в природе естественным образом, а также искусственно созданные объекты-символы (включая рукотворные и вербальные образы), наделённые в процессе сакрализации иррациональными, мистическими смыслами в рамках миропонимания данного социума.

Подчеркнём, что в рамках данной парадигмы сфера сакрального предполагает определённые действия – духовные практики (культовые обряды, ритуалы, обычаи), – мотивированные такими представлениями. Представляется, что создание петроглифов являлось органичной и, в некотором смысле, предопределённой процессом сакрализации формой предметно-практической деятельности. К подобным духовным практикам с глубокой древности относятся строительство культовых и погребальных сооружений, ритуалы взаимодействия между миром живых и умерших, знания шаманов и баксы, включая лечение и целительство, основанное на использовании местной флоры и фауны.

Таким образом, изучение сакрального ландшафта с использованием вышеописанных методов и концептуальных подходов – это реконструкция предметно-практической деятельности и духовной жизни древнего населения Бетпакдалы как единого многокомпонентного комплекса «человек–природа–общество» в рамках сформированного сакрального пространства, его эволюция и восприятие в современном социуме.

3 Результаты (Бедельбаева М.В., Новоженнов В.А., Жусупов Д.С.)

Далее рассмотрим изложенные выше представления на примере некоторых изобразительных, археологических и монументальных памятников в типичном для Бетпакдалы культурно-историческом ландшафте, в районе гор Тайаткан–Шунак (Шетский р-н, Карагандинская обл.), где расположены скопления наскальных изображений, каменные курганы, древние поселения, курганы с «усами», каменные изваяния, мавзолеи известных исторических личностей (рис. 1).

Начало научному изучению *петроглифов Шунак* положил академик А.Х. Маргулан. Петроглифы зафиксированы и опубликованы им под названием «Батпаксу» [Маргулан 2003: 88–147]. В августе 2013 г. петроглифы Шунак стали объектом исследования археографической экспедиции Национального архива Республики Казахстан во главе с М.О. Абсеметовым [Жапсымбетова 2013: 155–160; Марьяшев, Гумирова 2016: 183–191]. Материалы памятника частично опубликованы по результатам мониторинга изобразительных памятников региона [Бедельбаева и др. 2015: 56–76, 180–187]. Для копирования петроглифов со скал применялся бесконтактный метод фотографического сканирования с последующей графической обработкой изображений. Документированы и описаны 30 плоскостей с изображениями. Полевые исследования продолжились в 2018 г. на предмет анализа связи петроглифов с окружающим сакральным ландшафтом. Детально исследовано более 150 плит с многофигурными и одиночными изображениями.

Петроглифы выбиты на береговых скалах на обоих берегах р. Сарыбулак на протяжении около 1 км. Выбор места основывался на природных особенностях микро- и макротопографии скальных выходов, которые являются семантической доминантой окружающего ландшафта. Изображения нанесены на относительно ровных плоскостях скальных выходов желтовато-коричневого цвета, обращённых к реке, с южной или юго-восточной экспозицией. Основная часть изображений находится на правом берегу и включает в себя пять компактных локальных групп. Сохранность многих изображений неудовлетворительная.

Численно преобладают петроглифы, предположительно, эпохи бронзы. Несколько композиций могут датироваться ранним железным веком и средневековьем. Встречаются плоскости как с одиночными петроглифами, так и с многофигурными композициями. Наиболее выразительные многофигурные композиции расположены в центральной группе – эта часть комплекса выделяется самой плотной концентрацией петроглифов и плит с лунками, что, вероятно, указывает на предназначение этого места для жертвоприношений. Можно предположить, что эти плоскости с изобра-

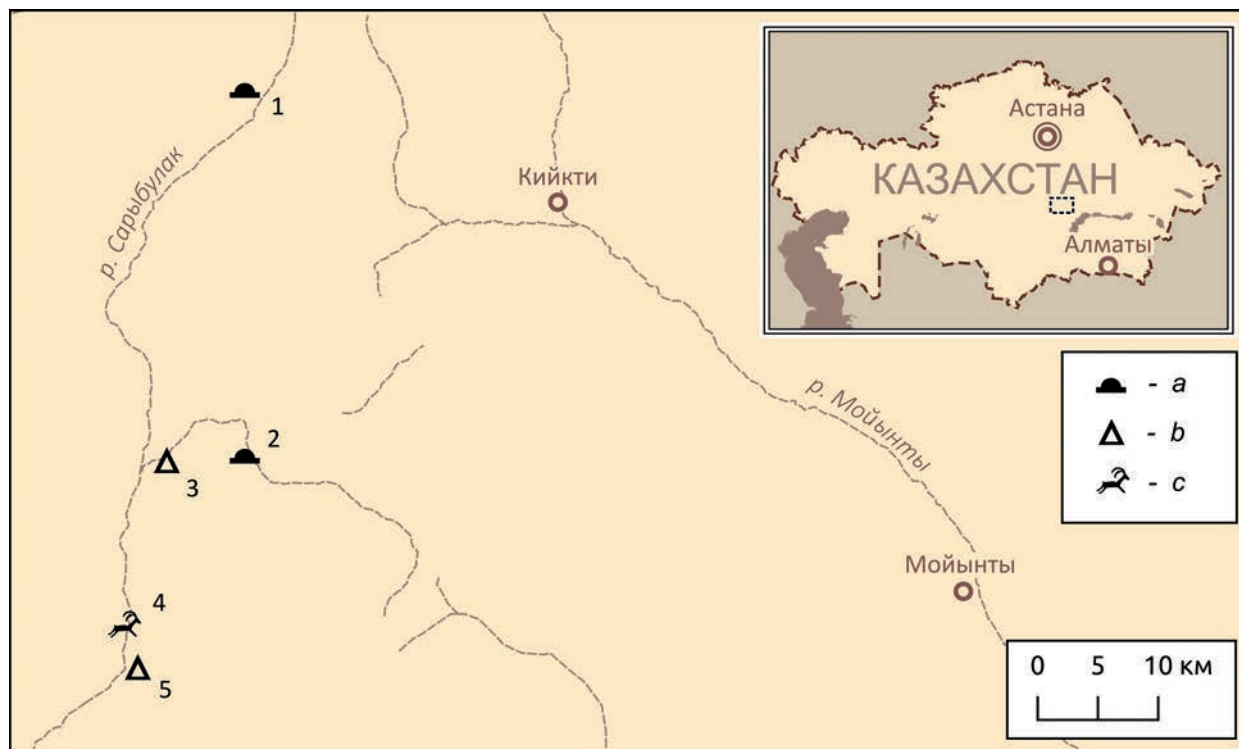

Рис. 1. Карта расположения исследованных памятников района гор Тайаткан–Шунак:
1 – Узынжал; 2 – Ельшибек 1; 3 – мавзолей Каратай батыра; 4 – Шунак; 5 – мавзолей Агибай батыра.
Условные обозначения: а – курганы; б – памятники этнографического времени; с – петроглифы.
Исполнитель: Михаил Антонов

1-сур. Тайатқан–Шұнақ таулары ауданында зерттелген ескерткіштердің орналасу картасы:
1 – Ұзынжал; 2 – Елшібек 1; 3 – Қаратай батыр кесенесі; 4 – Шұнақ; 5 – Ағыбай батыр кесенесі.
Шартты белгілер: а – обалар; б – этнографиялық уақыттың ескерткіштері; с – петроглифтер.
Орындаушы: Михаил Антонов

Fig. 1. Map of the location of the researched sites of the Tayatkan–Shunak mountains area:
1 – Uzynzhal; 2 – Yelshibek 1; 3 – Karatay Batyr mausoleum; 4 – Shunak; 5 – Agibay Batyr mausoleum.
Symbols: a – burial mounds; b – monuments of ethnographic time; c – petroglyphs.
Performer: Mikhail Antonov

жениями являлись частью сложных ритуалов, проходивших в этом святилище. Так, алтарную плоскость с уникальным изобразительным содержанием А.Х. Маргулан назвал «Таинственный ритуал шаманов» [Маргулан 2003: 106, 107].

Сцена расположена на вертикальной поверхности скального выхода с округлыми краями жёлто-коричневого цвета с южной экспозицией. Изображения выполнены в технике мелкой точечной выбивки с шлифовкой, выдержаны в одном стиле и насчитывают более 60-ти персонажей – участников композиции [Бедельбаева и др. 2015: 187–188; Бедельбаева 2019; Novozhenov 2020]. Это крупные быки, архары, антилопы, лошади, птицы и 12 антропоморфных персонажей (рис. 2). Доминирующее положение занимает «солнцеголовый» персонаж, расположенный в самой верхней части этой композиции, – отражение представления древних о сущностях Верхнего мира, присутствующих в повседневной жизни человека в Среднем (или Нижнем) мире посредством ритуалов, проводимых посвящёнными, то есть обладающими сакральными знаниями. Видимо, изображено как

под руководством «солнцеголового» происходит один из таких ритуалов. Справа от него размещена эротическая сцена, вероятно, символизирующая «священный брак». Шесть антропоморфных изображений, рассредоточенных по всей плоскости, показаны с поднятыми руками (в позе адорации) и обращены в сторону «солнцеголового» божества. Изображения этих людей реалистичны и максимально детализированы: круглые головы, причёски или головные уборы, носы в форме крючка, загнутого вверх, по две ноги, ступни, ладони с пальцами, фаллосы. В центре плиты изображён поединок двух людей с дубинками в руках, показанных в профиль. Фигуры участников поединка отличаются особой экспрессией и динамизмом. По обе стороны от них изображены два палиценосца, один из которых держит палицу высоко над головой, второй – перед собой. Ещё одна фигура человека прорисована вверх ногами (повержен?).

Рис. 2. Петроглифы Шунак. Многофигурная композиция с участием противостоящих палиценосцев. Эпоха бронзы. Фото: Марина Бедельбаева
2-сур. Шұнақ петроглифтері. Қарсыласқан палиценостердің қатысуымен көп фигуралы композиция. Қола дәуірі. Фото: Марина Бедельбаева

Fig. 2. The Shunak petroglyphs. Multi-figure composition with opposing club-wielders. Bronze Age. Photo: Marina Bedelbayeva

Сюжет с похожим содержанием представлен в петроглифах урочища Тамгалы [Максимова и др. 1985: 40, рис. 14, 15]. Такое «концептуальное» сходство, достаточно очевидное при сравнении, свидетельствует об общераспространённом характере сюжета, включающего персонификацию верховного божества, противопоставление Нижнего и Верхнего мира, идею реинкарнации как условие обеспечения жизнедеятельности и благополучия. Возможно, парность фигур и сам поединок могли отражать один из сюжетов мифа о соперниках братьях-близнецах Ашвинах, характерный для многих древних культур Центральной Азии и Переднего Востока [Новоженков 2014: 208–236]. Мотив борьбы являлся, скорее всего, одним из архетипов в древнем сознании и обусловлен не только элементарным сосуществованием с представителями других социумов, но и дуалистическим представлением об окружающем мире [Shvets 2012: 171–190].

Смысловое значение композиции может быть определено как отражение неизвестного нам обряда или мировоззренческой компоненты традиционного мифо-ритуального комплекса, отражающего архаичные мотивы эсхатологии, катастрофизма, превращения Хаоса в Космос, которые использовались местным населением в эпоху бронзы.

В петроглифах Шунак зафиксировано несколько изображений эпохи ранних кочевников, выполненных в скелетном стиле, например, крупная фигура хищника из породы кошачьих [Бе-

дельбаева 2019: 632, рис. 1]. В более поздних петроглифах в отдельную группу выделены тамги, выбитые единовременно на единой скальной плоскости в непосредственной близости друг от друга, расположенные компактно, вкруговую. Знаки одинаковые по размеру – длина основной части составляет 7–10 см. С учётом степени патинизации изображения могут датироваться средневековьем. Их графика демонстрирует значительную стилистическую близость с современными родовыми тамгами казахов. Так, определённо, одна из них – тамга-бакан – принадлежит роду найман-баганалы (рис. 3).

Широкое распространение традиции использования тамг в различных сферах жизнедеятельности – для маркировки территориальных владений, в качестве опознавательных знаков родовой принадлежности по принципу «свой–чужой» – являлось одним из главных признаков, характеризующих своеобразие традиционной культуры казахов. Все это доказывает, что петроглифы Шунак наносились на протяжении многих столетий.

Рис. 3. Петроглифы Шунак.
Плоскость с тамгами. Фото: Марина Бедельбаева
3-сур. Шұнақ петроглифтері.
Таңбалар бар жазықтық. Фото: Марина Бедельбаева
Fig. 3. The Shunak petroglyphs. Panel with tamgas.
Photo: Marina Bedelbayeva

3.1 Археологические источники

Археологические памятники региона представлены, в основном, погребально-культовыми сооружениями, к числу которых относятся крупный комплекс Ельшибек, включающий более 120-ти оград эпохи бронзы, разновременных захоронений и курган с каменными грядами [Маргулан 1966: 134–140, рис. 54–56], поселение Озерное (№ 2358 АКК), курган ранних кочевников [Кадырбаев 1959: 166–168], ограда с каменным изваянием тюркского времени (№ 2363 АКК), остатки ирригационных сооружений и арыков, зимовки, мавзолее Агыбай батыра и других исторических личностей.

3.1.1 Раскопки кургана Узынжал 1

Летом 2023 г. были проведены исследования одиночного кургана Узынжал 1, расположенного в Кийктинском сельском округе Шетского района (рук. – зам. директора по науке Карагандинского областного историко-краеведческого музея, м.г.н. Д.С. Жусупов). Памятник расположен на относительно ровной площадке. Высота кургана составляет 1,1 м, диаметр 15 м. Полу-сферическая курганная насыпь слабо задернована. Впадина в центре насыпи густо поросла кустами караганника, из-за чего первоначально визуально плохо просматривалась. После зачистных работ было выявлено воронкообразное углубление в центре. На ограждение указывал и тот факт, что на восточной стороне насыпи кургана зафиксирован выкид грунта с центральной

части. Бровка ориентирована по линии север–юг. Поверхность кургана была забутована камнями, под которым фиксировалась прослойка гумусированного суглинка, толщина которого имеет максимальное значение ближе к вершине насыпи и исчезает у её подножий. Центральная часть насыпи и могильная яма в местах ограбления заполнена желтоватым затёчным суглинком.

Большая часть насыпи сложена из относительно крупных камней и мелкощебнистого грунта светло-коричневого цвета. В профиле он фиксируется в виде двух массивов по обе стороны от могильной ямы. Ближе к могильной яме идёт однородный слой почвы, в который включены крупнощебнистые фракции. Этот слой подстилает суглинок белёсого цвета, им же заполнена могильная яма в тех местах, которые не были затронуты ограблением. На уровне древней дневной поверхности данный слой лежит над погребённой почвой, которая фиксируется в виде прослойки гумуса (рис. 4)* (*Иллюстрации к статье подготовлены художником И. Гусевым).

После разбора бровки и проведения горизонтальной зачистки в центре подкурганной площадки на уровне материка были выявлены верхние контуры могильной ямы

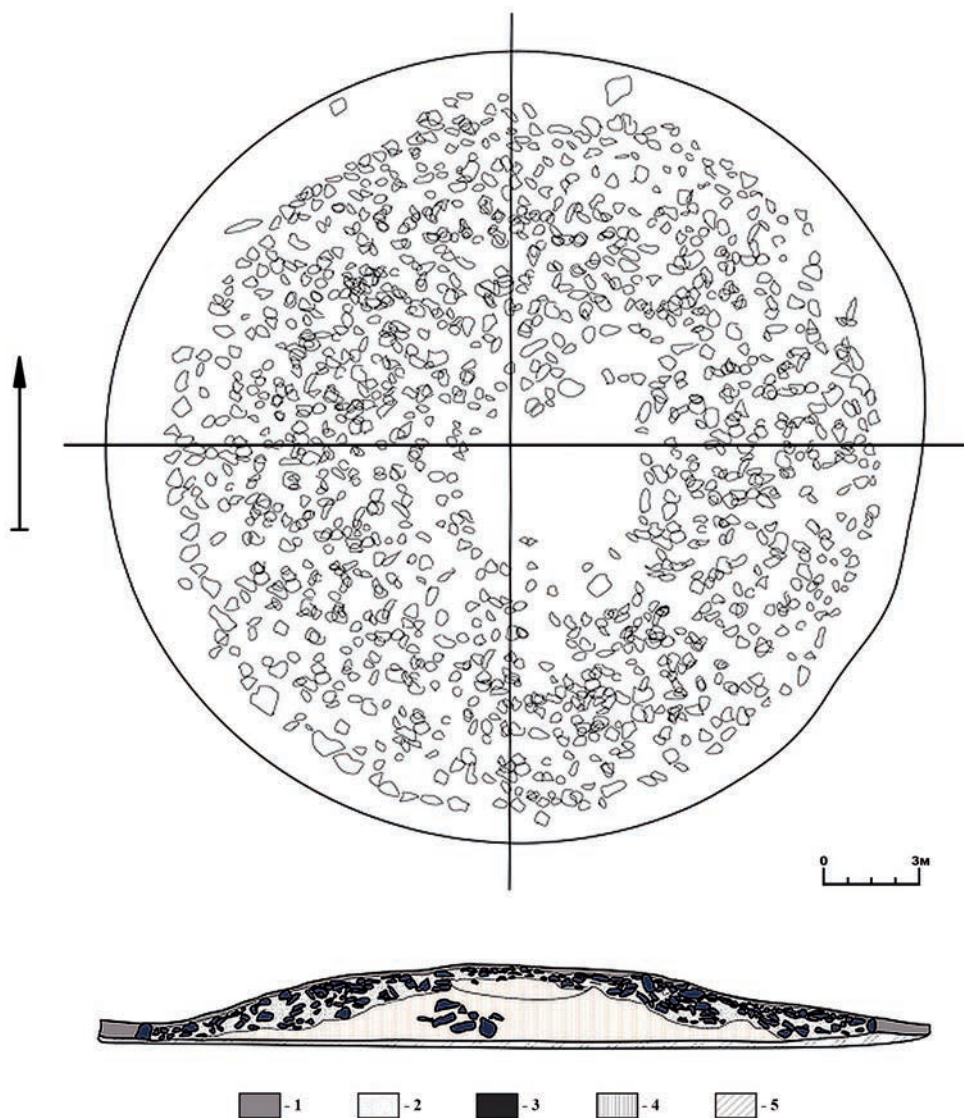

Рис. 4. Курган Узынжал 1. Общий план и стратиграфический профиль: 1 – дёрн; 2 – гумус; 3 – камни; 4 – белёсый суглинок; 5 – материк. Исполнитель: Илья Гусев
4-сур. Ұзынжал 1 обасы. Жалпы жоспары және стратиграфиялық профілі: 1 – шым; 2 – гумус; 3 – тастар; 4 – ақшыл саздақ; 5 – материк. Орындаушы: Илья Гусев

Fig. 4. Uzynzhalsky burial mound. General plan and stratigraphic profile.
1 – turf; 2 – humus; 3 – stones; 4 – light soil loam; 5 – subsoil. Performer: Ilya Gusev

овальной в плане формы размерами 2,4×1,8 м. Могила ориентирована длинной осью по линии северо-запад–юго-восток. Заполнение ямы неоднородное с каменным включением. В ходе вскрытия могильной ямы на глубине 0,75 м обнаружены фрагменты костей человека и животных. Общая глубина могильной ямы составила 1,10 м. Курган безинвентарный (рис. 5).

3.1.2 Исследования на могильнике Ельшибек 1

Два кургана и ограда были исследованы на могильнике Ельшибек 1, включающем погребальные сооружения различного типа. Объекты расположены в 27 км к северо-востоку от мавзолея Агыбай батыра, в 30 км на юго-запад от ж.д. ст. Кийкти.

Курган № 1 имел каменно-земляную насыпь округлой в плане формы диаметром 15 м и высотой 1,2 м (рис. 6). В юго-восточном секторе насыпи кургана зафиксирована выкладка подпрямоугольной формы размерами 2×3 м из плашмя уложенных камней (рис. 7). После снятия бровки в заполнении могильной ямы на глубине 0,15 м (0,55 м от вершины кургана) было обнаружено бронзовое изделие: фигурная пронизь, состоящая из трёх прямоугольных в сечении трубок, отлитых в одной литейной форме. Размеры 1,9×1,9×2,3 см, вес 20 г. Нижняя часть имеет следы производственного брака в виде двух отверстий произвольной формы (рис. 8). Функциональное назначение не вполне ясно. Предположительно, изделие использовалось как распределитель ремня.

Аналогичный артефакт большего размера и веса (80 г), найденный в кургане № 2 мог. Тасмола V вместе с массивным бронзовым колокольчиком, описан М.К. Кадырбаевым и трактуется как элемент конской узда [Кадырбаев 1966: 319, рис. 17].

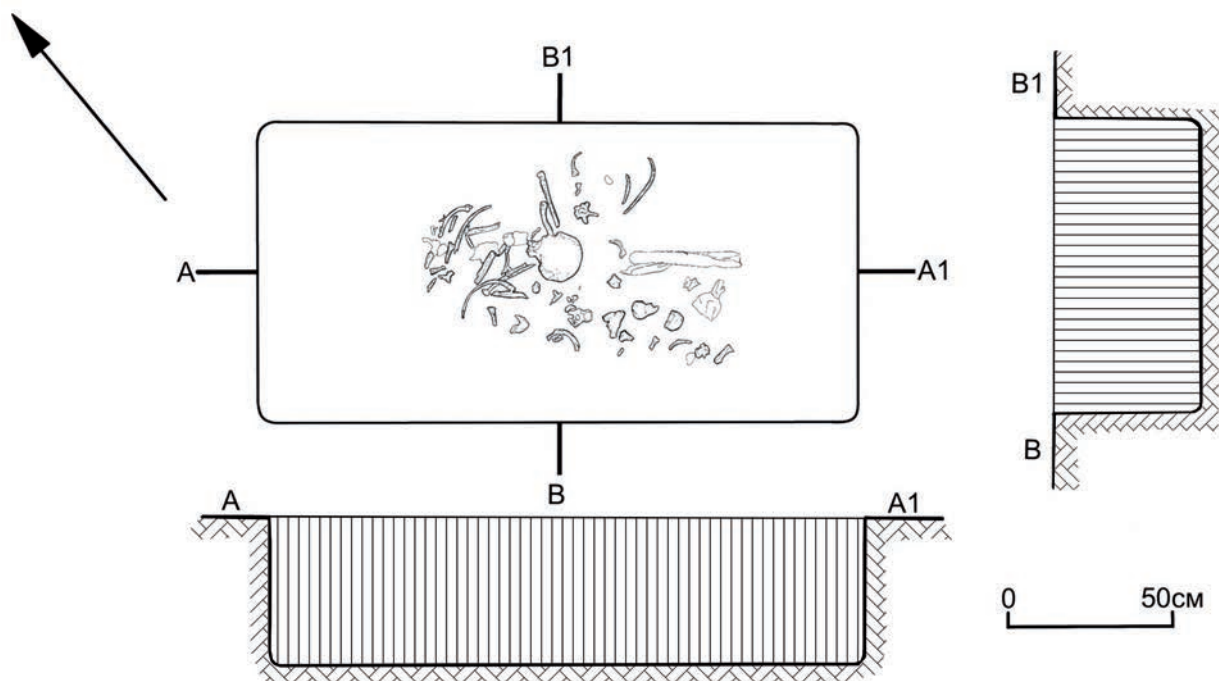

Рис. 5. Курган Узынжал 1. План и разрезы могильной ямы. Исполнитель: Илья Гусев
5-сур. Ұзынжал 1 обасы. Жерлеу шұңқырының жоспары және қимасы. Орындаушы: Илья Гусев
Fig. 5. Uzynzhalsky burial mound. Plan and section of the grave pit. Performer: Ilia Gusev

Рис. 6. Могильник Ельшибек 1.
Вид кургана № 1 после вскрытия
насыпи. Фото: Дәурен Жұсупов

6-сур. Елшібек 1 қорымы.
Үйіндіні алғаннан кейінгі № 1
обаның көрінісі.
Фото: Дәурен Жүсіпов

Fig. 6. Yelshibek 1 burial ground.
View of the kurgan No. 1 after
opening the embankment.
Photo: Dauren Zhusupov

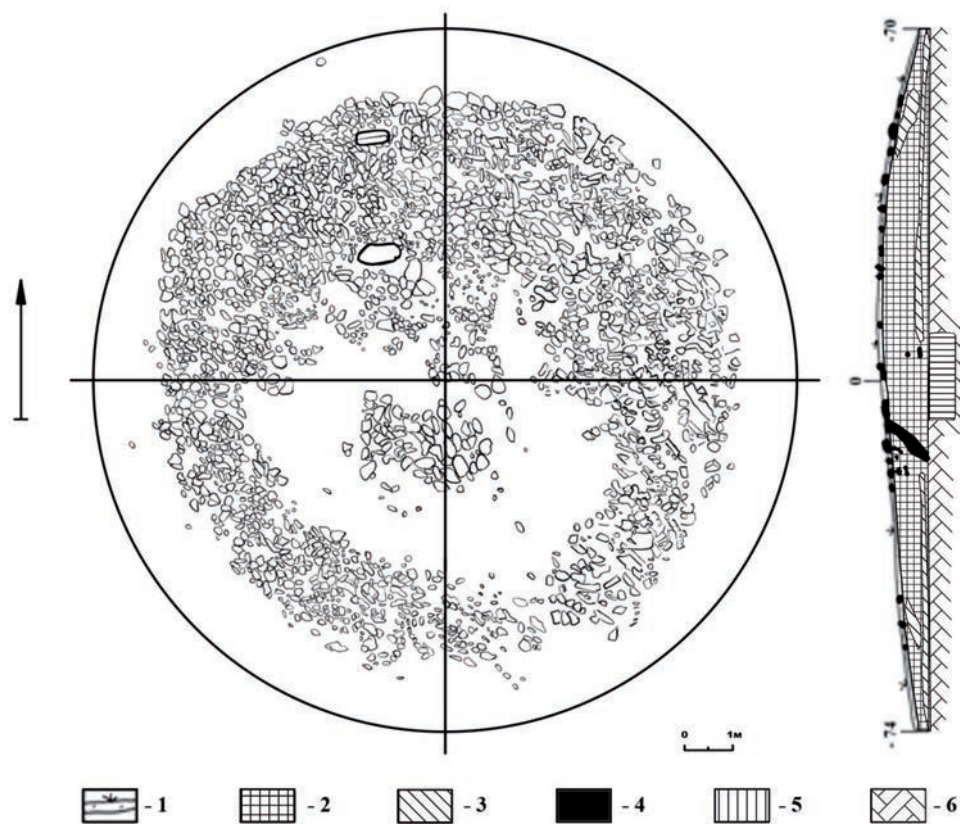

Рис. 7. Могильник Ельшибек 1. Общий план и стратиграфический профиль кургана № 1: 1 – дёрн; 2 – суглинок коричневого цвета; 3 – белёсый суглинок; 4 – камни; 5 – заполнение могильной ямы; 6 – материк.
Исполнитель: Илья Гусев

7-сур. Елшібек 1 қорымы. № 1 обаның жалпы жоспары және стратиграфиялық профілі: 1 – шым; 2 – қоңыр түстегі саздақ; 3 – ақшыл саздақ; 4 – тастар; 5 – жерлеу шұңқырының толтырылымы; 6 – материк.
Орындаушы: Илья Гусев

Fig. 7. Yelshibek 1 burial ground. General plan and stratigraphic profile of the kurgan 1: 1 – turf; 2 – brown soil loam; 3 – light soil loam; 4 – stones; 5 – filling of a grave pit; 6 – subsoil. Performer: Ilia Gusev

Рис. 8. Могильник Ельшибек 1, к. 1. Бронзовое изделие. Фото: Илья Гусев
8-сүр. Елшібек 1 қорымы, 1-оба. Қола бұйым. Фото: Илья Гусев
Fig. 8. Yelshibek 1 burial ground, kurgan No. 11. Bronze item. Photo: Ilia Gusev

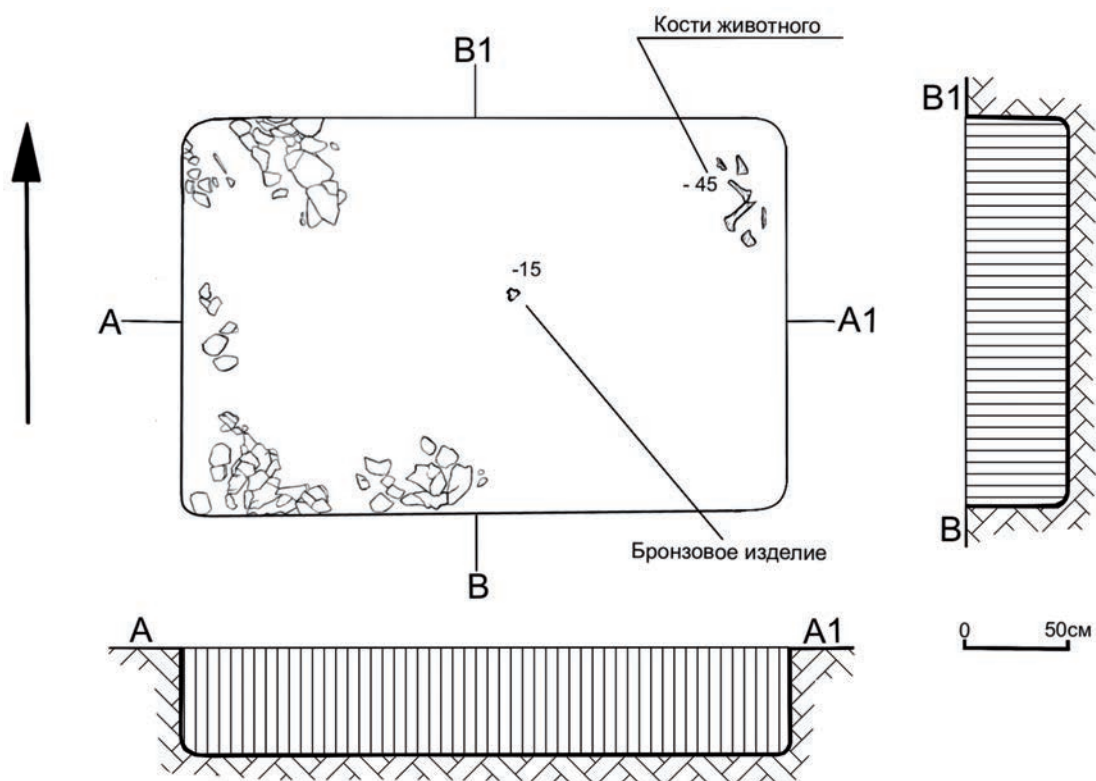

Рис. 9. Могильник Ельшибек 1, к. 1. План и разрезы могильной ямы. Исполнитель: Илья Гусев
9-сүр. Елшібек 1 қорымы, 1-оба. Жерлеу шұңқырының жоспары және қимасы. Орындаушы: Илья Гусев
Fig. 9. Yelshibek 1 burial ground, kurgan No. 11. The plan and section of the burial pit. Performer: Ilia Gusev

Рис. 10. Могильник Ельшибек 1.
Общий вид ограды после
вскрытия насыпи.

Фото: Даурен Жусупов

10-сур. Елшібек 1 қорымы.

Үйіндіні алғаннан кейінгі
қоршаудың жалпы көрінісі.

Фото: Даурен Жүсіпов

Fig. 10. Yelshibek 1 burial ground.
General view of the fence after
opening the embankment.

Photo: Dauren Zhusupov

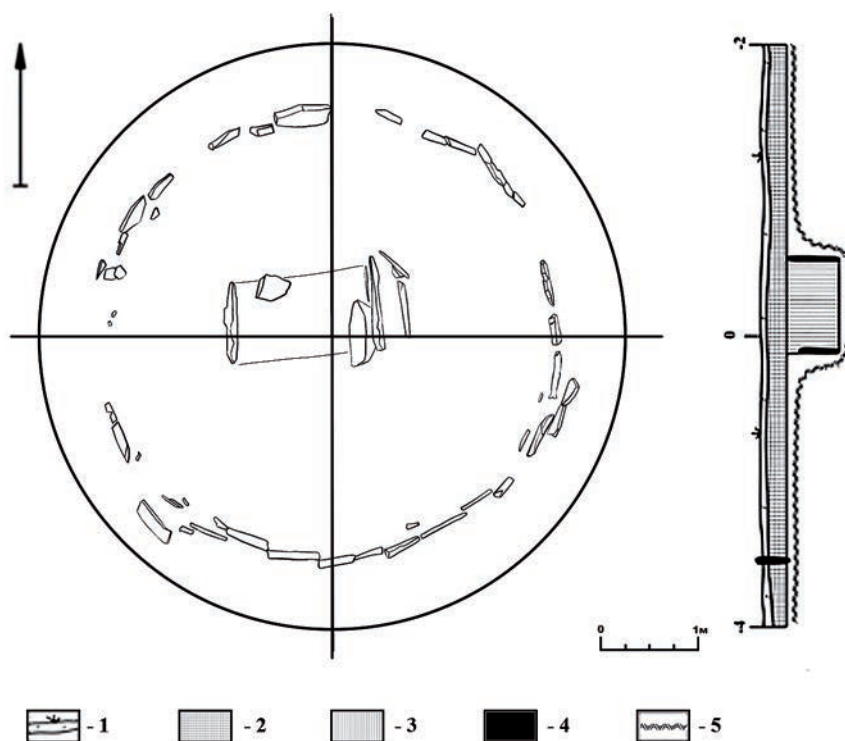

Рис. 11. Могильник Ельшибек 1. План и стратиграфия ограды: 1 – дёрн; 2 – суглинок коричневого цвета;
3 – заполнение могильной ямы; 4 – камни; 5 – материк. Исполнитель: Илья Гусев

11-сур. Елшібек 1 қорымы. Қоршаудың жоспары және стратиграфиясы: 1 – шым; 2 – қоңыр түстегі саздақ;
3 – жерлеу шұңқырының толтырылымы; 4 – тастар; 5 – материк. Орындаушы: Илья Гусев

Fig. 11. Yelshibek 1 burial ground. The plan and stratigraphy of the fence: 1 – turf; 2 – brown soil loam;
3 – filling of a grave pit; 4 – stones; 5 – subsoil. Performer: Ilia Gusev

Могильная яма кургана № 1 имела размеры 1,9×0,6 м и глубину 0,5 м. На дне беспорядочно лежали плохо сохранившиеся кости погребённого (рис. 9). Полное разграбление могильной ямы и отсутствие погребального инвентаря не позволяет достоверно установить его культурную принадлежность. По конструктивным признакам и найденному бронзовому изделию можно предположить, что курган относится к раннему железному веку, являясь составной частью разновременного могильника.

Курган № 2 с каменно-земляной округлой насыпью (диаметр – 8 м, высота – 0,4 м), вероятно, был кенотафом. Могильная яма не обнаружена. Данное погребальное сооружение, возможно, возводилось для культовых действий, связанных с поминанием усопшего вдали от родных мест.

Ограда из вкопанных на ребро плит диаметром 5,5 м исследована с оставлением бровки по линии север–юг (рис. 10). Зафиксирована стратиграфия сооружения: культурный слой внутри ограды состоял из дернового слоя толщиной 0,3 м, спрессованного песка серого цвета, перемешанного с галькой, толщиной до 0,2 м (рис. 11). Исследован каменный ящик размерами 1,5×0,7 м. У внешних стенок ящика найдены камни, служившие подпорками, и две плиты, которыми он, видимо, был перекрыт в древности. В заполнении могильной ямы встречались разрозненные фрагменты керамики, часть найдена на дне – на глубине 0,7 м. Общее количество составляет 60 фрагментов от двух сосудов. Один сосуд – более крупный, баночной формы с резным орнаментом из трёх параллельных линий и насечек по венчику, второй – тонкостенный, горшечной формы с уступчиком, алакульского типа, с орнаментом по венчику и тулову (рис. 12). На дне могилы, неоднократно разграбленной, зафиксированы разрозненные и плохо сохранившиеся кости человека. Других находок не обнаружено (рис. 13). Требуется дальнейшие полевые исследования этого памятника.

Рис. 12. Могильник Ельшибек 1. Фрагменты керамики из ограды. Исполнитель: Илья Гусев
12-сур. Елшібек 1 қорымы. Қоршаудан алынған керамика фрагменттері. Орындаушы: Илья Гусев
Fig. 12. Yelshibek 1 burial ground. Fragments of ceramics from the fence. Performer: Ilia Gusev

3.2 Изучение памятников этнографического времени

3.2.1 Мавзолей Агыбай батыра

В процессе исследования выбранного района проанализирован монументальный комплекс этнографического времени – мавзолей XIX в. В пользу представлений об особой мистической и духовной энергии данной местности могут свидетельствовать захоронения Каратай батыра, Агыбай батыра и его сыновей Аманбая и Аманжолы. По легенде перед смертью Агыбай Акжолтай Конырбайулы (1802–1885) – полководец хана Кенесары – указал на место недалеко от гор Тайаткан и Шунак. Несмотря на то, что его потомки добивались у российских колониальных властей разрешения захоронить его прах близ мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави в Туркестане, он был похоронен именно здесь [Шөженов 2010].

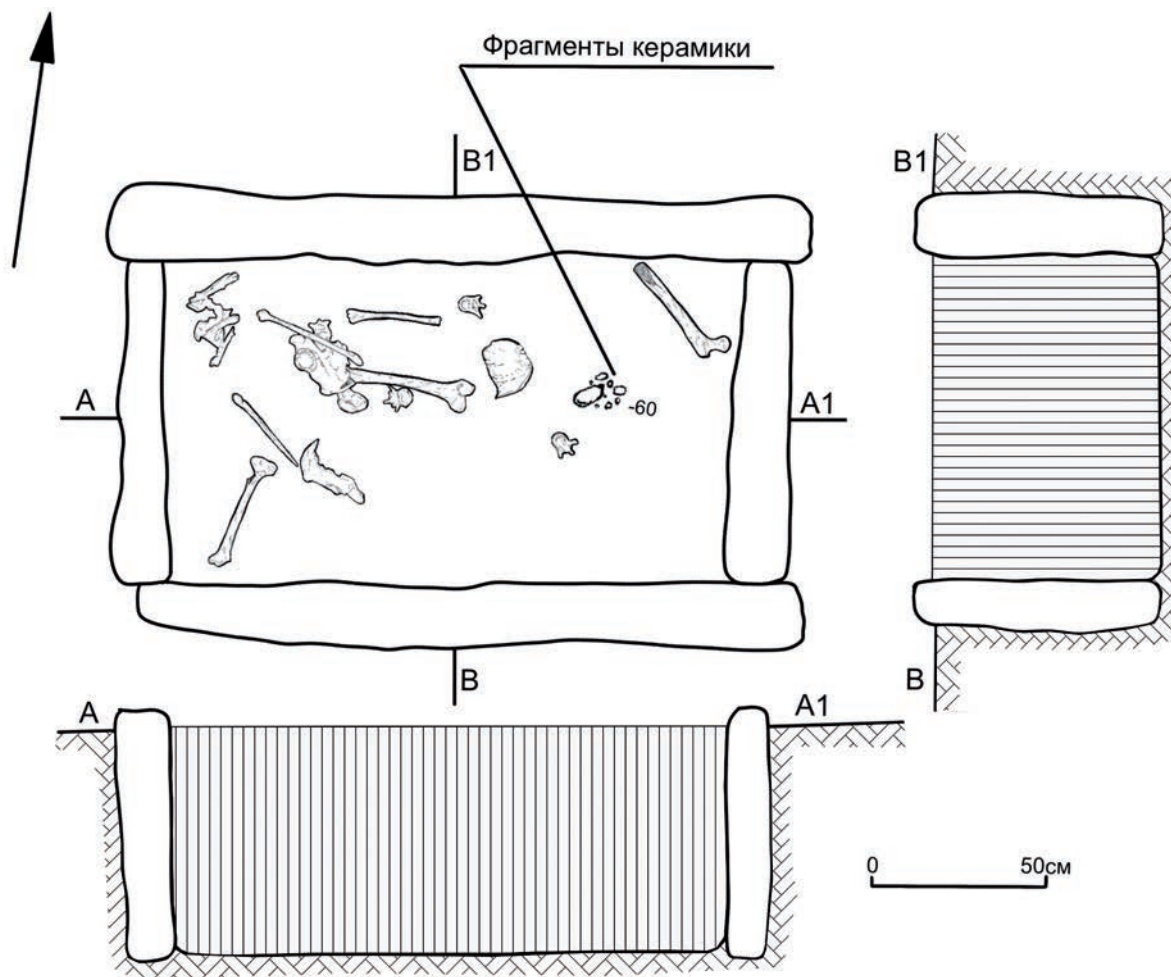

Рис. 13. Могильник Ельшибек 1. План и разрезы могильной ямы ограды. Исполнитель: Илья Гусев
13-сур. Елшібек 1 қорымы. Қоршаудың жерлеу шұңқырының жоспары және қимасы.
Орындаушы: Илья Гусев

Fig. 13. Yelshibek 1 burial ground. The plan and section of the grave pit of the fence. Performer: Ilia Gusev

Мавзолей является одной из крупнейших построек в Бетпакдале, выполнен из сырцового кирпича на глиняном растворе (рис. 14). Сооружение перекрыто куполом и имеет шесть колонн, которые завершаются башнями. Размеры по внешнему периметру составляют $9,80 \times 10,15$ м, высота мавзолея с куполом – более 8 м. В ходе реставрации здания, которое проводилось сотрудниками специализированной проектно-реставрационной фирмы «Кумбезд», в кладках стен на различной высоте были обнаружены 19 кирпичей различной конфигурации с изображениями знаков. По окончании работ данные артефакты были возвращены на свои места. Шыракшы Хамит (смотритель мавзолеев) называет эти надписи «Ағзам» (эпитет бога – «величайший») и утверждает, что никто из людей не сможет их прочесть, поскольку каждый из этих символов несёт в себе смысл целой книги, в совокупности раскрывая сущность всего мироздания. Несколько надписей имеют определённые параллели с арабской графикой – это кирпичи № 1–3, 6, 12, 16–18. Знаки на остальных кирпичах не

Рис. 14. Мавзолей Агыбай батыра. Фото: Марина Бедельбаева
14-сур. Ағыбай батыр кесенесі. Фото: Марина Бедельбаева
Fig. 14. Agybay Batyr Mausoleum. Photo: Marina Bedelbayeva

имеют аналогий в тамгах и не идентифицируются как письменность (рис. 15)* (*Прорисовки взяты из отчёта специализированной проектно-реставрационной фирмы «Кумбез» (СПРФ «Кумбез»), см.: [Проект... 2005]). Возможно, подобные религиозные символы имели целью передачу определённых пожеланий от родственников, строителей или изготовителей сырцового кирпича через святого Всевышнему. Необходимы более предметные исследования специалистов по эпиграфике и филологии.

3.2.2 Мазары жён Агыбай батыра

Согласно собранным сведениям, два мазара, расположенные в непосредственной близости от мавзолея Агыбай батыра, представляют собой родственный некрополь. Эти позднесредневековые погребальные сооружения задокументированы как захоронения жён Агыбай батыра – старшей жены Талшыбык (Талжибек) из рода таракты и младшей Шөкіжан (Шокижан). По сведениям шырақшы Хамита, Талшыбык (Талжибек) категорически отказалась от предложения мужа быть погребённой с ним в одном мавзолее и требовала сооружения собственного мазара, обосновывая это тем, что в своих молитвах люди будут вспоминать только его, если она будет погребена рядом. Приезжая на могилу в её собственный мавзолей, они будут читать молитвы именно ей.

Мавзолей является памятником культовой архитектуры, характерным для конца XIX в. погребальным сооружением, характеризующимся своеобразным архитектурным стилем и пространственным решением. Строительные приёмы архитектора полностью рациональны и отражают значимость памятника. Данный памятник был возведён на площадке невысокого холма, благодаря чему двухярусный силуэт мазара чётко выделяется в равнинной местности. Кроме этого, возвышенное

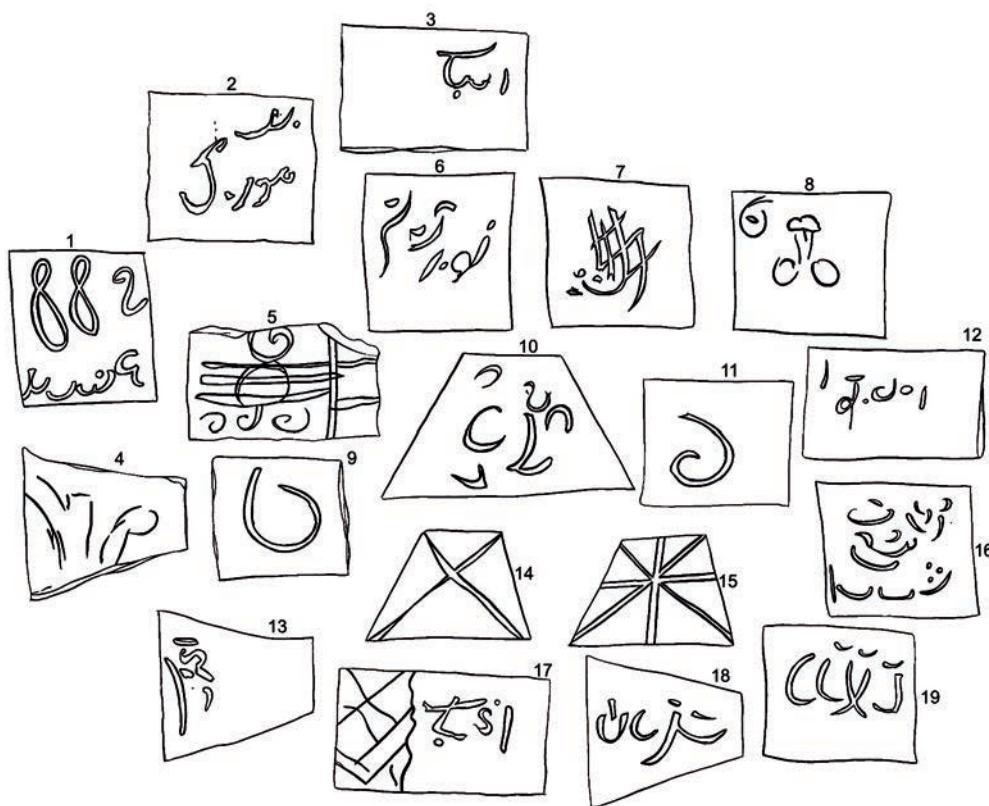

Рис. 15. Кирпичи с изображениями из мавзолея Агыбай батыра. Исполнитель: Илья Гусев
15-сур. Ағыбай батыр кесенесінен алынған суреттері бар кірпіштер. Орындаушы: Илья Гусев
Fig. 15. Bricks with images from the mausoleum of Agybay Batyr. Performer: Ilia Gusev

место способствовало минимальному воздействию талых и грунтовых вод. Контраст сооружения с открытым пространством степи подчёркивается пластикой стен, скупой разработанным фасадом, конфигурацией общего плана. Мазар строился без фундамента. По архитектурно-художественным характеристикам памятник представляет собой сооружение с круглым пространственным решением – по аналогии с юртой (рис. 16).

Диаметр сооружения у основания составляет 8,5 м, высота – более 3 м. Мавзолей выложен из кирпича-сырца с сочетанием ложковой и тычковой кладки. Это двухъярусное сооружение, в верхней части которого расположено световое окно диаметром более 1,5 м. Сквозной проём (вход-выход) в восточной стене с внешней стороны оформлен как прямоугольный (высота – 1,1 м, ширина – 0,8 м), с внутренней выполнен в виде узкой удлинённой арки, верхняя часть которой выложена вертикальной кладкой кирпича. Толщина стен варьирует от 0,7 м до 1,5 м. Около 40 рядов сырцового прямоугольного кирпича длиной от 0,2 м у основания и стен до 0,35 м на сфероконическом своде мавзолея завершаются кладкой одного ряда дикого камня – плитняка разной размерности, которые венчают сооружение.

Внутренняя среда мавзолея полностью изолирована от внешней, что усиливается ложными окнами. Эти треугольные ниши по внутреннему периметру стен расположены в два яруса в шах-

Рис. 16. Мавзолей Талшыбык (Талжибек). Фото: Марина Бедельбаева
16-сур. Талшыбық (Талжибек) кесенесі. Фото: Марина Бедельбаева
Fig. 16. Talshybyk (Talzhibek) Mausoleum. Photo: Marina Bedelbayeva

матном порядке: первый ярус на высоте 0,7 м от основания сооружения, второй – 2 м. Ниши представляют собой равнобедренные треугольники с размером основания от 0,4 до 0,53 м и высотой от 0,8 до 1,1 м. Отсутствие декора усиливает строгость архитектурного стиля.

Несмотря на простые способы строительства и материал, памятник выдержал испытание временем, простояв более сотни лет. Довольно высокая прочность кирпича объясняется органическими добавками, которые включались в его состав: это могло быть козье или кобылье молоко, бараний жир, конский волос, рубленая солома или трава.

К настоящему времени памятник частично утратил первоначальный вид и выразительные архитектурные формы. Состояние мавзолея с учётом всех изменений, происходящих с ним в результате природных и антропогенных факторов воздействия, свидетельствует о сохранении его исторической подлинности, целостности конструкций и элементов, а также взаимосвязи с окружающей исторической и ландшафтной средой.

Мавзолей Талшыбык (Талжибек), как и погребение Агыбай батыра, почитается в настоящее время как культовое место и имеет большую популярность. Местное население и туристы посещают мазары, связывая с ними ряд религиозных представлений, что подтверждает их историческую и мемориальную ценность. Современные паломники выполняют обряды, которые включают в себя

поклонение усопшим, молитву рядом с мазарами, принесение жертвы (животное, платок или кусок ткани с завязанными в узелок деньгами и т. д.), предпочитая переночевать рядом с мавзолеем, чтобы получить от аруахов благословение.

Мавзолей Талшыбык (Талжибек) посещают для того, чтобы попросить у высших сил излечения от болезней или продолжения рода. Шыракшы Хамит утверждает, что пыльца растения *Rosa Hulthemia*¹ (рис. 17), произрастающего вокруг этого мавзолея, собранная в определённый период цветения (конец апреля – май), имеет свойства современной виагры. По наблюдениям местных козеводов, репродуктивная производительность жеребцов значительно вырастает, когда они пасутся в местах произрастания этого растения, употребляя его в качестве корма.

На наш взгляд, использование гультемии и вера в её целебные свойства – это яркий пример природной составляющей сакрального ландшафта регионального комплекса «человек–природа–общество», восходящей, как можно предполагать, к традиционным знаниям местных древних целителей.

Рис. 17. Кустарник гультемия барбарисолистная (*Rosa Hulthemia*).

Фото: Марина Бедельбаева

17-сур. Бөріқарақат гүлшоғыры (*Rosa Hulthemia*).

Фото: Марина Бедельбаева

Fig. 17. Shrub *hulthemia berberifolia* (*Rosa Hulthemia*).

Photo: Marina Bedelbayeva

¹ Согласно экспертному заключению д.б.н. М.Ю. Ишмуратовой (НАО «Карагандинский университет им. Е.А. Букетова»), гультемия барбарисолистная (синоним: гультемия персидская, персидская роза) – низкий, ползучий, раскидисто-ветвистый кустарник высотой 15–50 см. Молодые веточки в нижней части имеют шипы, листья с обеих сторон или снизу слегка бархатистые от густо одевающих их коротких волосков. Листья простые, узкоэллиптические, узко-обратно-яйцевидные или клиновидные, на коротком черешке, при основании суженные или закруглённые. Зубцы обычно короткие, кверху направленные, прилистников нет. Цветки одиночные, верхушечные, 2,5–3,5 см в диаметре, без аромата. Лепестки растопыренные, золотисто-жёлтые, с тёмно-пурпуровым пятном при основании, слегка выемчатые на верхушке. Тычинки чёрно-фиолетовые. Гипантии шаровидные, с перетяжкой на верхушке, щетинистые. Плоды около 10 мм длиной, густо усаженные прямыми игольчатыми шипиками, в зрелом состоянии суховатые, фиолетово окрашенные, по высыхании коричневые. Семена продолговатые, около 5 мм длиной, тёмно-коричневые, блестящие. Цветёт в апреле, начале мая, плодоносит в июне. Растёт на пустынных глинистых и солонцеватых местах, реже на каменистых и глинистых склонах. Даёт много корневой поросли. Гультемия распространена в Казахстане, в странах Центральной Азии, на западе Китая, в России на юге Западной Сибири. Произрастая совместно, виды гультемии часто образуют гибриды, имеющие промежуточные признаки. Плоды используют в качестве лекарственных растений для лечения авитаминоза, как антимикробное и противовоспалительное средство.

4 Дискуссия (Бедельбаева М.В., Новоженев В.А., Жусупов Д.С.)

Констатируя многообразие изобразительных, археологических, культовых, природных объектов, сконцентрированных в местности Тайаткан–Шунак, следует соотнести местные духовные практики с характерными для различных регионов Казахстана традициями, связанными с поклонением пещерам и иным природным объектам, то есть памятниками нерелигиозного, культового характера. Паломники, верующие мусульмане в таких местах обращаются к Аллаху – считается, что они будут услышаны, потому что место выступает надежным проводником к Богу. Примером такого сакрального места, например, выступает святилище Теректы Аулие [Бедельбаева 2011: 83–88]. Очевидно, что в своей совокупности такие представления являются реликтами миропонимания, возникшего до появления ислама, и мистических представлений об особой энергетике таких объектов.

Полагаем, что и в древности могли существовать поверья об особой энергетике местности Тайаткан–Шунак. Косвенным подтверждением этого является убежденность сторонников современных эзотерических учений о парапсихологической энергетической функции этого места, основанная на факте геологического исследования существующего здесь древнего метеоритного кратера глубиной 400 м и диаметром 3,1 км, что в два раза больше и глубже аналогичного кратера в Аризоне (США), широко известного во всем мире и также почитаемого местным населением. Возраст оценивается в 45 ± 10 млн лет (эоцен). Дорога к кратеру Шунак включает посещение целебного источника, а также цикл физических и эмоциональных действий (подъем на высоту, связанный с преодолением сложностей и тягот; омовение в нишах-бассейнах, наполненных чудодейственной водой; прикосновение к стенам кратера, как способ приобщения к сверхъестественной силе и энергии космоса, которые, как полагают, усиливают иммунитет человека и др.), воспринимаемых как непременная часть паломнического посещения этого сакрального места.

Вероятно, объективному пониманию всего культурно-исторического и природного ландшафта Бетпакдалы в местности Тайаткан–Шунак как единого эволюционирующего с древности сакрального пространства соответствует изначальный иррациональный мистический смысл, заложенный в местных наскальных изображениях и репродуцируемый в последующие исторические периоды в модернизированном восприятии новым социумом.

В трудах А.Х. Маргулана разработан методологический подход к дешифровке местных петроглифов эпохи бронзы и ранних кочевников как отражения мифологического восприятия окружающего мира: «Творения древних художников сравнимы с поэтическими мифами и являются своеобразным проявлением мироощущения, мировосприятия древнего человека, населявшего территорию Казахстана» [Маргулан 1997: 5]. Исходя из данного подхода, он интерпретировал ряд изображений Шунака как мифологические сюжеты, увидев в них сцены жертвоприношения и поклонения небесным светилам, и даже дал изображениям соответствующие названия – «Небесные светила», «Символ единения», «Поклонение солнцу», «Баксы, обряд жертвоприношения небесным светилам», «Радость бытия» и др.

Он обратил внимание на особенности мифологического мышления в период создания основного массива петроглифов Казахстана (бронзовый век и эпоха ранних кочевников). Воспринимая многие изображения как следствие широкого распространения тотемизма, учёный, с одной стороны, относил тотемические представления к наиболее архаичным, фундаментальным мифам, с другой стороны, характеризовал тотемный стиль мышления как первоначальный, «предпосылочный» по отношению к развитому мифологическому мышлению, обращённому к исторической ретроспективе [Маргулан 2003: 14].

В ходе исследования был сделан вывод о том, что большая часть петроглифов данной местности создана в эпоху бронзы, о чём свидетельствует традиционный для этого периода сюжетный ряд – адоранты, солярные знаки, быки, повозки, лошади с чёлками, лунки, символизирующие «звёздное небо» и др. В сочетании с примитивными астрономическими знаниями они являли собой в древности «культово-информационный комплекс» и семантически могут быть разделены на такие группы, как изображения тотемов; сцен из жизни (включая ритуальные практики); изображения, отражающие солярные и астральные культы. Анализ репертуара петроглифов и научная интерпретация позволила провести аналогии с наскальными изображениями в урочище Тамгалы, расположенном южнее, отмечая сходство с тамгалинским стилем в изображении антропоморфных существ [Марьяшев, Гумирова 2016: 186].

Достаточно распространённым в архаических обществах являлось представление о трёх составляющих мироздания: Верхнем мире (небе), Среднем мире (земле) и Нижнем мире (подземном). В упрощённой биполярной картине были представлены два центра – земной Нижний мир и небесный Верхний мир. Мифологическое мышление, воспринимая окружающее жизненное пространство как Средний мир, выявляло его неразрывную связь с иными мирами и наполняло их объектами и субъектами, проецируя их из Среднего мира при помощи метаморфоз, аллегорий, аналогий. При этом посредством мифологического мышления обязательно осуществлялась и обратная проекция – проникновение и присутствие в Среднем мире сущностей и образов из иных миров, прежде всего, из Верхнего мира. Так, жизненное пространство Среднего мира получало сакральное содержание, конструировалось как единое жизненное пространство профанного и сакрального. В таком пространстве любая повседневная деятельность (обустройство жилища, охота, скотоводство и др.) включала в себя элементы духовных практик, имеющих сакральное содержание, и позитивный результат деятельности рассматривался как благо, добытое, благодаря правильному (должному) взаимодействию с Верхним миром и его проекциями в Среднем мире.

Процесс сакрализации жизненного пространства проявлялся в том, что в границах занятой социумом территории, постулируемой как Средний мир, мифологическим сознанием определялись различные географические объекты, представители растительного и животного мира, наделяемые особыми духовными свойствами и функциями. Получившие особое духовное, иррациональное содержание, объекты и субъекты соединялись в единое целое с Верхним миром не только в сознании, но и в повседневной бытийности ритуалов. Так, в процессе сакрализации создавалась своеобразная система духовных координат («скреп идентичности»), которая позволяла обеспечить базовые потребности в самоидентификации (маркер «свой/чужой»), безопасности, обеспечении ресурсами и воспроизводстве социума. Элементы данной системы связывались воедино различными духовными практиками, к числу которых можно отнести не только ритуалы, моделирующие основные жизненные процессы, но и самую предметно-практическую преобразующую деятельность человека, в том числе наскальное искусство.

Изображение, рисунок – это язык образов, знаков и символов, которые в совокупности передают определённую информацию. Если эта информация имеет сущностное значение, важное для обеспечения идентичности и жизнедеятельности социума, то её локализация и трансляция должны соответствовать двум критериям – быть заметными и быть не подвластными времени. Горы, скальные выходы в степи, возвышенности – это уже само по себе заметное место, а камень – прочный и «вечный» материал для фиксации любой информации, а тем более информации, связанной с культом, ритуалами и верованиями. Известно, что и сами камни являются объектами поклонения у многих народов, в том числе у тюрков [Novozhenov 2020: 50–51].

Наряду с этими вполне рациональными критериями выбора скальных выходов как места для размещения изображения, полагаем вполне вероятным и присутствие иррационального, мистического критерия – место должно быть способным обеспечить максимально прочный контакт Верхнего и Среднего мира. Иными словами, это такое место, где эти миры с точки зрения мифологического сознания и мистических знаний могут быть максимально близки. По этой причине информация может быстро передаваться между этими мифологическими мирами. Размещение изображений в таком месте, на наш взгляд, следует интерпретировать как акт взаимодействия Среднего и Верхнего миров, обеспечения встречных проекций, взаимопроникновения, обмена информацией между мифологическими мирами.

5 Выводы (Бедельбаева М.В., Новоженев В.А., Жусупов Д.С.)

В результате исследования археологических памятников и историко-культурных объектов района гор Тайткан–Шунак выявлены новые научные данные, анализ и интерпретация которых позволяют сделать следующие выводы. В рамках идущей с древности сакрализации местности Тайаткан–Шунак как части Бетпакдалы на протяжении длительного исторического периода сформировался и эволюционировал ландшафт как многокомпонентный комплекс сакральных объектов системы «человек–природа–общество» (симбиоз природной среды с историко-культурным наследием). Данные объекты, в зависимости от времени их создания, отражали совокупность мировоззренческих, философских, эстетических, астрономических знаний социума и имели различное сакральное наполнение и функциональное назначение.

Сакральный ландшафт Бетпакдалы в местности Тайаткан–Шунак – это не только видимые, открытые для созерцания овеществлённые природные и рукотворные памятники прошлого (кратер метеорита, местонахождение петроглифов, археологические объекты, мавзолей, флора и фауна). В настоящий момент он представляет собой сложный социально-религиозный институт, познаваемый акторами через различные духовные практики: ритуал коллективного паломничества, имеющий целью благодарение, прошение, покаяние и дарующий долголетие, исполнение желаний; мистические переживания; духовное очищение; жертвоприношение; молитвы; общая трапеза; общение с шырақшы – хранителем; использование целебных свойств местных растений для продолжения рода.

Беседы с паломниками показали, что посещение этого сакрального пространства интерпретируется многими как своеобразная демонстрация национальной идентичности и проявление патриотизма. Они не оценивают и не ранжируют сакральные объекты, больше акцентируя внимание на ощущениях, эмоциях, удивлении, познании нового.

Выбор места размещения петроглифов древними насельниками степи в этом ландшафте связан с представлениями о сакральном характере местности, а их создание явилось процессом визуализации обмена информацией между разными мифологическими мирами, что наглядно проявилось в содержании рисунков.

Петроглифы и особенно изображения колесниц и повозок, свидетельствуют также о существовании традиционного канала коммуникации – транспортного коридора, связывавшего Сарыарку и Бетпакдалу с южными плодородными долинами Жетысу, Зерафшана, Сырдарьи и Амударьи.

Таким образом, памятники наскального искусства Бетпакдалы в настоящее время представляют собой реликтовые культурные (археологические) ландшафты, объединяющие как изобразительные, так и другие виды археологических памятников. Многие памятники или их отдельные участки с наскальными изображениями, возникшие в древности в процессе сакрализации местно-

сти, входят сегодня как значимые компоненты в состав сакральных ландшафтов («святых мест») и интегрированы в практику их культового почитания местным населением. Современный научный подход изучения таких сакральных ландшафтов основан на детальной реконструкции и осмыслении сопряжённого с ними палеокультурного (реликтового) ландшафта в динамике его изменений во времени.

Петроглифы, созданные древними насельниками степи, являются воплощением базовых архетипов – коллективных подсознательных мифоподобных символов, выражающих основы потребностей и жизненных циклов социума. Архетипы отражаются в виде конкретных образов, приближённых по стилистике и технике изображения к реальным объектам, что, на наш взгляд, не отменяет их символизм [Бедельбаева 2019: 633–634].

По сути изображения несут в себе соединение пространственного и временного континуумов, преодоление «прерывистости», «конечности», «изменчивости» происходящего в социуме и постулирование «вечного жизненного цикла» в единстве Среднего мира (профанного, мира людей) и Верхнего мира (сакрального, мира мистических сущностей и предков) посредством их взаимопроникновения и встречных проекций в ходе духовных (ритуальных) практик. Это передача информации (послание) не только соплеменникам и иноплеменникам, но и Верхнему миру, обеспечение тем самым освещения желаемого порядка вещей и его вечной репродукции.

В контексте данного дискурса сам процесс создания изображений становится ритуалом и одной из важных духовных практик, обеспечивающих идентичность социума. Это не только художественное творчество и не единовременное создание завершённой совокупности образов, подчинённой единому сюжету и внутренней логике. Это действие по сакрализации пространства. Действо протяжённое во времени, возможно, циклическое, допускающее появление с определённой периодичностью новых фигур и сюжетов, восходящих к неким основным архетипам. Именно в этих архетипах («символах символов») и заключается интегрирующее все изображения единство.

Единожды сформированное сакральное пространство проживает жизнь вместе с создавшим его социумом и не исчезает полностью с изменением идеологем, определяющих его развитие, оставляя как материальные, так и духовные следы в форме актуализированных представлений о сакральном ландшафте и его использовании в новых условиях. В наше время мы наблюдаем возрождающийся интерес народа Казахстана к историческому прошлому, в ходе которого происходит переосмысление роли и значения таких сакральных объектов, дальнейшее изучение которых представляется актуальной задачей исследований.

Благодарности. Авторы благодарят Г.Т. Едгину, филолога-арабиста, преподавателя исторического факультета НАО «Карагандинский университет им. Е.А. Букетова» и А.Е. Рогожинского, ведущего научного сотрудника Института археологии имени А.Х. Маргулана, за консультацию о значении символов, нанесённых на поверхность сырцовых кирпичей мавзолея Агыбай батыра.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 АКК – Археологическая карта Казахстана / Сост. Е.И. Агеева, К.А. Акишев, Г.А. Кушаев, А.Г. Максимова, Т.Н. Сенигова. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. 449 с.
- 2 Бедельбаева М.В. Святилище Теректы Аулие как объект неоязыческого культа // Религия в истории народов России и Центральной Азии: м-лы Всерос. конф. с междунар. участием, посвящ. 10-летию кафедры религиоведения и теологии АлтГУ / Отв. ред. П.К. Дашковский. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2011. С. 83-88.
- 3 Бедельбаева М.В. Образы сакрального пространства: изучение, историческая реальность, современная мифологизация (на примере памятников местности Тайаткан-Шунак) // Маргулановские чтения – 2019:

- м-лы междунар. археол. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рожд. выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева (г. Нур-Султан, 19–20 апреля 2019 г.) / Отв. ред. М.К. Хабдулина. Нур-Султан: НИИ археологии им. К.А. Акишева при ЕНУ им. Л.Н. Гумилёва, 2019. С. 624–635.
- 4 Бедельбаева М.В., Новоженев В.А., Новоженева Н.В. Изобразительные памятники Казахского мелкосопочника. Караганда: САИ, 2015. 252 с.
 - 5 Государственный список памятников истории и культуры местного значения Карагандинской области. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V20K0006094> (дата обращения: 18.07.2023)
 - 6 Жапсымбетова Г. Археографическая экспедиция по изучению петроглифов в Шетском районе Карагандинской области // Музеи Казахстана. 2013. № 4 (28). С. 155–160.
 - 7 Кадырбаев М.К. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. 1959. Т. 7. С. 162–203.
 - 8 Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. С. 303–433.
 - 9 Максимова А.Г., Ермолаева А.С., Марьяшев А.Н. Наскальные изображения урочища Тамгалы. Алма-Ата: Онер, 1985. 143 с.
 - 10 Маргулан А.Х. Петроглифы с тотемом волка. Тотем племени шапырашты // Мир казаха. Алматы: Институт развития Казахстана, 1997. С. 5–14.
 - 11 Маргулан А.Х. Петроглифы Сарыарки. Гравюры с изображением волчьего тотема. Каменные изваяния Улытау. Алматы: Дайк-Пресс, 2003. Т. 3–4. 246 с.
 - 12 Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана // Алма-Ата: Наука. 1966. 436 с.
 - 13 Марьяшев А.Н., Гумирова О.Н. Новые петроглифы в горах Шунак // Актуальные проблемы археологии Евразии: сб. м-лов междунар. науч. конф., посвящ. 25-летию независимости РК и 25-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, 18–19 октября 2016 г.) / Отв. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: ИА КН МОН РК, 2016. С. 183–191.
 - 14 Медоев А.Г. Гравюры на скалах. Сары-Арка, Мангышлак. Ч. 1. Алма-Ата: Жалын, 1979. 174 с.
 - 15 Новоженев В.А. Великая степь: человек в системе древних коммуникаций // Тайнство этнической истории древнейших nomadov степной Евразии. Коллективная монография памяти Е.Е. Кузьминой / Гл. ред. А.В. Епимахов. Алматы: Остров Крым, 2014. С. 18–267.
 - 16 Проект реставрации мавзолея Ағыбай батыра в Карагандинской области. 2005 г. Исполнитель: ТОО Специализированная проектно-реставрационная фирма "Кумбез". Рук. – Т. Турекулов, гл. архит. – Н. Турекулова // Архив ТОО СПРФ "Кумбез".
 - 17 Рогожинский А.Е., Новоженев В.А. Культурные ландшафты с петроглифами Центральной Азии: вопросы и ответы. Самарканд: МИЦАИ, 2018. 252 с.
 - 18 Шөженов Ж.Н. Ақжолтай Ағыбай батырдың биліктері. Қарағанды: Қарағанды экономикалық университеті, 2010. 383 б.
 - 19 Novozhenov V.A. Rock Art Chronicles of Golden Steppe: model of communication in antiquity and Early Middle Ages). Vol. 1. Almaty: UNESCO Center for the Rapprochement of Cultures, 2020. 780 p.
 - 20 Shvets I. Studien zur Felsbildkunst Kasachstans. Materialien zur Archaeologie Kasachstans. Bd. 1. Darmstadt / Mainz: Philipp von Zabern, 2012. 267 s., 151 tafel.

REFERENCES

- 1 Ageyeva, Ye. I., Akishev, K. A., Kushayev, G. A., Maksimova, A. G., Senigova, T. N. (compl.). 1960. *Arkheologicheskaya karta Kazakhstana (Archaeological map of Kazakhstan)*. Alma-Ata: Academy of Sciences of the KazSSR (in Russian).
- 2 Bedelbayeva, M. V. 2011. In: Dashkovskiy, P. K. (ed.). *Religiya v istorii narodov Rossii i Tsentralnoy Azii (Religion in the history of the peoples of Russia and Central Asia)*. Barnaul: Altay State University, 83–88 (in Russian).
- 3 Bedelbayeva, M. V. 2019. In: Khabdulina, M. K. (ed.). *Margulanovskiy chteniya–2019 (Margulan readings–2019)*. Nur-Sultan: K.A. Akishev Research Institute of Archaeology at L.N. Gumilyov Eurasian National University, 624–635 (in Russian).

- 4 Bedelbaeva, M. V., Novozhenov, V. A., Novozhenova, N. V. 2015 *Izobrazitelnyye pamyatniki Kazakhskogo melkosopochnika (Fine monuments of the Kazakh upland)*. Karaganda: Saryarka archaeology institute (in Russian).
- 5 Gosudarstvennyy spisok pamyatnikov istorii i kultury mestnogo znacheniya Karagandinskoy oblasti (State list of historical and cultural monuments of local importance of the Karaganda region). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V20K0006094> (accessed: 18.07.2023) (in Russian).
- 6 Zhapsymbetova, G. 2013. In: *Muzei Kazakhstana (Museums of Kazakhstan)*, 4 (28), 155-160 (in Russian).
- 7 Kadyrbayev, M. K. 1959. In: *Trudy Instituta istorii, arkhologii i etnografii AN KazSSR (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR)*, 7, 162-203 (in Russian).
- 8 Kadyrbayev, M. K. 1966. In: Margulan, A. Kh., Akishev, K. A., Kadyrbayev, M. K., Orazbayev, A. M. *Drevnyaya kultura Tsentralnogo Kazakhstana (Ancient culture of Central Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 303-433. (in Russian).
- 9 Maksimova, A. G., Ermolaeva, A. S., Maryashev, A. N. 1985. *Naskalnyye izobrazheniya urochishcha Tamgaly (Rock carvings of the Tamgaly tract)*. Alma-Ata: "Oner" Publ. (in Russian).
- 10 Margulan, A. Kh. 1997. In: *Mir kazaha (World of the Kazakh)*. Almaty: Institute of Development of Kazakhstan, 5-14 (in Russian).
- 11 Margulan, A. Kh. 2003. *Petroglify Saryarki. Gravyury s izobrazheniem volchiego totema. Kamennye izvayaniya Ulytau (Petroglyphs of Saryarka. Engravings depicting a wolf totem. Stone statues of Ulytau)*. Almaty: "Daik-Press" Publ. (in Russian).
- 12 Margulan, A. Kh., Akishev, K. A., Kadyrbayev, M. K., Orazbayev, A. M. 1966. *Drevnyaya kultura Tsentralnogo Kazakhstana (Ancient culture of Central Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 13 Maryashev, A. N., Gumirova, O. N. 2016. In: Baitanayev, B. A. (ed.). *Aktualnyye problemy arkhologii Yevrazii (Actual problems of archaeology of Eurasia)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 183-191 (in Russian).
- 14 Medoev, A. G. 1979. *Gravyury na skalakh. Sary-Arka, Mangyshlak (Rock engravings. Sary-Arka, Mangyshlak)*. Part 1. Alma-Ata: "Zhalyn" Publ. (in Russian).
- 15 Novozhenov, V. A. 2014. In: Epimakhov, A. V. (ed.). *Tainstvo etnicheskoy istorii drevneyshikh nomadov stepnoy Yevrazii (The Sacrament of the Ethnic History of the Ancient Nomads of the Steppe Eurasia)*. Almaty: "Ostrov Krym" Publ., 18-267 (in Russian).
- 16 The restoration project of the mausoleum of Agybay Batyr in the Karaganda region. 2005. Performerr: LLP Specialized design and restoration firm "Kumbez". The head – T. Turekulov, chief architect – N. Turekulova. In: Archive of LLP Specialized design and restoration firm "Kumbez".
- 17 Rogozhinskiy, A. E., Novozhenov, V. A. 2018. *Kulturnyye landshafty s petroglifami Tsentralnoy Azii: voprosy i otvety (Cultural landscapes with petroglyphs of Central Asia: questions and answers)*. Samarkand: IICAS (in Russian).
- 18 Shozhenov, J. N. 2010. *Aqjoltay Agıbay batırdın bııkeri (The reigns of Akzholtai Agybai batyr)*. Karagandy: Karaganda Economic University (in Kazakh).
- 19 Novozhenov, V. A. 2020. *Rock Art Chronicles of Golden Steppe: model of communication in antiquity and Early Middle Ages*. Vol. 1. Almaty: UNESCO Center for the Rapprochement of Cultures (in English).
- 20 Shvets, I. 2012. *Studien zur Felsbildkunst Kasachstans. Materialien zur Archaeologie Kasachstans*. Bd.1. Darmstadt/Mainz: Philipp von Zabern (in German).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 02.09.2023.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 14.09.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 14.09.2023.

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.34.65>

Река как особый топос в био- и социокультурной жизни древних народов

(по материалам комплекса с изваянием у с. Беткудук, Восточный Казахстан)

© 2023 г. Петенева Г.Г.

Ключевые слова: археология, Верхнее Прииртышье, Беткудук, ранний железный век, кинжал, нож, псалий, оселок, изваяние

Түйін сөздер: археология, Жоғарғы Ертіс өңірі, Бетқұдық, ерте темір ғасыры, қанжар, пышақ, ауыздық, қайрақ, мүсін

Keywords: archaeology, Upper Irtysh river region, Betkuduk, early Iron Age, dagger, knife, cheek-piece, whetstone, statue

Galina Peteneva¹

¹Head of the Akbaur Archaeology Research Department, East Kazakhstan Regional Architectural, Ethnographic and Natural Landscape Museum-Reserve, Oskemen, Kazakhstan. E-mail: peteneva63@mail.ru

The river as a special topos in the bio- and sociocultural life of ancient peoples

(based on the materials of the complex with a statue near the village of Betkuduk, East Kazakhstan)

Humanity in ancient times did not particularly have complete freedom of movement. Natural barriers limited the territory of human habitation. Rivers became the first and universal roads. Their course largely determined the direction of human migration flows and cross-cultural contacts. The river is never peripheral, it is always in the center, and the demarcation line of its space is the shore. The purpose of this article is to reveal the significance and role of archaeological monuments of the coastal zone of the Irtysh River in the formation and development of cultural centers in the Bronze Age and in the Early Iron Age and their further influence on the cultures of adjacent territories. The publication examines the complex of finds of the 8th–7th centuries BC. In the cultural and chronological context, the characteristics of the obtained material, including the stone sculpture, are given. A preliminary version of the functional purpose and semantic content of menhirs in funerary and memorial monuments based on the category of time is proposed.

For citation: Peteneva, G. 2023. The river as a special topos in the bio- and sociocultural life of ancient peoples (based on the materials of the complex with a statue near the village of Betkuduk, East Kazakhstan). *Kazakhstan Archeology*, 4 (22), 34–65 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2023.4.22.34.65](https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.34.65)

Галина Геннадьевна Петенева¹

¹Ақбауыр археология ғылыми-зерттеу бөлімінің меңгерушісі, Шығыс Қазақстан облыстық архитектуралық-этнографиялық және табиғи-ландшафттық музей-қорық, Өскемен қ., Қазақстан

Өзен ежелгі халықтардың био- және әлеуметтік-мәдени өміріндегі ерекше топос ретінде

(Шығыс Қазақстан, Бетқұдық а. жанындағы мүсіні бар кешен материалдары бойынша)

Ежелгі уақытта адамзат толықтай қозғалыс еркіндігіне ие болған жоқ. Табиғи кедергілер

Галина Геннадьевна Петенева¹

¹заведующая научно-исследовательским отделом археологии Акбауыр, Восточно-Казахстанский областной архитектурно-этнографический и природно-ландшафтный музей-заповедник, г. Усть-Каменогорск, Казахстан

Река как особый топос в био- и социокультурной жизни древних народов

(по материалам комплекса с изваянием у с. Беткудук, Восточный Казахстан)

В древности человечество не располагало полной свободой передвижения. Естественные пре-

адамдардың тіршілік ету ортасын шектеді. Бірінші және әмбебап жол өзендер болды. Олардың ағымы көбінесе адамдардың көші-қоны мен мәдениетаралық байланыстар ағындарының бағытын анықтады. Өзен ешқашан перифериялық емес, ол әрқашан орталықта болады және оның кеңістігінің демаркациялық сызығы жағалау болып табылады. Осы мақаланың мақсаты – Ертіс өзенінің жағалау аймағындағы археологиялық ескерткіштердің қола және ерте темір дәуірінде мәдени ошақтардың қалыптасуы мен дамуындағы маңызы мен ролін ашу және олардың іргелес аумақтардың мәдениеттеріне ары қарай әсері. Басылымда б.д.д. VIII–VII ғғ. табылған заттар кешені қарастырылады. Мәдени-хронологиялық контексте алынған материалдарға, оның ішінде тас мүсінге сипаттама беріледі. Уақыт санатына негізделген жерлеу және еске алу ескерткіштеріндегі менгірлердің функционалды мақсаты мен семантикалық мазмұнының алдын-ала нұсқасы ұсынылған.

Сілтеме жасау үшін: Петенева Г.Г. Өзен ежелгі халықтардың био- және әлеуметтік-мәдени өміріндегі ерекше топос ретінде (Шығыс Қазақстан, Бетқұдық а. жанындағы мүсіні бар кешен материалдары бойынша). *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 4 (22). 34–65- бб. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2023.4.22.34.65](https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.34.65)

грады ограничивали территорию обитания людей. Первыми и универсальными дорогами стали реки. Их течение во многом определяло направление потоков миграции людей и межкультурных контактов. Река никогда не бывает периферийной, она всегда находится в центре, а демаркационной линией её пространства является берег. Цель настоящей статьи – раскрыть значение и роль археологических памятников береговой зоны р. Иртыш в формировании и развитии культурных очагов в эпоху бронзы и в раннем железном веке и их дальнейшее влияние на культуры сопредельных территорий. В публикации рассматривается комплекс находок VIII–VII вв. до н.э. В культурно-хронологическом контексте дается характеристика полученного материала, включая каменное изваяние. Предложена предварительная версия функционального назначения и смыслового содержания менгиров в погребальных и поминальных памятниках, основанная на категории времени.

Для цитирования: Петенева Г.Г. Река как особый топос в био- и социокультурной жизни древних народов (по материалам комплекса с изваянием у с. Бетқудук, Восточный Казахстан). *Археология Казахстана*. 2023. № 4 (22). С. 34–65.

DOI: [10.52967/akz2023.4.22.34.65](https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.34.65)

1 Введение

Жизнь человека невозможна без воды. Одним из источников пресной воды, а иногда и единственным, являются реки. С древнейших времён именно берега рек человек заселял в первую очередь, чтобы максимально использовать их природные ресурсы. С одной стороны, реки являются естественными границами, определяющими территорию расселения людей, с другой стороны, река может максимально способствовать взаимодействию между населением, проживающим на её берегах, в том числе и на значительном расстоянии друг от друга как вверх, так и вниз по течению [Бекежан, Ертелеева 2017]. Одной из самых длинных рек в Азии является Иртыш (4248 км). Вытекая из гор Монгольского Алтая, Иртыш вступает в необозримую сухую степь, переходит границу лесостепи и растекается в лесной зоне. Своими просторами Иртыш открывает грандиозную панораму расселения людей от Алтая до таёжной Югры. Многочисленные археологические памятники разных эпох Прииртышья дают возможность понять значение и роль этого региона в формировании, развитии и взаимодействии культур Евразии в целом. Вместе с тем, ежегодно продолжается интенсивное разрушение береговой линии, и часть памятников просто исчезает.

Режим р. Иртыш ниже Шульбинского гидроузла определяется попусками из водохранилищ Верхне-Иртышского каскада – Бухтарминского, Усть-Каменогорского и Шульбинского. С конца 1990-х гг. требования правил комплексного использования водных ресурсов Верхне-Иртышского каскада водохранилищ (1991 г.) существенно нарушались. Значительный по объёму сброс на Усть-Каменогорской ГЭС приводил к сильному поднятию уровня воды и разрушению береговой линии. В результате последующих сбросов на Шульбинской ГЭС вода уходила от границы реки на 100–200 м, а иногда – 300 м.

До настоящего времени Шульбинское водохранилище работает в сезонном режиме регулирования стока, тогда как по проекту он должен быть многолетним. Проблема заключается в колоссальной разнице между реальным объёмом водохранилища – 1,8 млрд. м³ и запланированным в 10 млрд. м³. Предполагалось, что исправить сложившуюся ситуацию могло строительство II-й очереди Шульбинского водохранилища. Однако ни с запуском первого агрегата Шульбинской ГЭС – 23 декабря 1987 г., ни последнего – 19 декабря 1994 г., водохранилище своей мощности не набрало [Козлов, Беляков 2009: 132–143]. Нарушение режима эксплуатации привело к тому, что в течение нескольких лет после очередного попуска, вода уходит и обнажает древние захоронения, попавшие, в свое время, в зону затопления. Большинство из них размывается водой. Костные останки и погребальный инвентарь оказываются разбросанными по размытому грунту или частично остаются в воде.

В 2013 г. в результате сброса на Усть-Каменогорской ГЭС произошло сильное поднятие уровня воды и обрушение берега. Жителями с. Беткудук (Уланский р-н, ВКО) в профиле обвала были найдены остатки древнего захоронения, о чём они сообщили в музей-заповедник г. Усть-Каменогорска. На место немедленно выехали специалисты. Размытые и затопленные водой курганы и оградки прослеживались вдоль береговой линии у села Беткудук на расстоянии 2 км. Ситуация с состоянием памятников археологии на данной территории была признана аварийной (фото 1)* (*Все снимки, используемые в данной статье, выполнены автором).

Фото 1. Береговая линия реки Иртыш после сброса воды на Шульбинском водохранилище. 2013 г.

1-фото. Шүлбі су қоймасына су жіберілгеннен кейінгі Ертіс өзенінің жағалау сызығы. 2013 ж.

Photo 1. The shoreline of the Irtysh River after the discharge of water at the Shulbinsk reservoir. 2013

2 Характеристика материала и методы исследования

2.1 Методика исследований

В изучении полученных материалов использованы традиционные методы полевых работ. Произведена фотофиксация места обнаружения разрушенного памятника и его окрестностей. Учитывая обстоятельства находки – захоронение обрушилось в воду, – максимально осторожно из размытого грунта и воды были извлечены все предметы, входившие в состав инвентаря, кости скелета человека и фрагменты каменного изваяния. Произведены необходимые процедуры по очистке и реставрации находок. Составлено их описание с учётом размеров, материала, технологии изготовления и степени сохранности. Произведена первичная классификация керамического материала на основе формообразующих составляющих – боковые стенки сосудов, венчики, донца, фрагменты с орнаментированной поверхностью, сделаны замеры каждого фрагмента, определён состав теста. Все найденные артефакты были сданы в фонды Восточно-Казахстанского областного архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника с присвоением шифра хранения.

В систематизации накопленного материала использован метод картографирования исследованных в прибрежной зоне Иртыша комплексов, который позволил проследить их пространственное распределение во взаимодействии с природной средой и памятниками сопредельных территорий. Датировка и идентификация комплекса произведена с применением историко-культурного и типологического методов исследования. На основе структурно-семиотического подхода предложена предварительная версия функционального назначения и смыслового содержания оленных камней и менгиров в погребальных и поминальных памятниках эпохи бронзы – раннего железного века степной Евразии.

2.2 Описание разрушенного захоронения у с. Беткудук

Восстановить надмогильную конструкцию разрушенного захоронения у с. Беткудук не удалось. Глубина залегания его остатков в профиле берега не превышала 1,0–1,2 м. Развал камней состоял из среднего размера плит и блоков, лежавших горизонтально. Здесь же удалось выявить фрагменты каменной стелы с антропоморфными чертами. Среди камней находился раздавленный скелет человека – кости ног, рук, рёбра, позвонки, бронзовые кинжал, нож с кольцевидным навершием, трехдырчатый псалий и каменный оселок (фото 2, А, С, D). Не прояснил ситуацию и осмотр примыкающей территории. На поверхности земли прослеживались лишь отдельные сильно задернованные камни, свидетельствующие о возможном наличии захоронений. Рядом с обвалившимся берегом, в воде, находилась овальной формы ограда, сооружённая из камней (фото 2, В). Из ограды удалось достать достаточно хорошо сохранившиеся кости человеческого скелета. На некоторых из них фиксировались зелёные пятна от корродированных бронзовых предметов. Самых предметов обнаружено не было.

В разрушенном захоронении у с. Беткудук от надмогильной конструкции сохранилась только каменная стела (рис. 1)¹. Изваяние изготовлено из светлого мелкозернистого гранита в виде четырехгранного столба (КП-75-36287). Общая длина – 1,12 м. В процессе извлечения из мокрого грунта оно оказалось расколотым на три части. Верхняя часть длиной 28,0 см, средняя – 19,0 см, нижняя – 65,0 см. Стенки изваяния плоские, ровные. Толщина стелы сверху 12,0–14,0 см, внизу – 18,0 см. Сечение в верхней и нижней части – подквадратное, в середине – прямоугольное. Верх стелы закруглён. На одной из граней обозначено лицо человека овальной формы с заострённым

¹ Графические прорисовки предметов из разрушенного захоронения у с. Беткудук выполнены Н.М. Ахмеровым, студентом 3-го курса факультета архитектуры, строительства и дизайна Восточно-Казахстанского технического университета им. Д. Серикбаева.

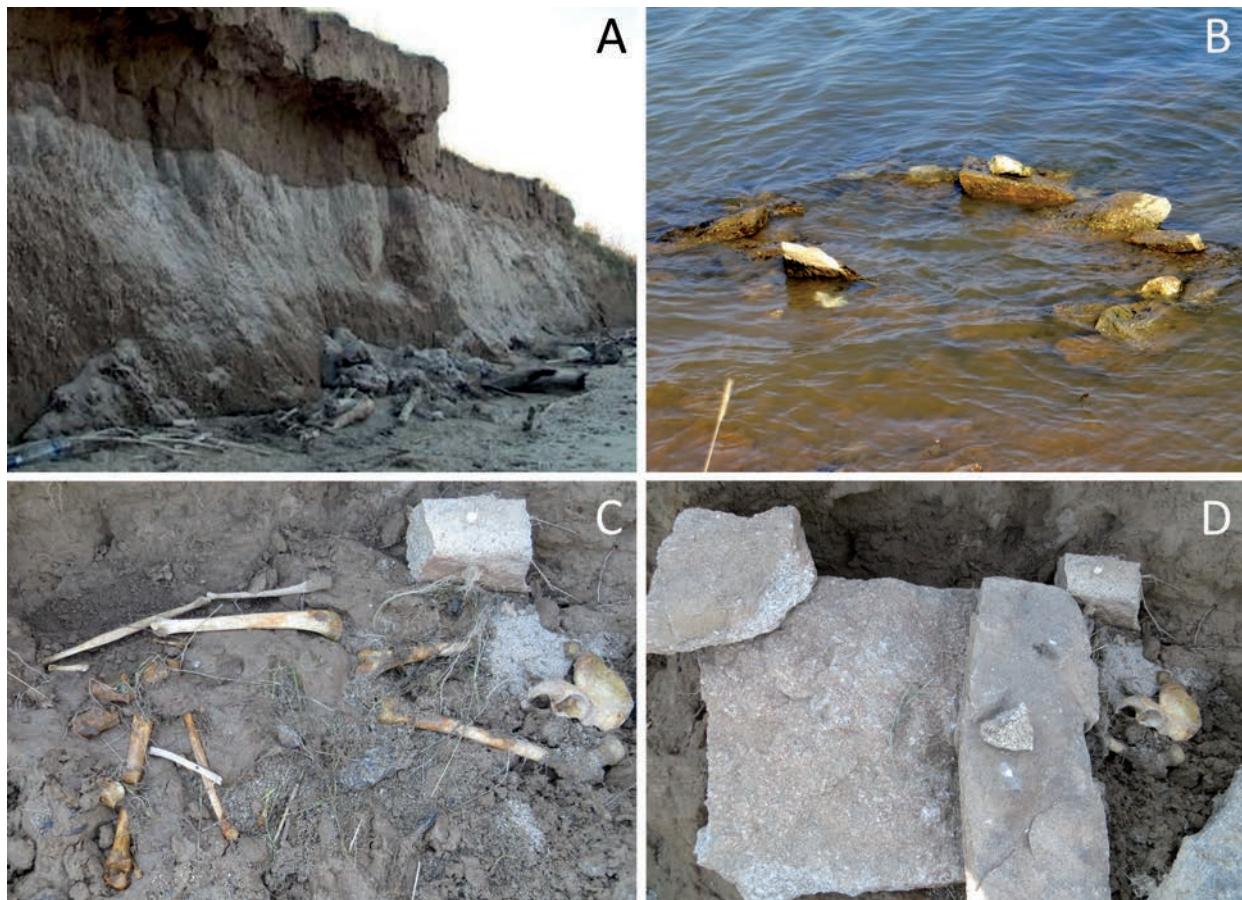

Фото 2. А, С, D – разрушенное захоронение у с. Беткудук, ВКО; В – ограда круглой формы, расположенная рядом с разрушенным захоронением
2-фото. А, С, D – ШҚО, Бетқұдық а. жанындағы қираған жерлеу; В – қираған жерлеудің жанында орналасқан дөңгелек пішінді қоршау
Photo 2. А, С, D – a destroyed burial near the village of Betkuduk, East Kazakhstan region;
В – a round-shaped fence located next to the destroyed burial

подбородком, выделенным углубленной линией. На лице показан рельефный нос в виде вертикального валика. Глаза и рот переданы очень схематично небольшими горизонтальными углублёнными линиями. С левой стороны на лице – три косые «зарубки» – параллельные друг другу короткие линии, идущие сверху – вниз, переходящие на левую боковую сторону. На правой грани очень плохо прослеживается небольшой круг.

Конское снаряжение представлено бронзовым литым, слегка изогнутым стержневидным *пса-лием* с закруглёнными концами, длиной 10,8 см, с тремя круглыми перфорациями (КП-75-36288). Все отверстия диаметром 0,7 см лежат в одной плоскости шестигранного в сечении стержня толщиной 0,6–0,8 см. Грани стержня сглажены. Одно отверстие расположено в центре, два других – на концах. Вокруг отверстий имеются утолщения диаметром 1,3 см. Расстояние между отверстиями 2,5 см. Поверхность псаля покрыта тёмной патиной и пятнами коррозии зелёного цвета (рис. 2, 4).

В состав инвентаря входил бронзовый литой *кинжал* (КП-75-36285) длиной 20,3 см с прямым обоюдоострым клинком длиной – 11,2 см, шириной – 3,4 см, в сечении овальной формы, толщиной

Рис. 1. Каменное изваяние из разрушенного захоронения у с. Беткүдук. ВКО.

А – фото; В – художественный рисунок верхней части изваяния;

С – графическая прорисовка изваяния. В, С – без масштаба

1-сур. ШҚО. Бетқұдық а. жанындағы қираған жерлеуден табылған тас мүсін.

А – фото; В – мүсіннің жоғарғы бөлігіндегі көркем сурет;

С – мүсіннің графикалық салынған суреті. В, С – масштабсыз

Fig. 1. A stone statue from a destroyed burial near the village of Betkuduk. East Kazakhstan region. A – photo; B – drawing of the upper part of the statue; C – graphic drawing of the statue. B, C – without scale

0,5–0,2 см. По центру клинка, на всю его длину, проходит нервюра (ребро жёсткости). Рукоять длиной 5,5 см (вместе с муфтой), шириной 2,5 см, в сечении овальной формы, толщиной 0,6–0,8 см. При переходе к навершию на рукояти выделена муфта, высотой 0,8 см. Навершие полуовальной (близкая к «луковичной») формы. Вверху навершия по центру имеется небольшое круглое утолщение с выемкой («копытце»). Перекрестие «почковидное», в виде двух кругов диаметром 1,5 (1,6) см, соединённых друг с другом дуговидной перемычкой. На навершии, рукояти и перекрестии фиксируются остатки рельефного декора, скорее всего, зооморфного характера. На перекрестии изображён, возможно, «свернувшийся хищник» (?), на рукояти – «прыгающий хищник». Изображение на навершии практически утрачено. Поверхность кинжала сильно коррозирована (рис. 2, 1).

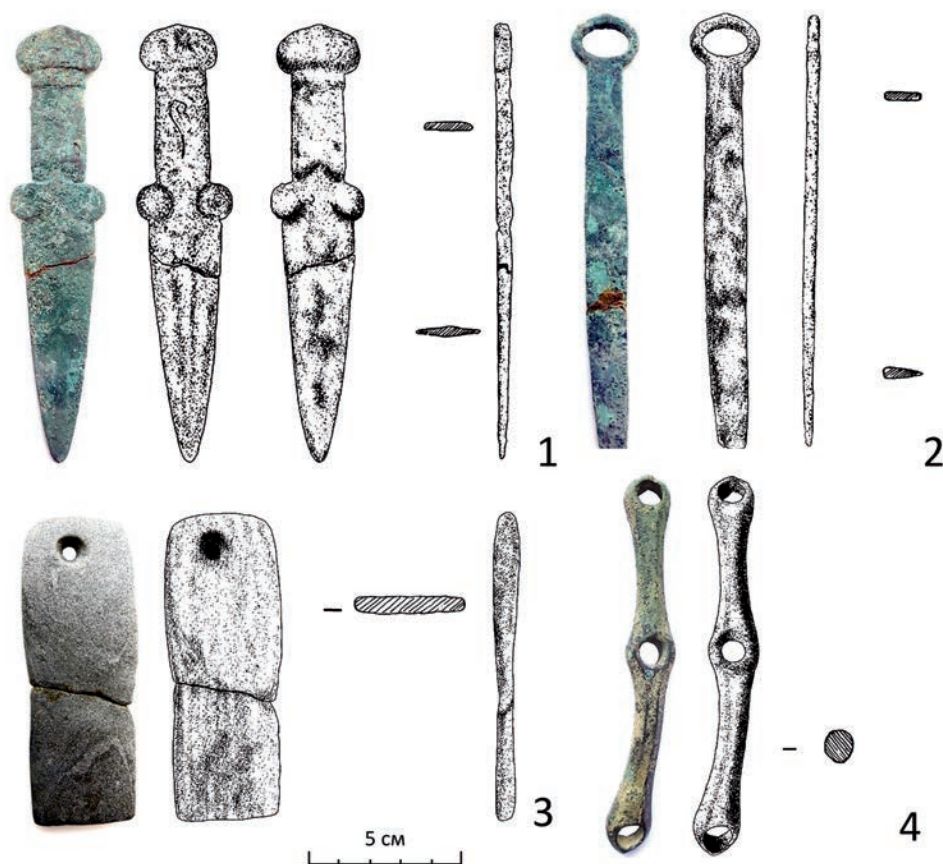

Рис. 2. Инвентарь из разрушенного захоронения у с. Беткудук. ВКО:
1 – кинжал; 2 – нож с кольцевидным навершием; 3 – оселок; 4 – псалий. 1, 2, 4 – бронза; 3 – камень
2-сур. ШҚО. Бетқұдық а. жанындағы қираған жерлеуден табылған заттар:
1 – қанжар; 2 – сақина тәрізді ілгішімен пышақ; 3 – қайрақ; 4 – ауыздық. 1, 2, 4 – қола; 3 – тас
Fig. 2. Artifacts from the destroyed burial site near the village of Betkuduk. East Kazakhstan Region:
1 – a dagger; 2 – a knife with a ring-shaped pommel; 3 – a whetstone; 4 – a cheek-piece. 1, 2, 4 – bronze; 3 – stone

Однолезвийный бронзовый, литой *нож* длиной 17,7 см (КП-75-36286). Спинка прямая, длиной 15,6 см, шириной 1,7 см, прямое лезвие в сечении подтреугольной (клиновидной) формы, толщиной 0,5 см. Конеч нож обломан. Навершие – кольцевидное, диаметром 2,8 см, слегка уплощено, в сечении овальной формы, толщиной 2,1 см. Вверху по центру кольца небольшое утолщение в виде «горошины». Поверхность ножа покрыта коррозией зелёного цвета (рис. 2, 2).

Оселок изготовлен из камня серебристого цвета (КП-75-36284). Форма – подпрямоугольная, с закруглёнными углами. Размеры – 13,5×4,8 см, толщина в сечении 1,1 (0,9) см – на концах и 0,5 (0,3) см – по центру. В верхней части расположено сквозное коническое отверстие диаметром 0,6–1,4 см. Поверхность оселка с обеих сторон плоская, ровная. По центру камень сточен. Оселок был разломлен во время раскопок ударом лопаты по горизонтали на две половины (рис. 2, 3).

На берегу Иртыша, у с. Беткудук (2014 г.) был найден обломок ещё одного оселка, изготовленного из тёмного сланца с плоской, ровной поверхностью (КП-75-35913). Форма – подпрямоу-

гольная, с закруглёнными углами. Размеры – 2,0×5,5 см, толщина в сечении 0,6 см. В верхней части расположено сквозное коническое отверстие диаметром 0,5–0,7 см. Одна половина оселка по вертикали (до отверстия), как и низ, обломлена. Сломы и повреждения затерты, что свидетельствует об их давности (фото 3, 3).

Весной 2014 г. совместно с археологами научно-практического центра археолого-этнологических исследований Павлодарского педагогического института (директор Т.Н. Смагулов) после очередного сброса воды повторно была обследована береговая линия и водоохранная зона Шульбинского водохранилища. На обнажившемся дне были зафиксированы разрушенные археологические памятники от эпохи бронзы до Средневековья. Собран многочисленный подъёмный материал: кости людей и животных, каменные мотыги, зернотёрка, оселок и керамика.

Плита *зернотёрки* (КП-73-35910) – каменная, подпрямоугольной формы, размерами 55,0(46,0)×55,0(50,0)×29,0×28,0 см. Толщина плиты от одной длинной стороны к другой уменьшается от 7,0 см до 2,0 см. Зернотёрка изготовлена из среднезернистого гранита серого цвета со светлыми и зелёными вкраплениями. Короткие боковые стороны скошены и параллельны друг другу. Рабочая часть с вогнутой, гладко зашлифованной поверхностью. Обратная сторона слегка выпуклая со следами обработки в виде неглубоких ямок круглой и овальной формы, которые покрывают практически всю поверхность. Боковые грани сглажены и зашлифованы. Зернотёрка найдена без верхней плиты (курант) (фото 3, 4).

Мотыга каменная, подпрямоугольной формы, размерами 9,7×17,5 см, толщиной 1,6 см (КП-73-35911). Одна сторона плоская, ровная, другая – слегка выпуклая. Мотыга изготовлена из среднезернистого светлого гранита с чёрными вкраплениями. Рабочий край закруглен, слегка подтёсан, другой – прямой. На боковых сторонах плавные выемки (фото 3, 1).

Мотыга каменная, изготовлена из серого песчаника, размерами 12,5×8,7 см (КП-73-35912). С одного бока мотыга намного толще – 1,8 см, имеет прямую, ровную поверхность. Другой бок – тоньше (до 0,6 см) с острым краем, обработанным мелкими сколами. В целом, толщина мотыги составляет 2,0–2,5 см. Верх мотыги закруглен и с одной стороны оттянут к низу. Нижняя часть значительно больше по размерам (8,7×6,3 см), чем верхняя (6,0×4,2 см). Рабочий край подтёсан крупными, грубыми сколами. На боковых сторонах плавные выемки (фото 3, 2).

Пест каменный (КП-73-35914) в виде прямоугольного в сечении валуна с закругленными углами (галька естественной формы). Длина – 23,0 см, ширина граней – 7,0×7,0×5,0×5,0 см. Поверхность коричневого цвета, пористая, грани сглажены. На поверхности двух боковых граней имеются следы минерализации в виде пятен светлого налёта (фото 3, 5).

В 2013–2014 гг. вдоль береговой линии р. Иртыш у пос. Беткудук на месте археологических памятников, находящихся в зоне затопления Шульбинской ГЭС, было собрано большое количество фрагментов керамики. Всего в фонды музея-заповедника поступило 448 единиц хранения.

Особенно многочисленны неорнаментированные фрагменты от боковых стенок сосудов – 374 ед. (КП-83-38535/₁₋₁₁₆; КП-83-38536/₁₋₄₅; КП-83-38537/₁₋₃₇; КП-83-38538/₁₋₄₅; КП-84-38975/₁₋₂₆; КП-84-38976/₁₋₄₀; КП-84-38977/₁₋₂₅; КП-84-38978/₁₋₇; КП-_{НВ}-25-13677/₁₋₃₃). Встречаются достаточно большие фрагменты размерами 8,5×4,5 см, основную массу составляют фрагменты средних размеров 6,5 (6,0)×5,5 (4,5) см, присутствуют фрагменты размерами 3,7 (3,1)×3,0 (2,5) см. Толщина стенок от 0,5 до 1,3 см. Большинство фрагментов имеет толщину 0,7–0,8 см. Внешняя и внутренняя поверхность у отдельных фрагментов ровная, гладкая, у других шероховатая, коричневого, серо-коричневого, серого, тёмно-серого, иногда почти чёрного или оранжевого цвета. Обе поверхности могут быть одного цвета, могут быть и разного. Тесто хорошо отмучено, плотное, пористое с при-

Фото 3. Находки, обнаруженные вдоль береговой линии Иртыша у с. Беткудук. 2014 г.: 1, 2 – мотыги; 3 – оселок; 4 – зернотёрка; 5 – пест. 1–5 – камень
3-фото. Бетқұдық а. жанындағы Ертістің жағалау сызығы бойынан табылған олжалар. 2014 ж.: 1, 2 – кетпен; 3 – қайрақ; 4 – дәнүккіш; 5 – келсап. 1–5 – тас
Photo 3. Artifacts found along the coastline of the Irtysh near the village of Betkuduk. 2014: 1, 2 – hoes; 3 – whetstone; 4 – grain grater; 5 – pestle. 1–5 – stone

месью дресвы, толчёного кварца, песка и органики. Также присутствуют фрагменты с рыхлым, хорошо отслаивающимся тестом с примесью крупно-толчённого кварца и дресвы. Черепок в изломе чаще всего серого, серо-коричневого и коричневого цвета. Обжиг костровой.

Фрагменты керамики от верхней части сосудов (венчики) – 37 ед. (КП-84-38980/₁₋₃₇). Размеры фрагментов от 7,8×6,7 см до 1,7×2,2 см. Толщина стенок от 0,7 см до 1,2 см. Состав теста аналогичен фрагментам от боковых стенок. Часть фрагментов имеет прямой или слабопрофилированный венчик, другая – с хорошо отогнутыми венчиками с прямым, скошенным и уплощённым верхним краем. На некоторых фрагментах фиксируются вдавления поллой палочкой, косые вдавления, «жемчужины», ногтевые вдавления (фото 4).

Фрагменты керамики от нижней (придонной) части сосудов – 10 ед. (КП-84-38981/₁₋₁₀). Размеры фрагментов от 11,0×8,0 см до 2,5×2,5 см. Толщина стенок от 0,8 см до 1,2 см. Состав теста аналогичен фрагментам от боковых стенок. Все фрагменты принадлежат сосудам с плоским дном.

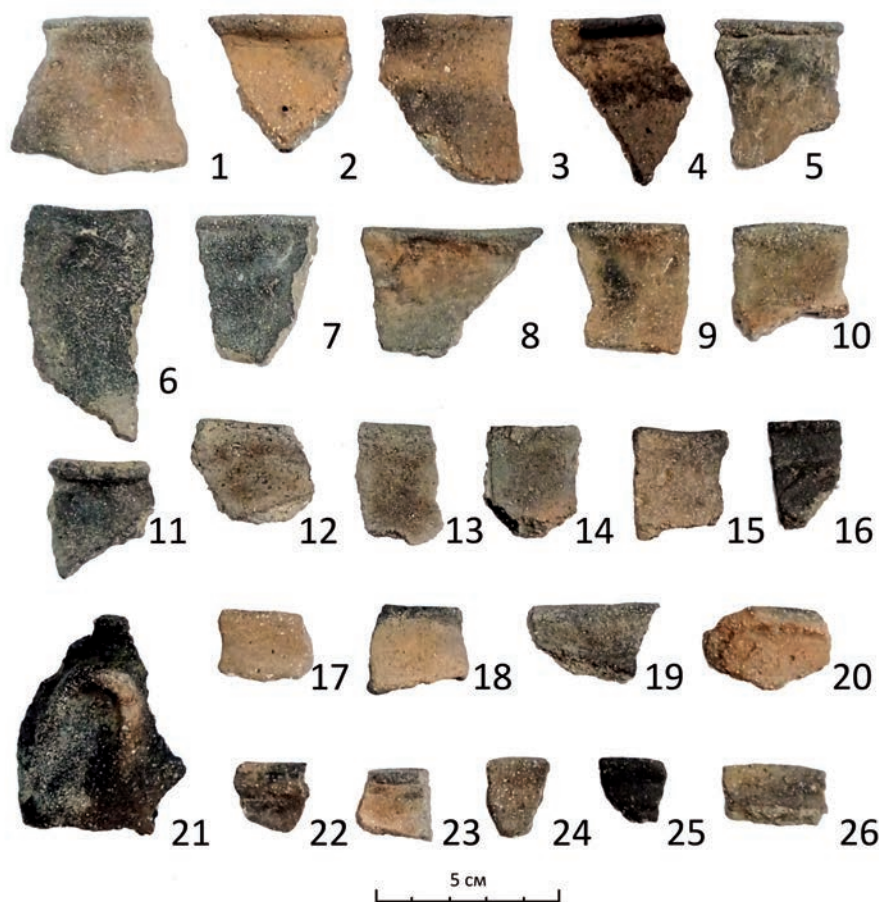

Фото 4. Фрагменты керамики, собранные вдоль береговой линии Иртыша у с. Беткудук. 2014 г.: 1–26 – венчики
4-фото. Бетқұдық а. жанындағы Ертістің жағалау сызығы бойынан жиналған керамика фрагменттері. 2014 ж.: 1–26 – жиектер

Photo 4. Fragments of ceramics collected along the coastline of the Irtysh near the village of Betkuduk. 2014: 1–26 – rims

Фрагменты керамики с орнаментированной поверхностью – 27 ед. (КП-84-38979/_{1–27}). Три фрагмента с орнаментом от венчиков, остальные – от боковых стенок сосудов. Размеры от 5,7×6,0 см до 2,5×2,0 см, толщина стенок от 0,9 см до 1,2 см. Состав теста аналогичен фрагментам от боковых стенок. Поверхность черепков орнаментирована ногтевыми вдавлениями, гребенчатым штампом разного размера, прямоугольной палочкой, палочкой с острым концом, косыми насечками, горизонтальными линиями разной ширины и др. (фото 5).

3 Обсуждение

3.1 Степень изученности памятников эпохи бронзы – раннего железного века Шульбинского археологического микрорайона

Прежде всего, нужно было установить – в состав какого могильника могло входить разрушенное захоронение. На участке от г. Усть-Каменогорска до г. Семей, по течению Иртыша, самым верхним из исследованных памятников является мог. Меновное, далее, в 13 км северо-западнее

Фото 5. Фрагменты керамики с орнаментом,
собранные вдоль береговой линии Иртыша у с. Беткудук. 2014 г.
5-фото. Бетқұдық а. жанындағы Ертістің жағалау сызығы бойынан жиналған
оюы бар керамика фрагменттері. 2014 ж.
Photo 5. Fragments of ceramics with ornaments
collected along the coastline of the Irtysh near the village of Betkuduk. 2014

г. Усть-Каменогорска, находится мог. Герасимовка. У с. Гагарино, на второй надпойменной террасе, в 1 км от берега расположен мог. Жартас, у с. Ново-Азово находится мог. Курук II, за которым ниже по течению идут могильники, непосредственно входящие в зону Шульбинского водохранилища – Ковалёвка, Темир-Канка, Беткудук. За Беткудуком следует мог. Измайловка и самой крайней является Белокаменка. Единственным населённым пунктом, от которого можно определить местоположение того или иного могильника, является с. Беткудук. Согласно планам и описаниям, от села до мог. Беткудук 3–4 км, до Темир-Канки – 6 км (рис. 3) [Ермолаева 2012: 13]. Именно к этим двум могильникам могло относиться разрушенное захоронение.

Могильник Беткудук был полностью затоплен. Археологи выявили на нём две группы памятников. Только в первую входило порядка 60 оград эпохи бронзы, из них было исследовано всего лишь три. Вторая группа включала 36 оград, из которых три были раскопаны. Все исследованные захоронения могильника Средняя база Беткудук отнесены А.С. Ермолаевой к фёдоровскому типу памятников андроновской культурно-исторической общности [Ермолаева 2012: 17–24, 114].

К периоду финальной бронзы (в пределах X–IX вв. до н.э.) отнесены погребения могильника Темир-Канка, включающего 87 оград. На этом могильнике исследовано 10 погребальных сооружений с 12-ю захоронениями [Ермолаева 2012: 35, 36, 47].

Принимая во внимание состав инвентаря из разрушенного захоронения, для определения его этнокультурной принадлежности и датировки было вполне обоснованным и целесообразным привлечение и анализ всех материалов эпохи бронзы–раннего железа, полученных в разные годы с лево- и правобережных памятников, расположенных вдоль Иртышской береговой линии.

Значительный по объёму материал был получен Шульбинской археологической экспедицией (ШАЭ) Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН КазССР. С началом строительства Шульбинской ГЭС (1976 г.) были проведены широкомасштабные археологические исследования в зоне предполагаемого затопления. Шульбинская археологическая экспедиция начала свою работу в 1977 г. В её задачи входило максимальное изучение и введение в научный оборот результатов исследования археологических памятников, попадающих в зону затопления. Стационарные работы велись в 1980–1983, 1988 гг. Практически все исследованные ШАЭ левобережные

Рис. 3. Расположение археологических памятников эпохи бронзы – раннего железного века вдоль береговой линии р. Иртыш от г. Усть-Каменогорска до Шульбинской ГЭС.

Левобережные памятники: 1 – Меновное; 2 – Герасимовка; 3 – Жартас; 4 – Курук II; 5 – Ковалевка; 6 – Темир-Канка; 7 – Беткудук; 8 – Измайловка; 9 – Белокаменка.

Правобережные памятники: 10 – поселение Новошуйбинское; 11 – Акчий III; 12 – Когалы I; 13 – Уба-Форпост; 14 – Зевакино; 15 – поселение Барашки I. Исполнитель: Михаил Антонов

3-сур. Өскемен қаласынан Шүлбі СЭС-не дейінгі Ертіс өзенінің жағалау сызығы бойындағы қола дәуірі – ерте темір ғасырының археологиялық ескерткіштерінің орналасуы.

Сол жағалаудағы ескерткіштер: 1 – Меновное; 2 – Герасимовка; 3 – Жартас; 4 – Құрық II; 5 – Ковалевка; 6 – Темір-Канка; 7 – Бетқұдық; 8 – Измайловка; 9 – Белокаменка.

Оң жағалаудағы ескерткіштер: 10 – Новошуйбинск қонысы; 11 – Ақший III; 12 – Қоғалы I; 13 – Уба-Форпост; 14 – Зевакино; 15 – Барашки I қонысы. Орындаушы: Михаил Антонов

Fig. 3. The location of archaeological sites of the Bronze Age – early Iron Age along the coastline of the Irtysh River from Oskemen to the Shulbinsk HPP.

Left-bank monuments: 1 – Menovnoye; 2 – Gerasimovka; 3 – Zhartas; 4 – Kuruk II; 5 – Kovalevka; 6 – Temir-Kanka; 7 – Betkuduk; 8 – Izmailovka; 9 – Belokamenka.

Right-bank monuments: 10 – Novoshulbinskoye settlement; 11 – Akchiy III; 12 – Kogaly I; 13 – Uba-Forpost; 14 – Zevakino; 15 – Barashki I settlement. Performer: Mikhail Antonov

памятники содержали захоронения эпохи бронзы – раннего железа: Средняя база Беткудук, Темир-Канка, Белокаменка, Измайловка, Ковалёвка, Жартас. Из правобережных памятников: Когалы I, Акчий III [Археологические памятники... 1987]. К правобережным памятникам можно добавить курган № 3 мог. Уба-Форпост (раскопки Ф.Х. Арслановой, 1965 г.), Зевакинский могильник, расположенный в 5 км на СЗ от с. Зевакино (раскопки Ф.Х. Арслановой, 1970-е гг.), и объект Кондратьевка XXI (раскопки Ю.П. Алехина, 1993 г.).

На левом берегу Иртыша в 1988 г. Восточно-Казахстанской археологической экспедицией (ВКАЭ) Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН КазССР исследовано несколько захоронений (VIII–VII вв. до н.э.) на мог. Курук II у с. Ново-Азово [Самашев 2022: 11]. В 1990-х гг. на мог. Меновное-VIII в кургане № 5 исследовано три погребения с материалами заключительной фазы бронзового века (конец IX–VIII в. до н.э.) [Ткачева 2003: 378–383].

В 1998 г. Верхне-Иртышская археологическая экспедиция Восточно-Казахстанского государственного университета провела раскопки двух курганов – № 22, 28 на мог. Герасимовка, расположенном на первой надпойменной террасе левого берега р. Иртыш. Памятники датированы сер. VII в. до н.э. [Ткачев, Тишкин 1999: 194]. В 2005 г. один из курганов (№ 31) мог. Герасимовка был разрушен в ходе земляных работ, его материалы переданы в фонды Восточно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея [Бесетаев, Кариев 2016: 73].

3.2 Сравнительный анализ и датировка находок из захоронения у с. Беткудук

Кинжал. Наиболее близкими аналогиями кинжалу из Беткудука являются бронзовый кинжал, случайно найденный у с. Вавилоновка на р. Убе, в 110 км к востоку от г. Семипалатинска [Чотбаев 2013: 6–57, рис. 33] и бронзовый кинжал из могильника Мыржык–6, курган № 3, расположенного на левом берегу р. Атасу (Жанааркинский р-н, Карагандинская обл.). Длина кинжала – 24,6 см, перекрестие «почковидное» шириной 4,8 см, навершие грибовидной формы, под которым имеется валик. Вместе с кинжалом в инвентарном комплексе отмечены железный нож длиной около 16,0–17,0 см и брусковидный оселок длиной 15,7 см. Курган датирован финалом раннесакской эпохи – VII – 1-й пол. VI в. до н.э. [Бейсенов, Дуйсенбай 2017: ил. 3, 1; 21]. Аналогичный бронзовый кинжал, длиной 28,0 см, найден на р. Есил в Северном Казахстане [Чотбаев 2013: 61, рис. 37].

Ещё одной очень близкой аналогией является бронзовый кинжал из мог. Уйгарак, курган № 50 (низовья р. Сырдарья). Кинжал длиной 27,0 см, длина клинка – 14,5 см, ширина клинка – 4,2 см. В инвентарном комплексе захоронения наряду с другими предметами были найдены трёхдырчатые псалии и плоский клювовидный оселок. Курган датирован VII–VI вв. до н.э. [Вишневская 1973: табл. III, 10–12, 16].

Достаточно близким по ряду признаков является бронзовый акинак, найденный на правом берегу р. Ишим у с. Баландино (Казанский р-н, Тюменская обл.). Длина кинжала – 28,0 см, длина рукояти – 9,0 см, ширина – 3,0 см. Кинжал отличается наличием по центру клинка хорошо выраженного кровостока (дола). Кинжал датирован VIII–VI вв. до н.э. [Хабдулина 1994: табл. 55; 53].

Аналогичная комбинация признаков формы ярко проявляется у кинжалов с орнаментированной поверхностью наверший, рукояти и перекрестия. Кинжал из кургана № 1 мог. Нурманбет IV (среднее течение р. Шидерты, сельская зона г. Экибастуза, Павлодарская обл.). Длина кинжала – 32,0 см, клинка – 18,5 см, рукоятки – 13,5 см. На поверхность кинжала нанесён орнамент в виде различных сочетаний запятых и волнообразных линий. Кинжал датирован VI в. до н.э. Вместе с кинжалом был найден бронзовый нож с кольцевидным навершием [Кадырбаев 1966: 343–344, рис. 38, 1].

В качестве примера можно также назвать железный кинжал, декорированный накладным золотом, из кургана Аржан-2, могила 5, скелет 1 (Тыва). Его общая длина – 38,7 см, ширина – 7,5 см. Поверхность навершия, рукояти, нервюры и лóжки на клинке украшены ажурным рельефом. Композиции из стилизованных спиралей, хищников, птиц удачно продуманы и гармонично вписаны в конструктивные формы кинжала. Вместе с кинжалом найдены два железных ножа с кольцевидным навершием с золотыми накладками на рукояти, также плакированные золотом. Датировка – 2-я пол. VII в. до н.э. [Чугунов и др. 2017: 44, 45].

Кинжал из Киевского исторического музея длиной 29,7 см (длина клинка – 17,1 см) с орнаментированной зооморфными образами рукоятью. Находка датирована 2-й пол. VII в. до н.э. – началом VI в. до н.э. [Тереножкин 1961: 136, рис. 90; Ильинская 1975: 98, рис. 7].

Близкий по форме кинжал, но имеющий брусковидное навершие, происходит из Кыргызстана. На ручке и перекрестии – изображения оленей. Кинжал датирован VII–V вв. до н.э. [Иванов 2008: 14, 15; рис. 1, 9].

Бронзовый акинак из Казак-Кочердыка (левый берег р. Тобол, Курганская обл.). Общая длина 36,5 см (длина клинка – 24,8 см), также с брусковидным навершием. На поверхность кинжала (перекрестие и клинок) нанесены изображения животных, птиц и рыбы. Датирован кинжал 2-й пол. VIII в. до н.э. – нач. VII в. до н.э. [Шилов и др. 2003: 163, 166, 191].

Приведём еще несколько аналогий. Кинжал с брусковидным навершием и «почковидным» перекрестием был найден у г. Степняк [Черников 1954: рис. 22 (5)]. Один из кинжалов хранится в музее Томского университета и происходит из Барнаульского округа [Грязнов 1956: рис. 3, 5, 6]. В музее археологии и этнографии народов Сибири Томского госуниверситета хранится ещё один аналогичный кинжал, длиной 32,0 см, найденный Л.М. Плетневой на р. Малая Киргизка (Томская обл.), он датирован VI–V вв. до н.э. [Плетнева, Мец 1999: 13, рис. 3, 1]. Кинжал, найденный у колхоза Кызылту близ г. Актобе, на р. Каргалы (фонды Актюбинского музея), отличается не только навершием, но и наличием на рукояти желобков [Грязнов 1956: рис. 3, 7]. Кинжал, найденный у пос. Айбол (Зерендинский р-н, Акмолинская обл.), близок формой клинка и перекрестия и отличается наличием широкой выемки на плоской рукояти и навершием в виде полукруглой «шляпки» [Чотбаев 2013: 72–73, рис. 43].

Как показывают аналогии, кинжал из Беткудука может быть датирован 2-й пол. VIII в. до н.э. – началом VII в. до н.э.

Нож с кольцевидным навершием. Ближайшими аналогиями ножу с кольцевидным навершием в Восточном Казахстане являются изделие из разрушенного захоронения Чистый Яр (Самарский р-н, ВКО), датированное VIII–VII вв. до н.э., и случайно найденный нож под г. Семей [Арсланова 1972: 258; рис. 1, 22; Боковенко, Заднепровский 1992: табл. 56, 33]. В Центральном Казахстане плоские бронзовые ножи с прямой спинкой и кольцевидным навершием, датированные VII–VI вв. до н.э., найдены в кургане № 1 мог. Нурманбет IV и в погребении «а» мог. Тасмола VI. Аналогичные ножи, датированные V–III вв. до н.э., обнаружены в кургане № 2 мог. Карамурун I, в кургане № 2 мог. Тасмола V [Кадырбаев 1966: рис. 38, 5; 43, I, II, 12]. Один бронзовый нож (VII–V вв. до н.э.) происходит из кургана 21 мог. Уйгарак (низовья Сырдарьи) [Вишневская 1973: 138, табл. VI, 5].

Бронзовые пластинчатые ножи с кольцевидным навершием VIII–V вв. до н.э. с территории Барнаульского Приобья и юга Обь-Иртышского междуречья были рассмотрены Я.В. Фроловым, который привлёк широкий круг аналогий с памятников Алтая, Тувы, Минусинской котловины, Синьцзяна, Северного Китая, Кыргызстана, Приаралья и Казахстана. В динамике бытования прямых

ножей с кольцевидным навершием Я.В. Фролов выделил две тенденции [Фролов 2018: 207–214]. В западном регионе (Саяно-Алтай) кольчатые ножи появляются в VII в. до н.э., широко распространяются в VI–V вв. до н.э., но быстро вытесняются железными ножами, копирующими бронзовые аналогии. Несколько железных ножей с кольцевидным навершием найдены в памятниках на р. Сарымсак (приток р. Бухтармы) – в Катонском могильнике курганы 3–5, 10, 13 и на мог. Копай II, к. 8 [Сорокин 1966: рис. 11, 11; 13, 1, 10; 15, 6; 16, 7, 8; 18, 17]. На Береле, в кург. № 5 (нач. III в. до н.э.) с крестцом овцы найден железный однолезвийный нож с кольцевидным навершием с остатками позолоты на рукояти [Самашев и др. 2018: рис. 228]. В Восточном Казахстане железный нож без выделенной рукояти, с прямой спинкой и кольцевидным навершием найден в мог. Пчела кулажургинской культуры (III в. до н.э. – III в. н.э.) [Боковенко, Заднепровский 1992: табл. 56, 50]. В Центральном Казахстане железный нож с кольчатым навершием зафиксирован в кургане № 1 мог. Тасмола II [Кадырбаев 1966: рис. 66, 43]. В восточном регионе – Минусинская котловина, Юго-Восточный Алтай, Северо-Западная Монголия – плоские кольчатые ножи существуют с VI в. до н.э. по III в. до н.э. Западнее Урала такие экземпляры практически не встречаются. Подобные ножи показывают преемственность культур поздней бронзы и комплексов раннескифского времени для территории Казахстана, Саяно-Алтая и Западной Сибири [Фролов 2018: 211, 207].

В Восточном Казахстане ножи с кольцевым навершием бытовали и в более раннее время. В Курчумском р-не (ВКО) был найден обломок выгнутообушкового бронзового ножа с кольцевидным навершием на выемчатой рукояти. Длина сохранившейся части – 12,45 см. На рукояти длиной 7,0 см имеется рельефный орнамент в виде ромбов (крестов), вытянутых вертикальной цепочкой. Кольцевое навершие размерами 1,7×1,3 см, шириной 0,4–0,5 см. В месте перехода рукояти к лезвию небольшой уступ. Курчумский нож имеет большое сходство с ножами елунинской археологической культуры и датирован концом III – началом II тыс. до н.э. [Мерц и др. 2016: 164–165, 168, рис. 2, 1].

Бронзовый нож с кольцевидным навершием (XII–VII вв. до н.э.) был найден у с. Жаланащ (Маркакольский р-н, ВКО). Рукоять ножа отделена от клинка поперечным валиком, переходящим со стороны лезвия в выступ. Широкий клинок постепенно сужается и переходит в острый конец. Спинка слегка изогнута. На рукояти – рельефный геометрический орнамент. На одной стороне фиксируются поперечные полосы, на другой – пересекающиеся под острым углом линии, образующие ромбовидные фигуры [Арсланова 1974а: 225, рис. 5].

С.С. Черников для периода поздней бронзы в орудиях восточно-казахстанских форм выделяет пластинчатые ножи с уступом. Экземпляр, найденный у с. Преображенское (Калбинский хребет), имеет кольцевидное навершие, плоскую рукоять и более широкое по сравнению с рукоятью лезвие. У ножа из Карчиги уступ мало заметен, поскольку ширина у рукояти и клинка практически одинакова [Черников 1960: табл. LXVII, 2, 4].

В орудиях карасукских форм С.С. Черниковым выделены вогнутообушковые ножи с изогнутыми, узкими клинками и кольцом на рукояти, к которым отнесены случайно найденные ножи у деревни Ильинская (Змеиногорский уезд) и у с. Карагоин [Черников 1960: табл. LXVII, 1, 2, 4; LXV, 2]. Близкий по ряду признаков нож был найден в мог. Меновное-VIII, кург. № 5, м. 2 (конец IX–VIII в. до н.э.). Длина ножа – 21,8 см, ширина лезвия – 2,0 см, спинка прямая, на конце клинок изогнут, рукоять выемчатая, навершие кольцевидное, слегка уплощенное, размерами 2,7×1,7 см [Ткачева 2003: рис. 2, 1]. Интерес представляет и само захоронение, совершённое в круглой ограде с пристройкой прямоугольной формы, в каменном ящике, перекрытом плитами и обложенным по периметру каменными плитками. Погребённый лежал в скорченной позе, на правом боку, головой на юг. В ногах – керамический сосуд, а рядом с головой на деревянное блюдо (остатки тлена) была положена заупокойная мясная пища [Ткачева 2003: 379].

В группу ножей с кольцевидным навершием можно отнести экземпляр из мог. Зевакино, ограда 35, найденный вместе с ножом, имеющим полукруглое навершие («арка на кронштейне»), датированный VII–VI вв. до н.э. В могильной яме находилось три скелета в скорченном положении, головой на юг. В изголовье отмечены рёбра овцы [Арсланова 1974: табл. I, 5; 49].

Ножи с полукруглым навершием – «арка на кронштейне» Зевакинского могильника – выделены Ф.Х. Арслановой в I тип – 9 ед. Длина ножей 16,0–18,5 см. Лезвие широкое, треугольное в сечении, к концу слегка сужается, от рукояти отделено небольшим уступом, немного загнуто. У большинства ножей обушок прямой – 6 экз., у двух – обушок вогнутый и один выгнут дугообразно. Рукоять хорошо выделенная, широкая (1,6–2,0 см), длиной 8,0–9,6 см, подпрямоугольная в сечении [Арсланова 1974: табл. I, 1–3; II, 2; III, 1–3, 14]. На поселении Новошувльбинское (VIII–VII вв. до н.э.), расположенном в 70 км от Зевакино вниз по течению Иртыша, на двух фрагментах прямоугольных керамических форм для отливки ножей сохранились рукояточные части с навершиями в виде «арки на кронштейне» сегментовидной и треугольной формы с прорезями полукруглой формы, что указывает на их местное производство [Ермолаева, Ермоленко 2016: рис. 14; 662–664].

Второй тип представлен двумя ножами VIII–VII вв. до н.э. с валиковым навершием и отверстием под ним. Рукоять отделена от лезвия уступом. Один нож с прямым обушком, второй – с дугообразным [Арсланова 1974: табл. I, 6; II, 3].

В третий тип входят два ножа длиной 14,0 и 14,5 см. Один нож с навершием в виде трёх «шариков», пластинчатое лезвие отделено от рукояти выступом. Обушок вогнутый, под навершием – отверстие. У второго ножа навершие в форме валика, широкое прямое лезвие и обособленная рукоять [Арсланова 1974: табл. II, 5, 4]. К этому типу ножей отнесён массивный длинный (20,0 см) нож с грибовидным навершием и округлым отверстием под ним и нож с навершием в виде Г-образного выступа, обращённого в сторону лезвия [Арсланова 1974: рис. 2, 1, 2]. Ножи третьего типа датируются VIII–VII вв. до н.э.

Ф.Х. Арсланова относила зевакинские ножи к карасукско-тагарским формам, отмечала их типологическую связь с более ранними ножами, а в более поздних вариантах выделяла архаичные черты, что, по её мнению, могло свидетельствовать о взаимодействии в Прииртышье в VIII–VI вв. до н.э. андроновской и карасукской культур. В меньшей степени ею было отмечено их сходство с большереченскими ножами.

Бронзовые ножи так называемых карасукских форм действительно обнаруживают большое сходство с бронзовыми ножами периода поздней бронзы Минусинских котловин [Членова 1972]. Согласно классификации А.В. Полякова, пластинчатые прямые или слабо изогнутые ножи с навершием в виде кольца или арки на кронштейне определены в IV группу и отнесены к баиновскому этапу периода поздней бронзы (IX–VIII вв. до н.э.). Однако А.В. Поляков отмечает отсутствие их связи, переходных вариантов и форм с группами I–III («карасукскими»). Он считает их гораздо ближе к «андроновской» группе пластинчатых ножей без навершия [Поляков 2022: 156–158, рис. 4, 1, 7, 8, 12].

Большинство плоских ножей с кольцевидным навершием были найдены в захоронениях, совершённых по обряду фёдоровской культуры, но с остатками мясной заупокойной пищи (позвонки, рёбра барана; ноги, копыта коня), характерной деталью погребального обряда племён раннего железного века. Бронзовые с кольцевидным навершием ножи на территории Восточного Казахстана были распространены с III по I тыс. до н.э. Несмотря на значительный объём материала по данной категории предметов, остаётся далёким от решения вопрос их происхождения и эволюции. Пластинчатые с прямым или выгнутым обушком ножи с навершиями разнообразной формы – ещё

одна категория ножей, довольно широко представленная в Прииртышье. Совершенно очевидно, что простое перечисление аналогий уже не даёт должного результата. Их количество растёт, расширяется территория распространения, культурная принадлежность становится всё более разнообразной. Возможно, что построение многоступенчатых типологических схем с выделением максимально большего количества дифференцирующих морфологических признаков позволит разобраться в этом вопросе.

Каменные оселки. Появление в погребальных комплексах каменных оселков чаще всего связывают с использованием бронзового, а впоследствии железного оружия (ножей, кинжалов). Оселки известны во всех раннекочевнических культурах. Практически все они относятся к типу плоских с параллельными или слегка расширяющимися книзу гранями и закруглёнными углами. Вверху обычно просверлено круглое отверстие. Эта категория предметов распространена как в VII–VI, так и в V–III вв. до н.э. [Боковенко, Заднепровский 1992: 136].

В памятниках прибрежной зоны каменный оселок прямоугольной формы с круглым отверстием был найден в могиле 3, объекта № 2 раннекочевнического комплекса VII в. до н.э. правобережного могильника Акчий III. Погребение трёхъярусное, совершено в ограде прямоугольной формы, сложенной из крупной гальки, в деревянной колоде, вытянуто на спине, головой на СЗ [Трифонов, Боковенко 1998: 149–150; рис. II, 3].

Псалий. Трёхдырчатые псалии – наиболее архаичный и самый распространенный в пред- и раннескифское время вид металлических изделий. На сегодняшний день выделены их различные варианты, отличающиеся между собой формой отверстий (круглая или овальная), месторасположением отверстий на стержне, сечением стержня, наличием или отсутствием муфты у отверстия, формой муфты и т. д.

Псалию из захоронения у с. Беткудук аналогичны бронзовые трёхдырчатые псалии (2 экз.) из разрушенного кургана № 31 мог. Герасимовка. Длина псалиев – 11,5 см, отверстия круглой формы с небольшими утолщениями выполнены в одной плоскости. В захоронении псалии были найдены в комплекте с бронзовыми двусоставными удилами со стремечковидными окончаниями (VIII–VII вв. до н.э.) [Бесетаев, Кариов 2016: 73; рис. 1, 1–3].

Псалии дуговидной формы, с тремя овальными отверстиями в стержне в комплекте со стремечковидными удилами входили в состав Камышенского клада VII–VI вв. до н.э. (Шемонаихинский р-н, ВКО) [Арсланова 1972: рис. 1, 1, 9].

Трёхдырчатые псалии из рога более раннего времени (IX–VIII вв. до н.э.) были обнаружены на левом берегу р. Бухтармы, на мог. Курту II, кольцо 3. Псалии имеют изгиб, на одном конце – грибовидная шляпка, другой – в виде небольшого шарика. Отверстия круглой формы. Захоронение человека совершено на левом боку, в скорченном положении, головой на СЗ, в сопровождении коня, погребённого в пристройке [Сорокин 1966: 44, рис. 5, 1].

Наиболее близкими аналогиями восточно-казахстанским трёхдырчатым псалиям с сопредельных территорий являются псалии из кургана Аржан-1, особенно 7 экз. из камеры 26 [Грязнов 1980: рис. 30, 20–26]. В Северном Причерноморье подобные трёхдырчатые псалии представлены черноморовским типом (конец IX – начало VII в. до н.э.) [Тереножкин 1976: рис. 86].

Из памятников, расположенных в зоне береговой линии Иртыша, происходят ещё несколько типов псалиев. В Измайловском могильнике, в ограде № 17, сооружённой из поставленных на ребро плит, в западной половине обнаружены предметы конской сбруи, в т. ч. удила со стремечковидными

окончаниями прямоугольной формы (тип II) в паре с трёхдырчатыми псалиями (2 экз.) с одноплановым расположением круглых отверстий, диаметром 0,6 см в середине стержня (тип II). Один конец псалия широкий, ложечковидный, шириной 1,8 см, другой – круглый в сечении, утончен и изогнут. Вторую пару составляли стремечковидные удила с двухплановым расположением отверстий (тип I). Стрежни удила длиной 4,5 см орнаментированы насечками. Насечки на стержнях и внутреннее дополнительное кольцо бочонковидной формы отнесены к архаическим чертам (VII–VI вв. до н.э.). Псалии двухдырчатые, круглые в сечении, 2 экз. (тип I). Длина псалиев – 12,5 см. Один конец утончен, округлен и изогнут внутрь, другой – прямой и уплощён в виде ложечки шириной 2,0 и 1,2 см [Ермолаева 2012: 81, рис. 59, 1, 2]. На могильнике Елеке сазы-2 в числе случайных находок у кургана № 51 найдены бронзовые псалии общей длиной 19,5 см, шириной около 1,0 см. Один псалий обломан. В центральной части псалия находятся три отверстия, расположенные в одной плоскости, диаметром 0,6 см, расстояние между отверстиями 0,9 см. Один конец у псалия стержневидной формы, круглый в сечении, загнут кверху. Второй конец прямой, плоский, в сечении прямоугольной формы, закруглен в виде ложечки. Датировка псалиев VIII–VI вв. до н.э. [Толеубаев и др. 2020: 188–189, рис. 16, 1]. Аналогичные бронзовые псалии найдены в курганах № 14 и 15 мог. Уйгарак [Вишневская 1973: 135, табл. III, 3, 4, II, 12]. Само захоронение совершено в каменном ящике и датировано переходным от эпохи бронзы к раннему железу временем.

В мог. Герасимовка, кург. № 22 в северном углу ящика в круглой ямке, диаметром 20,0 см, глубиной 15,0 см, обнаружены бронзовые удила со стремечковидными окончаниями и псалии. Псалии отнесены к категории дырчато-шпёньковых, имеют вид слабо изогнутого стержня с Т-образным выступом в центре. Объёмные окончания овальной формы с отверстиями [Ткачев, Тишкин 1999: рис. 2, 1–3]. Надмогильная конструкция представляла собой круглую ограду диаметром 5,0 м из крупных камней белого кварца. Захоронение совершено в могильной яме (3,0×1,25 м) с каменным ящиком, вытянуто на спине, головой на СЗ, датировано сер. VII в. до н.э. Псалии с Т-образным выступом были найдены в кургане № 2 мог. Майемер. Окончания псалиев уплощены и имеют ажурный контур в виде стилизованной головы грифона или языка пламени. У краёв вместо отверстий полуовальные петли (рамки). Псалии найдены в комплекте со стремечковидными удилами [Джумабекова, Базарбаева 2011: рис. 15]. Курган имел диаметр 16,0 м, высоту 0,6 м. Над ямой, перекрытой плитами, находилась стела. Захоронение совершено в деревянной колоде, в подбое, расположенном в северной стенке и заставленном плоскими плитами. Вместе с человеком погребены лошадь, баран и собака. Объект датирован VII в. до н.э. и отнесён к майемерской культуре.

Наземная конструкция кургана Кондратьевка XXI представляла собой каменную кольцеобразную выкладку со стелой, расположенной с северной стороны. В одной могиле в деревянной колоде находились разрозненные кости человека. В могиле 2 были погребены на уступчиках три лошади с подогнутыми ногами, на правом боку, головой на восток и два барана. Отдельно, в самом низу, была уложена сбруя, в состав которой входили псалии с Т-образным выступом и отверстиями на концах и псалии У-образной формы с крючком. Комплект дополняли стремечковидные удила. У-образные псалии со стремечковидными удилами также найдены на могильнике Солонечный Белок, кург. № 2 (VII–VI вв. до н.э.) [Шульга 2008: 161–164, рис. 27, 1, 2 3; Грязнов 1947: рис. 3, 9].

Даже такой незначительный в количественном отношении, но типологически разнообразный материал по псалиям и удилам Прииртышской зоны играет важное значение в датировке и в разработке типологических схем конского снаряжения ранних кочевников не только Казахстана, но и сопредельных территорий.

Каменные зернотёрки, песты, мотыжки

Довольно распространёнными формами каменного инвентаря периода средней бронзы (XV–XII вв. до н.э.) являются зернотёрки, мотыги и песты. Зернотёрки зафиксированы на поселениях Восточного Казахстана: Усть-Нарым, Трушниково – 2 экз., Канай [Черников 1960: 29, 37; табл. XV, 2, 3; L, 5], Барашки I – 3 экз. [Ткачева, Ткачев 2008: 41, 42; рис. 11, 6; 12]. На поселениях эпохи бронзы Центрального Казахстана: Атасу – 2 экз., Мыржик – 2 экз. [Кадырбаев, Курманкулов 1992: 119, 157, рис. 104, 12].

Каменные мотыги, аналогичные мотыгам, найденным в прибрежной зоне Шульбинского вдхр., были обнаружены на поселениях Канай – 2 экз., Усть-Нарым – 5 экз., Трушниково – 18 экз. [Черников 1960: табл. XV, 6; XVI; XXVI, 3–5; XLIX, 1–4]. На поселениях эпохи бронзы Центрального Казахстана: Суук-Булак – 8 экз., Атасу – 37 экз., Мыржик – 8 экз. и др. [Кадырбаев, Курманкулов 1992: 149–154, рис. 113–115]. В Восточном Казахстане большое количество однотипных мотыг и зернотёрок найдено на раннесакских поселениях комплекса Акбауыр (X–VIII вв. до н.э.) [Самашев 2020: 103–118].

Найденный пест по классификации М.К. Кадырбаева и Ж. Курманкулова относится к I типу и имеет аналогии в памятниках эпохи бронзы Центрального Казахстана: Атасу – 30 экз, Мыржик – 6 экз., Ак-Мустафа – 2 экз. [Кадырбаев, Курманкулов 1992: 132–136; рис. 100, 3, 4; 101, 3; 102, 1, 2].

3.3 Каменные стелы в погребальных конструкциях и ритуальных памятниках эпохи бронзы и раннего железа

Менгиры, стелы и оленные камни являлись важным составным элементом разнотипных погребальных и жертвенно-поминальных комплексов. В том числе они использовались при сооружении внутримогильных и надмогильных конструкций. К настоящему времени в научный оборот введены многочисленные статуарные памятники по всей степной зоне Евразии. Разработаны новые подходы к их изучению, включая типологию, проблемы датировки и происхождения, стилистических приёмов, семантики изображений и т. д. [Волков 2002; Савинов 1994; Ковалев 2000; Таиров, Гуцалов 2001 и др.].

Наиболее изученными на территории Казахстана являются стелы, менгиры и оленные камни эпохи бронзы – раннего железа Сарыарки. Основным источником информации по менгирам и стелам Центрального Казахстана по-прежнему остаются работы А.Х. Маргулана, содержащие наиболее полную информацию о более чем 100 статуарных памятниках [Маргулан 1998]. На данном этапе вполне закономерно происходит повторное обращение к зафиксированным А.Х. Маргуланом каменным скульптурам. Вместе с тем, в научный оборот вводятся новые памятники из других регионов Казахстана. В исследованиях Ж. Курманкулова, Л.Н. Ермоленко, А.З. Бейсенова, Г.С. Джумабековой, Г.А. Базарбаевой, А.Д. Касеновой, С.А. Ярыгина и др. предпринимаются попытки более глубокого теоретического осмысления и систематизации материалов [Бейсенов, Ермоленко 2014; Бейсенов 2016; Ермоленко и др. 2016; Джумабекова, Базарбаева 2017; Касенова 2020; Ярыгин 2011]. Получили развитие исследования древних каменных изваяний с антропоморфными чертами раннесакского времени [Амиров, Умиткалиев 2022; Ермоленко 2014; Ермоленко и др. 2021; Килуновская, Семенов 2018]. Интерес представляет изучение таких комплексов как курганы с «усами», в конструкцию которых входят стелы и менгиры [Бейсенов и др. 2020; Джумабекова, Базарбаева 2022].

В Своде археологических памятников Восточно-Казахстанской области, в материалах Шульбинской экспедиции и других публикациях археологов, изучавших памятники Восточного Казахстана, также содержатся сведения о каменных стелах.

Традиция установки стел в погребениях фёдоровской культуры андроновской культурной общности подтверждается материалами из мог. Беткудук. В ограде № 39 прямоугольно-трапециевидной формы с пристройкой с южной стороны исследовано два захоронения в каменных ящиках, перекрытых плитами. У ящика № 2 с западной стороны был установлен четырёхгранный менгир высотой 0,95 м с отбитым верхом. Погребения в ящиках совершены в скорченном положении на левом боку, головой на запад [Ермолаева 2012: 21, фото 8].

На мог. Беткудук I, III также были зафиксированы стелы. Видимо, конструкция надмогильных сооружений позволила датировать их эпохой средневековья, хотя есть все основания предположить более раннее их происхождение и последующее смещение с первоначального места. Стеловидный камень длиной 1,8 м, шириной в верхней части 0,23–0,26 м, в середине 0,37 м и у нижнего конца 0,27 м с обломанной верхней частью зафиксирован в группе Беткудук I у кургана № 1. В месте перехода от головы к туловищу имеется желобок. В курганный группе Беткудук III у кургана № 4 у основной насыпи с востока находились две стелы. Одна из них длиной 1,8 м. Рядом – ещё одна длиной 1,7 м, шириной 0,40 м. У южной, подквадратной формы, пристройки с восточной стороны также лежала каменная стела размерами 1,20×0,40 м [САП ВКО 2006: 236].

На могильнике Темир-Канка с захоронениями периода финальной бронзы каменные стелы были установлены у кургана-ограды № 80. Ограда круглой формы с высотой насыпи 0,2 м и диаметром С–Ю – 11,8 м, З–В – 12,2 м, обставленной по основанию врытыми в землю каменными плитами, к которой с юга и севера примыкали две пристройки, сооружённые из камней и плит, положенных плашмя. С западной стороны центрального захоронения (погребение 6) был установлен четырёхгранный каменный столб высотой 0,63 м с отбитым верхом. Ширина граней – 0,18–0,24 м. Основание столба было обложено каменными плитами. К юго-западу от него на расстоянии 0,5 м друг от друга на земле лежали ещё три четырёхгранных каменных столбика длиной 0,5–0,7 м. Всего в ограде было вскрыто шесть погребений. Четыре – в каменных ящиках и два – в грунтовых ямах, перекрытых каменными плитами [Ермолаева 2012: 41–43; фото 33–35].

В группе Ковалёвка II, у кургана № 8 с круглой каменной насыпью, лежали четыре каменных стелы [САП ВКО 2006: 221]. На восточной окраине могильника Измайловка был найден олений камень [Ермолаева 2012: 61, фото 55, 1].

Столбообразный камень с гладкими зашлифованными гранями находился с южной стороны кургана № 2 мог. Курук II. Конструкцию наземного сооружения составляло двойное кольцо из гранитных плит, поставленных на грань и вкопанных в землю. В северо-восточном секторе зафиксирован менгир, в северо-западном – стела. Захоронение совершено в могильной яме (4,0×2,4 м) с перекрытием из массивных каменных плит, в каменном ящике и деревянной колоде, датировано VIII–VI вв. до н.э. [Самашев и др. 2017: 120].

На могильнике Жартас (Каменный Яр) у одного из курганов обнаружен олений камень, изготовлен из розового мелкозернистого гранита, высотой 1,33 м, толщиной 0,23 м, шириной 0,33 м со скошенным верхом. На поверхности выделено восемь рельефных наклонных линий. Памятник датирован VII–VI вв. до н.э. [САП ВКО 2006: 238].

У кургана № 28 мог. Герасимовка был зафиксирован стеловидный камень длиной 1,3 м, шириной 0,3 м, толщиной 0,20 м со сколотым с одной стороны верхом. Памятник датирован VII в. до н.э. [Ткачев, Тишкин 1999: 194]. Земляная насыпь округлой формы, диаметром 6,0 м, высотой 0,1 м, под которой ограда подквадратной формы размерами 4,5×4,5 м. С восточной стороны находился стеловидный камень длиной 1,3 м, шириной 0,3 м, толщиной 0,2 м. Погребение совершено в могильной яме (2,0×1,2×1,65 м) с каменным перекрытием. Захоронение совершено в подбое шириной 0,5 м, высотой 0,7 м (южная стенка), разрушено.

На правом берегу р. Иртыш у одиночного кургана Кондратьевка XVII с восточной стороны находилась поваленная гранитная стела с конусовидно затёсанными концами [САП ВКО 2006: 42]. У северного края каменной кольцевидной выкладки объекта Кондратьевка XXI также находилась каменная стела. Захоронение в могиле № 1 раннесакского времени VIII–VII вв. до н.э. на этом объекте совершено в деревянной колоде (срубе с крышей), обставленной каменными плитами. В могиле № 2 выявлены ярусные захоронения трёх лошадей и барана. Каменная стела отмечена у кургана № 3 мог. Убафорпост [Самашев 2022: 14, 16]. Одна стела обнаружена в курганный группе Красный Яр IV [САП ВКО 2006: 45, 46].

В целом, в Своде археологических памятников ВКО содержатся сведения примерно о 30-ти каменных стелах, предварительно датированных эпохой бронзы – ранним железным веком. Помимо одиночных стел приведены описания групп менгиров и менгиров, входящих в более сложные конструкции – насыпи курганов, кольцевые выкладки, оградки. Наиболее интересными представляются следующие объекты.

В Глубоковском районе в 1985 г. экспедицией Семипалатинского пединститута под руководством Л.Н. Ермоленко была зафиксирована группа из шести менгиров с косым срезом верхней части, установленных полукружием с юга на север. С запада менгиры окружены полукруглой каменной выкладкой шириной до 2,0 м, а с севера от неё выступали вертикально врытые в землю плиты. Одиночные стелы были зафиксированы на восточном склоне Дельбегетейских гор и на мог. Криюши I [САП ВКО 2006: 75, 76, 86].

В Уланском районе в южной группе могильника Айыртау выделяются оградки с каменными стелами. Одиночные стелы упоминаются на курганных группах Каменка и Кызылкаин II [САП ВКО 2006: 222, 224, 234].

В Кокпектинском районе известна только одна стела с курганный группы Песчанка I [САП ВКО 2006: 50]. В Тарбагатае в долине Аксуат у южного склона горы Жаксы Арганаты в окрестностях с. Жаргас упомянуты три святилища раннего железного века с оленными камнями – Ойшилик 1–3. На камнях нанесены изображения солярных знаков, трёх косых линий, птицеголовых оленей с клювами, зооморфных фигур, оружия и других символов. У южного склона горы Туйемойнак, у пос. Мешел обнаружен оленный камень с изображением в верхней части диска и различных видов оружия на поясе. Вся поверхность камня покрыта изображением птицеголовых оленей. Памятники исследованы в 2010 г. группой археологов под руководством З. Самашева [Самашев и др. 2010: 16–21].

В Курчумском районе на мог. Жилытау V параллельно цепочке больших курганов с севера на юг тянется ряд из 12-ти балбалов. В курганных группах Жилытау I, XI зафиксировано по два стеловидных камня. В группе Жилытау XIII на трёх из пяти курганов внутри оград находились каменные стеловидные столбики. На мог. Калгуты IV–VI в центре кольцевых выкладок, в оградах и в насыпях курганов фиксируются стелы. Три стелы упоминаются на могильнике Малый Сарыбай [САП ВКО 2006: 153, 168, 171–173, 189]. В курганный группе Байгетобе, расположенной вдоль трассы на Маралиху, на кургане № 3 вкопаны два прямоугольных стеловидных камня высотой 0,70–0,80 м. На кургане № 11 установлена прямоугольная стела из розового гранита, высотой 1,5 м [САП ВКО 2006: 184].

В Шиликтинской долине каменные стелы зафиксированы в группе Шиликты I, в западной части кургана № 2. В группе Шиликты 4 у кургана № 2 с ЮЗ стороны расположено 16 каменных столбов, вытянутых в направлении С–Ю, у кургана № 3 – 30 каменных столбов, кургана № 5 – 18. Вполне вероятно, что у курганов № 1–2 также были установлены менгиры. Высота столбов состав-

ляет от 0,5 до 1,8 м, расстояние между ними 50–60 м. Деревянная стела находилась наверху кургана Байгетобе (мог. Шиликты-3). Обломки четырёхгранной каменной стелы, длиной 2,8 м, выявлены на этом объекте у погребальной камеры [Толеубаев 2018: 34, 83, 150, 197].

В Катон-Карагайском районе в 1997 г. археологическая экспедиция Института археологии им. А.Х. Маргулана под руководством З. Самашева проводила исследования на мог. Майемер-II (VIII–VII вв. до н.э.), расположенном в устье р. Майемер (приток р. Нарым). На вершине кургана № 2 был обнаружен оленний камень, изготовленный из плиты серого гранита с изображением диска, чекана, лука со стрелами, оселка на поясе. Плита подквадратная в сечении, к низу слегка расширяется, размерами 1,0×0,15 (0,20) м [Марсадолов, Самашев 2000: 26; рис. 37, 2; 39]. На кургане № 3 (поминальное сооружение) с невысокой насыпью и двумя каменными кольцами по основанию, сооружёнными из гранёных блоков и плоских плит, в юго-западном секторе лежал менгириобразный камень с изображением трёх колец, расположенных в ряд (среднее кольцо большее по диаметру). В северо-западном секторе находился массивный блок прямоугольной формы длиной 0,90 м, толщиной 0,32 м. Захоронение совершено в могильной яме с подбоем с заставкой из каменных плит, установленных в два ряда, вытянуто на спине, головой на север-запад [Самашев и др. 2017: 124, 127].

В 2009 г. в долине р. Бухтармы на могильнике Майемер ВКАЭ Института археологии им. А.Х. Маргулана под руководством З. Самашева при раскопках двух курганов в насыпях были обнаружены стелы. В кургане № 1 основу наземной конструкции составляло сооружение в виде усеченной пирамиды из камня и дерева, облицованное по низу крупными камнями, с дромосом с восточной стороны. В верхней части кургана, в центре находилась стела. Это был небольшой в размерах камень (38,0×21,0×7,0 см) со следами обработки – зафиксированы сколы по бокам и глубокий шлифованный желобок у одного из концов. Захоронение совершено в каменном ящике, оказалось полностью разграбленным. В кургане № 2 стела размерами 82,0×30,0×7,0 см зафиксирована над ямой. Исследованные курганы были отнесены к майемерской культуре и датированы VII в. до н.э. [Джумабекова, Базарбаева 2011: 69, 75]. В этом районе известны и одиночные стелы [САП ВКО 2006: 110, 112, 117, 132, 137].

В одной из своих работ, посвящённой средневековым каменным изваяниям Верхнего Прииртышья, Ф.Х. Арсланова и А.А. Чариков выделяют особую группу из пяти изваяний (№ 17–21), обнаруженных у кургана, расположенного в 12 км к ССВ от станции Уш-Биик Жарминского района Семипалатинской области (ныне Абайская область). Стелообразные изваяния изготовлены из крупнозернистого гранита серого с розоватым оттенком цвета и имеют только одну, обработанную в условно-реалистичной манере, сторону [Арсланова, Чариков 1974: рис. 6].

Три изваяния – № 17 (1) высотой 2,16 м, шириной 0,35 м, толщиной 0,18 м, № 18 (2) высотой 1,72 м, шириной 0,30 м, толщиной 0,15 м и № 21 (5) высотой 1,42 м, шириной 0,18–0,30 м, толщиной 0,15–0,18 м – отличаются общими признаками. Голова у этих изваяний выделена из монолита выемкой, подчеркивающей очертания нижней части лица. Нос и брови показаны одним рельефом. Рот в виде овального углубления, может быть очерчен валиком.

У изваяния № 19 (3) высотой 2,25 м, шириной 0,18–0,45 м, толщиной 0,06–0,08 м и изваяния № 20 (4) высотой 1,50 м, шириной 0,18–0,27 м, толщиной 0,12–0,15 м голова выделена из монолита за счет выступания вперед лицевой части. Лицевая часть сохранилась только у последнего изваяния. Нос и слегка изогнутые брови показаны отчетливым невысоким рельефом. Обозначены небольшие продолговатые глаза и округлый рот [Арсланова, Чариков 1974: 230–231].

Изваяния были установлены в ряд с СВ на ЮЗ с восточной стороны кольцевидной (подквадратной) формы ограды размерами 6,0×6,0 м, сложенной из камней. Позади изваяний находились шесть вертикально вкопанных плит. Вполне возможно, что и изваяний первоначально тоже было шесть. Никаких находок на объекте обнаружено не было, что позволяет предположить его ритуальный характер [Арсланова, Чариков 1974: рис. 9, 1]. Авторы отметили недостаточное количество датирующих изваяния признаков, однако, по иконографическим особенностям и с учётом конструкции наземного сооружения вполне допустима более ранняя их датировка – VIII–VII вв. до н.э.

Даже такой краткий обзор позволяет сделать вывод о том, что на территории Восточного Казахстана традиция установки стел на ранних погребальных комплексах была достаточно широко распространена.

Изваяние из Беткудука имеет вид столба с практически равными гранями. На одной из граней – лицо человека. С левой стороны по ребру нанесены три зарубки, расположенные одна над другой с наклоном вправо. Мотив из наклонных параллельных линий, расположенных в верхней части оленных камней, является одним из самых распространенных и устойчивых. Линии (чаще всего три) могут иметь наклон в правую или левую сторону. Достаточно широкий круг аналогий оленным камням с косыми линиями рассмотрен Л.Н. Ермоленко на примере изваяния из Койшоки [Ермоленко, Курманкулов 2014]. Среди исследователей сложилось множество самых разнообразных версий относительно смыслового содержания данного символа [Кисель 2022].

Обращаясь к вопросам семантики погребально-поминальных памятников и связанных с ними каменных скульптур и стел, исследователи, что в принципе вполне обосновано, в первую очередь рассматривают пространственную организацию миропорядка и обходят такой важный аспект как время. Вместе с тем, смерть человека фиксируется не столько местом, сколько временем, тем моментом, когда это событие произошло. Оно обязательно должно было найти отражение в конструкции погребальных сооружений.

В древности система мироздания представлялась мировой осью в виде горы, столба, древа с чётким делением на верхний, средний и нижний миры, своего рода зоны. Местоположение живого человека и его души всегда оставалось неизменным – средняя зона (земля). Переходить границы своего мира живому человеку было не под силу.

Самым важным объектом поклонения являлось Солнце. В мире человека и пространство, и время были подчинены Солнцу. Именно с ним человек связывает до сих пор все жизненно важные процессы и циклы. В зоне обитания человека пространство переходило из вертикальной схемы в горизонтальную плоскость и делилось в зависимости от местоположения светила. Восход (восток) – высшая точка (юг) – заход (запад) – низшая точка (север). Четыре сектора.

Определять себя во времени человеку тоже позволяло Солнце. Первый суточный цикл – смена дня и ночи, света и тьмы. Годичный цикл связан со сменой четырёх сезонов, когда Солнце последовательно проходит сменяющие друг друга фазы. От зимнего до летнего солнцестояния Солнце набирает свою мощь. От летнего до зимнего эта мощь ослабевает – стадии силы. Есть ещё две стадии – весеннее и осеннее равноденствия – стадии равновесия. Солнце постоянно, но в каждый период времени оно другое. Это отразилось в религиозно-мифологических представлениях. Сформировался культ высшего божества – Солнца. Но, с другой стороны, появилось четыре Солнца, каждое из которых являлось составляющей единого бога и, в то же время, выступало самостоятельным божеством. Каждому такому богу соответствовали свои, отличающие его от других, символы. На поверхность камня могли нанести всего лишь один такой символ или сразу несколько, тем самым обозначив определённый момент или период времени. Камень, маркирующий солнечную фазу, по-

казывал, когда человек умер, согласно каким ритуалам проведено его погребение, какие совершать поминальные обряды, какую приносить жертву и т. д. Именно на этом этапе будет формироваться и воплощаться та или иная конструкция внутри- и надмогильных сооружений, включая изваяния и стелы. К астрономическому циклу, схеме мироздания, религиозно-мифологическим представлениям подключалась система ритуальной и обрядовой практики сезонно-календарных циклов.

Ещё один характерный признак – зональность. Диски и косые линии всегда наносятся на верхнюю часть камня и обязательно отсекаются границей. Диск может быть один, несколько дисков одного размера или разные по размеру диски, расположенные в ряд или бессистемно. Иногда диск заменяется кольцом. Возможно, в таких случаях показана солнечная фаза или особенности взаимодействия светила с другими астрономическими объектами (Луна, планеты), которые человек мог наблюдать в определённый период времени. В верхней зоне Солнце выступает как астрономический объект, высшее, недостижимое, безликое божество.

Наряду с культом Солнца достаточно сильно почитался культ предков. Косые линии, которые наносили на противоположную грань камня, могли иметь к нему отношение. Разным могло быть количество и наклон линий. Культ предков также предполагает своего рода иерархию – кровные предки одного человека, семьи, общины, племени, первопредок. Возможно, что здесь также могла иметь место специфическая культовая символика. После смерти душа человека уходила в потусторонний мир – либо к Солнцу, либо к предкам. Кремация и ингумация – это не только два способа обращения с умершим телом, но ещё и два пути перехода души человека в иной мир. Не исключено, что они также могли быть подчинены сезонно-календарным циклам. Душа человека, умершего в период от зимнего до летнего солнцестояния, отправлялась к Солнцу, тело сжигали на погребальном костре. Души людей, умерших в период от летнего до зимнего солнцестояния, отправлялись к предкам, их предавали земле. Души умерших в равноденствия людей, возможно, обладали правом «выбора», поэтому, чтобы обеспечить их переход в потусторонний мир, тело сжигали, но прах не разведали, а помещали в могилу, сопровождая захоронение имитацией огненного ритуала – охра, обожженные кусочки дерева (остатки погребального ложа), уголь и т. п.

В средней зоне оленных камней чаще всего изображают предметы вооружения – кинжал, лук, колчан со стрелами, топор (молот), палицу (посох) и животных – «птицеголового» оленя, стремящегося вверх, архара, кабана, коня, которые могут являться символическим и зооморфным кодами земного воплощения солнечных богов. В отдельных случаях их могут помещать вверху или внизу, но, как правило, значительно изменив (уменьшив или увеличив) в размерах.

В нижней зоне находятся собаки, волки, рыбы, змеи и фантастические существа, которые непосредственно контактируют с душой умершего человека и служат проводниками в иной мир.

Заслуживают внимание способы передачи границ между мирами – валик, несколько валиков, зигзагообразная линия, цепочка. Зигзаг (волнообразная линия) – подземная река, которую пересекает душа человека, уходя в мир предков. Цепочка – небесная река, о которой нам мало что известно, но, наверное, именно её душа человека должна преодолеть, отправляясь к Солнцу. Обычным валиком отделен мир человека и сверху, и снизу. К нему примыкают границы других миров. Далеко не всегда на камне отображена вся схема и символы. Чаще всего это верхняя, «астрономическая» зона, в отдельных случаях её дополняют персонажи средней и нижней зон.

Со временем зооморфный код практически исчезает, поскольку всё больше и больше происходит персонификация и героизация божеств и предков, возможно, каждый из них даже получает своё имя. На каменных стелах начинает проявляться антропоморфизм, который гармонично сочетается с символическим кодом (оружие), а с развитием даже канонизируется, усиливая личностные

проявления того или иного культа. В каждый из четырёх сезонов одному из солнечных Богов уделяется большее внимание и почитание, что одновременно рассматривается как проявление общения с единым богом.

Несмотря на достаточно большое количество известных к настоящему времени оленных камней с нанесёнными на поверхность символами и образами, основную массу составляют камни, лишённые рисунков. Именно такие камни чаще всего использовались при сооружении над- и внутримогильных конструкций разного типа. Это и курганы с каменно-земляными насыпями, имеющие на вершине каменные выкладки разной формы и кольцевые ограды – креpidы по периметру, и ограды разной формы с пристройками и без них, ритуальные выкладки, курганы с «усами», керексуры, цепочки балбалов, жертвенники, жертвенники с «прикладами». Архитектурные особенности того или иного сооружения в сочетании с месторасположением менгира или стелы на комплексе вполне могут содержать информацию о времени захоронения. Графическое отображение (чертёж) археологического памятника, если перенести его на плоскость, даёт схему, близкую к схемам на оленных камнях.

Эта же схема присутствует на бронзовых круглых бляшках с отверстием или петелькой для подвешивания – медалевидных зеркалах, получивших распространение в памятниках эпохи бронзы – раннего железа от Урала до Енисея. На их связь с культом Солнца обратил внимание А.И. Мартынов. У большинства из них ровная, гладкая поверхность, но встречаются экземпляры с концентрическими кругами, радиальными линиями, с изображением животных (лосиха) и даже с личинами [Мартынов 1974: 3–8; рис. 1–3]. Ещё большим разнообразием отличаются аналогичные бляшки со сложными композициями из памятников эпохи бронзы Центрального Казахстана – Мырзашо-кы, Былкылдак I, III, Айшырак, Алексеевское поселение [Маргулан 1998: 362, рис. 191]. Оба автора указывают на их культовое и даже апотропеическое назначение. Возможно, что «зеркальца-медальоны» по такой же «солнечной» схеме отображали время рождения человека. Их могли делать не только из металла, но и из других материалов, например, рога, кости, дерева, войлока, кожи нашивать на одежду и носить всю жизнь. Такой амулет служил не только оберегом, но и был своего рода маркером, определяющим под каким Солнцем (звездой) человек родился, кто ему покровительствует и защищает.

Особенность каменного изваяния из Беткудука заключается в том, что на его грани нанесено лицо человека, мотив из трёх наклонных линий и, возможно, солярный знак. Комплекс находок из захоронения позволяет датировать его VIII–VII вв. до н.э. По древним статуарным памятникам накоплен такой большой по объёму материал, что, возможно, потребуется не одна статья для того, чтобы рассмотреть весь комплекс вопросов и проблем, связанных с изваянием из Беткудука.

4 Заключение

Принимая во внимание всю совокупность данных, предметы из разрушенного захоронения у с. Беткудук могут быть датированы VIII–VII вв. до н.э. Типологически и хронологически очень близкие комплексы были зафиксированы в могильниках Мыржик-6, кург. № 3; Нурманбет IV, кург. № 1; Уйгарак, кург. № 50, Аржан-2. В их состав входят кинжал, нож с кольцевидным навершием, оселок и псалии, что вполне может указывать на особый статус этих вещей в погребении. Материалы право- и левобережных иртышских памятников VIII–VII вв. до н.э. подтверждают преемственную связь между памятниками фёдоровской культуры и памятниками раннего железного века. В обряде погребения, в конструкции надмогильных сооружений, в положении и ориентировке погребённых, в отдельных категориях погребального инвентаря наряду с признаками фёдоровской

культуры получают распространение и развитие раннекочевнические элементы. Возможно, это подтверждает мнение о том, что в Восточном Казахстане находился очаг формирования раннесакских культур. Переход населения степей к кочевому и полукочевому скотоводству, несомненно, был связан с более или менее значительным перемещением людей. Большая протяжённость Иртыша, разнообразие природных ландшафтов и экологических ниш, наличие многочисленных рудопроявлений меди, олова и золота, разные по уровню своего развития исторически сложившиеся центры оседлой культуры определили формирование и фиксацию нескольких моделей взаимоотношения кочевого и оседлого населения. К северу и югу (именно это направление, в конечном счете, даёт река) природные условия будут менее и даже совсем не благоприятными для занятия кочевым скотоводством. А вот в степной, горной и лесостепной зонах река станет одним из важных факторов, повлиявших на большую концентрацию и разнообразие памятников. Вероятно поэтому связь раннекочевнических комплексов береговой зоны Иртыша с какой-то определённой культурой до сих пор удовлетворительно не обоснована. Лишь незначительное количество памятников было изучено и введено в научный оборот. Их значение не потеряло актуальности до сих пор и подчёркивает необходимость дальнейших исследований.

Благодарности. Огромная благодарность Виктору Семёновичу Недовесову, жителю г. Усть-Каменогорска, и Валентину Семёновичу Недовесову, жителю с. Беткудук, за содействие и помощь в организации и проведении археологических работ. За профессиональное и всестороннее освещение аварийной ситуации, связанной с разрушением археологических памятников в зоне Шульбинского водохранилища в 2013–2014 гг., своё глубокое уважение и искреннюю признательность выражаю безвременно ушедшему Владимиру Александровичу Дубровскому (12.11.1973–18.12.2013.) – главному редактору областной газеты «Рудный Алтай» и корреспонденту Антону Сергиенко.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Амиров Е.Ш., Умиткалиев Д.Б. Антропоморфное изваяние из кургана Аракол // Маргулановские чтения–2022: м-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Алматы, 12–13 апреля 2022 г.) / Гл. ред. А. Онгар, отв. ред. Т.Б. Мамиров. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2022. С. 348–352.
- 2 Арсланова Ф.Х. Новые материалы VII–VI в. до н.э. из Восточного Казахстана // СА. 1972. № 1. С. 253–258.
- 3 Арсланова Ф.Х. Погребальный комплекс VIII–VII вв. до н.э. из Восточного Казахстана // В глубь веков / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1974. С. 46–60.
- 4 Арсланова Ф.Х. Некоторые памятники позднего бронзового века Верхнего Прииртышья // СА. 1974а. № 1. С. 220–226.
- 5 Арсланова Ф.Х., Чариков А.А. Каменные изваяния Верхнего Прииртышья // СА. 1974. № 3. С. 220–235
- 6 Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1987. 280 с.
- 7 Базарбаева Г.А., Джумабекова Г.С. Новое изваяние эпохи ранних кочевников из Тургая // Самарский научный вестник. 2017. № 3 (19). Т. 6. С. 117–120.
- 8 Бейсенов А.З. Каменные изваяния и менгиры сакской эпохи // Вестник Хакасского государственного университета. 2016. № 16. С. 17–22.
- 9 Бейсенов А.З., Ахияров И.К., Джуманазаров Н.Ш., Дуйсенбай Д.Б. Олений камень на кургане с «усами» в долине Койшоки в Центральном Казахстане // Археологические вести. 2020. Вып. 26. С. 166–177.
- 10 Бейсенов А.З., Дуйсенбай Д.Б. Воинское погребение тасмолинской культуры на реке Атасу // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): м-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Горно-Алтайск, 22–24 мая 2017 г.) / Отв. ред. Ф.И. Куликов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2017. С. 18–25.
- 11 Бейсенов А.З., Ермоленко Л.Н. Новые каменные изваяния сакской эпохи из Сарыарки // Вестник КемГУ. 2014. № 3 (59). С. 34–40.

- 12 Бекежан О.К., Ертелеева Р.Б. Река как феномен культуры // International Scientific and Practical Conference WORLD SCIENCE. 2017. № 7(23), Vol. 4, July. Pp. 29-31.
- 13 Бесетаев Б.Б., Кариев Е.М. Новые материалы по конскому снаряжению раннесакского времени из Восточного Казахстана // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. Т. 44. № 3. С. 72-78.
- 14 Боковенко Н.А., Заднепровский Ю.А. Ранние кочевники Восточного Казахстана // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Сер.: Археология СССР. [Т. 10]. Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. С. 140-148.
- 15 Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. (по материалам Уйгарака). Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.: Наука, 1973. Т. VIII. 160 с.
- 16 Волков В.В. Оленные камни Монголии. М.: Научный мир, 2002. 248 с.
- 17 Грязнов М.П. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. 1947. Вып. XVIII. С. 9-17.
- 18 Грязнов М.П. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников // КСИИМК. Вып. 61. 1956. С. 8-16.
- 19 Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 64 с.
- 20 Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. В поисках следов свернувшейся пантеры: к изучению памятников Майэмирской степи // История и археология Семиречья. 2011. Вып. 4. С. 67-88.
- 21 Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. О традиции установки стел в культуре населения сакского времени казахских степей // История и археология Семиречья. 2017. Вып. 5. С. 127-142.
- 22 Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. «Солнечные» курганы Ашутасты: историческая память в Степи (по результатам радиоуглеродного анализа) // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2022. № 3 (17). С. 43-73.
- 23 Ермолаева А.С. Памятники предгорной зоны Казахского Алтая (эпоха бронзы - раннее железо). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2012. 238 с., илл.
- 24 Ермолаева А.С., Ермоленко Л.Н. Поселение эпохи ранних кочевников на Иртыше // Мир Большого Алтая. 2016. № 2 (4.1). С. 654-672.
- 25 Ермоленко Л.Н. К проблеме оленных камней с антропоморфными изображениями // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани / Отв. ред. А.Г. Ситдилов, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. Т. IV. С. 31-33.
- 26 Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К. Оленный камень из урочища Койшоки // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана: м-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К.А. Акишева (г. Астана, 22–24 апреля 2014 г.) / Отв. ред. М.К. Хабдулина. Астана: Сарыарка, 2014. С. 341-347.
- 27 Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., Касенова А.Д. Некоторые итоги изучения изваяний раннего железного века Сарыарки // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): м-лы междунар. конф. / Под ред. В.В. Боброва. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2016. С. 129-135.
- 28 Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., Касенова А.Д. Комплекс Аксай-1 (к проблеме изучения древних антропоморфных изваяний и оленных камней Центрального Казахстана // Народы и религии Евразии. 2021. Т. 6. № 3. С. 7-22.
- 29 Иванов С.С. Кинжалы ранних кочевников Семиречья и Тянь-Шаня // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии: сб. науч. тр. / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Азбука, 2008. С. 37-41.
- 30 Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна реки Тясмин. Киев: Наукова думка, 1975. 223 с.
- 31 Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. С. 303-428.
- 32 Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сарыарки (по материалам Северной Бетпакалы). Алматы: Наука, 1992. 247 с.
- 33 Касенова А.Д. Каменные изваяния Сарыарки: История изучения. Алматы: Институт археологии имени А.Х. Маргулана, 2020. 196 с.
- 34 Килуновская М.Е., Семенов Вл.А. Антропоморфные элементы на оленных камнях Тувы и Монголии // Записки ИИМК РАН. 2018. № 18. С. 50-59.

- 35 Кисель В.А. Мотив параллельных линий на оленных камнях и этнографические аналогии // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. / Гл. ред. Н.А. Томилов; отв. ред. М.А. Корусенко, С.Н. Корусенко, С.С. Тихонов. Омск; Тюмень, 2022. С. 233-237.
- 36 Ковалев А.А. О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии: сб. ст. / Отв. ред. В.С. Ольховский. М.: ГЕОС, 2000. С. 138-180.
- 37 Козлов Л.Н., Беляков А.А. Иртышско-Обская глубоководная магистраль от Китая до северного морского пути в составе транспортно-энергетической водной системы (ТЭВС) Евразии // Евразийская экономическая интеграция. 2009. № 3 (4). С. 132-143.
- 38 Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Соч. в 14-ти т. Т. I. Алматы: Атамұра, 1998. 400 с.
- 39 Марсадалов Л.С., Самашев З.С. Изучение археологических памятников Западного Алтая / Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Гос. Эрмитажа. Вып. 3. СПб.: Гос. Эрмитаж; Институт археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК, 2000. 72 с.
- 40 Мартынов А.И. К вопросу о культе солнца, огня и растительных сил природы у людей тагарской культуры // Известия лаборатории археологических исследований. 1974. Вып. 5. С. 3-14.
- 41 Мерц И.В., Мерц В.К., Куц Г.А., Тишкин А.А. Находки металлических изделий раннего бронзового века из Верхнего Прииртышья (Восточный Казахстан) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края / Отв. ред. А.А. Тишкин, В.П. Семибратов. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2016. Вып. XXII. С. 163-170.
- 42 Плетнева Л.М., Мец Ф.И. Ритуальный комплекс эпохи раннего железа в Томском Приобье // Приобье глазами археологов и этнографов. Материалы и исследования к «Энциклопедии Томской области». Томск: Изд-во Томского университета, 1999. С. 10-25.
- 43 Поляков А.В. К вопросу о классификации и хронологии бронзовых ножей периода поздней бронзы Минусинских котловин // Археологические вести. 2022. Вып. 34. С. 147-162.
- 44 Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: СПбГУ, 1994. 208 с.
- 45 Самашев З.С. Производственный центр ранних саков в Казахском Алтае (поселенческий комплекс Акбауыр) // Археология Южной Сибири. К 75-летию со дня рождения В.В. Боброва. Вып. 28. Кемерово: Изд-во КРИПКиПРО, 2020. С. 103-118.
- 46 Самашев З.С. Об одном погребально-поминальном обряде у ранних саков // Археология Казахстана (Казахстан археологиясы). 2022. № 3 (17). С. 9-31.
- 47 Самашев З.С., Ермолаева А.С., Джумабекова Г.С. Казахский Алтай в I тысячелетии до н.э. // Казахстан в сакскую эпоху. Коллективная монография / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. С. 101-156.
- 48 Самашев З., Сапашев О., Оралбай Е., Толегенов Е., Исин А., Сайлаубай Е. Памятники монументального искусства Восточного Казахстана (древность и средневековье). Алматы: ТОО «Археология», 2010. 216 с.
- 49 Самашев З.С., Чотбаев А., Кариев Е., Киясбек Г., Самашев С., Ахмадиев Ж. Берел в истории культуры древних кочевников Казахского Алтая. Астана: Фолиант, 2018. 264 с.
- 50 САП ВКО – Свод археологических памятников Восточно-Казахстанской области. Усть-Каменогорск: Изд-во Гос. Фонда поддержки культуры и искусства, 2006. 264 с.
- 51 Сорокин С.С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // АСГЭ. 1966. Вып. 8. С. 39-60.
- 52 Таиров А.Д., Гуцалов С.Ю. О генезисе каменных антропоморфных изваяний Арало-Каспийского региона // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2001. С. 161-168.
- 53 Тереножкин А.И. Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев: Изд-во АН УССР, 1961. 248 с.
- 54 Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976. 224 с.
- 55 Ткачев А.А., Тишкин А.А. Курганы раннескифского времени на могильнике Герасимовка в Восточном Казахстане // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий: сб. науч. ст. / Под ред. Ю.Ф. Кирюшина и А.А. Тишкина. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1999. С. 194-198.

- 56 Ткачева Н.А. К проблеме переходного времени в Верхнем Прииртышье // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: сб. науч. тр. / Под ред. Ю.Ф. Кирюшина и А.А. Тишкина. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2003. Кн. I, С. 378-383.
- 57 Ткачева Н.А., Ткачев А.А. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. Новосибирск: Наука, 2008. 304 с.
- 58 Толеубаев А.Т. Раннесакская шиликтинская культура. Алматы: ИП «Садвакасов А.К.», 2018. 528 с.
- 59 Толеубаев А.Т., Жуматаев Р.С., Омаров Г.К., Шакинов С.Т., Бесетаев Б.Б., Ергабылов А.Е. Результаты археологических исследований 2019 г. на могильнике Елеке сазы 2 // Маргулановские чтения–2020: м-лы междунар. науч.-практ. конф. «Великая степь в свете археологических и междисциплинарных исследований» (г. Алматы, 17–18 сентября 2020 г.). В 2-х т. / Гл. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: Институт археологии А.Х. Маргулана. 2020. Т. 2. С. 172-197.
- 60 Трифонов Ю.И., Боковенко Н.А. Воинский комплекс сакской эпохи из Восточного Казахстана // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: м-лы всерос. науч. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения А.Д. Грача (г. Санкт-Петербург, декабрь 1998). СПб.: Куль-информ-пресс, 1998. С. 149-150.
- 61 Фролов Я.В. Бронзовые ножи с кольцевым навершием скифо-сакского времени с территории Барнаульского Приобья и юга Обь-Иртышского междуречья // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2018. № 5 (103). С. 207-214.
- 62 Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы: Ракурс, 1994. 170 с.
- 63 Черников С.С. Поселения эпохи бронзы в Северном Казахстане // КСИИМК. 1954. Вып. 53. С. 29-49.
- 64 Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы (МИА. № 88). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 272 с.
- 65 Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи (МИА. № 182). М.: Наука, 1972. 248 с.
- 66 Чотбаев А. Вооружение древних кочевников Казахских степей. Астана: ФИА, 2013. 200 с.
- 67 Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А. Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2017. 500 с.
- 68 Шилов С.Н., Исмагил Р.Б., Котов В.Г., Банников А.Л. Уникальный бронзовый кинжал из Казак-Кочердыка (Курганская область): типология и семантика // Уфимский археологический вестник. 2003. Вып. 4. С. 163-198.
- 69 Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I: Раннескифское время. Барнаул: Азбука, 2008. 276 с.
- 70 Ярыгин С.А. «Койтасы» Центрального Казахстана эпохи поздней бронзы в контексте формирования раннесакских культур степной Евразии // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги и перспективы: м-лы междунар. науч. конф., посвящ. 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК (г. Алматы, 12–15 декабря 2011 г.)/ В 3-х т. Т. 1. / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: ИА КН МОН РК, 2011. С. 408-416.

REFERENCES

- 1 Amirov, E.Sh., Umitkaliev, D. B. 2022. In: Onggar, A., Mamirov, T. B. (eds.). *Margulanovskie chteniya–2022 (Margulan readings–2022)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 348-352 (in Russian).
- 2 Arslanova, F. Kh. 1972. In: *Sovetskaya arheologiya (Soviet archaeology)*, 1, 253-258 (in Russian).
- 3 Arslanova, F. Kh. 1974. In: Akishev, K.A. (ed.). *V glub vekov (Throughout the centuries)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ., 46-60 (in Russian).
- 4 Arslanova, F. Kh. 1974a. In: *Sovetskaya arheologiya (Soviet archaeology)*, 1, 220-226 (in Russian).
- 5 Arslanova, F. Kh., Charilov, A. A. 1974. In: *Sovetskaya arheologiya (Soviet archaeology)*, 3, 220-235 (in Russian).
- 6 Akishev, K. A. (ed.). 1987. *Arheologicheskie pamyatniki v zone zatopleniya Shulbinskoy GES (Archaeological sites in the inundation zone of the Shulbinskaya HPS)*. Alma-Ata: “Science” (in Russian).
- 7 Bazarbayeva, G. A., Jumabekova, G. S. 2017. In: *Samarskiy nauchnyi vestnik (Samara Journal of Sciences)*, 3 (19). Vol. 6, 117-120 (in Russian).
- 8 Beisenov, A. Z. 2016. In: *Vestnik Hakasskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of the Khakass State University)*, 16, 17-22 (in Russian).
- 9 Beisenov, A. Z., Akhiyarov, I. K., Jumanazarov, N. Sh., Duysenbay, D. B. 2020. In: *Arheologicheskie vesti (Archaeological news)*, 26, 166-177 (in Russian).

- 10 Beisenov, A. Z., Duysenbay, D. B. 2017. In: Kulikov, F. I. (ed.). *Istoriya i kultura narodov Yugo-Zapadnoy Sibiri i sopredelnykh regionov (Kazakhstan, Mongoliya, Kitai) (History and culture of the peoples of Southwestern Siberia and adjacent regions (Kazakhstan, Mongolia, China))*. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University, 18-25 (in Russian).
- 11 Beisenov, A. Z., Ermolenko, L. N. 2014. In: *Vestnik Kemerovskogo gos. un-ta GU (SibScript)*, 3 (59), 34-40 (in Russian).
- 12 Bekezhan, O. K., Erteleva, R. B. 2017. In: *International Scientific and Practical Conference WORLD SCIENCE*, 7(23), Vol. 4, July, 29-31 (in Russian).
- 13 Besetayev, B. B., Kariev, E. M. 2016. In: *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia)*, 44, No. 3, 72-78 (in Russian).
- 14 Bokovenko, N. A., Zadneprovskiy, Yu. A. 1992. In: Moshkova, M.G. (ed.). *Stepnaya polosа Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya (Steppe of the Asian part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time)*. Moscow: "Nauka" Publ., 140-148 (in Russian).
- 15 Vishnevskaya, O. A. 1973. *Kultura saskikh plemen nizoviyev Syrdarii v VII–V vv. do n.e. (po materialam Ujgaraka) (The culture of the Saka tribes of the lower reaches of the Syr Darya river in the 7th–5th centuries BC (based on the materials of Uygarak))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 16 Volkov, V. V. 2002. *Olennye kamni Mongolii (Deer stones of Mongolia)*. Moscow: "Nauchnyj mir" Publ. (in Russian).
- 17 Gryaznov, M. P. 1947. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii materialnoy kultury (Brief reports of the Institute of the History of Material Culture)*, XVIII, 9-17 (in Russian).
- 18 Gryaznov, M. P. 1956. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii materialnoy kultury (Brief reports of the Institute of the History of Material Culture)*, 61, 8-16 (in Russian).
- 19 Gryaznov, M. P. 1980. *Arzhan. Tsarskiy kurgan ranneskijskogo vremeni (Arzhan. The Royal burial mound of the Early Scythian period)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 20 Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A. 2011. In: *Istoriya i arheologiya Semirechiya (The history and archaeology of Semirechye)*, 4, 67-88 (in Russian).
- 21 Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A. 2017. In: *Istoriya i arheologiya Semirechiya (The history and archaeology of Semirechye)*, 5, 127-142 (in Russian).
- 22 Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A. 2022. In: *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 3 (17), 43-73 (in Russian).
- 23 Ermolaeva, A. S. 2012. *Pamyatniki predgornoj zony Kazahskogo Altaya (epoha bronzy – rannee zhelezo) (Sites of the foothill zone of the Kazakh Altai (Bronze Age, early Iron))*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
- 24 Ermolaeva, A. S., Ermolenko, L. N. 2016. In: *Mir Bolshogo Altaya (World of the Great Altai)*, 2 (4.1), 654-672 (in Russian).
- 25 Ermolenko, L. N. 2014. In: Sitdikov, A. G., Makarov, N. A., Derevyanko, A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arheologicheskogo syezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russian Archaeological Congress in Kazan)*, IV. Kazan: "Otechestvo" Publ., 31-33 (in Russian).
- 26 Ermolenko, L. N., Kurmankulov, Zh. K. 2014. In: Khabdulina, M. K. (ed.). *Dialog kultur Evrazii v arheologii Kazakhstana (The Dialogue of Eurasian cultures in the archaeology of Kazakhstan)*. Astana: "Saryarka", 341-347 (in Russian).
- 27 Ermolenko, L. N., Kurmankulov, Zh. K., Kasenova, A. D. 2016. In: Bobrov, V. V. (ed.). *Arheologicheskoe nasledie Sibiri i Tsentralnoy Azii (problemy interpretatsii i sohraneniya) (Archaeological heritage of Siberia and Central Asia (problems of interpretation and preservation))*. Kemerovo: "Kuzbassvuzizdat" Publ., 129-135 (in Russian).
- 28 Ermolenko, L. N., Kurmankulov, Zh. K., Kasenova, A. D. 2021. In: *Narody i religii Evrazii (Nations and Religions of Eurasia)*, vol. 6, No. 3, 7-22 (in Russian).
- 29 Ivanov, S. S. 2008. In: Tishkin, A. A. (ed.). *Drevnie i srednevekoveye kochevniki Tsentralnoy Azii (Ancient and medieval nomads of Central Asia)*. Barnaul: "Azbuka", 37-41 (in Russian).
- 30 Ilinskaya, V. A. 1975. *Ranneskijskie kurgany basseyna reki Tyasmin (Early Scythian mounds of the Tyasmin River basin)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

- 31 Kadyrbayev, M. K. 1966. In: Margulan, A. Kh., Akishev, K. A., Kadyrbayev, M. K., Orazbayev, A. M. *Drevnyaya kultura Tsentralnogo Kazakhstana (Ancient culture of Central Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 303-428 (in Russian).
- 32 Kadyrbayev, M.K., Kurmankulov, Zh. 1992. *Kultura drevnikh skotovodov i metallurgov Saryarki (po materialam Severnoy Betpakdaly) (Culture of ancient cattle breeders and metallurgists of Saryarka (based on the materials of the Northern Betpakdala))*. Almaty: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 33 Kasenova, A. D. 2020. *Kamennye izvayaniya Saryarki: Istoriya izucheniya (Stone sculptures of Saryarka: A history of study)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
- 34 Kilunovskaya, M. E., Semenov, V. A. 2018. In: *Zapiski Instituta istorii materialnoy kultury RAN (The Notes of the Institute for the History of material culture RAS)*, 18, 50-59 (in Russian).
- 35 Kisel, V. A. 2022. In: Tomilov, N. A., Korusenko, M. A., Korusenko, S. N., Tikhonov, S. S. (eds.). *Integratsiya arheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy (Integration of archaeological and ethnographic research)*. Omsk; Tyumen, 233-237 (in Russian).
- 36 Kovalev, A. A. 2000. In: Olkhovskiy, V. S. (ed.). *Arkheologiya, paleoekologiya i paleodemografiya Evrazii (Archaeology, paleoecology and paleodemography of Eurasia)*. Moscow: "GEOS" Publ., 138-180 (in Russian).
- 37 Kozlov, L. N., Belyakov, A. A. 2009. In: *Evrasiyskaya ekonomicheskaya integratsiya (Eurasian Economic Integration)*, 3 (4), 132-143 (in Russian).
- 38 Margulan, A. Kh. 1998. *Begazy-dandybaevskaya kultura Tsentralnogo Kazakhstana (Begazy-Dandybay culture of Central Kazakhstan)*. Essays in 14 vol. Vol. I. Almaty: "Atamura" Publ. (in Russian).
- 39 Marsadolov, L. S., Samashev, Z. S. 2000. *Izuchenie arheologicheskikh pamyatnikov Zapadnogo Altaya (The study of archaeological sites of the Western Altai)*. Saint Petersburg: State Hermitage; Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
- 40 Martynov, A. I. 1974. In: *Izvestiya laboratorii arheologicheskikh issledovaniy (Proceedings of the archaeology research laboratory)*, 5, 3-14 (in Russian).
- 41 Merts, I. V., Merts, V. K., Kushch, G. A., Tishkin, A. A. 2016. In: Tishkin, A. A., Semibratov, V. P. (eds.). *Sokhraneniye i izuchenie kulturnogo naslediya Altayskogo kraya (Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory)*. Issue XXII. Barnaul: Altai State University, 163-170 (in Russian).
- 42 Pletneva, L. M., Mets, F. I. 1999. *Priobie glazami arheologov i etnografov (Ob river region through the eyes of archaeologists and ethnographers)*. Tomsk: Tomsk University, 10-25 (in Russian).
- 43 Polyakov, A. V. 2022. In: *Arheologicheskie vesti (Archaeological news)*, 34, 147-162 (in Russian).
- 44 Savinov, D. G. 1994. *Olennye kamni v kulture kochevnikov Evrazii (Deer stones in the culture of Eurasian nomads)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).
- 45 Samashev, Z. S. 2020. In: *Arheologiya Yuzhnoy Sibiri (Archaeology of Southern Siberia)*, 28. Kemerovo: "KRIPKiPRO" Publ., 103-118 (in Russian).
- 46 Samashev, Z. S. 2022. In: *Kazakhstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 3 (17), 9-31 (in Russian).
- 47 Samashev, Z. S., Ermolaeva, A. S., Jumabekova, G. S. 2017. In: Beisenov, A. Z. (ed.). *Kazakhstan v saksukuyu epohu (Kazakhstan in the Saka epoch)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 101-156 (in Russian).
- 48 Samashev, Z., Sapashev, O., Oralbay, E., Tolegenov, E., Isin, A., Sailaubay, E. 2010. *Pamyatniki monumentalnogo iskusstva Vostochnogo Kazakhstana (drevnost i srednevekovie) (The sites of monumental art of East Kazakhstan (antiquity and the Middle Ages))*. Almaty: "Arheologiya" Publ. (in Russian).
- 49 Samashev, Z. S., Chotbayev, A., Kariev, E., Kiyasbek, G., Samashev, S., Akhmadiev, Zh. 2018. *Berel v istorii kultury drevnih kochevnikov Kazakhskogo Altaya (Berel in the cultural history of the ancient nomads of the Kazakh Altai)*. Astana: "Foliant" Publ. (in Russian).
- 50 *Svod arheologicheskikh pamyatnikov Vostochno-Kazakhstanskoy oblasti (The official list of archaeological sites of the East Kazakhstan region)*. Oskemen: State Foundation for the Support of Culture and Art (in Russian).
- 51 Sorokin, S. S. 1966. In: *Arheologicheskiy sbornik Gos. Ermitazha (Archaeological collection of the State Hermitage)*, 8, 39-60 (in Russian).
- 52 Tairov, A. D., Gutsalov, S. Yu. 2001. In: *Materialy po arheologii Volgo-Donskikh stepey (Materials on archaeology of the Volga-Don steppes)*, 1. Volgograd: Volgograd State University, 161-168 (in Russian).

- 53 Terenozhkin, A. I. 1961. *Predskifskiy period na dneprovskom Pravoberezhie* (The Pre-Scythian period on the Dnieper Right Bank). Kiev: USSR Academy of Sciences (in Russian).
- 54 Terenozhkin, A. I. 1976. *Kimmeriytsy* (The Cimmerians). Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- 55 Tkachev, A. A., Tishkin, A. A. 1999. In: Kiryushin, Yu. F., Tishkin, A. A. (eds.). *Itogi izucheniya skifskoy epohi Altaya i sopredelnykh territoriy* (Results of the study of the Scythian epoch of Altai and adjacent territories). Barnaul: Altai State University, 194-198 (in Russian).
- 56 Tkacheva, N. A. 2003. In: Kiryushin, Yu. F., Tishkin, A. A. (eds.). *Istoricheskiy opyt hozyaistvennogo i kulturnogo osvoeniya Zapadnoy Sibiri* (Historical experience of economic and cultural development of Western Siberia), 1. Barnaul: Altai State University, 378-383 (in Russian).
- 57 Tkacheva, N. A., Tkachev, A. A. 2008. *Epoha bronzy Verhnego Priirtyshiya* (The Bronze Age of the Upper Irtysh region). Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 58 Toleubayev, A. T. 2018. *Rannesakskaya shiliktinskaya kultura* (Early Saka Shilikty culture). Almaty: IP "Sadvakasov A.K." (in Russian).
- 59 Toleubayev, A. T., Zhumataev, R. S., Omarov, G. K., Shakenov, S. T., Besetaev, B. B., Ergabylov, A. E. 2020. In: Baitanayev, B. A. (ed.). *Margulanovskie chteniya–2020* (Margulan readings–2020). In 2-vol. Vol. 2. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 172-197 (in Russian).
- 60 Trifonov, Yu. I., Bokovenko, N. A. 1998. In: *Drevnie kultury Tsentralnoy Azii i Sankt-Peterburg* (Ancient cultures of Central Asia and St. Petersburg). Saint-Petersburg: "Kul-inform-press" Publ., 149-150 (in Russian).
- 61 Frolov, Ya. V. 2018. In: *Izvestiya AltGU. Istoricheskie nauki i arheologiya* (News of the Altai State University. Historical sciences and archaeology), 5 (103), 207-214 (in Russian).
- 62 Khabdulina, M. K. 1994. *Stepnoe Priishimie v epohu rannego zheleza* (The Steppe of the Ishim River region in the Early Iron Age). Almaty: "Rakurs" Publ. (in Russian).
- 63 Chernikov, S. S. 1954. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii materialnoy kultury* (Brief communications from the Institute of the History of Material Culture), 53, 29-49 (in Russian).
- 64 Chernikov, S. S. 1960. *Vostochnyi Kazakhstan v epohu bronzy* (East Kazakhstan in the Bronze Age). Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences (in Russian).
- 65 Chlenova, N. L. 1972. *Khronologiya pamyatnikov karasukskoy epohi* (Chronology of monuments of the Karasuk epoch). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 66 Chotbayev, A. 2013. *Vooruzhenie drevnikh kochevnikov Kazahskikh stepey* (Armament of the ancient nomads of the Kazakh steppes). Astana: Branch of the Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
- 67 Chugunov, K. V., Parzinger, H., Nagler, A. 2017. *Tsarskiy kurgan skifskogo vremeni Arzhan-2 v Tuve* (The Royal burial mound of the Scythian period Arzhan-2 in Tuva). Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (in Russian).
- 68 Shilov, S. N., Ismagil, R. B., Kotov, V. G., Bannikov, A. L. 2003. In: *Ufimskiy arheologicheskiy vestnik* (Ufa Archaeological Bulletin), 4, 163-198 (in Russian).
- 69 Shulga, P. I. 2008. *Snaryazhenie verhovoy loshadi i voinskie poyasa na Altae* (horse equipment and military belts in Altai). Part I: Ranneskifskoe vremya (Early Scythian time). Barnaul: "Azbuka" Publ. (in Russian).
- 70 Yarygin, S. A. 2011. In: Beisenov, A. Z. (ed.). *Arheologiya Kazakhstana v epohu nezavisimosti: itogi i perspektivy* (Archaeology of Kazakhstan in the era of independence: results and prospects). In 3-vol. Vol. 1. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 408-416 (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 21.06.2023.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 18.07.2023.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 18.07.2023.

УДК 902.904 (470.631-25)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.66.85>

The Dead among the Living at the Bronze Age Settlements in the Southern Urals: approaches to research and classification of intramural burials

©2023 Berseneva N.

Keywords: South Urals, Bronze Age, burials at the settlements, burial practice

Түйін сөздер: Оңтүстік Орал, қола дәуірі, қоныстарда жерлеу, жерлеу тәжірибесі

Ключевые слова: Южный Урал, бронзовый век, погребения на поселениях, погребальные практики

Natalia Berseneva¹

¹Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS, South-Ural State University, Chelyabinsk, Russia. E-mail: bersnatasha@mail.ru

This study concerns the Sintashta, Abashevo, Petrovka, Alakul and Srubnaya (Timber-grave) cultural groups that occupied the South Urals in the Bronze Age. These groups are currently dated from the 21st to the 15th centuries BC. The intramural human burials were often discovered at the settlements. Burials can be divided into three types. The first is the burials that were arranged in accordance to the common burial rules: flexed position, on the left side, sometimes with grave goods. The second type are human skeletons or burials that did not match the rules of proper mortuary treatment: dismembered, mutilated bodies in non-standard position. All of these burials belonged to adults, presumably males. The third type is represented by finds of separate human bones or parts of skeletons (both adults and sub-adults). Our investigation allowed us to conclude that children's burials in the early period (Sintashta-Abashevo, Petrovka) were a variant of the normal burial ritual; adult skeletons were represented in both types. In the next period (Srubnaya-Andronovo) the adult burials at the settlements were allowed by common burial practice as well as the children's. In both chronological periods, type 2 included mainly adult remains.

Source of funding: The publication was carried out within the framework of the state program «Priority 2030».

For citation: Berseneva, N. 2023. The Dead among the Living at the Bronze Age Settlements in the Southern Urals: approaches to research and classification of intramural burials. *Kazakhstan Archeology*, 4 (22), 66–85. DOI: [10.52967/akz2023.4.22.66.85](https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.66.85)

Наталья Александровна Берсенева¹

¹тарих ғылымдарының докторы,
Тарих және археология институты, РҒА Орал Бөлімі,
Оңтүстік Орал мемлекеттік университеті,
Челябинск, Ресей

Оңтүстік Оралдың қола дәуірі қоныстарындағы тірі адамдар жанындағы өлілер: зерттеу әдістері және тіршілік кеңістігіндегі жерлеуді жіктеу

Мақалада Оңтүстік Оралдағы (б.д.д. II мыңж. бірінші жартысы) қола дәуірінің қима, алакөл, петровск, абашевск, сынтасты мәдениеттері қоныстарындағы жерлеулер талданады. Жерлеулерді

Наталья Александровна Берсенева¹

¹доктор исторических наук, Институт истории и археологии, Уральское Отделение РАН, Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

Мертвые рядом с живыми на поселениях бронзового века Южного Урала: подходы к исследованию и классификация интрамуральных погребений

В статье проанализированы погребения на поселениях синташтинской, абашевской, петровской, алаккульской и срубной культур бронзового века Южного Урала (первая половина II тыс. до н.э.). Захоронения

шамамен 3 түрге бөлуге болады. Бірінші түрі – барлық ережелерге сай орналасқан, тиісті жерлеу орындарында біз байқай алатын жерлеу: жанымен жатқызылған, қолдары бетінің алдына қойылған, ыдыс немесе басқа зат бар. Екінші түрі – нормативке сай жерленбеген адам мүрдесі – қаңқаның кейбір бөлшектерінің болмауы, жатқызылуы ережеге сай емес, жерлеу заттары жоқ. Үшінші түр – қоныстың мәдениет қабатынан алынған шашылған сүйектер. Жүргізілген зерттеулер бізге абаш-синташты кезеңінде қоныстардағы балалар жерлеуі жерлеу салтына сай жерленген нұсқасына, ал үлкен адамдардың жерлеуі көп емес және 1 және 2 түрге жатады деп қортындылауға мүмкіндік берді. Келесі қима-андроновтық кезеңде үлкен адамдар жерлеуі көбейген, олар да жерлеу дәстүрінің нормасына сай нұсқада. Жалпы, екі хронологиялық кезең үшін де үлкен адамдар қалдықтары негізінен 2 түрде болды.

Қаржыландыру көзі: Мақала «Приоритет 2030» мемлекеттік бағдарлама аясында даярланды.

Сілтеме жасау үшін: Берсенева Н.А. Оңтүстік Оралдың қола дәуірі қоныстарындағы тірі адамдар жанындағы өлілер: зерттеу әдістері және тіршілік кеңістігіндегі жерлеуді жіктеу. *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 4 (22). 66–85-бб. (Ағылшынша). DOI: [10.52967/akz2023.4.22.66.85](https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.66.85)

можно условно разделить на три типа. Первый тип – погребения, устроенные в соответствии с правилами, которые мы можем наблюдать на соответствующих могильниках: на боку, руки сложены перед лицом, присутствует сосуд или иной инвентарь. Второй тип – человеческие останки, не получившие нормативного погребения – отсутствие частей скелета, нестандартная позиция, отсутствие погребального инвентаря. Третий тип – разрозненные кости, полученные из культурного слоя поселений. Проведенное исследование позволило нам заключить, что в абашево-синташтинский период, детские погребения на поселениях были вариантом нормативного погребального обряда, взрослые останки немногочисленные и представлены в типах 1 и 2. В следующий, срубно-андроновский период, количество взрослых погребений возрастает, они также становятся вариантом нормативного погребального обряда. В целом, в типе 2 представлены в основном взрослые останки для обоих хронологических периодов.

Источники финансирования: Статья подготовлена в рамках государственной программы «Приоритет 2030».

Для цитирования: Берсенева Н.А. Мертвые рядом с живыми на поселениях бронзового века Южного Урала: подходы к исследованию и классификация интрамуральных погребений. *Археология Казахстана*. 2023. № 4 (22) (на англ. яз.). С. 66–85.

DOI: [10.52967/akz2023.4.22.66.85](https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.66.85)

Introduction

The custom of burying people inside dwellings, either habitable or abandoned, was practiced in many ancient societies. In fact, this is one of the earliest known burial practices, believed to have marked the transition to sedentary life and a food producing economy [Antonova 1990: 38]. Its earliest instances were recorded in the Late Mesolithic and early farming villages in the Near East [Ibid.: 38; Scott 1999: 95]. While intramural burials of adults mostly date to the Mesolithic and Neolithic, those of children were common in later societies as well, including state societies.

An important and complicated question, widely discussed in modern archaeology is should we consider the settlement burials as “ordinary” or “normative” for different cultures and periods or we should not? What were the reasons for such burial practices?

This paper has two purposes. The first is to investigate the Sintashta, Petrovka, Alakul’ and Srubnaya settlement burials in terms of “deviant” or normative burial ritual¹. The second is to try to define the possible determinants of such a type of burial activity and to explore if the settlement burials in the Urals were a part of “normative” burial ritual or if they were not.

This study concerns the South Urals in the Bronze Age of the presumably Sintashta, Petrovka, Alakul’ and Srubnaya cultural groups. They are currently dated from the 21st to the 15th centuries cal BC [Molodin et al. 2014]. The sites are located in the steppe part of the Southern Urals. The Ural area can

¹ According to E. Aspöck, “deviant burials” are those that are different from the normative burial ritual of the respective period, region or cemetery” [Aspöck 2008].

be defined in terms of its geographic location as a natural boundary between Europe and Asia. In terms of administrative divisions, this area covers several provinces of the Russian Federation: Bashkortostan, Orenburg, Chelyabinsk, and Kurgan regions as well as the northwestern part of Kazakhstan. It is characterized by a great expansive landscape and environmental diversity: steppe, forest-steppe, forests, and mountains. The beginning of the Bronze Age in the steppe and the southern forest-steppe was marked by the emergence of food-producing economies. This was based primarily on livestock breeding, which periodically changed its form over a period of almost two thousand years.

Settlements and formal cemeteries, presumably kurgans, represent the sites very well. Nevertheless, the mortuary practices included the burials at the settlements as well. So far, burials have been discovered at 40 Bronze Age settlements in the South Ural region at minimum. Such a form of the disposal of the dead appeared in the region in the Abashevo-Sintashta time period (21st–18th centuries cal. BC). The tradition continued during the next, Srubnaya-Alakul' period (18th–15th centuries cal. BC)² (fig. 1).

Settlements

Sintashta Culture

Permanent settlements, which are round or oval in plan, are supported by sophisticated systems of fortification; the internal space has a very structured organization and is almost entirely occupied by standard buildings that are organized into regular blocks. The total area of the settlements ranges from 0.8 to 2.0 hectares. The diagnostic feature of the Sintashta settlements is a closed fortification that consisted of a ditch, surrounded by a fence or wall. This feature is based upon either the round or rectangular plan. The number of houses, which are usually rectangular or trapezoidal, correlates with the size of a settlement. The house sizes are very similar, usually between 100 and 250 m². The houses are usually found on foundations dug 20–30 cm into the natural rock; postholes, wall ruins, and some other features relating to the interior are also found. The construction principles are standard: a frame-pillar construction was used exclusively. Building material consisted mostly of soil and wood. The long longitudinal walls were adjacent to the next house. Every house contains one or several wells [for more details see: Koryakova, Epimakhov 2007].

Petrovka Culture

About a dozen settlements, occupying up to 3.5 hectares, with rectangular fortifications are currently well described. They are located in similar topographic conditions taking up flat river or (rarely) lake terraces. Unlike the Sintashta sites, the Petrovka settlements have a linear street layout. Some of the Petrovka fortified settlements were established over the Sintashta settlements. Fortifications vary greatly. For example, in the Kulevchy site the fortification was practically symbolic being represented only by a simple enclosure. A full-scale defensive system, as at the Usty'e settlement, consists of a wood and earthen wall with a ditch. The aboveground and mainly rectangular houses at the Petrovka settlements were of a frame-pillar construction and were adjacent to the defensive wall as at the Sintashta sites. They are usually of a standard size within a settlement but vary in general between 80 and 160 m². Entrances were in the corner of the house and fronted on the street that separates two blocks. Each house had a well and an oven [for more details see: Koryakova, Epimakhov 2007].

² We adhere to the Bronze Age periodization of the South Urals, proposed by A.V. Epimakhov [Epimakhov 2010].

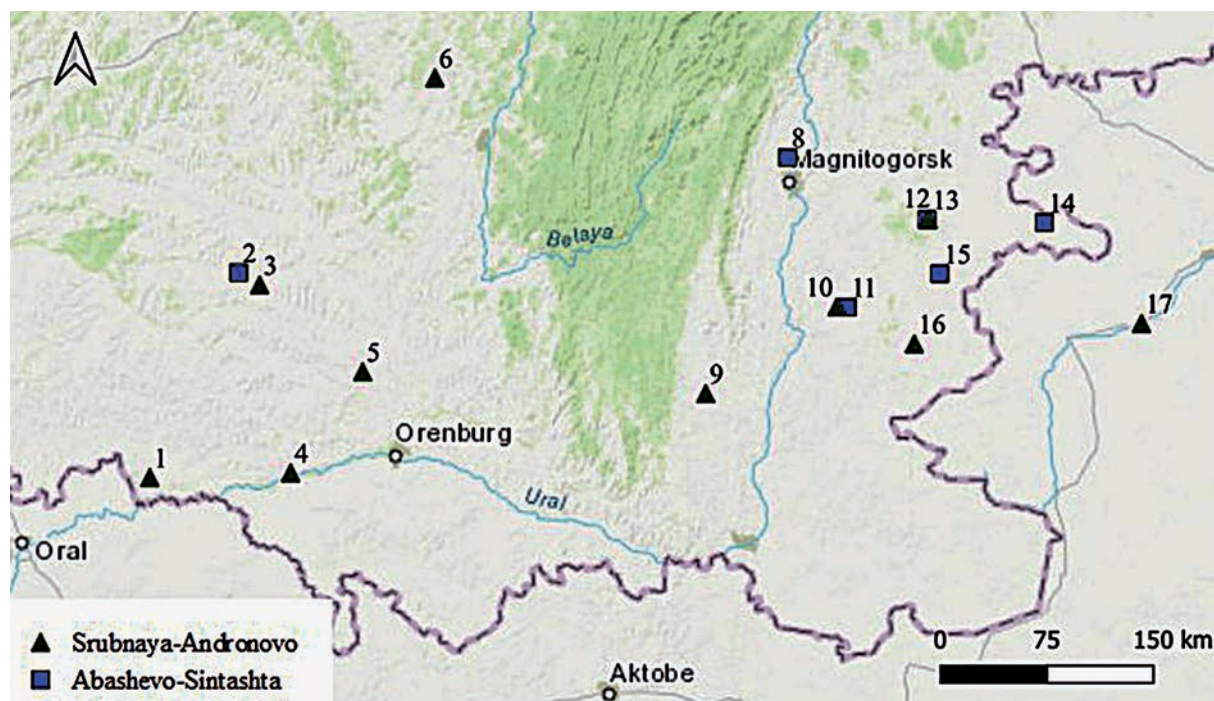

Fig. 1. Map of key Bronze Age settlements with human burials: 1 – Kuzminkovskoe II; 2 – Maloyuldashevo; 3 – Tokskoe; 4 – Rodnikovoe; 5 – Gornyi; 6 – Muradymovo; 7 – Korkino I; 8 – Korkino I; 8 – Malo-Kizil'skoe; 9 – Tanalyk; 10 – Lis'yi Gory I; 11 – Arkaim; 12 – Ust'e I; 13 – Ust'e III; 14 – Kulevchi III; 15 – Kamennyi Ambar; 16 – Mirnyi IV; 17 – Lisakovskoe I

1-сур. Жерлеу орны табылған қола дәуірінің маңызды қоныстарының орналасу картасы: 1 – Кузьминков II; 2 – Малоюлдашево; 3 – Ток; 4 – Родниковое; 5 – Горный селосы; 6 – Мурадымово; 7 – Коркино I; 8 – Мало-Кизыл; 9 – Таналык; 10 – Лисьи Горы I; 11 – Аркаим; 12 – Устье I; 13 – Устье III; 14 – Кулевчи III; 15 – Каменный Амбар; 16 – Мирный IV; 17 – Лисаков I

Рис. 1. Карта расположения ключевых поселений эпохи бронзы, на которых обнаружены захоронения: 1 – Кузьминковское II; 2 – Малоюлдашево; 3 – Токское; 4 – Родниковое; 5 – селище Горный; 6 – Мурадымово; 7 – Коркино I; 8 – Мало-Кизильское; 9 – Таналык; 10 – Лисьи Горы I; 11 – Аркаим; 12 – Устье I; 13 – Устье III; 14 – Кулевчи III; 15 – Каменный Амбар; 16 – Мирный IV; 17 – Лисаковское I

Srubnaya Culture

The settlements vary in size, but large settlements (occupying more than 10,000 m²) are not numerous. The settlements usually occupy either the terraces of small rivers or the main terraces. Judging by the difference in size (from 15 to 200 m²), rectangular and square houses differed not only in construction but also in function. Houses were built from wood and ground but some house basements were faced with stone. These houses were fairly substantial. They were semisubterranean constructions, with basements 0.5–1.2 m, with vertical pillar frames. Other houses were built above ground but with a similar pillar frame construction. The houses usually had only one entrance. Open fireplaces, storage pits, and wells are found within the houses [for more details see: Koryakova, Epimakhov 2007].

Alakul Culture

The settlements are located on the first river terraces or in the low lake banks, usually very close to a large valley. The general settlement surface does not exceed 10,000 m². The planning structure of settlements is predominantly linear; the houses are organized into one row or, rarely, into two rows running along the riverbank. The Alakul houses are rectangular, measuring 140–270 m² in surface, dug into the ground 0.5–0.7 m. The entrances were designed as entryways in a corner or in the wall. The numerous postholes (up to three hundred) on a floor give evidence to the postframe construction of a building. The roofs are thought to be two slopes. Typical elements of Alakul interiors were wells, storage pits, and fireplaces, the number of which can reach five to seven in a single house [see: Koryakova, Epimakhov 2007].

Abashevo-Sintashta period

Children's burials. “The majority of individuals buried in settlements during this period were infants up to two years old. Adult burials were discovered at only two settlements. Children's interments under the floors of dwellings were found at the Kamennyi Ambar (fig. 2), Arkaim, Ustye, and Kulevchi III settlements (fig. 3) [Vinogradov 1982; Alaeva 1998; Koryakova et al. 2011; Kupriyanova 2018]. They were located near the entrance or walls of structures at Arkaim, Ustye, and Kulevchi III, in the center of the dwelling beside the well at Kamennyi Ambar, and inside the well at Arkaim.

Therefore, we have at least 10 Sintashta and Petrovka child burials, but of the Sintashta burials there is only one – the grave at Kamennyi Ambar. It had a significant depth from the floor level of the dwelling – 70 cm, a wooden construction, which could possibly have been meant as a ceiling. The grave goods consisted of a Sintashta vessel and sacrificial deposit – the head and extremities of sheep. The grave was located in the center of the dwelling near the well [Koryakova et al. 2011].

Burials from dwellings 2 and 6 of the inner circle of the Arkaim settlement (baby burials arranged in special pits) also belong to the early period. The grave in building 2 (pit 4) was located near the wall and was relatively deep, 50 cm below the floor level. The deceased was laid in a standard position on the left side in a contracted position and hands near the face, head to the north. A vessel of the Sintashta type was placed near the head [Zdanovich G., Malyutina, Zdanovich D. 2020: 261, fig. 3.2.1; 3.2.5; 3.2.6]. The second burial was found in dwelling 6 (pit 4). The child was also placed in usual position, with his head to the southwest, and was accompanied by a ceramic vessel of the Petrovka type [Zdanovich G., Malyutina, Zdanovich D. 2020: 304, fig. 3.6.1; 3.6.11; 3.6.12–1]. The ritual of infant burials at Arkaim was generally similar to the intramural burials of the Petrovka culture at the settlement of Ustye I [Vinogradov, Berseneva 2013: fig. 5; 6]. In addition, at the Arkaim settlement, human remains were found in the well (dwellings 1–6, pit 1). G.B. Zdanovich and his co-authors believe that two of the deceased. The bones were represented by fragments. The second buried (a teenager, as the authors of the publication believe) lay on his left side in a severely crouched position and was partially covered with a large stone slab. The remains were located in the middle part of the filling of the well, artifacts firmly associated with them have not been found [Zdanovich G., Malyutina, Zdanovich D. 2020: 298–301, fig. 3.6.9].

In contrast to the Sintashta grave, the Petrovka pits were quite small in their sizes and depth (usually 20–30 cm, 50 cm maximum) and included only pottery. Their location was rather different – near entrances, walls, or corners of the dwellings [Vinogradov and Berseneva 2013]. It is necessary to note that the “settlement” burial rite corresponded in general with the ordinary cemetery rite, including the placement of pottery and in the Sintashta case, the sacrificial deposit.

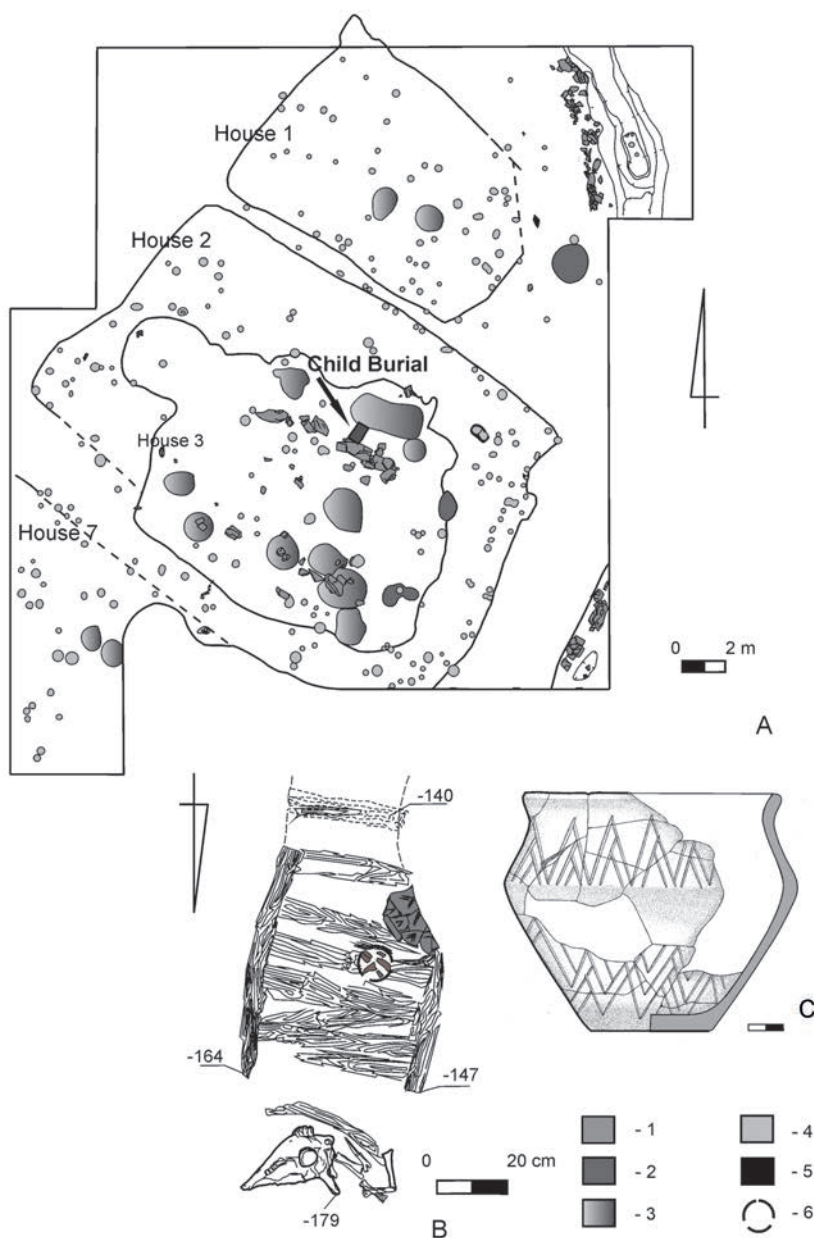

Fig. 2. Plans of the fortified settlement Kamenny Ambar (A), child's burial in building 2 (B), ceramic vessel (C).
Symbols: 1 – stones; 2 – large pits; 3 – wells; 4 – location of children's bones in the burial,
after – Vinogradov, Berseneva 2013: fig. 2

2-сур. Каменный Амбар бекіністі қонысы (A); құрылыстағы бала жерлеуі (B); керамика ыдыс (C).
Шартты белгілер: 1 – тастар; 2 – үлкен шұңқырлар; 3 – құдықтар;
4 – жерлеудегі бала сүйектерінің орналасуы ([Vinogradov, Berseneva 2013: fig. 2] бойынша)

Рис. 2. Укрепленное поселение Каменный Амбар (A); детское погребение в постройке 2 (B);
керамический сосуд (C). Условные обозначения: 1 – камни; 2 – большие ямы; 3 – колодцы;
4 – местонахождение детских костей в погребении (по: [Vinogradov, Berseneva 2013: fig. 2])

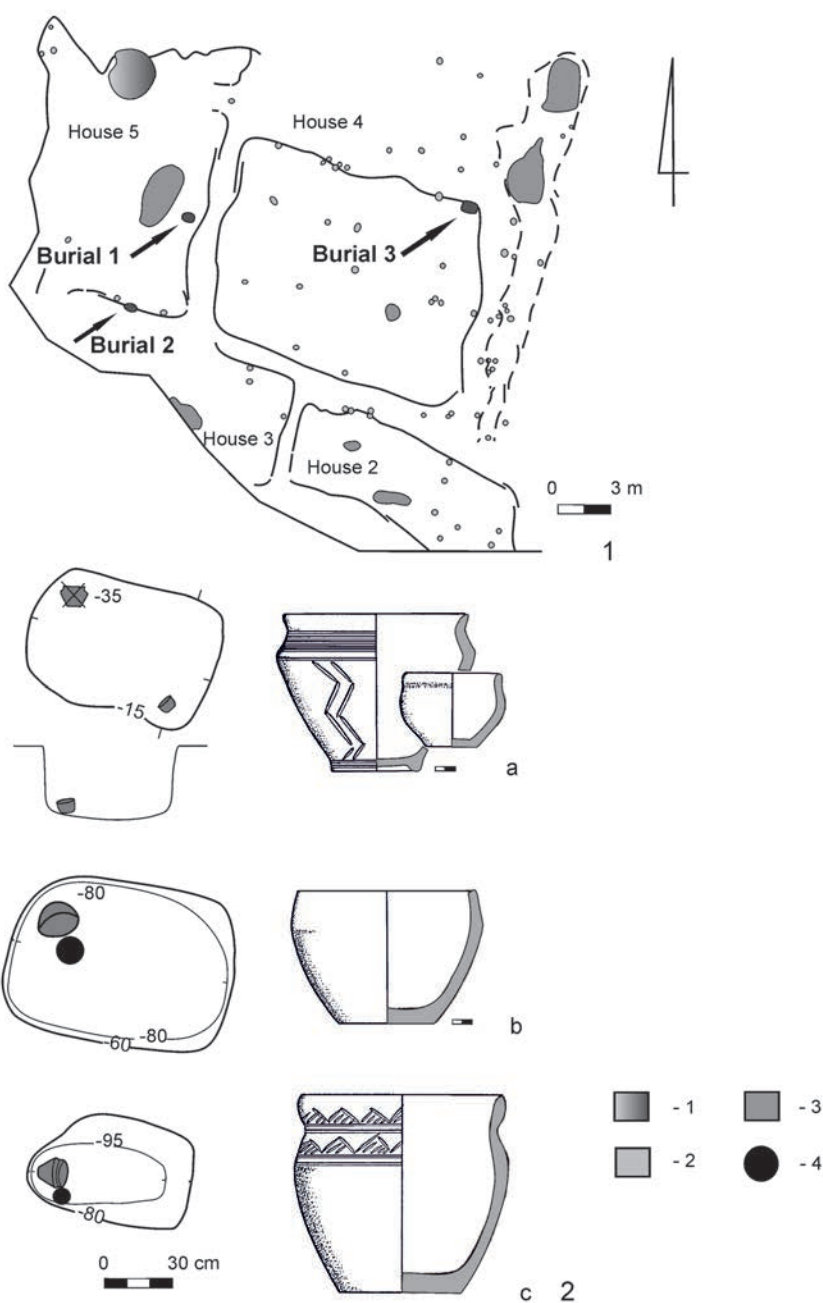

Fig. 3. Kulevchi III settlement (a), children's burials in dwellings 4 (b) and 5 (c), ceramic vessels.
Symbols: 1 – well; 2 – post holes; 3 – large pits; 4 – location of children's bones in the burials,
after – Vinogradov, Berseneva 2013: fig. 6

3-сур. Күлевчи III қонысы (а), тұрғын үйдегі баланың жерлеуі 4 (b) және 5 (c), керамика ыдыстар.

Шартты белгілер: 1 – құдық; 2 – тұғыр ойықтары; 3 – үлкен шұңқылар;

4 – жерлеудегі бала сүйектерінің орналасуы ([Vinogradov, Berseneva 2013: fig. 6] бойынша)

Рис. 3. Поселение Күлевчи III (а), детские погребения в жилищах 4 (b) и 5 (c), керамические сосуды.

Условные обозначения: 1 – колодец; 2 – столбовые ямки; 3 – большие ямы;

4 – местонахождения детских костей (по: [Vinogradov, Berseneva 2013: fig. 6])

Unfortunately, anthropological age identification was not conducted for all the remains. In the shallow pits at the Kulevchi III settlement there were no bones, only dust from skull bones and, in one case, the bones did not preserve at all. It is possible that the buried were newborn babies. The same situation with bones, despite the significant depth of the pit, was discovered at the Kamennyi Ambar settlement. In the Ustye burials, two of children were 1 year of age at death, one was a newborn and bones of the others were totally decayed. Thus, we may conclude that children up to 1 year were buried at the Sintashta and Petrovka settlements.

Adult burials

Not so long ago, we were unable to discuss the adult burials at the Sintashta and Petrovka settlements, because there were none. However, a few years ago, a grave of the Sintashta period was discovered at the Maloyuldashevo settlement in the Western Orenburg region [Morgunova et al. 2015]. The excavation yielded a great deal of material, from the Neolithic to the Late Bronze Age but the dwellings belonged to the Srubnaya period. The interment of three adult individuals (dating to the Sintashta period) was found outside the stone walls of the Srubnaya dwelling (see: Faizullin this volume). The pit was very shallow and it was not dug into the sterile soil. A middle-age male was placed in a contracted position on his right side. A ceramic vessel accompanied him along with a bronze awl and a cow bone. Near the feet of the first skeleton were the remains of a younger male (30–40 years old) placed in a heap along with leg bones from 5 sheep. Behind the middle-aged male was a young female in supine position. Her skull had traces of injury from a pointed-edged weapon. The female was accompanied with a great number of grave goods. A sacrificial deposit was arranged near the feet of the dead woman and included 5 sheep skulls.

We agree with the authors of the excavation that this complex is non-typical in every respect.

Firstly, chronological correlation of the burial and the dwelling is unclear. Was the burial arranged earlier than the dwelling or were they relatively simultaneous? If the latter case, the presence of the strange burial complex in the Srubnaya living space looks very unusual, indeed.

Secondly, despite the variability of the Sintashta mortuary practice, this burial broke the firm tradition of male burials on the left side only. The supine position of the female skeleton is also non-standard.

Thirdly, it is important to note that this was the first time anthropologists had found such fatal traumas on Sintashta skeletons.

The remains of the second male, as well as the animal bones, were probably a specific sacrificial complex, which we can clearly see in the plan of the grave.

How can we interpret this burial type? It is possible that there was no opportunity to bury the dead in the formal cemetery. For example, it may have been too far from the place of death. It might be they were intentionally buried outside the clan cemetery because of “wrong” or “dangerous” circumstance of the death. These people might have been victims of a war attack or crime, or death penalty.

It is hard to interpret the remains of individual 3. We can suppose that it could be a human sacrifice or the remains of an outlaw, a criminal or an enemy (stranger), which was a part of the sacrificial deposit along with the sheep bones.

The second important source for this period was the burials at the Malo-Kizilskoe settlement (fig. 4; 5). It was an Abashevo settlement, and unfortunately, it had been seriously damaged and almost destroyed long before the first excavation in 1948 [Salnikov 1954: 67–81; 1967: 35–38]. There were two excavation trenches at the settlement; human remains were discovered in both. The burned human skeleton

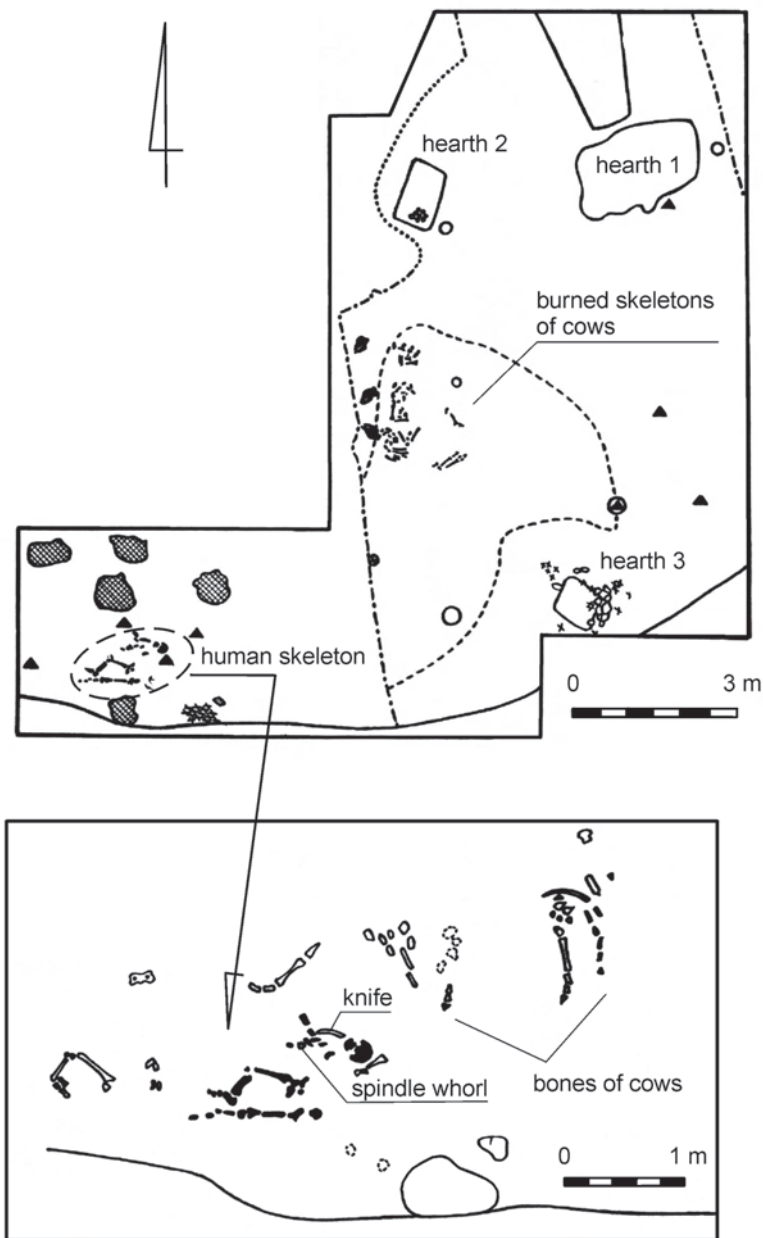

Fig. 4. Malo-Kizil'skoe settlement. Trench I. Human burial, after – Salnikov 1954: fig. 15, redrawn by Natalia Berseneva
4-сур. Мало-Кизыл қонысы. I арық. Адамның жерлеуі ([Сальников 1954: рис. 15] бойынша, Н.А. Берсеневаң сандық өңдеуі)
Рис. 4. Мало-Кизильское поселение. Траншея I. Погребение человека (по: [Сальников 1954: рис. 15], цифровая обработка Н.А. Берсеновой)

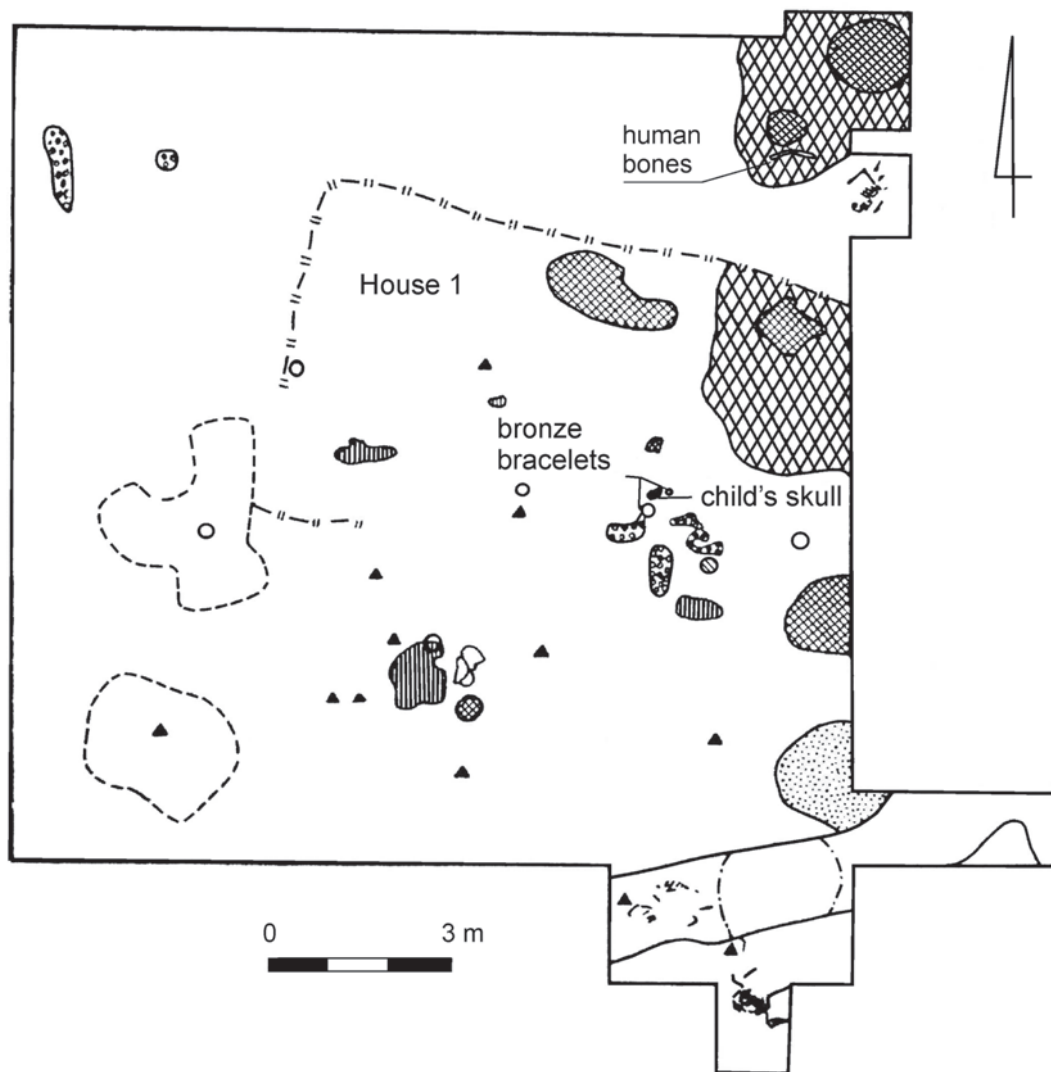

Fig. 5. Malo-Kizil'skoe settlement. Trench III. Child burial, after – Salnikov 1954: fig. 18, redrawn by Natalia Berseneva
5-сур. Мало-Кизыл қонысы. III арық. Баланың жерлеуі ([Сальников 1954: рис. 18] бойынша, Н.А. Берсеневаң сандық өңдеуі)
Рис. 5. Мало-Кизильское поселение. Траншея III. Погребение ребенка (по: [Сальников 1954: рис. 18], цифровая обработка Н.А. Берсеновой)

was found in the first excavation area. It laid on the ancient surface, on its back, with one leg in an unnatural position (fig. 3). Dwellings were not discovered. Cultural soil in this trench included a considerable amount of burned material.

In the second trench, the child burial (a cremation) was found in the dwelling, under the floor level (fig. 4). Among the remains, silver pendants and a bronze bracelet were discovered. Outside the dwelling, on the ancient soil level the “incomplete human skeleton” laid in a prone position. Its arm bones were not articulated, and the leg bones and skull were absent. A bronze bracelet and silver pendant were found near the skeleton.

The author of the excavation (K. Salnikov) considered the first burial “a result of the ritual activity” [Salnikov 1954: 73], and the third (female?) as displaying “traces of violent death and ancient dismemberment of the corpse” [Salnikov 1967: 38].

The Malo-Kizilskoe materials are a very important source for the Ural Bronze Age. Despite the fact that excavated areas are too small for firm conclusions, it looks like the only example of an Abashevo settlement that was destroyed as a result of possible war attack and the following fire resulting in a significant amount of burnt material in the soil.

However, the child burial in the dwelling had been clearly deliberate and was arranged before the settlement was destroyed—it was under the floor and the ornaments were intact. We should note that human burials have not been found at the Abashevo settlements in the Urals, let alone cremations. The Malo-Kizilskoe settlement is a unique example of an Abashevo settlement, which could have been destroyed as a result of war activity. Also it demonstrated that the child burial was arranged in accordance to the unusual rite for the Abashevo population, that is cremation.

We can conclude that in the Abashevo-Sintashta period, children’s burials in the living space were a type of the normal burial practice. They were arranged according to general rules and their only distinction from interments in the cemeteries was their placement at the settlements.

Adult burials cannot be interpreted in the same way. We have only two in the entire period discussed above; both of them were non-standard. Adult burials at the Malo-Kizilskoe settlement look accidental, the position and context evidence indicates that these people were not buried in accordance to the common rules and in the proper place – they were left wherever death overtook them. The burial at the Maloyuldashevo settlement was clearly deliberate and arranged according to most of the rules, however, the placement of the grave, the absence of the grave pit, the position of skeleton 3, and injuries on the female skull all indicate that some unusual events occurred resulting in this burial complex.

Thus, adult burials in the settlements of the Abashevo-Sintashta period could be classified as “deviant” – they do not fit into the model of the burial rite of the societies under study.

Srubnaya-Andronovo period

Human burials in Late Bronze Age settlements in the South-Urals are quite usual. As opposed to most of the intramural burials in the Abashevo-Sintashta period, we find not only adult individuals but also infant burials as well.

Human burials were discovered in at least 40 settlements in the area under study. Some interments look clearly deliberate, and the dead were laid in the usual position – on the left side. Other skeletons are disarticulated or dumped without any burial treatment.

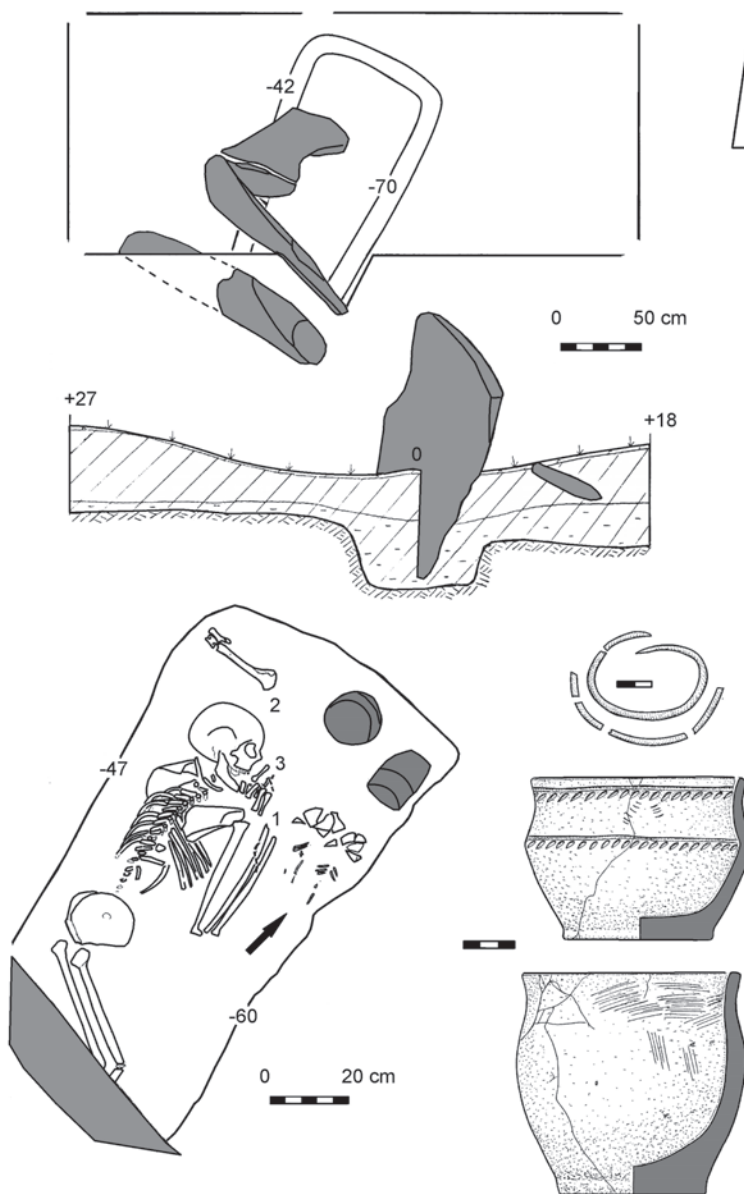

Fig. 6. Lisii Gory 1 settlement. Burial of a young woman (about 30 years old) and two newborn babies.

Grave goods: 1 – beads; 2 – animal bones; 3 – bronze bracelets and ceramic vessels,
after – Petrov, Kupriyanova 2016: Fig. 64–66

6-сур. Лисьи Горы 1 қонысы. Жас әйелдің (шамамен 30 жас) және екі жаңа туған сәбидің жерлеуі.

Инвентарь: 1 – моншақтар; 2 – жануар сүйектері; 3 – қола білезіктер және керамика ыдыстар
([Петров, Куприянова 2016: рис. 64–66] бойынша)

Рис. 6. Поселение Лисьи Горы 1. Погребение молодой женщины (около 30 лет) и двух новорожденных детей. Инвентарь: 1 – бусины; 2 – кости животных; 3 – бронзовые браслеты и керамические сосуда
(по: [Петров, Куприянова 2016: рис. 64–66])

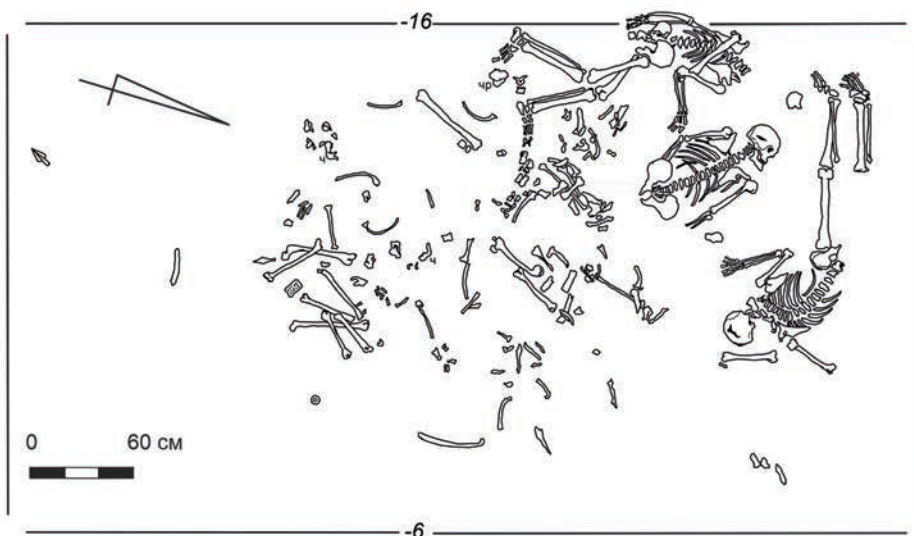

Fig. 7. Korkino I settlement. Human remains near dwelling 3, after – Chemyakin 2015: fig. 3
7-сур. Коркино I қонысы. 3 тұрғын үйге жақын адам қаңқалары ([Чемякин 2015: рис. 3] бойынша)
Рис. 7. Поселение Коркино I. Человеческие останки близ жилища 3 (по: [Чемякин 2015: рис. 3])

Interments are quite various from the point of view of age and gender. Some of the dead (presumably small children and some of the adults) were buried according to the usual tradition – in a contracted position, on the left side, and accompanied by pottery (Rodnikovoe settlement [Kupzova, Faisullin 2012], Ustye [Vinogradov et al. 2013: 111–112], Lis'yi Gory [Petrov, Kupriyanova 2016] (fig. 6).

Other skeletons (or parts of skeletons), usually adults, had indications of special treatment of their bones – burning, dismemberment, interment of only part of the corpse, or they were in a non-standard position (Tanalyk I [Garustovich, Kotov 2007], Kuzminkovskoe II settlement, Korkino (fig. 7), Pokrovskoe settlement, Tokskoe settlement, adult burial at Ustye [Porokhova 1989, 62; Morgunova et al. 2001; Faisullin 2012; Vinogradov et al. 2013], Mirnyi IV [Chemyskin 2015], Lisakovskoe [Usmanova 2005]. Separate human bones were found in the cultural soil and in the fill of dwellings at the settlement of Gornyi [Antipina 2004: 239].

Unfortunately, anthropological identification was conducted only for Gornyi, Muradymovo, Tokskoe, Lis'yi Gory settlements as well as Tanalyk, Ustye and Korkino.

At the Tokskoe settlement according to A. Chochlov, the bones of about 10 individuals were found. All of these individuals were adults except for one teenager 12–14 years old. One skeleton belonged to a female age 20–25 years old, and the rest were males, ages 30 to 50 years old [Faizullin 2012: 228].

A paired burial was found at Muradymovo, which included a rather elderly male and female couple (40–45 years old). They were buried on the left side and in a standard position above the wall of the settlement. Children (8 months and a one year old) were buried in the standard position and accompanied with Srubnaya pottery in the dwelling and in the fill of the wall [Obydenova et al. 2002: 78].

At the Tanalyk settlement at least three adult burials were found, one was a female. The corpses were buried without the standard mortuary treatment and the skeletons were incomplete [Garustovich, Kotov 2007: 35]. At Gornyi, the bones of two newborns, an adolescent, and an adult female and male were found [Antipina 2004: 239]. At Korkino and Mirnyi, the remains of adult males killed as a result of a war conflict were discovered [Chemyskin 2015].

In opposition to the above-mentioned burials, the grave at the Lis'yi Gory settlement seemed to be particularly touching [Petrov, Kupriyanova 2016]. During the excavation, a burial of a female about 30 years old with two newborn babies (twins?) was discovered near the stone menhir near the border of the settlement. The burial was arranged according to the normal Srubnaya rite with the children's bodies placed in front of the face of the dead woman.

Interpretation

Many interpretations of intramural burials have been proposed on the basis of historic and ethnographic sources [Antonova 1990: 86; Scott 1999: 99–102; Beilke-Voigt 2008: 26; Mishina 2010: 140; Karl, Löcker 2011, etc.]. The search for explanations follows two main trends. One version is based on the idea of a construction sacrifice. Alternative versions proceed from the assumption that the children died from natural causes and were buried inside houses for religious or practical reasons, depending on the context. These interpretations have recently gained popularity. While infanticide has been reliably documented by both written and oral sources, demonstrating it archaeologically is very difficult. This is why hypotheses based on ideas such as the magic revival of deceased newborns in the same family or maintaining women's fertility are more popular [Scott 1999: 105–107; Beilke-Voigt 2008]. Explanations relating to ancestor

and fertility worship are relatively common [Bibikov 1953: 197–198; Scott 1999: 102]. Specialists in the Mesolithic and Neolithic of the Balkans believe that the custom of intramural burials was aimed at preserving the “reproductive capacity” of the dwelling as the place where members of a family or of a lineage lived [Boric, Stefanovic 2004: 541], implying that fecundity was in some way associated with place of residence. Nowhere is the connection between birth and death inherent in the fertility cult so manifest as in the death and burial of a newborn child. Returning to burials found in Bronze Age dwellings (Sintashta and Petrovka), the idea of construction sacrifice must be rejected. Nothing whatever indicates infanticide. There are likewise no unambiguous indications that burials were made during construction. Only one thing is evident: people continued to live in their dwellings after they had buried the children under the floors. Evidence for this is burial 8 at Ustye I covered by the floor coating and reopened to accommodate a second burial. Child burials were not found in every dwelling. Their context demonstrates the special care on behalf of the adults: the bodies were placed in the graves in a standard position, accompanied by vessels, and in one case, an animal was sacrificed. Most children’s graves are situated near the corners and walls of the construction pit or near the entrances to structures or passages connecting separate compartments, but not where people were most likely to tread. The same tendency has been observed at chronologically and geographically divergent sites [Molodin et al. 2004: 181, 199; Mishina 2010: 141; Kiryushin et al. 2004: 217; Khronologiya... 2005:325]. These places were traditionally regarded as being ritually “cleaner” than others [Beilke-Voigt 2008: 28]. The fact that the age of the child varies and that two individuals, a newborn and a one-year-old infant, were buried in a single grave also runs counter to the idea of infanticide.

Why were children buried within the family space? This was not a universal practice in Bronze Age societies. Unusual practices might be caused by extraordinary situations such as the death of a great number of children, animals, etc. Care for the preservation or restoration of fertility, whether human or that of domestic animals, might play a principal role in burial rites even in cases where the child suffered a violent death. However, in this case too, according to the idea of fertility, attested by animal sacrifices at extramural cemeteries [Zdanovich 2005], the death of an infant could symbolize revival and be used to maintain relations between the living and the dead, between humans and deities. A more prosaic explanation is that burying newborns and very young infants was a family duty and did not require rites such as those practiced during the burial of adults or older children. Certain families might have wished that the child could stay with them, as it were, even after death. The practice of leaving dead infants inside homes has survived until recently [Baiburin 1983; Boric, Stefanovic 2004; Mishina 2010]. Indirect proof of the above is that infant burials at Ural settlements sites have been found in far from all houses. Our last point is that a modest sample notwithstanding, the evidence is suggestive and relevant to understanding the origins of the Bronze Age societies and their ideologies. We call on our colleagues to publish all instances of this practice, unusual for the Urals and Western Siberia.

Adult burials cannot be interpreted in a generalized manner. In Russian scientific literature, burials at settlements are still considered, in general and interpreted as, “sacrifices” without firm reasons. Nevertheless, it seems clear now that we have remains of different activities, which were conducted according to different purposes.

The burials of the first type (according to the normative ritual) could have been dug if there was no opportunity or time to bury the dead in the formal cemetery (abandonment of the living settlement, runaway

to another place and so on), or as a sign of special treatment possibly related to sentimental aspects such as the grave of the female with the newborns in the periphery of the Lis'yi Gory settlement. Little children have often been buried in the domestic space during the whole of human history.

The burials of the second type may have been the result of some kind of conflict, crime, or legitimized violence (sacrifice, execution). Is it possible that some dwellings or other parts of the settlement were not inhabited at that time? Perhaps the settlement was destroyed as a result of war-like conflict and nobody survived to bury the dead.

Unfortunately, sometimes the poor quality of excavation and publication does not allow us to interpret the context decisively.

As regards the third type – non-articulated bones, which were found in the cultural soil or in the fill of dwellings – it is hard to say for what reasons or activities they were used. Non-articulated bones could have been used for various purposes during the rituals. Bones of newborns may have been from destroyed children's burials. Nevertheless, most of the ancient settlements usually have some human bones in their osteological collections.

Conclusion

As a result, in order to interpret the settlement burials in the Ural Bronze Age, we need to be aware that these burials are varied and therefore could be determined to have had different circumstances. We can divide the burials into three types. The first type of grave is arranged along the common burial rules of the society. There are children's burials as well as the adult graves. The second type of burial does not fit the common norms. They are disarticulated, mutilated bodies in a non-standard position. All of these burials belonged to adults, mostly to males. The third type of burial consists of finds of separate bones or parts of a skeleton. They belonged to both adults and children. Thus, we may conclude that in the early Abashevo-Sintashta period, children's burials at the settlements were a variant of the normal burial practice. Adult burials were rather deviant. In the next Srubnaya-Andronovo period, both children and adult burials at the settlements were allowed the normal burial practice. However, a significant number of the adult burials were "deviant". We can, therefore, see that the deviant burials were related to adult individuals in both periods.

Acknowledgements. My special gratitude goes to Dr. Karlene Jones-Bley (University of California, Los Angeles) for her help with my English and kind attention to my work.

ӘДЕБИЕТ

- 1 Антипина Е.Е. Археозоологические материалы // Каргалы, т. III: Селище Горный: Археологические материалы: технология горно-металлургического производства: Археобиологические исследования / Сост. и науч. ред. Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 182–239.
- 2 Антонова Е.В. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. М.: Наука, 1990. 287 с.
- 3 Байбурун А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. 192 с.
- 4 Бибииков С.Н. Поселение Лука Врублевская. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1953. 460 с. (МИА. № 38).
- 5 Виноградов Н.Б. Кулевчи III – памятник петровского типа в Южном Зауралье // КСИА. 1982. № 169. С. 94–99.
- 6 Гарустович Г.Н., Котов В.Г. Таналыкское I поселение // Уфимский археологический вестник. 2007. № 6–7. С. 32–49.
- 7 Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье / Отв. ред. Н.Б. Виноградов. Челябинск: АБРИС, 2013. 482 с.

- 8 Епимахов А.В. Бронзовый век Южного Урала (экономический и социальный аспекты): автореф. дис. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2010. 55 с.
- 9 Зданович Г.Б., Малютина Т.С., Зданович Д.Г. Аркаим. Археология укрепленных поселений. Кн. 1. Жилища и жилое пространство. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2020. 450 с.
- 10 Зданович Д.Г. Жертвоприношения животных в погребальном обряде населения степного Зауралья эпохи средней бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005. 23 с.
- 11 Кирчо Л.Б., Алекшин В.А. Хронология эпохи позднего энеолита – средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе) (сер. Труды ИИМК РАН. Т. XVI). СПб.: Нестор-История, 2005. 540 с.
- 12 Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Т. 1. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2004. 288 с.
- 13 Куприянова Е.В. Альтернативные погребальные практики: погребения людей на поселениях бронзового века // Степная Евразия в эпоху бронзы: культуры, идеи, технологии. Сб. науч. тр. к 80-летию Геннадия Борисовича Здановича / Отв. ред. Д.Г. Зданович. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2018. С. 184–197.
- 14 Купцова Л.В., Файзуллин И.А. Родниковое поселение позднего бронзового века в Западном Оренбуржье // Археологические памятники Оренбуржья / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Вып. 10. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2012. С. 70–100.
- 15 Мишина Т.Н. Социальный аспект изучения интрамуральных детских погребений (по материалам эпохи ранней бронзы телля Юнаците, Балканы) // КСИА. 2010. № 224. С. 136–149.
- 16 Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2014. Т. 13. № 3: Археология и этнография. С. 136–167.
- 17 Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайс Й, ..., Кулин Н.А. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. Т. 2. 336 с.
- 18 Моргунова Н.Л., Халыпин М.В., Халыпина О.А. ПКузьминковское поселение эпохи бронзы // Археологические памятники Оренбуржья / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Вып. 5. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2001. С. 99–125.
- 19 Моргунова Н.Л., Евгеньев А.А., Купцова Л.В. Погребальный комплекс синташтинского времени на поселении Малюкдашево I в Западном Оренбуржье // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. № 2. С. 64–71.
- 20 Обыденнова Г.Т., Шутелева И.А., Щербаков Н.Б. Место Мурадымовского поселения в системе памятников бронзового века Башкирского Приуралья // Степи Евразии в древности и средневековье. М-лы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова (г. Санкт-Петербург, март 2002 г.). В 2-х кн. / Отв. ред. Ю.Ю. Пиотровский. Кн. I. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2002. С. 205–206.
- 21 Петров Ф.Н., Куприянова Е.В. Поселения эпохи бронзы в Аркаимской долине: по результатам разведочных исследований 1997–2015 гг. М.: Московский областной общественный фонд «Наследие», 2016. 148 с.
- 22 Порохова О.И. Срубно-алакульское Покровское поселение в Западном Оренбуржье // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья / Отв. ред. Ю.А. Морозов, А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1989. С. 60–71.
- 23 Сальников К.В. Абашевская культура на Южном Урале // СА. 1954. № XXI. С. 52–94.
- 24 Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.
- 25 Ткачев А.А. Особенности нуртайских комплексов Центрального Казахстана // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1999. № 2. С. 2–29.
- 26 Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский I: факты и параллели. Караганда; Лисаковск: Караганд. гос. ун-т им. Е.А. Букетова, 2005. 232 с.
- 27 Файзуллин И.А. Погребения на поселениях эпохи бронзы на территории Западного Оренбуржья // Известия Самарского научного центра РАН. 2012. Т. 14. № 3. С. 226–230.
- 28 Чемякин Ю.П. Следы военных конфликтов на алакульских поселениях // Этнические взаимодействия на Южном Урале: м-лы VI Всерос. науч. конф. (г. Челябинск, 28 сентября – 2 октября 2015) / Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Челяб. гос. краеведч. музей, 2015. С. 169–176.

- 29 Aspöck E. What Actually is a 'Deviant Burial'? Comparing German-Language and Anglophone Research on 'Deviant Burials' // *Deviant Burial in the Archaeological Record* / Ed. E.M. Murphy. Oxford: Oxbow Books, 2008. Pp. 17–34.
- 30 Beilke-Voigt I. Burials of children in houses and settlements during the Roman Iron Age and Early Medieval Period in Northern Germany and Denmark // *Children, Identity and the Past* / Eds.: L.H. Dommasnes and M. Wigglesworth. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. Pp. 16–35
- 31 Boric D. and Stefanovic S. Birth and death: Infant burials from Vlasac and Lepenski Vir // *Antiquity*. 2004. № 78 (301). Pp. 526–546.
- 32 Karl R., Löcker K. Thrown Out with the Bathwater or Properly Buried? Neonate and infant skeletons in a settlement context on the Durnberg bei Hallein, Austria // *(Re)Thinking the Little Ancestor: New Perspectives on the Archaeology of Infancy and Childhood* / Eds.: M. Lally and A. Moore. Oxford: BAR International Series, 2011. Pp. 37–46.
- 33 Koryakova L.N., Epimakhov A.V. The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Age. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 374 p.
- 34 Koryakova L.N., Krause R., Epimakhov A.V., Sharapova S.V., Panteleyeva S.E., Berseneva N.A., Fornasier J., Kaiser E., Molchanov I.V., Chechushkov I.V. Archaeological studies of the Kamenny Ambar (Olgino) fortified settlement // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2011. No. 4 (39). Pp. 61–74.
- 35 Scott E. The Archaeology of Infancy and Infant Death. Oxford: BAR International Series, 1999. 136 p.
- 36 Vinogradov N.B., Berseneva N.A. Intramural Burials of Children at Bronze Age Sites in the Southern Urals (early 2nd millennium BC) // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2013. No. 41 (3). Pp. 59–67.

REFERENCES

- 1 Antipina, E. E. 2004. In: Chernykh, E. N. (ed.) *Selishie Gornyi: Arkheologicheskie materialy: tekhnologiya gorno-metallurgicheskogo proizvodstva: Arkheobiologicheskie issledovaniya (Gorny Settlement: Archaeological materials: technology of mining and metallurgical production: Archaeobiological research)*. Vol. III. Moscow: "Yasyki slavyanskoy kultury" Publ., 182–239 (in Russian).
- 2 Antonova, E. V. 1990. *Obryady i verovaniya pervobytnykh zemledeltsev Vostoka (Rituals and beliefs of primitive farmers of the East)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 3 Baiburin, A. K. 1983. *Zhilische v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan (Dwelling in the rituals and beliefs of the Eastern Slavs)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 4 Bibikov, S. N. 1953. *Poselenie Luka Brublevetskaya (Luka Brublevetskaya settlement). Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR (Materials and Research on the Archaeology of the USSR)*, 38. Moscow, Leningrad: USSR Academy of sciences (in Russian).
- 5 Vinogradov, N. B. 1982. In: *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)*, 169, 94–99 (in Russian).
- 6 Garustovich, G. N., Kotov, V. G. 2007. In: *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)*, 6–7, 32–49 (in Russian).
- 7 Vinogradov, N. B. (ed.). 2013. *Drevnee Ust'e: Ukreplennoe Poselenie Bronzovogo Veka v Yuzhnom Zaural'e (Ancient Ustye: a fortified Bronze Age settlement in the Southern Trans-Urals)*. Chelyabinsk: "ABRIS" Publ. (in Russian).
- 8 Epimakhov, A. V. 2010. *Bronzovyi vek Yuzhnogo Urala (ehkonomicheskij i socialnyi aspekty) (Bronze Age of the Southern Urals (economic and social aspects))*. Abstract of the thesis Doctor of historical sciences. Yekaterinburg: Institute of History and Archaeology (in Russian).
- 9 Zdanovich, G. B., Malyutina, T. S., Zdanovich, D. G. 2020. *Arkaim. Arkheologiya ukrepyonnykh poseleniy. Kn. 1. Zhilishcha i zhiloe prostranstvo (Archaeology of fortified settlements. Book 1. Dwellings and living space)*. Chelyabinsk: Chelyabinsk University Press (in Russian).
- 10 Zdanovich, D. G. 2005. *Zhertvoprinosheniya zhitovnykh v pogrebalnom obryade naseleniya stepnogo Zauralya epokhi srednei bronzy (Animal sacrifices in the funeral rites of the population of the steppe Trans-Urals of the*

- Middle Bronze Age*). Abstract of the thesis Candidate of historical sciences. Yekaterinburg: Institute of History and Archaeology (in Russian).
- 11 Kircho, L. B., Alekshin, V. A. 2005. *Khronologiya epokhi pozdnego eneolita – sredney bronzy Sredney Azii (pogrebeniya Altyn-depe) Chronology of the Late Eneolithic – Middle Bronze Age of Central Asia (burials of Altyn-Depe)*. *Trudy Instituta istorii materialnoy kultury RAN (Proceedings of the Institute for the History of Material Culture of RAS)*, XVI. Saint Petersburg: “Nestor-Istoriya” Publ. (in Russian).
 - 12 Kiryushin, Yu. F., Maloletko, A. M., Tishkin, A. A. 2004. *Berezovaya Luka – poseleniye epokhi bronzy v Aleyskoi stepi (Berezovaya Luka is a Bronze Age settlement in the Alei steppe)*. Vol. 1. Barnaul: Altay State University Press (in Russian).
 - 13 Kupriyanova, E. V. 2018. In: Zdanovich, D. G. (ed.) *Stepnaya Evrasia v epokhy bronzy: kultury, idei, tekhnologii (Steppe Eurasia in the Bronze Age: cultures, ideas, technologies)*. Chelyabinsk: Chelyabinsk University, 184–197 (in Russian).
 - 14 Kuptsova, L. V., Faizullin, I. A. 2012. In: Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya (Orenburg Archaeological Sites)*, 10, 70–100 (in Russian).
 - 15 Mishina, T. N. 2010. In: *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)*, 224, 136–149 (in Russian).
 - 16 Molodin, V. I., Epimakhov, A. V., Marchenko, Zh. V. 2014. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta (Herald of Novosibirsk State University)*, 13 (3), 136–167 (in Russian).
 - 17 Molodin, V. I., Parzinger, H., Garkusha, Yu. N., Schneeveiß, J., ..., Kulin N. A. 2004. *Chicha – gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoy lesostepi (Chicha – a settlement of the transitional period from Bronze to Iron Age in the Barabinsk forest-steppe)*. Vol. 2. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the RAS (in Russian).
 - 18 Morgunova, N. L., Khalyapin, M. V., Khalyapina, O. A. 2011. In: Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzhiya (Orenburg Archaeological Sites)* 5, 99–125. (in Russian).
 - 19 Morgunova, N. L., Evgen'ev, A. A., Kupzova, L. V. 2015. In: *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)*, 2, 64–71 (in Russian).
 - 20 Obydenova, G. T., Shuteleva, I. A., Scherbakov, N. B. 2002. In: Piotrovskiy, Yu. Yu. (ed.). *Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekoveye (Steppes of Eurasia in ancient times and the Middle Ages)*, 1. Saint Petersburg: State Hermitage, 205–206 (in Russian).
 - 21 Petrov, F. N., Kupriyanova, E. V. 2016. *Poseleniya epokhi bronzy v Arkaimskoi doline: po rezultatam razvedochnykh issledovaniy 1997–2015 gg. (Bronze Age settlements in the Arkaim Valley: based on the results of scientific studies in 1997–2015)*. Moscow: “Nasledie” Publ. (in Russian).
 - 22 Porokhova, O. I. 1989. In: Morozov, Yu. A., Pshenichnyuk, A. Kh. (eds.) *Materialy po epokhe bronzy i rannego zhelesa Yuzhnogo Priuraliya i Nizhnego Povolzhiya (Materials on the Bronze Age and Early Iron Age of the Southern Urals and Lower Volga region)*. Ufa: Bashkir Scientific Center of the Academy of sciences of the USSR, 60–71 (in Russian).
 - 23 Salnikov, K. V. 1954. In: *Sovetskaya arkheologia (Soviet Archaeology)*, XXI, 52–94 (in Russian).
 - 24 Salnikov, K. V. 1967. *Ocherki Drevney istorii Yuzhnogo Urala (Essays on the ancient history of the Southern Urals)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
 - 25 Tkachev, A. A. 1999. In: *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2, 2–29 (in Russian).
 - 26 Usmanova, E. R. 2005. *Mogilnik Lisakovskiy I: Fakty i Paralleli (Cemetery Lisakovskiy I: facts and parallels)*. Karaganda; Lisakovsk (in Russian).
 - 27 Faizullin, I. A. 2012. In: *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tchentra RAN (News of the Samara Scientific Center of the RAS)*, 14 (3), 226–230 (in Russian).
 - 28 Chemyakin, Yu. P. 2015. In: Tairov, A. D. (ed.). *Etnicheskie vzaimodeistviya na Yuzhnom Urale (Ethnic interactions in the Southern Urals)*, 169–176. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Museum (in Russian).
 - 29 Aspöck, E. 2008. In: Murphy, E. M. (ed.). *Deviant Burial in the Archaeological Record*. Oxford: Oxbow Books, 17–34 (in English).

- 30 Beilke-Voigt, I. 2008. In: Dommasnes, L. H., Wrigglesworth, M. (eds.). *Children, Identity and the Past*. Cambridge: Cambridge University Press, 16–35 (in English).
- 31 Boric, D., Stefanovic, S. 2004. In: *Antiquity*, 78 (301), 526–546 (in English).
- 32 Karl, R., Löcker, K. 2011. In: Lally, M., Moore, A. (eds.) *(Re)Thinking the Little Ancestor: New Perspectives on the Archaeology of Infancy and Childhood*. Oxford: BAR International Series, 37–46 (in English).
- 33 Koryakova, L. N., Epimakhov, A. V. 2007. *The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Age*. Cambridge: Cambridge University Press (in English).
- 34 Koryakova, L. N., Krause, R., Epimakhov, A. V., Sharapova, S. V., Panteleyeva, S. E., Berseneva, N. A., Fornasier, J., Kaiser, E., Molchanov, I. V., Chechushkov, I. V. 2011. In: *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)*, 4 (39), 61–74 (in English).
- 35 Scott, E. 1999. *The Archaeology of Infancy and Infant Death*. Oxford: BAR International Series (in English).
- 36 Vinogradov, N. B., Berseneva, N. A. 2013. In: *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology Ethnology & Anthropology of Eurasia)*, 41 (3), 59–67 (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 04.06.2023.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 08.08.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 08.08.2023.

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.86.100>

Женские украшения гунно-сарматского времени Казахстана

© 2023 г. Хасенова Б.М.

Keywords: archaeology, Kazakhstan, Hunno-Sarmatian time, polychrome style, jewelry

Түйін сөздер: археология, Қазақстан, ғұн-сармат уақыты, полихромдық стиль, әшекей

Ключевые слова: археология, Казахстан, гунно-сарматское время, полихромный стиль, украшения

Bakyt Khassenova¹

¹PhD, Leading Researcher, Branch of the Margulan Institute of Archaeology, Astana, Kazakhstan. E-mail: alicar@inbox.ru

Women's jewelry of the Hunno-Sarmatian time of Kazakhstan

An interesting source about the culture of the population of any era is the costume, which is archaeologically fixed for the most part with the help of preserved metal parts. In the Hunno-Sarmatian period, various jewelry made of gold, bronze, using stones and paste became widespread in women's costume. Many of these items were decorated in polychrome style. Their classification allows us to obtain more complete information about the formation of costume traditions of the time in question, and the role of jewelry made in polychrome style in social symbolism. These include tiaras, temple pendants, earrings, and rings. They are characterized by certain artistic solutions related to the proclamative nature of the language of art. Ancient craftsmen sought to increase the shape of jewelry by using other materials, grain techniques, large inserts of stones and pastes as a base.

Source of funding: The publication was carried out within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2023–2024, project IRN BR18574175.

For citation: Khassenova, B. 2023. Women's jewelry of the Hunno-Sarmatian time of Kazakhstan. *Kazakhstan Archeology*, 4 (22), 86–100 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2023.4.22.86.100](https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.86.100)

Бақыт Мұлдашқызы Хасенова¹

¹философия докторы (PhD), жетекші ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының филиалы, Астана қ., Қазақстан

Қазақстанның ғұн-сармат уақытындағы әйелдер әшекейі

Кез келген дәуірдегі тұрғындардың мәдениеті туралы қызықты дереккөз металдан жасалған бөлшектері сақталған киім болып табылады. Ғұн-сармат дәуірінде әйел киімінде тастар мен пастаны пайдаланып алтыннан, қоладан жасалған әртүрлі әшекейлер кең тарады. Бұл заттардың көпшілігі полихромды стильде безендірілген. Олардың классификациясы қарастырылып отырған уақыттың киім дәстүрінің қалыптасуы әлеуметтік символикада,

Бакыт Мұлдашевна Хасенова¹

¹доктор философии (PhD), ведущий научный сотрудник, Филиал Института археологии имени А.Х. Маргулана, г. Астана, Казахстан

Женские украшения гунно-сарматского времени Казахстана

Интересным источником о культуре населения любой эпохи является костюм, археологически фиксируемый в большинстве своём с помощью сохранившихся металлических деталей. В гунно-сарматское время в женском костюме получили распространение различные украшения из золота, бронзы, с использованием камней и пасты. Многие из этих предметов оформлялись в полихромном стиле. Их классификация позволяет получить более полную

полихромдық стильде жасалған әшекейлердің рөлі туралы толық ақпарат алуға мүмкіндік береді. Оларға диадемалар, шекелік салпыншақтар, сырғалар, перстендер жатады. Олар өнер тілінің прокламативтік сипатымен байланысты белгілі бір көркемдік шешімдерін сипаттайды. Ежелгі шеберлер басқа материалдардан түйіршіктеу әдісін пайдалана отырып және тастар мен пастадан қосымша қою арқылы әшекейлердің пішінін үлкейтуге тырысты.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2024 жж. бағдарламалық-нысаналы қаржыландыруы шеңберінде, ЖТН BR18574175 жобасы аясында даярланды.

Сілтеме жасау үшін: Хасенова Б.М. Қазақстанның ғұн-сарматуақытындағы әйелдер әшекейі. *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 4 (22). 86–100-бб. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2023.4.22.86.100](https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.86.100)

информацию о формировании костюмных традиций рассматриваемого времени, роли украшений, выполненных в полихромном стиле, в социальной символике. К таковым относятся диадемы, височные подвески, серьги, перстни. Их характеризуют определённые художественные решения, связанные с прокламативным характером языка искусства. Древние мастера стремились увеличить форму украшений путём использования в качестве основы другие материалы, техники зерни, крупных вставок камней и пасты.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2024, ИРН проекта BR18574175.

Для цитирования: Хасенова Б.М. Женские украшения гунно-сарматского времени Казахстана. *Археология Казахстана*. 2023. № 4 (22). С. 86–100. DOI: [10.52967/akz2023.4.22.86.100](https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.86.100)

1 Введение

Характерным явлением культуры любой эпохи выступает костюм, важнейшей основой для реконструкции которого по данным археологических материалов служат изделия из металла. Цель статьи – систематизация данных об аксессуарах женского костюма гунно-сарматского времени Казахстана. Во все периоды этот материал использовался не только для изготовления орудий, предметов быта, но с его помощью демонстрировались символические, эстетические функции предметного мира людей прошлого. Именно в нём нашёл своё воплощение знаменитый полихромный стиль, в формировании которого ярко отобразились исторические события того переломного времени.

В качестве источниковой базы выступили украшения из металла, обнаруженные при изучении памятников гунно-сарматского времени, локализуемых на территории Центрального, Южного и Западного Казахстана. Материалы были получены в результате научных изысканий М.К. Кадырбаева, К.А. Акишева, А.Г. Максимовой, М.Г. Мошковой, Г.А. Кушаева, Б.Ф. Железчикова, М.С. Мерщикева, А.З. Бейсенова, А.А. Бисембаева и др. В выборке представлены данные из 15-ти памятников: Карасу I (1)* (*Здесь и далее в скобках указаны номера, соответствующие расположению на схеме – рис. 1), мог. Сегизсай (Лебедевка) (2), Акбулак III (3), случайная находка у оз. Батыр (4), городища Культобе (5), мог. Коктал (6), мог. Культобе (7), мог. Каратобе (8), мог. городища Коныр-тобе (9), Актобе 2 (10), Енбекшил (11), Канаттас (12), случайная находка из ур. Ерменсай (на р. Каргалы) (13), мог. Каркара (14), Актас I (15), у оз. Батыр (рис. 1).

В подавляющем большинстве они входили в состав погребального комплекса, что представляет значительный интерес для выяснения контекста находок. Классификация осуществлена исходя из места расположения анализируемого украшения. На основании этого выделены группы предметов, которые находились в области головы (диадемы, нашивки на налобные повязки, височные подвески, серьги), груди (подвески, ожерелье, подвески в составе амулетных наборов), рук (перстни). Далее распределение осуществлялось по форме изделий. Эпизодически представлены другие разновидности металлических деталей костюма рассматриваемого времени. В связи со значительным объёмом информации данные о них не использовались.

Рис. 1. Схема расположения памятников на карте Казахстана (1–15 – см. в тексте).
Условные обозначения: *a* – погребения, курган, могильник; *b* – городище; *c* – случайная находка.
Исполнитель: Михаил Антонов

1-сур. Қазақстан картасында ескерткіштердің орналасу схемасы (1–15 – см. мәтінде).
Шартты белгілер: *a* – жерлеу, оба, қорым; *b* – қала; *c* – кездейсоқ табылым.
Орындаушы: Михаил Антонов

Fig. 1. The location scheme of the sites on the map of Kazakhstan (1–15 – see in the text).
Symbols: *a* – burials, burial mound, burial ground; *b* – settlement; *c* – accidental find.
Performer: Mikhail Antonov

2 Классификация и описание украшений из металла гунно-сарматского времени Казахстана

Украшения в области головы Диадемы

Из крупных прямоугольных пластин

1. Состоит из двух широких золотых пластин* (*здесь и далее в определении материала использованы формулировки авторов публикаций) с великолепно выполненным ажурным изображением. Окончания пластин с одной стороны обломаны. Диадема обнаружена при случайных обстоятельствах на р. Каргалы* (*Согласно материалам изысканий, проведенных В.В. Сараевым, А.А. Горячевым и др., которым удалось обнаружить место находки, погребение находилось в урочище Ерменсай) (см.: [Сараев 2021: 83–84; Горячев и др. 2021: 113–114]) [Бернштам 1940: 23]. В растительные побеги вписаны изображения марала, копытных животных, летящих птиц, крылатого тигра, на котором сидит персонаж, покрытый оперением, дракона, на спине которого расположен ещё один персонаж с птичьей символикой, медведя, дракона и т. д. [Бернштам 1940: рис. 2, 2а]. Изображение выпуклое, вписано в массивную рамку, отчётливо просматриваемую сверху и снизу

пластины. Изобразительное пространство мастерски дополнялось вставками сердолика, бирюзы, альмандина округлой или каплевидной формы. Фиксируется ещё один интересный художественный приём, усиливающий ощущение глубины: растительные побеги по внешнему контуру имеют небольшую углубленную полосу, покрытую частой штриховкой, выполненной под наклоном.

Необходимо отметить, что А.Н. Бернштам назвал обнаруженный комплекс «магическим апотропеем богатого кочевника», «погребением шамана», в последующих многочисленных публикациях оно обозначается женским, тем не менее, вполне обоснованно А.А. Горячев и соавторы совместной статьи, посвященной результатам современных его исследований, используют обтекаемое «умерший(ая)» [Бернштам 1940: 28, 29; Горячев и др. 2021: 113]. Но, учитывая, что диадемы являются в подавляющем большинстве частью женского костюма [Засецкая 1994: 58], возможно предположить, что погребение из урочища Ерменсай было женским. Датируется I–II вв. н.э. [Бернштам 1940: 31].

2. Состоит из одной широкой пластины (возможно, представляет собой часть украшения, так как погребение подверглось ограблению, первоначально оно могло состоять из двух пластин). Обнаружена в погребении северной насыпи кургана с «усами» мог. Коктал. В публикации не были указаны условия обнаружения находки. На поверхности золотой пластины в высоком касте крепились камни различной формы с выпуклой и плоской поверхностью – представлены альмандины (5 экз.), пироп (2 экз.), халцедон (1 экз.), топаз (1 экз.)* (*Определение произведено в шлиховой лаборатории Института геологии АН КазССР [Кадырбаев 1969: 92]). Имеются овальные, округлые ячейки. Интерес представляют две крупные ячейки в форме сердца на короткой «ножке». Касты расположены двумя неровными рядами. По краю пластины – широкая полоска ложного шнуrowого орнамента. Изделие отличается небрежностью в исполнении, касты имеют неровные края, боковые стороны их смяты. Находка датируется IV–V вв. н.э. [Кадырбаев 1969: 93].

3. Состоит из двух широких пластин разной длины (рис. 2). Лежала на лобных костях женщины в погребении кургана № 19 мог. Канаттас (IV–V вв. н.э.) [Кадырбаев 1959: 181–182; 197]. Каждая из частей выполнена из бронзовой пластины, на которую сверху крепился золотой лист. Вставки сделаны из камней – разнообразностей граната

Рис. 2. Мог. Канаттас, курган № 19.
Деталь диадемы (по: [Наследие ... 2018: 374])

2-сур. Қанаттас қорымы, № 19 оба.
Диадема деталі ([Наследие ... 2018: 374] бойынша)

Fig. 2. Kanattas burial ground, mound No. 19.
Detail of a diadem, after – Nasledie ... 2018: 374

и янтаря* (*Определение выполнено геологом М.К. Януловой [Кадырбаев 1959: 193]) [Кадырбаев 1959: 193]. По углам каждой бляхи пробито по округлому отверстию, причём, по данным М.К. Кадырбаева, в некоторых случаях они были выполнены небрежно, в результате чего повреждён рисунок. Также короткая пластина имеет среды ремонта, её обломанный край оформлен путём загибания золотого листа, также здесь дополнительно были проделаны два отверстия для дальнейшего крепления [Кадырбаев 1959: 195].

Из нашивок прямоугольной формы

Выполнены из тонкой золотой пластины прямоугольной формы с закруглёнными углами (рис. 3) (5 экз.) [Онгар и др. 2014: рис. 30–31]. Сверху и снизу имеются небольшие загибы. По

Рис. 3. Карқара, объект № 21. Нашивки (по: [Онгар и др. 2014: рис. 31])

3-сур. Қарқара, № 21 нысан. Жапсырмалар ([Онгар и др. 2014: рис. 31] бойынша)

Fig. 3. Karkara, object No. 21. Stripes, after – Onggar et al. 2014: fig. 31

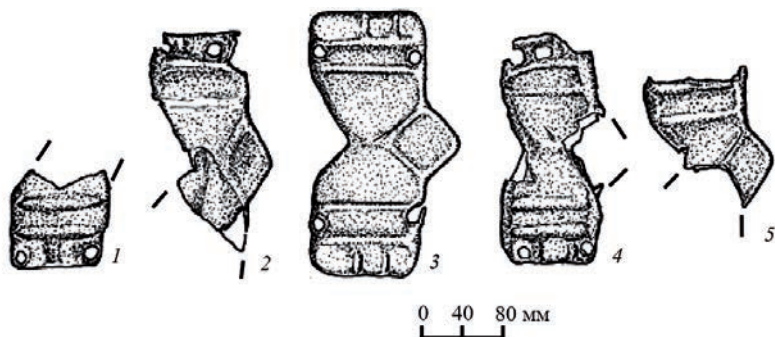

Рис. 4. Карқара, объект № 13. Нашивки (по: [Онгар и др. 2014: рис. 23, 1])

4-сур. Қарқара, № 13 нысан. Жапсырмалар ([Онгар и др. 2014: рис. 23, 1] бойынша)

Fig. 4. Karkara, object No. 13. Stripes, after – Onggar et al. 2014: fig. 23, 1

углам сделаны небольшие округлые отверстия для крепления. Лицевая поверхность украшена тремя полосками горизонтального зигзага. По обе стороны от них расположен ряд из квадратных и округлых выпуклостей, имитирующих, судя по всему, зёрны. Представляют собой металлические детали головной повязки, выполненной из ткани и кожи. Находились вплотную друг к другу в области затылка, образуя полоску длиной 11 см [Онгар и др. 2014: 45]. Данные по полу погребённого человека из объекта № 21 комплекса Карқара отсутствуют. Погребение относится ко II–I вв. до н.э. – II в. н.э. [Онгар и др. 2014: 50].

Из нашивок бабочковидной формы

Выпуклые, в виде широкой галочки с прямоугольными лопастями, расположенными под углом 90° по отношению к центральной части (рис. 4) (5 экз.). [Онгар и др. 2014: рис. 23, 1]. Золотые. Обнаружены в области лобной кости черепа. Орнаментальная композиция центральной части образована двумя равнобедренными треугольниками, соприкасающимися вершинами, и ромбом, соединённым с ними своими боковыми сторонами. На поверхности лопастей – две вертикальные неглубокие линии. В про-

пространстве между внешней линией и краем изделия имеются короткие поперечные линии, делящие это пространство на три равные части. На лопастях по краям имеется по одному отверстию. Края загнуты внутрь. С обратной стороны сохранились участки кожи [Онгар и др. 2014: 41]. Погребение объекта № 13 комплекса Каркара датируется II–I вв. до н.э. – II в. н.э. [Онгар и др. 2014: 50].

Из нашивок зигзагообразной формы

Выполнены из бронзовой пластины, поверх которой крепились золотая (11 экз. целых, 5 фр.) [Онгар и др. 2014: рис. 26; 27, 1]. Находились в области затылка умершего человека. Предметы выполнены в виде полосок зигзага, с выпуклой поверхностью. С закруглёнными окончаниями, которые выделены размещёнными под наклоном желобками. Видимо, изделия нашивались на тканевую поверхность, и под ними проходила нитка. Отверстия отсутствуют. Судя по расположению некоторых нашивок, можно предположить, что они крепились вплотную друг к другу и соединялись углами, образуя сплошную подвижную полосу на поверхности головного убора или повязки. Около нижней челюсти также лежали мелкие округлые бусины чёрного цвета (55 экз. целых, 4 фр.) [Онгар и др. 2014: 42]. Данные по полу погребённого человека из объекта № 15 комплекса Каркара отсутствуют, судя по наличию в составе погребального инвентаря пряслица, можно предположить, что это было женское погребение, которое датируется II–I вв. до н.э. – II в. н.э. [Онгар и др. 2014: 50]. Следует отметить, что такая форма, используемая при оформлении данных нашивок, аналогична бляшкам, украшавшим поверхность пояса из погребения 8 мог. городища Коныр-тобе, только здесь они были выполнены из бронзы [Байпаков и др. 2005: рис. 1.8].

Из нашивок округлой формы

Полусферические, с небольшим ровным бортиком по краю [Акишев 1983: 203]. Выполнены из золота. Были нашиты в два ряда вплотную друг к другу на узкую и длинную ленту холста, обтянутую шелковой тканью. Случайная находка у оз. Батыр датируется III в. н.э. [Засецкая 1994: 59].

Серьги

Округлая

Выполнена из золота, с медной дужкой. К нижней части округлой плоской пластины крепятся семь полых золотых шариков, образующими гроздь, между ними находятся более мелкие шарики зерни. На лицевой поверхности расположено два небольших продолговатых выступа. Дужка сделана из округлого в сечении прута. Серьга лежала вместе с двумя бронзовыми кольцами, назначение которых не известно, завернутой в ткань, и была зарыта под полом в проходе между помещениями городища Актобе 2. Памятник датируется I–IV вв. н.э. [Максимова и др. 1968: 68, рис. 29, 24].

Калачиковидная

1. Выполнены из чёрной мастики (?), обтянутой золотой фольгой (6 экз., пять из них обнаружены в составе тайника, расположенного в стене двора помещения № 49 городища Культобе) (рис. 5) [Смагулов, Ержигитова 2019: 11–12]. Поверхность украшений покрыта вставками камней, закреплённых в овальных, каплевидных или округлых кастах. Они выполнены из узкой золотой пластины. В качестве вставок использована витрофильная яшма* (*Определение художника-ювелира И. Сулейменова [Смагулов, Ержигитова 2019: 12]). После утраты некоторых из них была использована стеклянная паста аналогичного цвета [Смагулов, Ержигитова 2019: 12]. Вставки расположены на небольшом расстоянии друг от друга и сплошь покрывают поверхность изделий. Причём есть экземпляр, где по центру одной из сторон размещён только один каст, и несколько, где их насчитыв-

вается пять. Дужки не сохранились. В верхней части с обеих сторон оформлены неширокие валики – прямые или рифлёные [Смагулов, Ержигитова 2019: рис. 8; 14, 1]. Комплекс украшений, в состав которого входили пять серег, по мнению авторов, определяется как подношение/жертвоприношение и датируется II–III вв. н.э. [Смагулов, Ержигитова 2019: 12].

Практически аналогичные украшения были обнаружены в катакомбе 1 мог. Культобе, а также в кургане № 2 мог. Сегизсай (Лебедевка). В первом случае, две серьги лежали по обеим сторонам черепа в женском погребении, которое датируется II–III вв. н.э. [Подушкин 2014: 139, 141]. В качестве основы этих изделий, по данным А.Н. Подушкина, использовалась смола, на которую сверху крепилось золото. На поверхности насчитывается 15 вставок камня красного цвета округлой или овальной формы. На лицевой поверхности, как сообщает автор раскопок, крепились камни лучшего качества [Подушкин 2014: 139]. Касты невысокие, выполнены из тонкой полоски. В отличие от предыдущего комплекта украшений, в данном случае сохранились дужки. Они выполнены из округлого в сечении прута. В месте их соединения с основной частью имеются объёмные валики с рифлёной поверхностью [Подушкин 2014: рис. 2, 2]. Во втором случае обе серьги находились в женском погребении с богатейшим составом сопровождающих его вещей. Были обнаружены с правой стороны от черепа. Изделия украшались округлыми и овальными вставками стекла зеленоватого и светлого цвета и какого-то тёмного материала неизвестного происхождения. Вставки крепились в касты, выполненные из тонкой полоски металла. Сверху по обеим сторонам украшений расположены неширокие валики с рифлением [Мошкова 2009: рис. 2, 2]. Погребение относится к сер. III в. н.э. [Мошкова 2009: 112].

2. Бронзовые, со стеклянными вставками (2 экз.). Находились в области черепа. Объект 27, мог. Акбулак III. Погребение датируется III–IV вв. н.э. [Бисембаев и др. 2018: 238]. Другой информации в публикации не содержится.

Квадратная

Золотые, с использованием камней (2 экз.). Центральные, формообразующие элементы – в виде квадрата и каплевидной формы, выполнены из тонких пластин, украшенных по центру вставками крупного камня вишнёвого цвета, повторяющих их очертания. Пластины соединены между собой шарнирным способом. Штырёк украшен с обеих сторон округлыми жемчужинами. Сверху изделие имеет округлую петлю. От каплевидных пластин направлено вниз по две подвески, выполненные из обмотанной плотной спиралью проволоки, на окончании которой размещены три округлые бусины: из коралла, жемчуга и золота. При этом, золотая бусина украшена небольшими пластинками листовидной формы, прикреплённых на округлых петлях. Серьги датируются III в. н.э. (случайная находка у оз. Батыр) [Акишев 1983: 202].

Зооантропоморфная

Выполнена в виде объёмной фигуры мыши* (*в определении принадлежности животного придерживаюсь формулировки А.Н. Бернштама), которая держит в пасти сидящего человека. Золотая, со вставками бирюзы и чёрного камня (?). Массивная дужка из округлого в сечении прута является в то же время хвостом животного. Тело каплевидной формы, сплошь покрыто вставками камня различной формы, из них наиболее крупная, прямоугольной формы, расположена на спине. Показаны крупные глаза, плотно прижатые к голове уши. Морда удлинённая, треугольной формы. Фигура человека показана схематично. Воспроизведены массивная голова с крупными чертами лица, короткие тело и ноги. Фигура украшена вставками камня различной формы. Интересно показана причёска – в виде каста удлинённой формы, окаймляющей голову сверху и сзади. В каст

Рис. 5. Городище Култобе. Серьги (по: [Смагулов, Ержигитова 2019: рис. 8]
5-сур. Күлтөбе қаласы. Сырғалар ([Смагулов, Ержигитова 2019: рис. 8] бойынша)
Fig. 5. Kultobe settlement. Earrings, after – Smagulov, Erjigitova 2019: fig. 8

вставлен камень (?) чёрного цвета. Серьга найдена в погребении из урочища Ерменсай, датируется I–II вв. н.э. [Бернштам 1940: 31].

Височные подвески

Выполнены в форме удлинённого овала с приподнятыми краями (2 экз.) (рис. 3). Украшения изготовлены из золота, с использованием камней. Каждое из них состоит из двух пластин, вставленных друг в друга. Нижняя пластина имеет невысокие бортики, в которые вставлена верхняя, край которой окаймлён шариками зерни. Декоративная композиция размещена в пределах фигуры, повторяющей форму изделий. Её очертания показаны с помощью поясков зерни. При этом между ними размещена узкая полоска с гладкой поверхностью. Центральную часть композиции представляют вставки пяти камней разных размеров. В центре одной подвески размещён прямоугольный камень с ровной поверхностью, по обе стороны от него крепятся камни округлой и овальной формы с выпуклой поверхностью. Для верхнего ряда использованы вставки наименьшего размера. При украшении второй подвески задействованы следующие камни: в центре – округлый плоский, выше – сердцевидной формы, плоский и выпуклый, по краям – небольшие округлые выпуклые разного размера. Камни вставлены в невысокие касты, основания которых окаймлены зернью. В пространстве между камнями сверху и снизу расположены маленькие равнобедренные треугольники зерни. В верхней части изделий по бокам имеются округлые петли. Вся выпуклая часть фигур окаймлена крупными цилиндрическими трубочками с рифлением, оканчивающимися пирамидками зерни. Также кро-

Рис. 6. Мог. Актас 1, погребение № 28.
Височные подвески (по: [Наследие... 2018: 368])
6-сур. Ақтас 1 қорымы, № 28 жерлеу.
Шекелік салпыншақтар ([Наследие... 2018: 368] бойынша)
Fig. 6. Aktas 1 burial ground, burial No. 28.
Temple pendants, after – Nasledie... 2018: 368

шечные пирамидки зерни украшают внутреннюю сторону овала, расположены в верхней части предметов, в пространстве между петлями.

Височные подвески из погребения № 28 мог. Актас 1 впервые были опубликованы в каталоге «Древнее золото Казахстана» [Акишев 1983: 180–181]. Материалы погребения, дублирующие археологический отчет, увидели свет в 2011 г. Одно украшение лежало под черепом с правой стороны, второе – под подбородком [Акишев, Свиридов 2011: 187]. Исходя из состава погребального инвентаря, можно сделать вывод, что это женское погребение.

По мнению И.П. Засецкой, они являлись височными подвесками и крепились на длинных петлях на уровне висков по обеим сторонам головы [Засецкая 1994: 59]. Украшения из Актас 1 датируются III–V вв. н.э.

Украшения в области груди Подвески

Овальной формы

Пластина украшена по центру вставкой крупного камня с выпуклой верхней частью (курган № 2, мог. Енбекшил) [Бейсенов, Веселовская 2013: рис. 3, 1]. Бронза, камень. Каст невысокий, немного сужается сверху, плотно обхватывая камень. Основание каста окаймлено пояском из зерни, ещё один украшает край изделия. Сверху к пластине крепится небольшая округлая петелька. Подвеска обнаружена в погребении женщины 20–25 лет, датируемом IV–V вв. н.э. [Бейсенов, Веселовская 2013: 450, 453].

Округлой формы

Небольшого размера, уплощённые, украшены вставками граната и пасты синего цвета (22 экз.). Вставки размещены в невысоком касте из тонкой проволоки. Пространство вокруг вставок полностью покрывает два ряда зерни. В верхней части имеется крупная округлая петля, размещённая на шаровидном выступе, в нижней – гроздь из четырёх шариков зерни [Фотографии... 1975: фото 2]. Данные подвески являлись частью ожерелья, в которое также входила крупная бусина из граната в виде удлинённого сердца. Ожерелье лежало возле котла, расчищенного в северной половине насыпи кургана № 7 мог. Карасу I. По мнению авторов раскопок, украшение являлось даром погребённому и использовалось в процессе совершения обряда, частью которого также было погребение женщины, совершённое в юго-западной части насыпи [Кушаев, Железчиков 1975: 9–10]. Датировка – III в. до н.э. – II в. н.э. [Кушаев, Железчиков 1975: 5].

Цилиндрической формы

Торцевые стороны украшены вставками уплощённого камня с выпуклой поверхностью (рис. 7). Подвеска украшена вставками тёмно-красного рубина округлой или прямоугольной формы с неровными очертаниями. По обеим сторонам от прямоугольного камня находится по небольшому треугольнику из трёх шариков зерни. Вставки расположены в кастах из невысокой тонкой пластинки, основание которых украшено полоской зерни. В верхней части украшения прикреплены крупные округлые петли с рифлением. В их основании нанесены два шарика зерни. Имеется ещё один декоративный элемент – бортик, расположенный по обеим сторонам цилиндра, с волнистыми краями [Мошкова 2009: рис. 2, 1а; Наследие... 2018: 354]. Ещё одна подвеска отличается меньшим размером, отсутствием камней на торцевых сторонах и вставки прямоугольной формы на поверхности. Использованы аналогичные камни округлой формы, в одном случае, видимо, из-за небольшой высоты камня, каст приобрел форму пятиугольника. В отличие от предыдущего украшения, по обеим сторонам цилиндра выполнены полоски зерни с заглаженной верхней поверхностью. Касты на поверхности обоих украшений имеют неровные, рваные края, полоски зерни в их основании не образуют правильных геометрических фигур. Отчётливо просматриваются места соединения окончаний пластин, используемых для кастов [Мошкова 2009: рис. 2, 1б; Наследие... 2018: 354]. Обе подвески находились в области груди под нижней челюстью. Женское погребение кургана № 2 мог. Сегизсай (Лебедевка) датируется сер. III в. н.э. [Мошкова 2009: 112].

Рис. 7. Мог. Сегизсай (Лебедевка), курган № 2. Подвески (по: [Наследие ... 2018: 354])
7-сур. Сегізсай (Лебедевка) қорымы, № 2 оба. Салпыншақтар ([Наследие ... 2018: 354] бойынша)
Fig. 7. Segizsay (Lebedevka) burial ground, mound No. 2. Pendants, after – Nasledie ... 2018: 354

В виде фигурок животных

В виде фигурки птицы (курган № 3, мог. Каратобе). Бронзовая. Представляет собой объёмную фигуру, размещённую в профиль. Фиксируются крупная голова каплевидной формы, удлинённое туловище, узкий, прямоугольный хвост. Показано небольшое крыло каплевидной формы, покрытое продольными линиями. Птица размещена на небольшом стержне, округлом в сечении. Подвеска крепилась с помощью петли, с округлым в сечении отверстием. Обнаружена в области грудной клетки вместе с крупными бусинами [Подушкин 2000: 58].

В виде фигурки козлика. Бронзовые. Представляют собой объёмную фигуру в профиль, выполненную схематично. Показаны маленькая треугольная голова с крупным рогом, оттянутым на-

зад, узкое тело, короткие прямые ноги. Были обнаружены в погребениях № 40, 42, 47, 99 мог. городища Коныр-тобе и входили в состав т. н. амулетных наборов [Байпаков и др. 2005: 43, рис. 1.38].

Таким образом, к числу основных женских украшений в погребениях гунно-сарматского времени, обнаруженных на территории Казахстана, относятся диадемы, различные подвески, составляющие ожерелье или амулетные наборы, серьги. Эпизодически встречаются также другие украшения. Речь идёт о железном браслете из кургана № 28 мог. Актас 1 [Акишев, Свиридов 2011: 186], бронзовых – из погребения № 47 мог. городища Коныр-тобе [Байпаков и др. 2005: 63], бронзовых колокольчиках из объекта 27 мог. Акбулак III, лежащих в области локтя правой руки [Бисембаев и др. 2018: 239], из погребений № 56, 43 мог. городища Коныр-тобе [Байпаков и др. 2005: 43], бронзовых цепочках из погребений № 28, 38 мог. городища Коныр-тобе, бронзовых шпильках оттуда же [Байпаков и др. 2005: 63, 50] и т. д. К числу таких единичных украшений, определяемых в качестве женских, относятся и великолепные украшения, выполненные в полихромном стиле, – это перстни из погребения в урочище Ерменсай, на щитке которых воспроизведены объёмные фигуры верблюдов, гривна с наконечником в виде головы дракона из погребения у оз. Батыр [Бернштам 1940: 23; Акишев 1983: 186–187].

3 Обсуждение

Основная масса украшений относится к последним векам гунно-сарматского времени. В этом плане они представляют интерес для характеристики костюмных традиций более узкого хронологического периода. Исключение составляют золотые нашивки от налобных лент, которые происходят из погребений рубежа тысячелетий.

Как показывает анализ и условия обнаружения деталей костюма, в рассматриваемую эпоху продолжает существовать традиция обозначения головного убора как важнейшего признака принадлежности к женскому миру. Исходя из приведённого анализа, отчётливо проявляется социальная составляющая в оформлении этих предметов. Золото продолжает играть важную роль в демонстрации статуса своих владельцев. Отчётливо выделяется группа погребений с богатыми головными уборами, выполненными из золота, с включением различных камней, которые являются шедеврами ювелирного искусства прошлого. Особую группу представляют женские погребения с минимумом инвентаря и мелкими нашивками, но выполненными из тонких пластинок золота, которыми украшались головные уборы или налобные ленты. Статусные вещи повторялись в пределах сложившейся культурной традиции в другом материале или форме.

Следует обратить внимание на использование других материалов, например, бронзы, в изготовлении предметов в стилистике полихромного стиля, как, например, серьги из погребения объекта 27 мог. Акбулак III, подвеска из погребения кургана № 2 мог. Енбекшил [Бисембаев и др. 2018: 238; Бейсенов, Веселовская 2013: рис. 3, 1].

Полихромность представлена в оформлении таких украшений, как диадемы, колты, серьги, подвески. Гривны, подвески встречаются в оформлении как мужского, так и женского костюма. Возможно, подвеска на массивной золотой цепи из мужского погребения городища Кызыл-Кайнар-тобе первоначально представляла собой височное украшение, но впоследствии была использована уже в том виде, каком она сохранилась в археологическом контексте.

4 Результаты

Обращает внимание, что практически все рассмотренные украшения являются единичными, они не образуют более представительных комплектов, нередко становятся даже единственными из

числа предметов костюма в составе погребального комплекса. То же самое можно сказать о мужском костюме. Судя по имеющимся в нашем распоряжении материалам с территории Казахстана, из металлических предметов к нему относятся серьги, височная подвеска, нагрудная подвеска, гривна, фибула [Бернштам 1951: рис. 96; Максимова и др. 1968: рис. 32, 13; Мершиев 1970: рис. 7, 3; Арсланова 2013: табл. I, 11–12, 14; Бисембаев и др. 2018: рис. 2]. В свою очередь, привлекают внимание находки богатейших комплексов воинского и конского снаряжения, где представлены многочисленные предметы из золота и камней, выполненные в традициях полихромного стиля [Бернштам 1951; Бисембаев и др. 2018; Бейсенов и др. 2018]. На основании этого можно предположить, скорее, высокую материальную, нежели социальную значимость предметов украшений в рассматриваемый хронологический период. Наиболее богатые комплекты были обнаружены в погребении из урочища Ерменсай, здесь он состоял из диадемы, двух перстней, серьги, пластины, бубенчиков и различных бляшек, а также в элитарном женском погребении кургана № 2 мог. Сегизсай (Лебедевка), в данном случае представлены серьги, подвески, различные нашивки, разнообразные бусы, фибула [Бернштам 1940; Мошкова 2009]. Богатые женские погребения могут выступать ценным источником по политической истории населения гунно-сарматского времени, как это было убедительно показано по материалам из Причерноморья [Засецкая и др. 2007; Казанский, Мастыкова 2014]. В частности, значительный интерес представляют женские погребения с территории Западного Казахстана с предметами импорта в составе инвентаря.

Следует отметить определённую унификацию в использовании полихромного стиля, с его помощью оформлялись только отдельные украшения – это диадемы, височные подвески/серьги, подвески и перстень. Все эти украшения демонстрируют схожие принципы оформления. В первую очередь, их поверхность декорирована с помощью вставок камня, по-преимуществу тёмно-красного цвета или реже пасты, также, в ряде случаев, геометрических фигур из шариков и/или полосок зерни. Исключение составляет перстень из погребения в урочище Ерменсай, в котором полихромность отобразилась только во вставках камня.

Как мужские, так и женские украшения гунно-сарматского времени демонстрируют стремление к крупным формам, которые, при этом, являются бутафорией: центральная часть изделий делалась плоской, не имеющей объёма, который, в свою очередь, приобретался в результате добавления таких декоративных деталей, как геометрические фигуры из шариков зерни на поверхности, крепление по краю пирамидок зерни. Также необходимо отметить, что при изготовлении крупных вещей использовалась основа из бронзы, которая покрывалась сверху золотой пластиной, внутри некоторых полых изнутри украшений находилась мастика (?).

5 Заключение

Женские украшения гунно-сарматского времени представляют собой разнообразный источник, более полное изучение которого необходимо продолжать в дальнейшем. В рамках статьи был представлен опыт первичной классификации украшений из металла, не претендующий на полноту изложения. Интерес представляют: исследование художественных особенностей металлических деталей костюма рассматриваемого времени, археологический контекст, символика, социокультурная интерпретация. Рассмотренные украшения, в большинстве своём, маркируют область головы. Их объединяют определённые декоративные элементы, такие как использование зерни, вставок камня. В выборе формы предметов и их оформления превалирует геометричность. Все эти элементы являются признаками полихромного стиля, получившего своё блестящее воплощение в изготовлении диадем, височных подвесок, серёг, подвесок, рассмотренных в данной статье.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Акишев К.А. Древнее золото Казахстана. Алма-Ата: Өнер, 1983. 264 с.
- 2 Акишев К.А., Свиридов А.Н. Кургan № 28 могильника Актас 1 // Маргулановские чтения-2011: м-лы междунар. научн.-практ. конф. (Астана, 20–22 апреля 2011 г.) / Гл. ред. М.К. Хабдулина. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2011. С. 185-190.
- 3 Арсланова Ф.Х. Курганы с «усами» Восточного Казахстана // Арсланова Ф.Х. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Астана: ФИА, 2013. С. 244-250.
- 4 Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. Алматы: Изд-во BAUR, 2005. 224 с.
- 5 Бейсенов А.З., Веселовская Е.В. Погребение гуннского времени из могильника Енбекшил (Центральный Казахстан) // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов: сб. научн. тр. / Гл. ред. С.Г. Боталов, отв. ред.: Н.Н. Крадин, И.Э. Любчанский. Челябинск: ЮУрГУ, 2013. С. 446-461.
- 6 Бейсенов А.З., Торгоев А.И., Дуйсенбай А.И., Ахияров И.К. Кургan с «усами» Атасу-2 // Поволжская археология. 2018. № 3 (25). С. 103-117.
- 7 Бернштам А.Н. Золотая диадема из шаманского погребения на р. Карагалинке // КСИИМК. 1940. Вып. 5. С. 23-31.
- 8 Бернштам А.Н. Находки у оз. Борового в Казахстане // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1951. Т. XIII. С. 216-229.
- 9 Бисембаев А.А., Хаванский А.И., Дуйсенгали М.Н., Мамедов А.М., Баиров Н.М., Амелин В.А. Исследование памятников гуннского времени в Актюбинской области в 2018 г. (предварительное сообщение) // Археология Казахстана. 2018. № 1–2. С. 235-244.
- 10 Горячев А.А., Сараев В.В., Егорова Т.А., Чернов М.А. Новые материалы древнего археологического комплекса Каргалинского историко-географического микрорайона // Археология Казахстана. 2021. № 2 (12). С. 87-119.
- 11 Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб.: Эллипс, 1994. 224 с.
- 12 Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек: Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. 212 с.
- 13 Кадырбаев М.К. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. 1959. Т. 7. С. 162-203.
- 14 Кадырбаев М.К. Исследование кургана с каменными грядами в Джамбульской области // Вестник АН КазССР. 1969. № 7. С. 89-97.
- 15 Казанский М.М., Мастыкова А.В. Женские могилы знати постгуннского времени в Понтийских степях и константинопольская мода // IV «Анфимовские» чтения по археологии Западного Кавказа. Западный Кавказ в контексте международных отношений в древности и средневековье: м-лы междунар. археол. конф. (г. Краснодар, 28–30 мая 2014 г.) / Под ред. Т.А. Павленко, Р.Б. Схатум, В.А. Улитина. Краснодар: КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына, 2014. С. 97-108.
- 16 Кушаев Г.А., Железчиков Б.Ф. Отчет об археологических раскопках Уральского пединститута в 1975 г. // Научный архив ИА КН МНВО РК. Д. 1467.
- 17 Максимова А.Г., Мерицев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары (археологические исследования в зоне Чардаринского водохранилища). Алма-Ата: Наука, 1968. 265 с.
- 18 Мерицев М.С. Поселение Кызыл-Кайнар-тобе I–IV вв. и захоронение на нем воина IV–V вв. // По следам древних культур Казахстана / Отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, 1970. С. 79-92.
- 19 Мошкова М.Г. Женское погребение в кургане 2 из Лебедевского могильного комплекса (раскопки Г.И. Багрикова) // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем / Отв. ред. М.Г. Мошкова. СПб.: факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 99-113.
- 20 Наследие Великой степи. Шедевры ювелирного искусства: каталог выставки. Т. V / Под ред. А. Онгар. Астана: Национальный музей РК, 2018. 476 с.

- 21 Онгар А., Киясбек Г., Хасенова Б., Бесетаев Б., Кожасметов Б. Новые результаты исследования погребально-поминального комплекса Каркара (по материалам раскопок 2012–2014 гг.) // Всадники Великой степи. Труды ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана Т. IV. Астана: ФИА, 2014. С. 29-57.
- 22 Подушкин А.Н. Арысская культура Южного Казахстана (IV в. до н.э. – VI в. н.э.). Туркестан: Изд. центр МКТУ им. Х.А. Яссауи, 2000. 202 с.
- 23 Подушкин А.Н. Раскопки катакомбы I восточной группы насыпей могильника Культобе в 2013 г. // Кадырбаевские чтения-2014: м-лы IV междунар. научн. конф. / Отв. ред. А.А. Бисембаев. Астана; Актобе: Актюбинский областной историко-краеведческий музей, 2014. С. 138-144.
- 24 Сараев В.В. Каргалинская диадема под флером Юрия Домбровского // Археология Казахстана. 2021. № 2 (12). С. 61-86.
- 25 Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Золото древнего Туркестана (предварительное сообщение) // Археология Казахстана. 2019. № 4 (6). С. 7-18.
- 26 Фотографии находок из раскопок могильника Карасу I (№ 1–80) за 1975 г. // Научный архив ИА КН МНВО РК. Д. 1471.

REFERENCES

- 1 Akishev, K. A. 1983. *Drevnee zoloto Kazakhstana (Ancient gold of Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Oner” Publ. (in Russian).
- 2 Akishev, K. A., Sviridov, A. N. 2011. In: Khabdulina, M. K. (ed.). *Margulanovskie chteniya–2011: (Margulan readings-2011)*. Astana: L.N. Gumilyov Eurasian National University, 185-190 (in Russian).
- 3 Arslanova, F. Kh. 2013. In: *Ocherki srednevekovoy arkheologii Verhnego Priirtyshya (Essays on Medieval Archaeology of the Upper Irtysh region)*. Astana: Branch of the Margulan Institute of Archaeology, 244-250 (in Russian).
- 4 Baipakov, K. M., Smagulov, E. A., Erzhitova, A. A. 2005. *Rannesrednevekovye nekropoli Yuzhnogo Kazakhstana (Early medieval necropolises of Southern Kazakhstan)*. Almaty: “BAUR” Publ. (in Russian).
- 5 Beisenov, A. Z., Veselovskaya, E. V. 2013. In: Botalov, S. G., Kradin, N. N., Lyubchanskiy, I. E. (eds.). *Gunnskiy forum. Problemy proiskhozhdeniya i identifikatsii kultury evraziyskikh gunnov (Hun forum. Problems of the origin and identification of the culture of the Eurasian Huns)*. Chelyabinsk: South Ural State University (in Russian).
- 6 Beisenov, A. Z., Torgoev, A. I., Duysenbay, A. I., Akhiyarov, I. K. 2018. In: *Povolzhskaya arheologiya (The Volga River Region Archaeology)*, 3 (25), 103-117 (in Russian).
- 7 Bernshtam, A. N. 1940. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii materialnoy kultury (Brief communications from the Institute for the History of Material Culture)*, 5, 23-31 (in Russian).
- 8 Bernshtam, A. N. 1951. In: *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii (Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography)*, XIII, 216-229 (in Russian).
- 9 Bissembaev, A. A., Khavanskiy, A. I., Duysengali, M. N., Mamedov, A. M., Bairov, N. M., Amelin, V. A. 2018. In: *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 1-2, 235-244 (in Russian).
- 10 Goryachev, A. A., Saraev, V. V., Egorova, T. A., Chernov, M. A. 2021. In: *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 2 (12), 87-119 (in Russian).
- 11 Zasetskaya, I. P. 1994. *Kultura kochevnikov yuzhnorusskikh stepey v gunnskuyu epohu (konets IV–V vv.) (Culture of nomads of the southern Russian steppes in the Hunnic era (end of the 4th–5th centuries)*. Saint Petersburg: “Ellipse” Publ. (in Russian).
- 12 Zasetskaya, I. P., Kazanskiy, M. M., Akhmedov, I. R., Minasyan, R. S. 2007. *Morskoy Chulek: Pogrebeniya znati iz Priazoviya i ih mesto v istorii plemen Severnogo Prichernomoriya v postgunnskuyu epohu (Morskoy Chulek: Burials of the nobility from the Azov region and their place in the history of the tribes of the Northern Black Sea region in the post-Hunnic era)*. Saint Petersburg: State Hermitage Publ. (in Russian).
- 13 Kadyrbayev, M. K. 1959. In: *Trudy Instituta Istorii Arheologii i Etnologii Akademii Nauk KazSSR (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnology of the KazSSR Academy of Sciences)*, 7, 162-203 (in Russian).
- 14 Kadyrbayev, M. K. In: *Vestnik Akademii Nauk KazSSR (Bulletin of the KazSSR Academy of Sciences)*, 7, 89-97 (in Russian).

- 15 Kazanskiy, M. M., Mastykova, A. V. 2014. In: Pavlenko, T. A., Skhatum, R. B., Ulitina, V. A. (eds.). IV «Anfimovskie» chteniya po arheologii Zapadnogo Kavkaza (4th “Anfimov” readings on the archaeology of the Western Caucasus). Krasnodar: E. D. Felitsyn Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve, 97-108 (in Russian).
- 16 Kushaev, G. A., Zhelezchikov, B. F. 1975. In: *Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology*. D. 1467 (in Russian).
- 17 Maksimova, A. G., Mershchiev, M. S., Vainberg, B. I., Levina, L. M. 1968. *Drevnosti Chardary (arheologicheskie issledovaniya v zone Chardarinskogo vodohranilishcha) (Antiquities of Chardara (archaeological research in the area of the Chardara reservoir))*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 18 Mershchiev, M. S. 1970. In: Kadyrbayev, M. K. (ed.). *Po sledam drevnih kultur Kazakhstana (In the footsteps of ancient cultures of Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ., 79-92 (in Russian).
- 19 Moshkova, M. G. 2009. In: Moshkova, M. G. (ed.). *Gunny, goty i sarmaty mezhd Volgoy i Dunaem (Huns, Goths and Sarmatians between the Volga and Danube)*. Saint Petersburg: Faculty of Philology and Arts of St. Petersburg State University, 99-113 (in Russian).
- 20 Onggar, A. (ed.). 2018. *Nasledie Velikoy stepi. Shedevry yuvelirnogo iskusstva: katalog vystavki (Heritage of the Great Steppe. Masterpieces of Jewelry Art: Exhibition Catalog)*. Astana: National Museum of the RK (in Kazakh, Russian, English).
- 21 Onggar, A., Kiyasbek, G., Khassenova, B., Besetaev, B., Kozhahmetov, B. 2014. In: Onggar, A. (ed.). *Vsadniki Velikoy stepi) (Cavaliers of the Great Steppe)*. Astana: Branch of the Margulan Institute of Archaeology, 29-57 (in Russian).
- 22 Podushkin, A. N. 2000. *Arysskaya kultura Yuzhnogo Kazakhstana (IV v. do n.e. – VI v. n.e.) (Arys culture of Southern Kazakhstan (4th century BC – 6th century AD))*. Turkestan: Yassawi International Kazakh-Turkish University (in Russian).
- 23 Podushkin, A. N. 2014. In: Bisembaev, A. A. (ed.). *Kadyrbaevskie chteniya–2014 (Kadyrbayev readings–2014)*. Astana; Aktobe: Aktobe Regional Museum of History and Local Lore, 138-144 (in Russian).
- 24 Saraev, V. V. 2021. In: *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 2 (12), 61-86 (in Russian).
- 25 Smagulov, E. A., Erzhigitova, A. A. 2019. In: *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 4 (6), 7-18 (in Russian).
- 26 Photography ... 1975. In: *Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology*. D. 1471 (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 30.09.2023.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 30.10.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 30.10.2023.

The golden winged bull (griffins) images in ancient religions

© 2023 Agalarzade A., Karimov S.

Keywords: South Caucasus, Early Iron age, golden griffin, winged bull image, ancient art, ethnic relations, mythology

Түйін сөздер: Оңтүстік Кавказ, ерте темір ғасыры, алтын грифон, қанатты бұқа бейнесі, ежелгі өнер, этникааралық қатынас, мифология

Ключевые слова: Южный Кавказ, ранний железный век, золотой грифон, образ крылатого быка, древнее искусство, межэтнические отношения, мифология

Anar Agalarzade¹ and Samir Karimov²

¹Corresponding author, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Azerbaijan State University of Culture and Arts, Baku, Azerbaijan. E-mail: anararxeoloq@mail.ru

²Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Lenkoran Regional Scientific Center Azerbaijan National Academy of Sciences (ANAS), Lenkoran, Azerbaijan. E-mail: samir-cayrud@mail.ru

The article analyzes images of fantastic animals accidentally discovered on the territory of the Lerik district in southeastern Azerbaijan. These noteworthy discoveries are currently stored in the valuables collection of the National Museum of History of Azerbaijan. These objects testify to the high development of art in ancient times. Considering the resemblance of these images to those in West Asian regions, it is evident that Azerbaijan's ancient metalworking and jewelry art had extensive connections. This can be linked to religious beliefs, cultural-ethnic ties, and longstanding trade relations. Nevertheless, in the South Caucasus, particularly in Azerbaijan, the origins of these bull images are more ancient, primarily represented by clay and bronze figurines. This underscores the continuity of traditions in ancient art, with these finds likely dating back to the Mannean period (9th–8th centuries BC).

For citation: Agalarzade, A., Karimov, S. 2023. The golden winged bull (griffins) images in ancient religions. *Kazakhstan Archeology*, 4 (22), 101–111. DOI: [10.52967/akz2023.4.22.101.111](https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.101.111)

**Анар Агаларзаде¹,
Самир Каримов²**

¹корреспондент авторы, тарих ғылымдарының кандидаты, доцент, жетекші ғылыми қызметкер, Азербайжан мемлекеттік мәдениет және өнер университеті, Баку, Азербайжан

²тарих ғылымдарының кандидаты, жетекші ғылыми қызметкер, Азербайжан Ұлттық ғылым академиясының (АҰҒА) Ленкоран аймақтық ғылыми орталығы, Ленкоран, Азербайжан

**Ежелгі діндердегі алтын қанатты бұқаның
(грифонның) бейнесі**

Мақалада оңтүстік-шығыс Азербайжандағы Лерик ауданынан кездейсоқ табылған фантастикалық жануардың бейнесі талданады. Бұл құнды табылымдар қазіргі уақытта Азербайжан тарихы Ұлттық музейінің құнды заттар қорында сақтаулы.

**Анар Агаларзаде¹,
Самир Каримов²**

¹автор-корреспондент, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Азербайджанский государственный университет культуры и искусства, Баку, Азербайджан

²кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Ленкоранский региональный научный центр Национальной академии наук Азербайджана (НАНА), Ленкоран, Азербайджан

**Образ золотого крылатого быка (грифона)
в древних религиях**

В статье анализируются изображения фантастических животных, случайно обнаруженных на территории Лерикского района в юго-восточном Азербайджане. Эти ценные находки в настоящее время хранятся в фонде ценностей Национального музея исто-

Бұл заттар ежелгі уақытта өнердің жоғары дәрежеде дамығанын көрсетеді. Сонымен бірге Алдыңғы Азия аймақтарымен бұл бейне түрінің ұқсастықтарын ескерсек, онда Азербайжандағы зергерлік ісі мен металл өңдеудің ежелгі өнері кең байланыстарға ие болғанын сенімді түрде айта аламыз. Бұған ғасырлар бойы қалыптасқан діни сенімдер, мәдени-этникалық және сауда қатынасын жатқызуға болады. Алайда, Оңтүстік Кавказда, әсіресе Азербайжан территориясында бұқа бейнесінің бұл түрінің түп тамыры одан да ертеректе, және олардың көпшілігі саз және қола кішкене фигуралармен берілген. Бұлардың барлығы ежелгі өнердегі дәстүр сабақтастығын бейнелейді. Бұл табылымдарды Манней кезеңіне (б.д.д. IX–VIII ғғ.) жатқызуға болады.

Сілтеме жасау үшін: Агаларзаде А., Каримов, С. Ежелгі діндердегі алтын қанатты бұқаның (грифонның) бейнесі. *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 4 (22). 101–111-бб. (Ағылшынша). DOI: [10.52967/akz2023.4.22.101.111](https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.101.111)

рии Азербайджана. Эти предметы свидетельствуют о высоком развитии искусства в древности. В то же время, если принять во внимание сходство этого типа изображений с регионами Передней Азии, то можно с уверенностью утверждать, что древнее искусство металлообработки и ювелирного дела в Азербайджане имеет широкие связи. Сюда же можно отнести религиозные верования, культурно-этнические и торговые отношения, складывавшиеся веками. Однако на Южном Кавказе, особенно на территории Азербайджана, корни этого типа изображений быков более древние, и большинство из них представлено глиняными и бронзовыми фигурками. Всё это свидетельствует о существовании преемственности традиций в древнем искусстве. Эти находки можно отнести к Маннейскому периоду (IX–VIII вв. до н.э.).

Для цитирования: Агаларзаде А., Каримов, С. Образ золотого крылатого быка (грифона) в древних религиях. *Археология Казахстана*. 2023. № 4 (22). С. 101–111 (на англ. яз.).

DOI: [10.52967/akz2023.4.22.101.111](https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.101.111)

Introduction (*Agalarzade A., Karimov S.*)

In the territory of Azerbaijan, the bull was worshiped as a totem starting from the Chalcolithic period, and bull figures made of clay and bronze were found in different parts of Azerbaijan [İbrahimov 2013: 27–34].

The discovery of bull figures from ancient Chalcolithic settlements is related to the belief in the “bull” cult. Researchers associate this with Totemism and state that these figures occupied a place in the religious ideology of ancient farming and cattle-breeding tribes [Ağalarzadə 2007: 80; 2019: 114]. Also, these figures obtained from Chalcolithic and Early Bronze Age monuments prove that the bull played a major role in the economy of the ancient farming-cattle-breeding tribes. For example, the clay figure of a young bull’s head found in the Chalagan Tepe settlement in the Karabakh region [Нариманов, Азимов 1985: 9] reflects the spiritual culture of the population living in the area in the Chalcolithic period. The discovery of these types of figures from the monuments of the Leilatepe culture, Beyuk Kesik I (fig. 3, 1) in Aghstafa district [Müseyibli 2020: 159, fig. 235, 2] and Alkhantepe in Jalilabad district [Ахундов 2014: 89, рис. 5, 5] is an indication of certain beliefs of the ancient tribes about the bull. Although researchers note that bull was used as a beast of draught and a means of transport [Müseyibli 2020: 159], we can see that in the later stages, bull took place in people’s beliefs as a sacred symbol.

During the Early Bronze Age, similar to certain regions in Azerbaijan and the broader South Caucasus, the bull held sacred significance and emerged as a central focal point for worship. It is probable that the people of the Early Bronze Age perceived these animals, integral to their daily lives and agriculture, as embodying supernatural forces. Consequently, they likely engaged in religious ceremonies wherein these animals were specifically chosen for sacrificial offerings. Supporting this hypothesis is the observation that numerous hearth devices were crafted directly in the likeness of a bull’s head or adorned with decorative bull horns [İsmayilov 1981: 34].

Early Bronze Age tribes viewed bull as a symbol of strength, power and fertility, worshiped it, and made clay bull figures in connection with it. Based on this type of findings revealed from residential place

of Makhta I (fig. 3, 2) in Nakhchivan, researchers came to the conclusion that they were made as amulets and could be used during certain ritual ceremonies [Aşurov və b. 2020: 24–25].

During the archaeological excavations in the southeast of Azerbaijan, including in the Late Bronze – Early Iron Age grave monuments of the Lerik district along with other items, bronze bull (ox) figures were also found [Махмудов 2008: 139–140; Кəримов 2006: 54; Ələkbərov, Mirabdullayev 2017: 351–355]. These professionally made figures were discovered in the 90s of the 19th century by French archaeologist Jacques de Morgan from stone bull tombs in Joni (fig. 3, 3), Tulu and Hiveri (fig. 3, 4) villages of Lerik. Among the findings, a bull figure made of clay is also interesting [Ağalarzadə 2019: 141].

From the aforementioned, it can be inferred that the “bull cult” held a certain significance in the beliefs of the people of the South Caucasus from the late 5th millennium BC to the early 1st millennium BC. Undoubtedly, in subsequent periods, advancements in fine art associated with this cult began to be expressed in more intricate and finely crafted examples. The presence of stylized and winged bulls on Middle Eastern monuments indicates the accelerated integration of these animals into the religious-ideological views of the people. Notably, the creation of such images on precious metal objects, as well as the engraving of these depictions on valuable items, garners increased attention.

In recent years, rare and interesting archaeological finds have been found in the southeastern region of Azerbaijan. One of such finds is two exquisitely made gold griffins discovered from one of the stone bull grave monuments in Lerik district during farming work in 2013. Both griffins are professionally made and perfect works of art. These golden griffins indicate the high development of ancient Azerbaijani art.

Description of findings (*Agalarzade A., Karimov S.*)

The first griffin (inv. No. 307) is 4.0 cm long and 4.5 cm high (fig. 1, 1; 2, 1). This bull figure is made in the legendary style, with upward-curling horns, bulging eyes and nostrils depicted with tiny gold balls. The figure is covered with armor from the mouth to the throat, and five wire-like bracelets are depicted on the lower part of the neck. Small balls were added to the last bracelet. Besides, from the waist to the legs, a convex pattern consisting of seven balls were also made. On the waist of the figure, wings are depicted that bend upwards (butterfly-shaped). Rings are drawn on the inside of the wings. The bull's back is covered with an ornamented shield and its short tail is clearly visible below the shield. The spine of the animal is as if naked, without a pattern. Its right leg is depicted in a forward position. By giving this description, the master, who made it, tried to show that the animal is in motion.

The second griffin (inv. No. 306) is 3.0 cm long and 3.5 cm high (fig. 1, 2; 2, 2). Although this figurine is crafted similarly to the first one, it has several distinctive features. The main distinguishing feature is the absence of horns and wings, with a convex pattern resembling an eight-pointed star on its back. The throat of the figurine is adorned with armor, similar to the first one, and underneath it, the same number of wire-like bracelets. Its body, front and back legs are covered with patterns made of small gold beads, and a decorated shield is depicted on its tail. Both figurines were made by molding in a perfect form.

Griffins in decorative-applied art: religious rites or just decorations? (*Agalarzade A., Karimov S.*)

Azerbaijan is considered to be one of the countries where the oldest examples of objects made of gold have been discovered. The first gold object found here dates back to the second half of the 5th millennium BC [Музейбли 2022: 29]. During the archaeological excavations carried out in the territory of Azerbaijan in recent years, great deal of gold items dating back to the 1st millennium BC have been found. Various decorative elements of these findings show that art of the ancient period was highly developed.

Fig. 1. Golden griffins. Azerbaijan National History Museum
1-сур. Алтын грифондар. Азербайжан тарихы Ұлттық музейі
Рис. 1. Золотые грифоны. Национальный музей истории Азербайджана

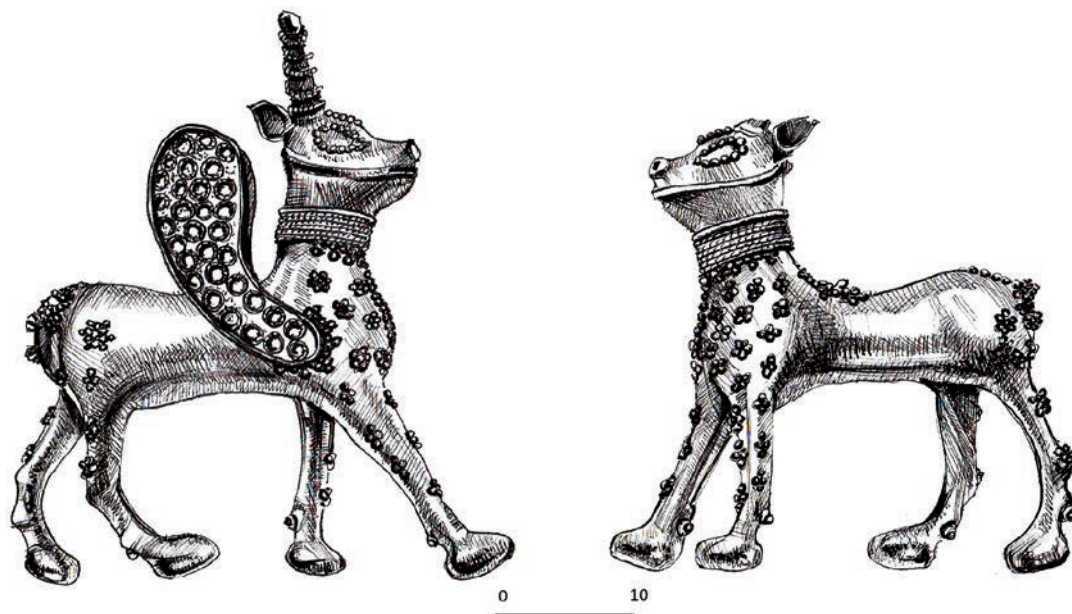

Fig. 2. Graphic representation of the golden griffins. Painter: Seymur Farmanli
2-сур. Алтын грифондардың графикалық бейнесі. Суретші: Сеймур Фарманлы
Рис. 2. Графическое изображение золотых грифонов. Художник: Сеймур Фарманлы

Fig. 3. Clay and bronze bull figures: 1 – I Beyuk Kesik settlement (Chalcolithic period), after – Müseyibli 2020: 573, fig. 235/2; 2 – I Makhta settlement (Early Bronze Age), after – Aşurov və başqaları 2020: 137, fig. 1; 3 – Coni necropolis (Late Bronze-Early Iron Age), after – Morgan 1896: 101, fig. 103; 4 – Khiveri necropolis (Iron Age), after – Ağalarzadə 2019: 141

3-сур. Бұқалардың саз және қоладан жасалған кішкене фигуралары: 1 – Бөкү Кесик I қонысы (энеолит) ([Müseyibli 2020: 573, рис. 235, 2] бойынша); 2 – Махта I қонысы (ерте қола ғасыры) ([Aşurov və başqaları 2020: 137, fig. 1] бойынша); 3 – Джони қорымы (кейінгі қола–ерте темір ғасыры) ([Morgan 1896: 101, рис. 103] бойынша); 4 – Хивери қорымы (темір ғасыры) ([Ağalarzadə 2019: 141] бойынша)

Рис. 3. Глиняные и бронзовые фигурки быков: 1 – поселение Бөкү Кесик I (энеолит) (по: [Müseyibli 2020: 573, рис. 235/2]); 2 – поселение Махта I (ранний бронзовый век) (по: [Aşurov və başqaları 2020: 137, fig. 1]); 3 – некрополь Джони (поздняя бронза–ранний железный век) (по: [Morgan 1896: 101, рис. 103]); 4 – некрополь Хивери (железный век) (по: [Ağalarzadə 2019: 141])

The incorporation of balls in decoration of the griffins we are talking about was not accidental. Ancient Azerbaijani jewelers began to use complex production methods, including grains (balls), in the preparation of gold objects, even from the 1st millennium BC. When making pattern elements of it were created by soldering them together and the surface of the ancient product was decorated [Rüstəmbəyova 2013: 5]. Undoubtedly, this decoration also reflected a certain religious ritual in itself. Most likely, these patterns used in decoration of both griffins were related to the “Sun cult”.

The craftsman who made the griffins depicted them as dynamic and in motion. Their right legs are demonstratively thrown forward, which also gives to say this. It should be noted that in the Ancient East, the rite of bull sacrifice to Mithras was widespread and the leg gesture played an important role here. The case of regularly placing the left leg behind is often observed in various Mithras’ iconographies (fig. 6, 1) [Bivar 2005: 346–350]. The images of armor and shields on the golden bull-griffins found in

Lerik district also give reason to assume that these figures were made in honor of the “Storm (War)” god. Therefore, the ancient Mannaean art was not limited only to the finds of Hasanli, Ziviyya and Marlik, and it spread to the South Caucasus as well. The gold objects found in Lerik region in recent years prove that the ancient Mannaean art is not limited only to the archaeological monuments of South Azerbaijan, at the same time, the existence of this type of artifacts in the territory of North Azerbaijan.

The presence of rich gold deposits in Mannea determined the high level of artistic metalworking. At the beginning of the 1st millennium BC, the Mannaean craftsmen had a great experience in the field of metallurgy and borrowed the progressive technological innovations of the time from their neighbors.

Fig. 4. Griffin on a golden rhyton (Marlik necropolis, Gilan, Iran), after – Khalatbari 1975: 298, 313

4-сур. Алтын ритондағы грифон (Марлик қорымы, Гилан, Иран) ([Khalatbari 1975: 298, 313] бойынша)

Рис. 4. Грифон на золотом ритоне (Некрополь Марлик, Гилан, Иран) (по: [Khalatbari 1975: 298, 313])

The prosperity and strengthening of the state was based on the high economic level achieved by the Mannaean people. Archaeological findings show great achievements in metallurgy and metal processing craftsmen have great artistic taste and mastery [Qaşqay 2009: 56]. It can be said that the images of armored bulls were the product of the creativity of local Mannaean craftsmen, and their depiction in this way was not accidental. It seems that the image of the bull, which occupies an important place in Mannean art and religious outlook, had an undoubted influence on the later Median and Achaemenid art. The influence of Assyrian traditions can be traced in the depiction of both figures with short horns. Giving the horns of bulls as goat horns or depicting bulls with the horns and ears of mountain goats also suggests that these images underwent certain changes outside the areas where they originated [Boardman 1970: 31].

Images of bulls occupied an important place in the religious outlooks of the ancient Mannaean people and embodied the god “Storm (War)” [Qaşqay 1993: 82]. The images of winged bulls on the Hasanli bowl and on gold vessels of Marlik also give reason to say this. It should be noted that the image of a winged bull is quite widespread in the ancient Eastern pantheon. Images of winged bulls are widely found on various artistic metal samples dated to the end of the 2nd – the beginning of the 1st millennium BC. Researchers consider the winged bull image

to be a creature of Assyrian origin and show that from the Middle Assyrian period onwards, various artistic metal samples of this type were produced in local craft workshops. Scholars have concluded that the flat-winged bull image was made by local Assyrian craftsmen, and the curved-winged bulls were made by Phoenician craftsmen who worked in Assyria using the Egyptian method [Moorey 1967]. The wings of the gold griffin found in Lerik district were also made in a curved shape, which probably indicates that the local Mannaeans craftsmen were familiar with Assyrian traditions. However, the pattern of the wings of this figure is slightly different. Depicting the figures with wings was also intended to bring to the fore the idea that they have extraordinary power. The figure's wings, though similar to the Assyrian animal style, are relatively different. Images of winged bulls are found in the later period on the walls and cylindrical seals of the palaces of Pasargadae and Persepolis of the Achaemenid [Morrey 1967: 93; 1978: 150–153; Baordman 1970: 30–34].

The results of some archaeological excavations also confirm that Assyrian-type samples were brought to the South Caucasus through exchange. Thus, six pieces of Assyrian-type glazed pottery and great deal of gold jewelry were discovered from the kurgan belonging to the Early Iron Age studied in Goranboy district in 2015–2016 [Hüseynov 2017: 145–147]. All these prove that the South Caucasus has close economic and cultural relations with the powerful states of Western Asia.

The pattern elements of the griffins found in Lerik and their depiction with rich decorations are also of particular interest. Bulls are not richly decorated in this form both in Assyrian depictions and in cylindrical Achaemenid seals. One of the interesting aspects is the wire-like bracelets depicted on the necks of these bull figures. Such bracelets have been found quite often as ornaments from Late Bronze Age and Early Iron Age sites of Lerik district. As if, these figures were decorated for a special ceremony and special attention was paid to every detail in its preparation. Despite the slightly different presentation and decoration of the bulging bull images on the gold objects found in the rulers' tombs in the Marlik necropolis (fig. 4–5) of Gilan province in Iran, it is highly probable that these type of finds belong to the same production center. Also, the territory of the modern Lerik district is closer to Gilan from a territorial viewpoint. The Late Bronze – Early Iron Age monuments of both regions are almost synchronous [Cahani 2016: 9–20]. During the afore-mentioned period, the same historical and cultural processes took place in both areas. Some researchers are of the opinion that the Marlik culture, previously represented by the Amlash label, spread to the northern borders of Afghanistan and Pakistan, including the Iranian plateau [Negahban 1998: 52–55].

Fig. 5. Gold rhyton from Marlik (Marlik necropolis, Gilan, Iran), after – Negahban 1961: 501

5-сүр. Марликтен табылған алтын ритон
(Марлик қорымы, Гилан, Иран) ([Negahban 1961: 501] бойынша)
Рис. 5. Золотой ритон из Марлика (Некрополь Марлик, Гилан, Иран)
(по: [Negahban 1961: 501])

Fig. 6. Griffins on various objects: 1 – after – Bivar 2005: 353; 2 – after – Negahban 1998: 51

6-сур. Әртүрлі заттардағы грифондар: 1 – [Bivar 2005: 353] бойынша; 2 – [Negahban 1998: 51] бойынша

Рис. 6. Грифоны на различных предметах: 1 – по: [Bivar 2005: 353]; 2 – по: [Negahban 1998: 51]

They justify this with the discovered grave monuments.

The comparative analyses conducted above provide grounds for the conclusion that the gold griffins were artifacts of material culture crafted for religious worship and not just decoration. This distinction is evident as many figures of this type have a designated space for suspension in the upper part. However, such a feature is not observed in the griffins mentioned above. Undoubtedly, considering the connection of the golden griffins with religious beliefs, it is evident that ancient decorative applied art was prevalent during the specified period.

Conclusion (Agalarzade A., Karimov S.)

It can be noted that since the Early Iron Age, a production center had been operating in the region including the south-east of Azerbaijan and the Gilan area based on the rich metallurgical traditions of the Mannae state. The rich metal deposits of the region are considered to be one of the determining factors. The expansion of the ancient Azerbaijani tribes to Mesopotamia since the 3rd millennium BC proves that the political and ethnic-cultural relations

with the production centers of the ancient East also had a strong impact on local metalworking. As the Assyrian and Urartian attacks on Manneahad the purpose of robbery, it is certainly not an exception in taking precious metals to their treasury. The Assyrian and Urartian expansion to Mannea also conditioned the influence of Middle Eastern traditions on its art. So, these gold samples were not brought to the territory of Mannea from Assyria and were rather artifacts related to religious beliefs belonging to local metallurgy. These examples of art reflect the level of development of ancient art, artistic and aesthetic features, and differ in the richness of symbolic and meaning shades. It can be noted that art samples made with high taste by artisans in the field of artistic metalworking had a special importance in the history of art. Since each produced item was made in accordance with the demand of the period and reflected a number of historical features of the period on this sample. However, there are three main ideas up to date, that remain unanswered in the field of research of this type of art: 1) the place and history of the production of this type of samples; 2) the iconography of the motifs, and 3) ethnic, linguistic and cultural associations [Winter 1989: 89]. Undoubtedly, all the mentioned problems require a joint investigation of the mentioned art examples and do not exclude that they belong to the same art. Perfectly and very delicately worked similar examples

Fig. 7. Griffins on various objects, after – Moorey 1967: 84
 7-сур. Өртүрлі заттардағы грифондар ([Moorey 1967: 84] бойынша)
 Рис. 7. Грифоны на различных предметах (по: [Moorey 1967: 84])

of this type, indicate the formation of professional craftsmen and their special position in the period of early class societies.

Acknowledgments. We express our gratitude to academician Naila Velikhanli, the director of the National Azerbaijan History Museum, for creating conditions for our scientific research on rare finds.

ӘДЕБИЕТ

- 1 Ахундов Т.И. Алхантепе – поселение начала бронзового века в Азербайджане // Записки ИИМК РАН. 2014. № 10. С. 78-92.
- 2 Махмудов Ф.Р. Культура юго-восточного Азербайджана в эпоху бронзы и раннего железа. Баку: Нафта-Пресс, 2008. 216 с.
- 3 Мусеибли Н. О древних золотых изделиях Азербайджана // “İrs” jurnalı. 2022. № 115. С. 28-32.
- 4 Нариманов И.Г., Азимов М.С. Энеолитическое поселения Чалагантепе. Баку: Элм, 1985. 11 с.
- 5 Ağalarzadə A.M. Leylatəpə arxeoloji mədəniyyətinin gil fiqurları // Azərbaycan arxeologiyası. 2007. Cild 9, Say: 1-2. S. 78-83.
- 6 Ağalarzadə A.M. Leylatəpə arxeoloji mədəniyyətinin keramikası. Bakı: Afpoliqraf, 2019. 224 s.
- 7 Ağalarzadə A.M. Son Tunc-İlk Dəmir dövründə Azərbaycanın cənub-şərq bölgəsinin maldarlıq təsərrüfatı // Azərbaycan xalçaları. Elmi-publisistik jurnal. 2019. Cild 9, № 30. S. 136-143.

- 8 Aşurov S.H., Hüseynova S.A., Əliyeva F.A. I Maxta İlk Tunc dövrü abidəsi. I kitab. Bakı: Apostrof A, 2020. 147 s.
- 9 Cahani V.R. İranın Gilan vilayətində Erkən Dəmir dövrü arxeoloji abidələrinin tədqiqi (1200–550-ci illər): Tarix üzrə fəlsəfə doktoru elmi dərəcəsi almaq üçün təqdim olunmuş dissertasiyanın avtoreferatı. Bakı, 2016. 26 s.
- 10 Ələkbərov A.İ., Mirabdullayev A.M. Cənub-şərq Azərbaycanında arxeoloji tədqiqatlar (2015) // Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar 2015–2016 / Məsul red. M.N. Rəhimova. Bakı: Afpoliqraff, 2017. S. 351-356.
- 11 Hüseynov M.M. Naftalan-Goranboy arxeoloji ekspedisiyasının 2015–2016-cı illərdə apardığı arxeoloji tədqiqatlar // Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar 2015–2016 / Məsul red. M.N. Rəhimova. Bakı: Afpoliqraff, 2017. S. 145-150.
- 12 İsmayilov Q.S. Quruçay və Köndələnçay vadisində qədim mədəniyyət izləri. Bakı: Elm, 1981. 64 s.
- 13 İbrahimov T. Qədim Azərbaycan heykəltəraşlığı. Bakı: Şərq-Qərb, 2013. 112 s.
- 14 Qaşqay S.M. Manna dövləti. Bakı: Azərneşr, 1993. 107 s.
- 15 Qaşqay S.M. Ön Asiyada miqrasiya proseslərinə dair. Bakı: Şərq-Qərb, 2009. 120 s.
- 16 Kərimov S.K. Lerik rayonun arxeoloji abidələri. Bakı: Araz, 2006. 164 s.
- 17 Müseyibli N.Ə. Leylatəpə mədəniyyəti. Bakı: Elm və təhsil, 2020. 576 s.
- 18 Negahban İ. Marlik həfriyyəti. “Sazman Miras” 1961, 520 s. (in persian).
- 19 Rüstəmbəyova A. Azərbaycanın arxeoloji qızıl və əşyaları. Kataloq. Bakı: Ziya, 2013. 100 s.
- 20 Boardman J. Pyramidal stamp seals in the Persian Empire // Journal of the British Institute of Persian Studies. 1970. Vol. VIII. Pp. 19-47.
- 21 Bivar A.D.H. Mithraism: A religion for the Ancient Medes // Iranica Antiqua. 2005. Vol. XL. Pp. 341-358.
- 22 Khalatbari M.R. Gilan in the Iron Age. Tehran, 1975. 328 p.
- 23 Morgan J De. Mission scientifique en Perse. Tome quatrieme. Recherches archeologiques. Paris, Ernest leroux editeur. Premiere partie, 1896, 125 page. Chapitre II.
- 24 Moorey P.R.S. Some ancient metal belts: Their antecedents and relatives // Journal of British Institute of Persian Studies. 1967. Vol. V. Pp. 83-98.
- 25 Moorey P.R.S. The Iconography of an Achaemenid stamp-seal acquired in the Lebanon // Journal of the British Institute of Persian Studies. 1978. Vol. XVI. Pp. 143-154.
- 26 Negahban E.O. Suggestions on the origin and background of the Marlik culture // Iranica antiqua. 1998. Vol. XXXIII. Pp. 43-56.
- 27 Winter I.J. “The Hasanlu Gold Bowl”: Thirty years later // Expedition 31 (2-3, East of Assyria-The Highland Settlement of Hasanlu). 1989. Pp. 87-106.

REFERENCES

- 1 Akhundov, T. I. 2014. In: *Zapiski Instituta istorii materialnoy kulturu Rossiyskoy Akademii Nauk (Transactions of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences)*, 10, 78-92 (in Russian).
- 2 Mahmudov, F. R. 2008. *Kultura yugo-vostochnogo Azerbaidjhana v epokhu bronzy i rannego jeleza (Culture of South-Eastern Azerbaijan in the Bronze and Early Iron Ages)*. Baku: “Nafta-Press” Publ. (in Russian).
- 3 Museibli, N. 2022. In: *Journal of İrs*, 115, 28-32 (in Russian).
- 4 Narimanov, I. G., Azimov, M. S. 1985. *Eneoliticheskoe poselenie Chalagantepe (Eneolithic settlements of Chalagantepe)*. Baku: “Elm” Publ. (in Russian).
- 5 Aghalarzade, A. M. 2007. In: *Supplement to the Journal of Azerbaijan Studies*. Volume 9, Issue: 1-2. Khazar University Publishing House, Baku, 78-83 (in Azerbaijanian).
- 6 Aghalarzade, A. M. 2019. *Leylatəpə arxeoloji mədəniyyətinin keramikası (Ceramics of Leilatepe archaeological culture)*. Baku: “Afpoligraf” Publ. (in Azerbaijanian).
- 7 Aghalarzade, A. M. 2019. In: *Azerbaijan carpets (Scientific-publicistic Journal)*, 9, no. 30, 136-143 (in Azerbaijanian).
- 8 Ashurov, S. H., Huseynova, S. A., Aliyeva, F. A. 2020. *First Bronze Age monument of Makhta I. Book I*. Baku: “Apostrophe A” Publ. (in Azerbaijanian).
- 9 Jahani, V. R. 2016. *Study of Early Iron Age Archaeological Monuments in Iran’s Gilan Province (1200–550 AD)*: Abstract of the thesis for PhD in History. Baku (in Azerbaijanian).

- 10 Alekberov, A. I., Mirabdullayev, A. M. 2017. In: Rahimova, M. N. (ed.). *Archaeological researches in Azerbaijan 2015-2016*. Baku: "AfPoligraf Publ"., 351-356 (in Azerbaijanian).
- 11 Huseynov, M.M. 2017. In: Rahimova, M. N. (ed.). *Archaeological researches in Azerbaijan 2015-2016*. Baku: "AfPoligraf Publ"., 145-150 (in Azerbaijanian).
- 12 Ismayilov, G.S. 1981. *Traces of ancient culture in the Guruchay and Kondalanchay valley*. Baku: "Science". (in Azerbaijanian).
- 13 Ibrahimov, T. 2013. *Ancient Azerbaijani sculpture*. Baku: "East-West" (in Azerbaijanian).
- 14 Qashgay, S. M. 1993. *The Mannea state*. Baku: "Azerneshr" Publ. (in Azerbaijanian).
- 15 Qashgay, S. M. 2009. *On migration processes in Eastern Asia*. Baku: "East-West" Publ. (in Azerbaijanian).
- 16 Karimov, S. K. 2006. *Archaeological monuments of Lerik region*. Baku: "Araz" Publ. (in Azerbaijanian).
- 17 Müseibli, N. A. 2020. *Leilatepe culture*. Baku: "Science and Education" Publ. (in Azerbaijanian).
- 18 Negahban, I. 1961. *Marlik excavation*. "Sazman Miras". (in Persian)
- 19 Rustambayova, A. 2013. *Archaeological gold objects of Azerbaijan*. Directory. Baku: "Ziya" Publ. (in Azerbaijanian).
- 20 Boardman, J. 1970. In: *Journal of the British Institute of Persian Studies*, VIII, 19-47 (in English).
- 21 Bivar, A.D.H. 2005. In: *Iranica Antiqua*, XL, 341-358 (in English).
- 22 Khalatbari, M. R. 1975. *Gilan in the Iron Age*. Tehran (in English).
- 23 Morgan, J De. 1896. *Mission scientifique en Perse. Tome quatrieme. Recherches archeologiques*. Paris, Ernest leroux editeur. Premiere partie. Chapitre II (in French).
- 24 Moorey, P.R.S. 1967. In: *Journal of British Institute of Persian Studies*, V, 83-98 (in English).
- 25 Moorey, P.R.S. 1978. In: *Journal of the British Institute of Persian Studies*, XVI, 143-154 (in English).
- 26 Negahban, E. O. 1998. In: *Iranica antiqua*, XXXIII, 43-56 (in English).
- 27 Winter, I. J. 1989. In: *Expedition 31 (2-3, East of Assyria-The Highland Settlement of Hasanlu)*, 87-106 (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
 Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
 Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 31.03.2023.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 06.08.2023.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 06.08.2023.

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.112.126>

Неординарное погребение из бегазы-дандыбаевского могильника Тесиктас

© 2023 г. Варфоломеев В.В.

Keywords: archaeology, Central Kazakhstan, Tesiktas burial ground, Late Bronze Age, Begazy-Dandybay culture, funeral offerings, 25 ceramic vessels, pottery, tradition

Түйін сөздер: археология, Орталық Қазақстан, Тесиктас қорымы, кейінгі қола дәуірі, бегазы-дәндібай мәдениеті, жерлеу рәсімдері, 25 керамикалық ыдыстар, көзешілік, дәстүр

Ключевые слова: археология, Центральный Казахстан, могильник Тесиктас, поздний бронзовый век, бегазы-дандыбаевская культура, погребальные приношения, 25 керамических сосудов, гончарство, традиция

Victor Varfolomeev¹

¹Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Buketov Karaganda University, Karaganda, Kazakhstan. E-mail: vicvarfolomeev@mail.ru

An extraordinary burial from Begazy-Dandybay burial ground Tesiktas

The problems of the Begazy-Dandybay culture continue to be quite acute, despite decades of research. Each new monument introduces new nuances that are important for understanding this culture. The proposed article publishes the materials of the excavations of the fence 2 of the Tesiktas burial ground. They are dated according to the method of analogies by 14th–12th centuries BC and belong to the Begazy-Dandybay culture. The burial chamber of granite slabs contained the bones of a 25–35-year-old woman in the last months of pregnancy and a baby aged 0 to two months. Despite the ancient robbery, numerous burial implements have been preserved in the grave, represented by a bronze awl, 25 vessels (marked No. 1–25) and an earthenware dish. The funeral food is represented by the ribs of a sheep. Some of the vessels were made “in haste” specifically for use in the funeral rite. Using fingerprinting methods, it was found that among the potters there were men and children aged 7–10 years old who made votive vessels for burial. It is assumed that the family of the deceased woman participated in the preparation and conduct of this ceremony.

Source of funding: The publication was carried out within the framework of grant financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2021–2023, project IRN AR09261083.

For citation: Varfolomeev, V. 2023. An extraordinary burial from Begazy-Dandybay burial ground Tesiktas. *Kazakhstan Archeology*, 4 (22), 112–126 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2023.4.22.112.126](https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.112.126)

Виктор Васильевич Варфоломеев¹,

¹тарих ғылымдарының кандидаты,
қауымдастырылған профессор,
Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті,
Қарағанды қ., Қазақстан

Тесиктас бегазы-дәндібай қорымынан табылған
ерекше жерлеу

Бегазы-дәндібай мәдениетінің мәселесі ондаған жылдар бойғы зерттеулерге қарамастан әлі де күрделі болып тұр. Әрбір жаңа ескерткіш осы мәдениетті түсіну үшін маңызды мәліметтер ұсынуда. Мақалада

Виктор Васильевич Варфоломеев¹

¹кандидат исторических наук,
ассоциированный профессор, Карагандинский
университет им. Е.А. Букетова,
г. Караганды, Казахстан

Неординарное погребение
из бегазы-дандыбаевского могильника Тесиктас

Проблемы бегазы-дандыбаевской культуры продолжают оставаться достаточно острыми, несмотря на десятилетия исследований. Каждый новый памятник вносит новые нюансы, важные для понимания

Тесиктас қорымының 2 қоршауы қазбасынан алынған материалдар жариялануда. Олар салыстыру әдістері бойынша б.д.д. XIV–XII ғғ. мерзімделеді және бегазы-дәндібай мәдениетіне жатқызылады. Граниттен жасалған жерлеу камерасынан 25–35 жастағы жүктіліктің соңғы айындағы әйел мен 0 ден 2 ай аралығындағы нәресте сүйегі табылды. Ежелгі заманда тоналса да, көптеген жерлеу заттары сақталған, олар қола біз, 25 (1–25 дейін нөмірленген) ыдыс және саздан жасалған табақ. Жерлеу тамағы қойдың қабырғалары. Ыдыстардың бір бөлігі жерлеу салтында пайдалану үшін әдейі «асығыс жасалған». Дактилоскопия әдісінің көмегімен көзешілердің ішінде жерлеу үшін вотивті ыдыстар жасаған ер адамдар мен 7–10 жас аралығындағы балалар болғаны анықталды. Бұл салтты дайындау және өткізу үшін қайтыс болған әйелдің отбасы қатысуы мүмкін деп болжанады.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің гранттық қаржыландыруы аясында, жоба ЖТН АР09261083 даярланды.

Сілтеме жасау үшін: Варфоломеев В.В. Тесиктас бегазы-дәндібай қорымынан табылған ерекше жерлеу. *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 4 (22). 112–126-бб. (Орысша).

DOI: [10.52967/akz2023.4.22.112.126](https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.112.126)

этой культуры. В предлагаемой статье публикуются материалы раскопок ограды 2 могильника Тесиктас. Они датируются по методу аналогий XIV–XII вв. до н.э. и относятся к бегазы-дандыбаевской культуре. В погребальной камере из гранитных плит находились кости женщины 25–35 лет на последних месяцах беременности и младенца в возрасте от 0 до двух месяцев. Несмотря на древнее ограждение, в могиле сохранился многочисленный погребальный инвентарь, представленный бронзовым шилом, 25 сосудами (обозначены № 1–25) и глиняным блюдом. Погребальная пища представлена рёбрами овцы. Часть сосудов изготовлена «на скорую руку» специально для использования в погребальном обряде. При помощи использования методов дактилоскопии установлено, что среди гончаров были мужчины и дети в возрасте 7–10 лет, которые изготавливали вотивные сосуды для погребения. Предполагается, что в подготовке и проведении этой церемонии участвовала семья умершей женщины.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки МНВО РК 2021–2023, ИРН проекта АР09261083.

Для цитирования: Варфоломеев В.В. Неординарное погребение из бегазы-дандыбаевского могильника Тесиктас. *Археология Казахстана*. 2023. № 4 (22). С. 112–126. **DOI:** [10.52967/akz2023.4.22.112.126](https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.112.126)

1 Введение

При изучении древних культур чаще всего основное внимание исследователей концентрируется на проблемах культурной принадлежности, хронологии, периодизации, хозяйственно-культурной специфики, социальной структуры общества. Распространённое мнение о карасукском происхождении бегазы-дандыбаевской культуры [Киселев 1951: 143, 178; Грязнов 1952; Грязнов 1956; Членова 1972: 133 и след.; Кузьмина 1970; Кузьмина 1994: 130; Кузьмина 2008: 209–213; Исмагил 1998; Смагулов, Павленко 1998; Ткачев 2003; и др.] опровергается анализом так называемой бегазинской керамики. Этот анализ показал, что в большинстве своём такая керамика имеет прямые аналогии в памятниках андроновидных культур юга Западной Сибири, а в Центральном Казахстане является импортом [Варфоломеев 2013]. Бегазы-дандыбаевская культура – одна из круга культур общности культур валиковой керамики. В связи с этим материалы из погребения в сооружении 2 могильника Тесиктас очень показательны. Но они, кроме того, проливают свет не только на проблему происхождения бегазы-дандыбаевской культуры, но и на состав участников погребальных церемоний и подготовительный этап погребального обряда. Некоторые сведения об этих деталях были получены при изучении погребения в могильнике Тесиктас.

2 Материал и методы

2.1 Методика исследований

Сооружение исследовалось в раскопе площадью 64 м² с оставлением поперечных бровок для фиксации стратиграфии. В изучении памятника и полученных материалов применялись такие методы, как сравнительно-типологический, а также междисциплинарные исследования.

Изучение профилей каменного ящика в ограде показало следующую стратиграфию: верхний слой (0–15 см) гумусированный грунт, ниже (15–45 см) – черный супесчаный дресвянистый грунт заполнения, с плитами и камнями перекрытия, ниже материк в виде жёлтой глины.

Материал, полученный в ходе полевых исследований, анализировался группой специалистов. Визуальный и типологический анализ керамики выполнен традиционными методами. Определения антропологического материала выполнены К.Н. Солодовниковым, Тюменский научный центр СО РАН. Кости животных изучал археозоолог П.А. Косинцев, Институт экологии растений и животных УрО РАН. Специалист по дактилоскопии А.А. Овсянников, бывший старший криминалист Департамента полиции Карагандинской области (в настоящее время – пенсионер), провёл дактилоскопическое изучение поверхностей сосудов. Исследование по изучению отпечатков пальцев производилось методом визуального сопоставления с использованием лупы, штангенциркуля, линейки и двух дополнительных источников искусственного освещения с соблюдением методики трасологического исследования.

2.2 Характеристика материала

В 2022 г. с целью получения новых данных по бегазы-дандыбаевской культуре были проведены раскопки могильника Тесиктас, открытого автором в 2021 г. Памятник находится в 100 км к юго-юго-востоку от г. Караганды, на правом берегу р. Кармыс¹, в 10 км к юго-востоку от аула Аксу, в 8 км к северо-востоку от аула Кармыс (Шетский р-н, Карагандинская обл.) (рис. 1). Расположен у гранитной сопки системы гор Тесиктас, в 0,4 км от реки на слегка наклонной площадке. Цепочкой вдоль края западного борта сопки почти по линии север–юг протянулось 10 погребальных сооружений (рис. 2). Восемь из них в виде квадратных оград из плашмя уложенных плит. Размеры этих построек колеблются от 5×5 до 7×7 м. По внешнему облику они аналогичны мавзолеям бегазы-дандыбаевского могильника Сангру I [Маргулан 1998: 187, рис. 47]. Каменные ящики внутри оград ограблены, в некоторых из них видны нижние края каменных плит стенок. Крайняя северная ограда круглая, диаметром 7 м, из вертикально установленных плит, с земляной курганной насыпью, вероятно, андроновская.

Для исследований перспективным представлялось сооружение 2 со смещёнными при вспашке камнями ограды и с выступающими до 0,2 м над поверхностью вертикальными плитами погребальной камеры (рис. 3). Внутреннее пространство было перекрыто крупными каменными плитами и забутовано камнями. Среди плит найдены таранная кость овцы, неопределимый фрагмент кости крупного млекопитающего и зуб лошади. Они некоторое время находились на поверхности почвы и подвергались действию природных факторов. Размеры каменного ящика, вытянутого в меридиональном направлении, 2,3×2 м. Глубина погребальной камеры от верхнего края его плит – 0,5–0,6 м, от уровня материка 0,2 м.

После снятия камней забутовки и плит перекрытия каменный ящик был расчищен. Под небольшой плитой, лежавшей в северо-западном углу и видимой на поверхности, был найден железный нож (рис. 7, А). Целостность погребения явно нарушена: почти в центре погребальной камеры выявлено подпрямоугольное углубление размерами 1,1×0,6 м, врезанное в материк на

¹ Река и аул Кармыс на картах и сайте Шетского района обозначены как Карамыс. Местное население говорит Кармыс. У А.Х. Маргулана – Кармыс [Маргулан 1998: 261].

Рис. 1. Местонахождение могильника Тесиктас на карте. Исполнитель: Михаил Антонов
1-сур. Картадағы Тесіктас қорымының орналасуы. Орындаушы: Михаил Антонов
Fig. 1. Location of the Tesiktas burial ground on the map. Performer: Mikhail Antonov

Рис. 2. Могильник Тесиктас. Общий вид. Стрелочкой обозначено сооружение 2. Фото: Виктор Варфоломеев
2-сур. Тесіктас қорымы. Жалпы көрініс. 2 құрылыс белгімен көрсетілген. Фото: Виктор Варфоломеев
Fig. 2. Tesiktas burial ground. General view. The arrow indicates the structure 2. Photo: Victor Varfolomeev

Рис. 3. Могильник Тесиктас. Сооружение 2, вид с запада. Фото: Виктор Варфоломеев
3-сур. Тесіктас қорымы. 2 құрылыс, батыстан көрініс. Фото: Виктор Варфоломеев
Fig. 3. Tesiktas burial ground. Structure 2, view from the west. Photo: Victor Varfolomeev

глубину до 0,12 м, вероятно, это следы грабительского вторжения. Некоторые из найденных сосудов лежали на боку или были разбиты.

При расчистке могилы у южной стенки на дне было зафиксировано компактное скопление костей человека и животных (рис. 4). Определены кости трёх индивидов:

1. Фрагменты скелета и черепа (в т. ч. обе пирамиды височных костей) ребёнка 0–2 месяцев.
2. Длинные кости, обломки нижней челюсти и других костей скелета женщины 25–35 лет.

3. Фрагменты скелета и черепа (в т. ч. пирамида височной кости) индивида последних месяцев внутриутробного развития. Среди костей встречен только один зуб взрослого человека. Кроме того, у сосуда № 25 лежали фаланга пальца и зуб ребёнка, в сосуда № 24 найдена фаланга детского пальца. Вперемешку с человеческими костями лежали кости овцы: четыре левых ребра и диафиз левой лучевой кости с отломленными верхними и нижними концами; целая правая таранная кость с выветренной поверхностью. Четыре последовательно расположенных ребра овцы происходят из передней части грудной клетки, они были в древности отломлены от позвонков и

Рис. 4. Могильник Тесиктас, сооружение 2. Погребальная камера, вид сверху. Фото: Виктор Варфоломеев
4-сур. Тесіктас қорымы, 2 құрылыс. Жерлеу камерасы, үстінен көрініс. Фото: Виктор Варфоломеев
Fig. 4. Tesiktas burial ground, structure 2. Burial chamber, top view. Photo: Victor Varfolomeev

грудины. У лучевой кости овцы верхний и нижний конец отбиты в древности. То есть в качестве напутственной пищи был положен кусок от левой половины грудной клетки овцы. Условно к «напутственной» пище можно отнести среднюю часть левой лучевой кости, но эта кость не характерна для костных комплексов из погребений поздней бронзы. Восточнее скопления костей в могиле лежало бронзовое шило (рис. 7, Б).

Вдоль стен погребального ящика в могиле стояли керамические сосуды. Наибольшее скопление их было у южной и вдоль западной стенки (рис. 6). Некоторые, № 23–25 и единственный фрагмент придонной части сосуда № 26, находились ниже ранее расчищенных керамических изделий № 17–21. Горшочек № 10 очень слабого обжига, при расчистке рассыпался* (*поэтому он отсутствует на рис. 8), на рисунке приведена полевая зарисовка. Керамические емкости № 2, 9, 12, 13, 22–26 сохранились не полностью (рис. 7–8). Вероятно, все сосуды были смещены при грабительском проникновении в могилу. Все они, кроме № 23–26, находились выше дна погребальной камеры. Всего найдено 25 сосудов и одно глиняное блюдо (рис. 7–8).

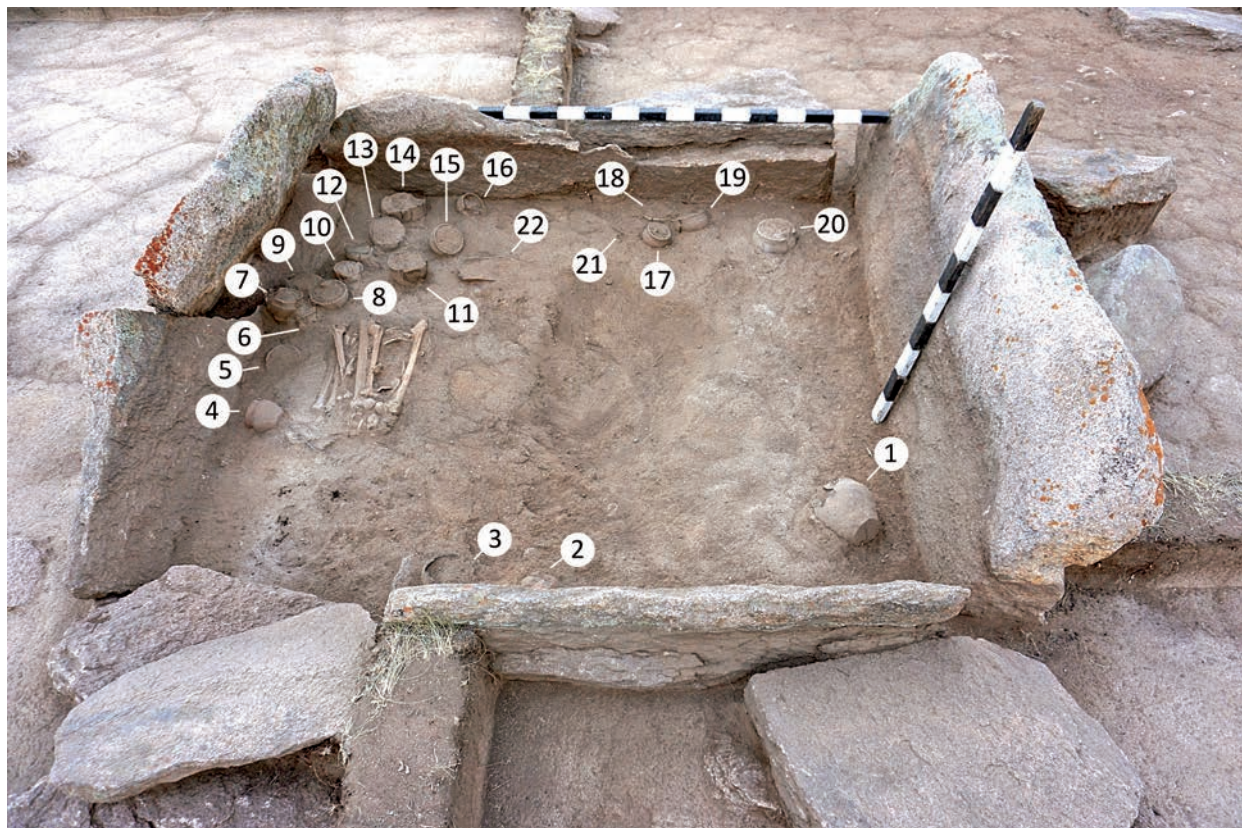

Рис. 5. Могильник Тесиктас, сооружение 2. Размещение сосудов с нумерацией.
Вид с запада. Фото: Виктор Варфоломеев

5-сур. Тесіктас қорымы, 2 құрылыс. Нөмірленген ыдыстардың орналасуы.
Батыстан көрініс. Фото: Виктор Варфоломеев

Fig. 5. Tesiktas burial ground, structure 2. Placement of vessels with numbering.
View from the west. Photo: Victor Varfolomeev

3 Результаты

Анализ находок позволяет сделать выводы об их культурной принадлежности:

Железный нож, плоский, черешковый, обушок выпуклый, лезвие вогнуто, острие отломлено (рис. 7, А). Ширина клинка до 20 мм, длина сохранившейся части 140 мм, длина черенка – 35 мм. Очевидно, он был спрятан в этнографическое время или в позднем средневековье и к погребению эпохи бронзы отношения не имеет.

Бронзовое шило удлинённо-ромбовидной формы, один конец острый, другой – плоский (рис. 7, Б). Сечение в средней части квадратное, со стороной 5 мм, длина изделия – 123 мм. Аналогично найденному на поселении Новоильинка в Кулунде [Ситников 2015: рис. 39, 2].

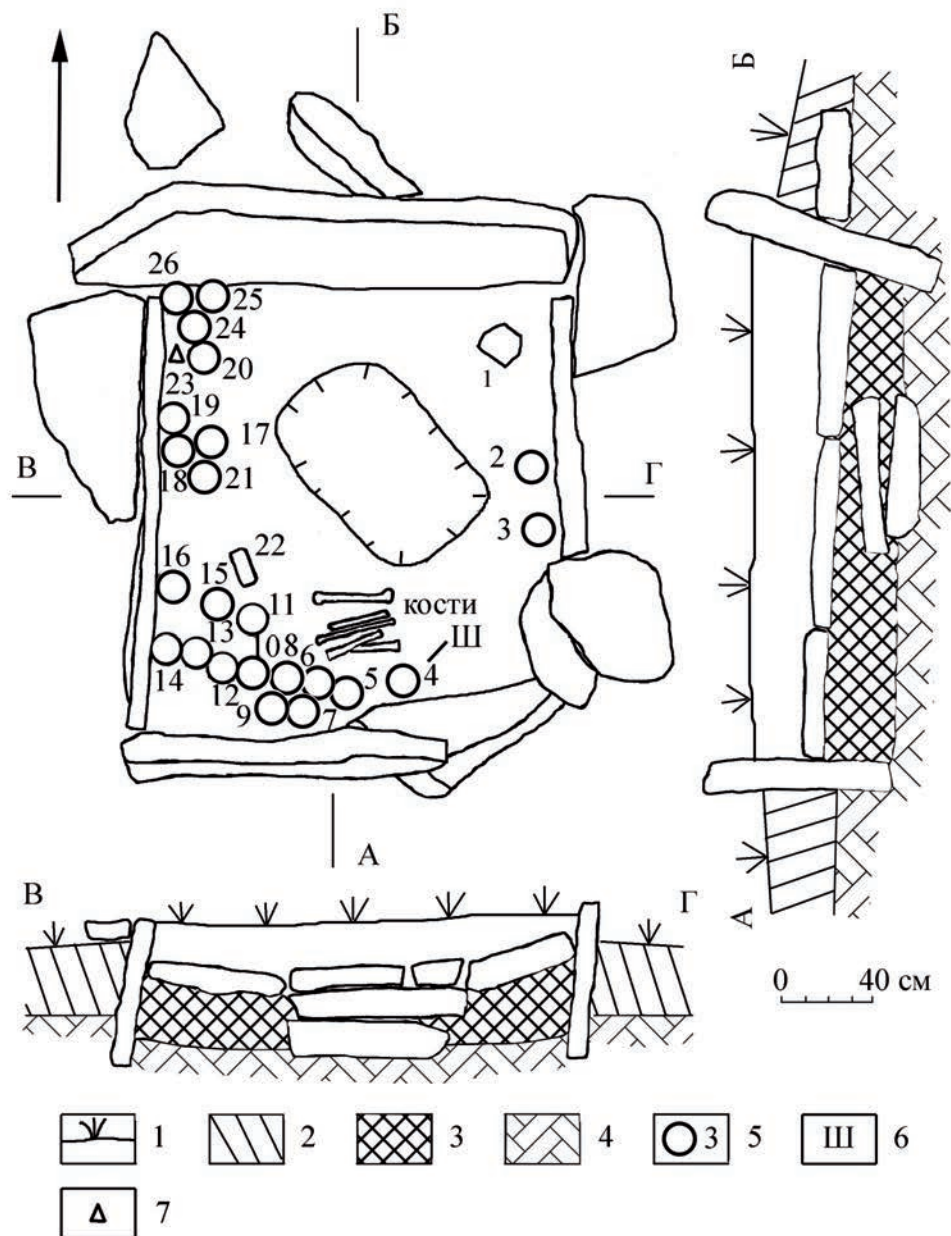

Рис. 6. Могильник Тесиктас, сооружение 2. План и разрез погребальной камеры: 1 – гумусированный грунт; 2 – тёмно-коричневый суглинок; 3 – супесчаный грунт заполнения; 4 – материк; 5 – сосуд с номером; 6 – шило; 7 – фрагмент керамики

6-сур. Тесіктас қорымы, 2 құрылыс. Жерлеу камерасының жоспары мен қимасы: 1 – гумусталған топырақ; 2 – қою қоңыр саздақ; 3 – құмды сазды топырақ; 4 – материк; 5 – саны бар ыдыс; 6 – біз; 7 – керамика фрагменті

Fig. 6. Tesiktas burial ground, structure 2. Plan and section of the burial chamber: 1 – humus soil; 2 – dark brown loam; 3 – sandy loam filling soil; 4 – subsoil; 5 – vessel with a number; 6 – awl; 7 – ceramic fragment

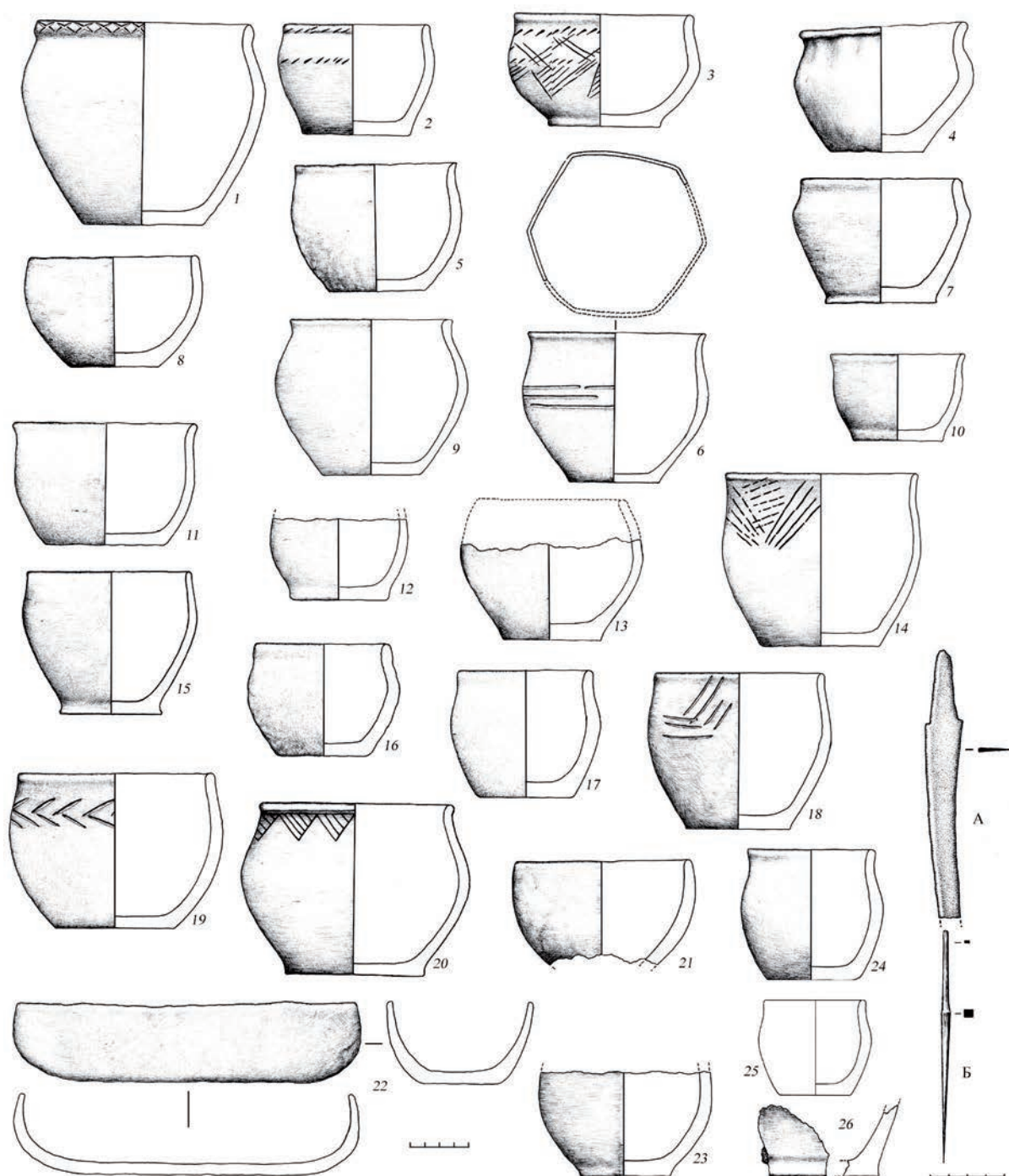

Рис. 7. Могильник Тесиктас, сооружение 2. Керамика

7-сүр. Тесіктас қорымы, 2 құрылыс. Керамика

Fig. 7. Tesiktas burial ground, structure 2. Ceramics

Рис. 8. Могильник Тесиктас, сооружение 2. Керамика. Фото: Виктор Варфоломеев
8-сур. Тесіктас қорымы, 2 құрылыс. Керамика. Фото: Виктор Варфоломеев
Fig. 8. Tesiktas burial ground, structure 2. Ceramics. Photo: Victor Varfolomeev

Таблица 1 – Могильник Тесиктас, сооружение 2. Параметры сосудов
1 кесте – Тесіктас қорымы, 2 құрылыс. Ыдыстардың өлшемдері
Table 1 – Tesiktas burial ground, structure 2. Vessel parameters

№	Высота, см	Диаметр по венчику, см	Диаметр по плечу, см	Диаметр по днцу, см	Орнамент	Техника нанесения орнамента
1	13,5	14,6	16,5	8	+	Плоский штамп
2	7,4	10,3	11	7,7	+	Плоский штамп
3	7,6	12,4	13,4	8	+	Плоский штамп, нарезка
4	8,4–9	11,4	12,1	6,3	–	–
5	6,6	11,1	11,6	6,5	–	–
6	10,2	12	12,6	6	–	Плоский штамп
7	8,4	10,6	12	7,5	–	–
8	7,4	11,4	–	6	–	–
9	10,5	10,8	12,9	6,6	–	–
10	5,8	9,1	8,8	6	–	–
11	8,3	12,3	12,1	8	–	–
12	–	–	9,2	6,5	–	–
13	–	–	12,6	6,7	–	–
14	11,6	12,9	13,4	8	+	нарезка
15	9,8	11	11,8	6,8	–	–
16	7,6	9	10,2	6	–	–
17	8,5	9	10,1	6,4	–	–
18	10,5	11,4	12,6	7	+	нарезка
19	10,4	13,2	14,4	7,9	+	нарезка
20	11,5	13	14,8	9,4	+	нарезка
21	–	12	–	–	–	–
22	5,1	22,3×9,7	–	–	–	–
23	–	–	11,8	6,2	–	–
24	8,8	8,2	9,5	6	–	–
25	6,5	6,6	7,4	4,6	–	–
26	–	–	–	–	–	–

Параметры всех керамических сосудов приведены в таблице 1. Все они лепные, окислительного обжига, разных размеров и неоднородны по качеству изготовления. По размерам, составу теста, степени обжига, обработке поверхностей, орнаментации или её отсутствию большинство керамический комплекс можно разделить на две группы. Группу 1 составляют шесть сосудов типично саргаринского облика – № 1, 9, 14, 18–20 (рис. 7–8)². Они горшечной формы, в тесте присутствует примесь мелкой дресвы и песка, поверхности не лощёные, но хорошо заглаженные, орнамент представлен крестообразными отрезками линий на воротничке под венчиком (№ 1), заштрихованными треугольниками вершинами вниз, рядами прочерченных линий (№ 18), горизонтальной ёлочкой (№ 19). Орнамент наносился в технике вдавливания. Эти сосуды имеют аналогии в керамике памятников с посудой валикового типа [Ломан 2019: 114, рис. 1].

² На рисунках и фотографиях сохранена та же нумерация, что и на плане.

Большим количеством керамических изделий представлена группа 2. Это сосуды № 2, 4, 5, 7, 8, 10–13, 15–17, 21, 23–25 (рис. 7–8). Они небольших размеров (сосуд № 25 высотой всего 6,5 см), небрежно слеплены из глиняного теста с большой примесью крупной гранитной дресвы, толстостенные, с бугристой поверхностью, некачественного кострового обжига, представлены горшечными и баночными формами, близкими саргаринским. Орнаментировано только одно изделие № 2 (рис. 7; 8). Сосуды группы 2 оставляют впечатление изготовленных «на скорую руку» и предназначенных для погребальной церемонии.

Вне этих групп стоят сосуды № 3, 6 и блюдо 22 (рис. 7–8).

Сосуд № 3 – низкая чаша с небрежным орнаментом в виде насечек под венчиком, перекрещивающимися парными линиями и поясом треугольников, обращённых вершинами вниз на тулове. Горшок аналогичной формы происходит из могильника Айбас-Дарасы [Маргулан 1998: 216, рис. 78, 3].

Сосуд № 6, имея в целом форму саргаринских горшков, изготовлен из глиняного теста с высокой примесью органики и очень лёгкий. Поверхность стенок трещиноватая, «кракелированная». Венчик в плане гексагональный. Сосуд орнаментирован тремя узкими каннелюрами по тулову, выполненными протаскиванием палочки. Необычное оформление венчика в виде шестиугольника приводит к аналогиям в сосудах с квадратной горловиной могильника Еловка II [Матющенко 2004: 165, рис. 252, 2]. Горшок с туловом подквадратной формы найден в могильнике Старый Сад в Центральной Барабе [Молодин и др. 2017: 21, рис. 15, 4].

Блюдо подпрямоугольной формы, высотой 5,1 см, размерами 22,3×9,7 см со скругленными стенками дна. Изготовлено из того же теста, что и сосуды группы 2, без признаков использования. Вероятно, блюдо – глиняный дериват деревянных изделий. Но не исключено, что идея таких блюд восходит к андроновской-фedorовской традиции. Подборка глиняных ёмкостей в виде прямоугольных блюд из фёдоровских погребений приведена в недавней статье О.Н. Корочкивой и Э.Р. Усмановой, которые трактуют подобные изделия из могильников Урефты I и Лисаковский I как глиняные модели транспортного средства – повозки, которые лепились специально для погребального обряда и символизировали высокий социальный статус умершего человека [Корочкива, Усманова 2020: 81].

4 Обсуждение

На основании типа погребального сооружения, бронзового шила и керамики валикового облика погребение из могильника Тесиктас должно быть отнесено к бегазы-дандыбаевской (саргаринско-алексеевской) культуре общности культур валиковой керамики и датироваться в рамках этой культурного образования в широком диапазоне XIV–XII вв. до н.э. Приуроченность сооружения 2 к оградкам мавзолейного типа – погребениям представителей элиты – позволяет предполагать принадлежность индивидов, молодой беременной женщины и младенца (возможно, родственника), к клану, оставившему этот могильник. Находившаяся на последних сроках беременности женщина физиологически не могла приходиться матерью захороненному рядом с нею младенца. По законам физиологии у неё не могло быть ребёнка в возрасте 0–2 мес. Вероятно, это был её родственник. Но ответ на этот вопрос требует специального междисциплинарного исследования.

Интересны результаты дактилоскопического исследования керамического инвентаря из погребения. На горшке № 1 отмечены папиллярные узоры взрослого человека и ребёнка 7–10 лет. Сосуд № 4 несёт отпечатки пальцев ребёнка этого же возраста. На экземплярах № 11 и 12 есть

отпечатки пальцев мужчины пожилого возраста. На блюде зафиксированы отпечатки пальцев мужчины старше 20-ти лет. Исследование поверхностей других глиняных емкостей не выявило убедительных следов рук гончаров. Важно отметить, что в изготовлении керамических сосудов для погребальных приношений участвовали не только взрослые, в том числе мужчины, но и дети, что было этапом их социализации. Судя по небольшому количеству плит ограды и несложному устройству могилы, в погребальной церемонии участвовала семья и ближайшие родственники женщины и младенца.

5 Заключение

Погребение из ограды 2 могильника Тесиктас дало интересные сведения о погребальном обряде у населения бегазы-дандыбаевской культуры. Канонические представления о похоронных практиках требовали погребения умершей женщины и младенца в каменной могиле с необходимым сопроводительным инвентарём и напутственной пищей. Помимо бронзового шила в могилу могли положить и другие предметы, не сохранившиеся из-за ограбления. Но набор из 25-ти керамических сосудов и глиняного блюда сохранился. Это должно подтверждать высокий социальный статус погребённых. Большое количество сосудов в могилах достаточно характерно для бегазы-дандыбаевских могил. Так, в курган-ограде 11 могильника Айбас-Дарасы найдено свыше 40 [Маргулан 1998: 211]. В пристройке к западной стенке этой ограды находилось потревоженное детское погребение [Маргулан 1998: 210]. Но для бегазы-дандыбаевских могильников больше известны не совместные погребения взрослых и детей, а детские пристройки-ящики у стен могильных сооружений как в Бугулы III, Сангру I, III) [Маргулан 1998: 210].

Сосуды из погребения ограды 2 могильника Тесиктас небольших размеров, как из повседневного набора, так и слепленные непосредственно для размещения в могиле. Сосудики группы 2, вероятно, были изготовлены детьми, что как-то связано с беременностью умершей женщины и похоронами младенца. Участие детей в подготовительной стадии погребального обряда демонстрирует их раннюю социализацию и родственную связь с покойницей и ребёнком.

Таким образом, изученное погребение позволяет говорить об относительном «богатстве» погребального инвентаря даже в могилах социально младших представителей бегазы-дандыбаевских элит. Причем самые юные из них наравне со взрослыми участвовали в подготовке посмертных сопроводительных приношений. В целом, типы форм и декора керамики соответствуют валиковому типу посуды. Исключение составляют сосуды № 3, 6, 22, очевидно, инокультурного происхождения. Но находки импортной керамики в памятниках высших кланов этой эпохи, как в могильниках, так и в поселениях, не выглядят, как феномен. Эпоха поздней бронзы – период интенсивных транскультурных коммуникаций, особенно в сфере поставок металла из Казахстана населению андроновидных культур юга Западной Сибири [Варфоломеев 2013]. Такие контакты археологически фиксируются, прежде всего, по культурным типам керамических изделий.

Благодарности. Прорисовки керамики Ю.Д. Забара. Цифровая обработка рисунков выполнена М.А. Антоновым, научным сотрудником Института археологии имени А.Х. Маргулана. За что приношу им свою благодарность.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Варфоломеев В.В. Керамика суперстратного облика из памятников бегазы-дандыбаевской культуры // Бегазы-дандыбаевская культура степной Евразии: сб. науч. ст., посвящ. 65-летию Ж. Курманкулова / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: ИА КН МНВО РК; НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2013. С. 167-197.
- 2 Грязнов М.П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане // СА. 1952. XVI. С. 129-162.
- 3 Грязнов М.П. К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири // КСИИМК. 1956. Вып. 64. С. 27-42.
- 4 Исмагил Р.Б. Бегазы-дандыбаевский феномен и его типологические параллели // Уфимский археологический вестник. 1998. Вып. 1. С. 3-7.
- 5 Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. 2-е изд. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 642 с.
- 6 Корочкова О.Н., Усманова Э.Р. Знак пути в символике федоровской культуры // Уральский исторический вестник. 2020. № 4 (69). С. 74-83.
- 7 Кузьмина Е.Е. Семиреченский вариант культуры эпохи поздней бронзы // КСИА. 1970. Вып. 122. С. 44-48.
- 8 Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племён андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Наука; Вост. лит., 1994. 463 с.
- 9 Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг. М.; СПб.: Российский ин-т культурологии, 2008. 557 с.
- 10 Ломан В.Г. Керамика саргаринско-алексеевского могильника Каратугай // Теория и практика археологических исследований. 2019. № 3 (27). С. 113-123.
- 11 Маргулан А.Х. Сочинения. В 14-ти т. Т. 1. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алматы: Атамұра, 1998. 400 с.
- 12 Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть вторая. Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. 468 с.
- 13 Молодин В.И., Мельникова Л.Н., Селин Д.В., Нескоров А.В. Восточный вариант пахомовской культуры в Центральной Барабе. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. 180 с.
- 14 Ситников С.М. Культура саргаринско-алексеевского населения лесостепного и степного Алтая. Барнаул: АлтГПУ, 2015. 254 с.
- 15 Смагулов Е., Павленко Ю.В. Гунны на пути в Европу // Вопросы археологии Казахстана / Отв. ред. З. Самашев. Вып. 2. Алматы; М.: Гылым, 1998. С. 142-151.
- 16 Ткачев А.А. Дандыбаевская культура: проблемы происхождения и датировки // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири / Под ред. Ю.Ф. Кирюшина, А.А. Тишкина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 371-378.
- 17 Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М.: Наука, 1972. 248 с. (МИА. № 182).

REFERENCES

- 1 Varfolomeev, V. V. 2013. In: Beisenov, A. Z. (ed.). *Begazy-dandybaevskaya kultura stepnoy Evrazii (Begazy-Dandybay culture of Steppe Eurasia)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology; Scientific research center for the history and archaeology “Begazy-Tasmola”, 167-197 (in Russian).
- 2 Gryaznov, M. P. 1952. In: *Sovetskaya arkheologia (Soviet Archaeology)*, XVI, 129-162 (in Russian).
- 3 Gryaznov, M. P. 1956. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii materialnoy kultury (Brief Communications of the Institute of Archaeology)*, 64, 27-42 (in Russian).
- 4 Ismagil, R. B. 1998. In: *Ufimskiy arheologicheskiy vestnik (Ufa Archaeological Herald)*, 1, 3-7 (in Russian).
- 5 Kiselev, S. V. 1951. *Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri (Ancient history of Southern Siberia)*. 2-e izd. Moscow: USSR Academy of Sciences (in Russian).
- 6 Korochkova, O. N., Usmanova, E. R. 2020. In: *Uralskiy istoricheskiy vestnik (Ural historical Journal)*, 4 (69), 74-83 (in Russian).
- 7 Kuzmina, E. E. 1970. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)*, 122, 44-48 (in Russian).
- 8 Kuzmina, E. E. 1994. *Otkuda prishli indoarii? Materialnaya kultura plemyon andronovskoy obshchnosti i proiskhozhdenie indoirantsev (Where did the Indo-Aryans come from? The material culture of the tribes of the Andronovo community and the origin of the Indo-Iranians)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

- 9 Kuzmina, E. E. 2008. Arii – put na yug. Moscow; Saint Petersburg: Russian Institute of Cultural Studies (in Russian).
- 10 Loman, V. G. 2019. In: *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy (Theory and practice of archaeological research)*, 3 (27), 113-123 (in Russian).
- 11 Margulan, A. Kh. 1998. Sochineniya. V 14-ti t. T. 1. *Begazy-dandybaevskaya kultura Tsentralnogo Kazakhstana (Begazy-Dandybay culture of Central Kazakhstan)*. Almaty: “Atamura” Publ. (in Russian).
- 12 Matyushchenko, V. I. 2004. *Elovskiy arheologicheskiy kompleks. Chast vtoraya. Elovskiy II mogilnik. Doirmenskie komplekсы (Yelovsky archaeological complex. Part two. Yelovsky II burial ground. Pre-Irmen complexes)*. Omsk: Omsk State University (in Russian).
- 13 Molodin, V. I., Mylnikova, L. N., Selin, D. V., Neskrov, A. V. 2017. *Vostochnyi variant pakhomovskoy kultury v Tsentralnoy Barabe (The Eastern variant of the Pakhom culture in Central Baraba)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS (in Russian).
- 14 Sitnikov, S. M. 2015. *Kultura sargarinsko-alekseevskogo naseleniya lesostepnogo i stepnogo Altaya (Culture of the Sargary-Alekseevo population of the forest-steppe and steppe Altai)*. Barnaul: Altai State Pedagogical University (in Russian).
- 15 Smagulov, E., Pavlenko, Yu. V. 1998. In: Samashev, Z. (ed.). *Voprosy arheologii Kazakhstana (Issues of Kazakhstan archaeology)*, 2. Almaty; Moscow: “Gylym” Publ., 142-151 (in Russian).
- 16 Tkachev, A. A. 2003. In: Kiryushin, Yu. F., Tishkin, A. A. (ed.). *Istoricheskiy opyt hozyaystvennogo i kulturnogo osvoeniya Zapadnoy Sibiri (Historical experience of economic and cultural development of Western Siberia)*. Barnaul: Altai University, 371-378 (in Russian).
- 17 Chlenova, N. L. 1972. *Hronologiya pamyatnikov karasukskoy epokhi (Chronology of monuments of the Karasuk epoch)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 30.09.2023.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 30.10.2023.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 30.10.2023.

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.127.139>

Новые материалы позднесарматского времени из Западного Казахстана (курган № 21, мог. Акадыр-2)

© 2023 г. Лукпанова Я.А., Жанузак Р.Ж.

Keywords: archaeology, Akadyr-2
burial ground, kurgan,
Late Sarmatians

Түйін сөздер: археология,
Акадыр-2 қорымы, оба, кейінгі
сарматтар

Ключевые слова: археология,
могильник Акадыр-2, курган,
поздние сарматы

Yana Lukpanova^{1,2} and Ramazan Zhanuzak² *

¹Senior Researcher, West Kazakhstan Regional Museum of Local History, Uralsk, Kazakhstan;

²Researcher, Margulan Institute of Archaeology,

Almaty, Kazakhstan. E-mail: lukpanovayana@gmail.com

^{2*}Corresponding author, Margulan Institute of Archaeology,

Almaty, Kazakhstan. E-mail: rzhauzak04@gmail.com

New materials of the Late Sarmatian period from West Kazakhstan
(kurgan No. 21, Akadyr-2 burial ground)

The article introduces new materials from the kurgan No. 21 of the Akadyr-2 burial ground. The excavations were carried out in a little-explored area of the West Kazakhstan region. As a result of archaeological work, the burial of a 35-year-old man was revealed. Traces of deliberate annular deformation with a roller in the bregmatic region are recorded on the skull. A grave pit has a lining on the western side, the artifact complex is represented by a small stucco pot and metal fragments, as well as a composite knife handle, characteristic only of Late Sarmatian burials (second half of the 2nd – first half of the 3rd century AD).

Source of funding: The publication was carried out within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2023–2024, project IRN BR18574175.

For citation: Lukpanova, Ya., Zhanuzak, R. 2023. New materials of the Late Sarmatian period from West Kazakhstan (kurgan No. 21, Akadyr-2 burial ground). *Kazakhstan Archeology*, 4 (22), 127–139. (in Russian).

DOI: [10.52967/akz2023.4.22.127.139](https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.127.139)

Яна Амангелдіқызы Луқпанова^{1,2},
Рамазан Жақсыбайұлы Жанұзақ^{2*}

¹аға ғылыми қызметкер, Батыс-Қазақстан облыстық
тарихи-өлкетану музейі, Орал қ., Қазақстан

²ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы
Археология институты, Алматы қ., Қазақстан

^{2*}корреспондент авторы, ғылыми қызметкер,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан

**Батыс Қазақстаннан табылған кейінгі сармат
уақытының жаңа материалдары**
(№ 21 оба, Акадыр-2 қорымы)

Яна Амангелдиевна Лукпанова^{1,2},
Рамазан Жаксыбайұлы Жанузак^{2*}

¹старший научный сотрудник,
Западно-Казахстанский областной историко-
краеведческий музей, г. Уральск, Казахстан;

²научный сотрудник, Институт археологии
имени А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

^{2*}автор-корреспондент, научный сотрудник,
Институт археологии имени А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан

**Новые материалы позднесарматского времени
из Западного Казахстана**
(курган № 21, мог. Акадыр-2)

Мақалада Ақадыр-2 қорымындағы № 21 обадан алынған жаңа материалдар ғылыми айналымға енгізіледі. Қазба Батыс-Қазақстан облысының аз зерттелген ауданында жүргізілді. Археологиялық жұмыстар нәтижесінде 35 жастағы ер адам жерлеуі табылды. Бас сүйегінде брегматикалық аймақта әдейілеп жасалған сақиналы деформация ізі анықталды. Батыс жағында ақымы бар қабір шұңқыры, заттық кешені кішкентай жапсырмалы құмыра және метал фрагменттері, сонымен қатар, кейінгі сармат (б.д. II ғ. 2-ші жартысы – III ғ. бірінші жартысы) жерлеуіне ғана тән күрделі құрамды ұстағышы бар пышақтан тұрады.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2024 жж. бағдарламалық-нысаналы қаржыландыруы шеңберінде, ЖТН BR18574175 жобасы аясында даярланды.

Сілтеме жасау үшін: Лұқпанова Я.А., Жанұзақ Р.Ж. Батыс Қазақстаннан табылған кейінгі сармат уақытының жаңа материалдары (№ 21 оба, Ақадыр-2 қорымы). *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 4 (22). 127–139-бб. (Орысша).

[DOI: 10.52967/akz2023.4.22.127.139](https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.127.139)

В статье в научный оборот вводятся новые материалы из кургана № 21 могильника Ақадыр-2. Раскопки были проведены в малоисследованном районе Западно-Казахстанской области. В результате археологических работ было выявлено погребение мужчины 35 лет. На черепе фиксируются следы преднамеренной кольцевой деформации с валиком в брегматической области. Могильная яма с подбоем с западной стороны, предметный комплекс представлен миниатюрным лепным горшком и фрагментами металла, а также сложносоставной рукоятью ножа, характерного только для позднесарматских погребений (2-я пол. II – 1-я пол. III в. н.э.).

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2024, ИРН проекта BR18574175.

Для цитирования: Лукпанова Я.А., Жанұзақ Р.Ж. Новые материалы позднесарматского времени из Западного Казахстана (курган № 21, мог. Ақадыр-2). *Археология Казахстана*. 2023. № 4 (22). С. 127–139.

[DOI: 10.52967/akz2023.4.22.127.139](https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.127.139)

Введение (Лукпанова Я.А., Жанұзақ Р.Ж.)

В июле–августе 2011 г. сотрудниками археологического отряда Западно-Казахстанского областного центра истории и археологии на могильнике Ақадыр-2 проводились раскопки кургана № 21 (рук. Я.А. Лукпанова). Памятник выявлен в 2009 г. в результате разведочных работ. Он расположен в 3 км северо-восточнее пос. Ақадыр (Жанибекский р-н, ЗКО) на возвышенности, вытянут цепочкой на расстояние 1,2 км с запада на восток (рис. 1), состоит из 43-х округлых земляных насыпей и одного сооружения прямоугольной формы (рис. 2). Ақадыр-2 расположен северо-западнее могильника Мамай, самого западного позднесарматского памятника Казахстана [Кушаев, Жамбулатов 2023: 107], является перспективным для исследования.

В 2010 г. был исследован курган № 19. В кургане было выявлено три погребения. Все они относятся к эпохе раннего железа. В центральной части кургана зафиксировано погребение 1, выполненное в яме прямоугольной формы, вытянутой по оси восток–запад, с северной стенки ямы прослеживался грабительский вкоп. Погребение разграблено. Дно ямы фиксировалось на глубине 2 м. *In situ* у восточной стены ямы на органической подстилке (дерево? кора?) лежали кости стоп двух индивидов, а в юго-восточном углу ямы – позвонки и лопатка барана. Такие признаки, как конструкция ямы, ориентировка скелетов позволяют датировать погребение 1 V–IV вв. до н.э. Погребение 2, принадлежавшее ребенку 2–3 лет¹, было расположено в северо-западном секторе кургана, совершено в катакомбе. Центральная часть ямы погребения 1 по оси север–юг была пробита более

¹ Палеоантропологические определения выполнены кандидатом исторических наук, старшим научным сотрудником центра антропозологии Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН Китовым Е.П.

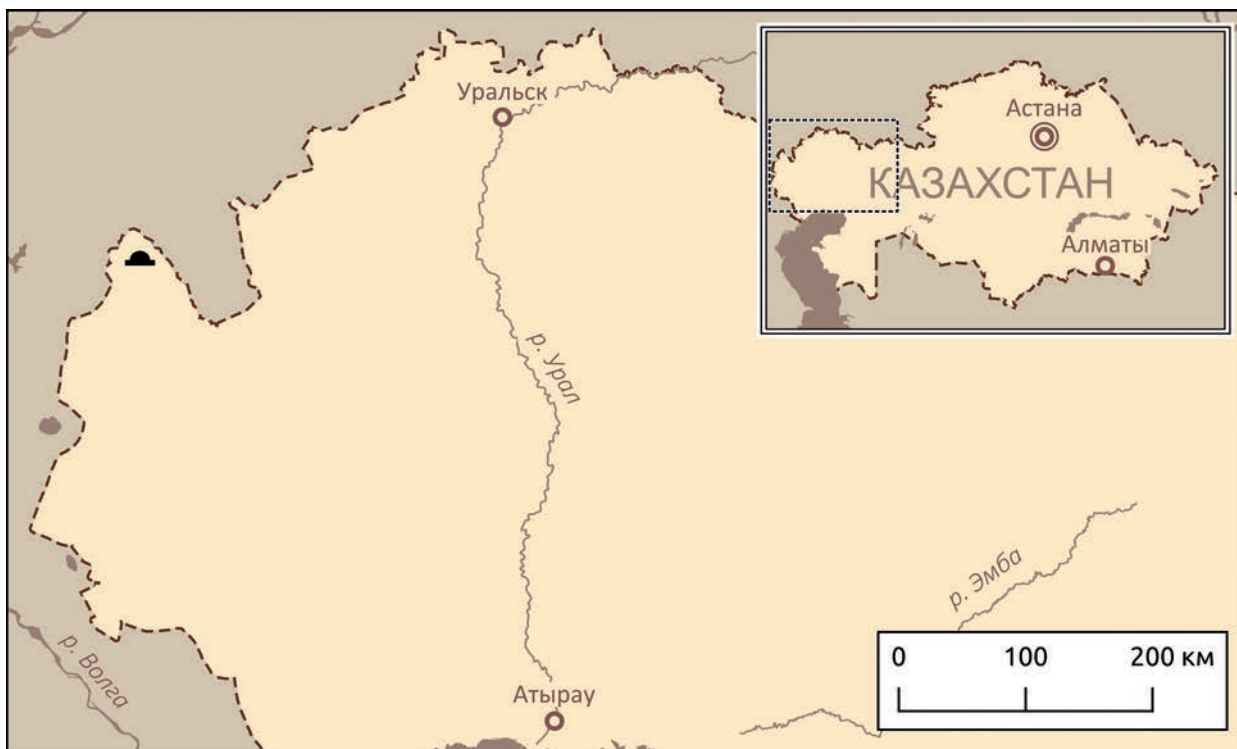

Рис. 1. Карта-схема расположения курганного мог. Акадыр-2. Исполнитель: Михаил Антонов
1-сур. Акадыр-2 обалы қорымының орналасу карта-сызбасы. Орындаушы: Михаил Антонов
Fig. 1. Schematic map of the location of the Akadyr-2 burial mound. Performer: Mikhail Antonov

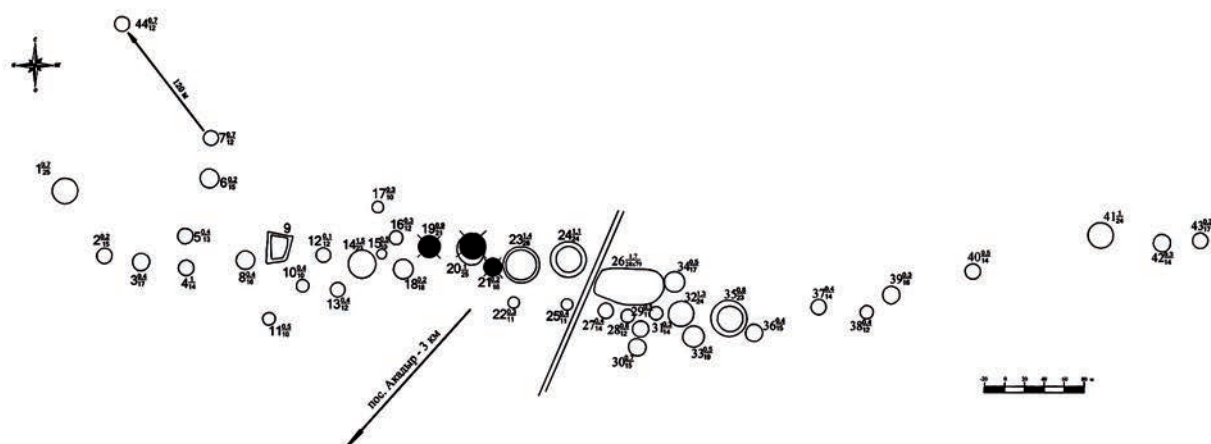

Рис. 2. План-схема мог. Акадыр-2. Инструментальная съёмка: Серик Рамазанов
2-сур. Акадыр-2 қорымының жоспар-сызбасы. Аспаптық түсірілім: Серік Рамазанов
Fig. 2. Schematic map of the Akadyr-2 burial mound. Instrumental survey: Serik Ramazanov

поздним захоронением, совершенным в катакомбе (погребение 3). Здесь было выявлены скелеты трёх индивидов, принадлежащих мужчине, женщине и ребёнку. Характер материала и особенности погребального ритуала погребений 2, 3 позволяют отнести их к концу IV – началу III в. до н.э. Это подтверждают следующие признаки: захоронения произведены в катакомбах; ямы с меридиональной ориентировкой; наличие погребения с гробовищем; ориентировка погребённых головой на юг.

В 2011 г. были исследованы курганы № 20, 21 эпохи раннего железа. В кургане № 20 выявлено три погребения. Погребение 1 было совершено в яме подпрямоугольной формы, ориентированной по оси ВСВ–ЗЮЗ. Оно разрушено при совершении погребения 2. На дне ямы *in situ* сохранились лишь отдельные кости. Судя по ним, погребённый (взрослый человек, мужчина) лежал вытянуто на спине, головой ориентирован на запад с некоторым отклонением на юг. Инвентарь представлен железным ножом и пластиной. Погребение 2 впускное, находилось северо-западнее погребения 1, совершено в могильной яме овальной формы, ориентированной по линии СВ–ЮЗ. Погребённый (мужчина 35–45 лет) лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Слева от скелета, на уровне нижних конечностей, найдены ребра МРС и КРС. Сопутствующий инвентарь представлен железным кинжалом с серповидным навершием, бронзовым трёхлопастным наконечником стрелы. Погребение 3 подбойное, выявлено под контрольной бровкой 3–В, в восточной периферии кургана. Погребение разграблено, *in situ* сохранились лишь череп и шейные позвонки. Судя по ним, погребённый (мужчина 35–45 лет) лежал на спине, вытянуто, головой на юго-запад. Сопутствующий инвентарь представлен глазчатой бусиной, бронзовым зеркалом, серьгой из бронзовой проволоки.

Погребение 1 датировать сложно ввиду отсутствия инвентаря и разграбления в древности. Характер материала и особенности погребального ритуала погребений 2, 3 позволяют отнести их к IV–III вв. до н.э. Это подтверждают следующие признаки: подбойно-катакомбное погребение, забутовка входной ямы камнями (п. 3) [Гуцалов 2004: 109]; ямы с меридиональной ориентировкой; ориентировка погребённых головой на юг, наличие кинжала с прямым перекрестьем и серповидным навершием. Массовое распространение последних приходится на III–II вв. до н.э. [Смирнов 1961: 27; Мошкова 1963: 34]. В пользу этого также свидетельствуют находки: наконечники стрел, бронзовое зеркало, глазчатая бусина, серьга.

Курган № 21 (диаметр – 14 м, высота – около 0,5 м) расположен в западной части могильника, юго-восточнее кургана № 20 (рис. 2)* (*Все глубины могильных ям в тексте и на чертежах даются от высшей точки насыпи кургана).

2 Материал и методы исследования (Лукпанова Я.А., Жанузак Р.Ж.)

2.1 Методы исследования

Курган № 21 раскапывался вручную, методом послойного снятия насыпи. Раскоп был поделён на четыре сектора с оставлением двух осевых взаимно перпендикулярных бровок по линиям «север–юг» и «запад–восток» (рис. 3). В ходе снятия насыпи в северо-западном секторе кургана были обнаружены две лучевые и одна плечевая кости собаки². Стратиграфия кургана представлена дёрном мощностью 5–10 см, под которым зафиксирована насыпь, её диаметр реконструируется до 14 м. В насыпи прослеживается слой выкида из могильной ямы шириной от 5 до 15 см, слой погребённой почвы под насыпью толщиной до 10 см, тёмно-коричневого цвета с органическими (растительными – пепельного цвета) включениями. Завершающий слой в стратиграфии кургана представлен материковым слоем – твёрдым светло-коричневым суглинком.

² Определение к.б.н. Бидашко Ф.Г.

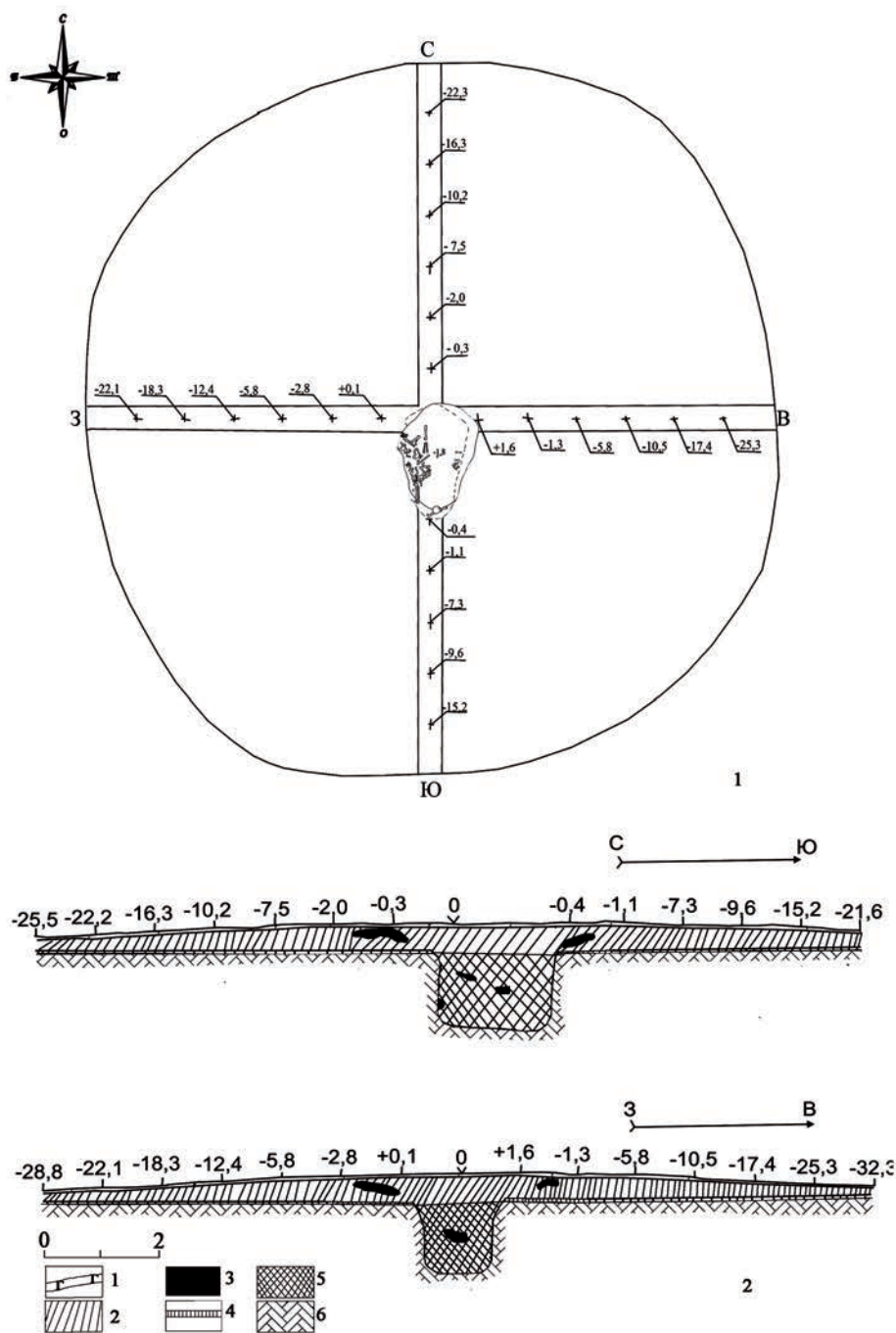

Рис. 3. Курганный мог. Акадыр-2, к. 21: 1 – план; 2 – разрезы (1 – дёрн; 2 – насыпь; 3 – глина в насыпи (выкид); 4 – погребённая почва; 5 – заполнение ямы; 6 – материк)
3-сур. Акадыр-2 обалы қорымы, 21 оба: 1 – жоспар; 2 – қималар (1 – шым; 2 – үйінді; 3 – үйіндідегі саз (шығарылу); 4 – жерлеу топырағы; 5 – шұңқырдың толтырылымы; 6 – материк)
Fig. 3. Kurgan burial ground Akadyr-2, kurgan 21: 1 – plan; 2 – sections (1 – turf; 2 – embankment; 3 – clay in the embankment (dump); 4 – buried soil; 5 – filling of the pit; 6 – subsoil)

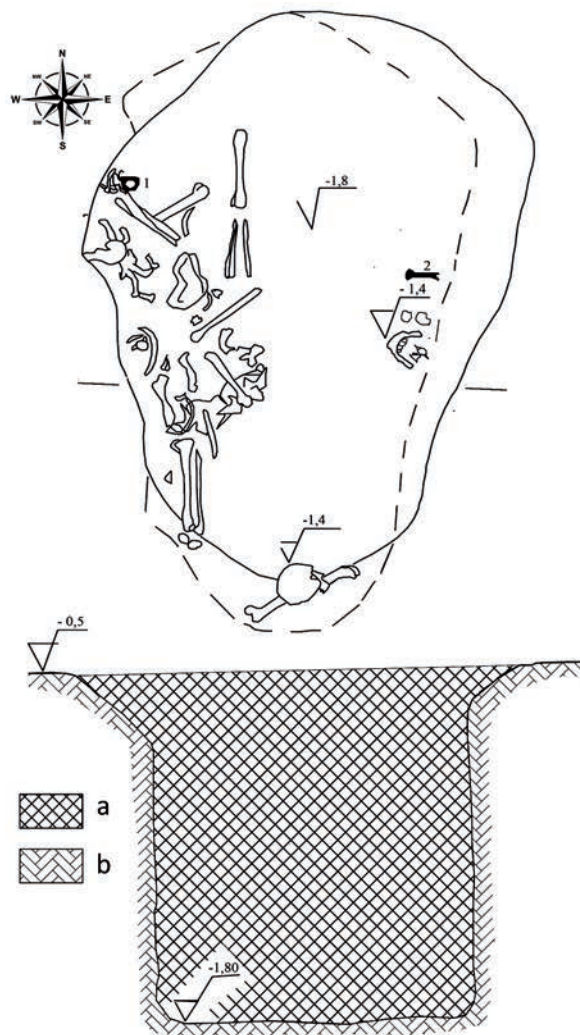
2.2 Характеристика материала

В центральной части кургана была обнаружена могильная яма. Она имела грушевидную форму, в северной части яма была более широкой, к югу сужалась; ориентирована по линии С–Ю. Заполнение ямы – комковатая супесь тёмно-коричневого цвета.

Стенки ямы повреждены грабительским вкопом. Дно её было пробито в древности, стенки неровные, яма – с подбоем с западной стороны. Размеры ямы по дну: 2,30×1,5 м, глубина – 1,8 м от репера (рис. 4). На глубине 1,4 м у восточной стенки была обнаружена нижняя челюсть человека и два позвонка. На глубине 1,4 м у южной стенки ямы обнаружен череп с искусственной деформацией.

1

2

Рис. 4. Курганный мог. Акадыр-2, к. 21. Погребальная камера. Фото: Уркен Утепбаев
4-сур. Ақадыр-2 обалы қорымы, 21 оба. Жерлеу камерасы. Фото: Үркен Үтепбаев
Fig. 4. Kurgan burial ground Akadyr-2, kurgan 21. Burial chamber. Photo: Urken Utepbayev

цией и бедренная кость мужчины 25–35 лет. В придонной части могилы, в северо-западном углу, и вдоль западной стенки находились перемешанные кости человека и мелкого животного.

Предметный комплекс был представлен миниатюрным лепным горшком, находившимся среди костей человека в северо-западном углу ямы (рис. 5, 1). Высота – 6 см, диаметр венчика – 3 см, диаметр тулова – 6 см, диаметр дна – 5 см, высота венчика – 0,5 см. На дне ямы у восточной стенки

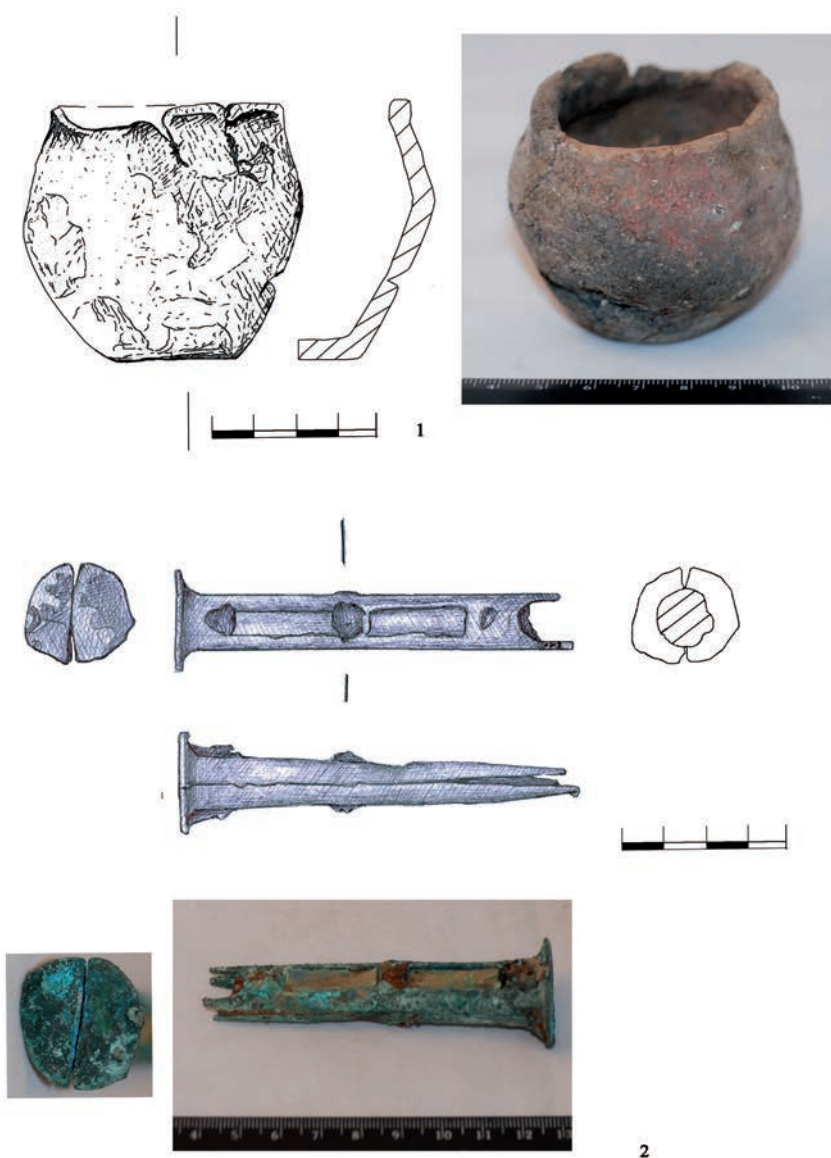

Рис. 5 Курганный мог. Акадыр-2, к. 21. Находки: 1 – миниатюрный горшок; 2 – рукоять ножа.

Художник: Тимербек Дияров

5-сур. Акадыр-2 обалы қорымы, 21 оба. Табылымдар: 1 – кішкентай құмыра; 2 – пышақтың сабы.

Суретші: Тимербек Дияров

Fig. 5. Kurgan burial mound Akadyr-2, kurgan 21. Finds: 1 – small pot; 2 – knife handle.

Painter: Timerbek Diyarov

обнаружена бронзовая рукоять ножа (рис. 5, 2) с деревянной вставкой, закреплённой железными клёпками, и в 0,1 м севернее местонахождения челюсти найдены обломки железного предмета. У западной стенки сохранились *in situ* большеберцовая и малоберцовая кости правой конечности, а также плечевая, локтевая и лучевая кости правой руки, это даёт основание предполагать, что погребённый был ориентирован головой на север и, учитывая скопление костей у западной стенки, допустить вероятность того, что мужчина был погребён в подбое. Череп погребённого деформирован.

2.3 Антропологическая характеристика

Скелетные останки из могильной ямы 1 погребения 1 кургана № 21 мог. Акадыр-2 имеют хорошую сохранность (мужской, 30–35 лет). Череп со следами искусственной деформации был рассмотрен и опубликован Е.П. Китовым в составе серии позднесарматского периода Южного Урала и Западного Казахстана. Им было отмечено, что череп имеет узкий, долихокраний мозговой отдел, узкий и наклонный лоб. Лицевой скелет широкий на верхнем и среднем уровне, по указателю – мезен. В горизонтальной плоскости лицо клиногнатное на верхнем и незначительно уплощённое на среднем уровне. Вертикальная профилировка мезогнатная при гиперпрогнатной альвеолярной части. Орбиты широкие, по указателю мезоконхные. Нос среднеширокий, мезоринный, имеет очень широкие, слабовыступающие в профиль носовые кости. Клыковая ямка средней глубины [Китов 2013].

Дополнительно к рассматриваемому материалу нами проанализирована морфология посткраниального скелета. Обработка материала осуществлялась по стандартным антропологическим методикам [Алексеев, Дебец 1964; Алексеев 1966]. Остеометрические характеристики приведены в таблице № 1. Реконструкция физического показателя длины тела осуществлялась на основе формул В.В. Бунака и Г.Ф. Дебца [Алексеев 1966]. Оценка параметров длинных костей производилась с использованием нескольких рубрикаций [Пежемский 2011; Хохлов, Григорьев 2020].

Таблица 1 – Мог. Акадыр-2, к. 21. Остеометрические данные
1 кесте – Ақадыр-2 қорымы, 21-оба. Остеометриялық деректер
Table 1 – Burial ground Akadyr-2, k. 21. Osteometric data

Плечевая кость	П	Л
1. Наибольшая длина	336,0	331,0
2. Полная длина	332,0	327,0
Ширина верхнего эпифиза	52,0	51,5
9. Вертик.д.головки	48,5	48,5
4. Ширина нижнего эпифиза	64,5	65,0
5. Наиб. диаметр серед. диафиза	26,5	24,0
6. Наим.диаметр серед.диафиза	18,0	19,0
7. Наим.окружность	67,0	63,0
7а. Окр.серед.диафиза	74,0	70,5
Межмышцелк.отв.	-	-
Локтевая кость		
1. Наибольшая длина	275,0	277,0

Продолжение таблицы 1
1-кестенің жалғасы
Continuation of table 1

2. Физиол.длина	238,0	240,0
11. Передне-задний диаметр	14,5	14,5
12. Поперечный диаметр	20,0	20,0
3. Наименьшая окружность	40,0	-
Лучевая кость		
1. Наибольшая длина	255,0	255,0
2. Физиол.длина	240,0	241,0
4. Поперечный диаметр диаф.	18,0	17,5
5. Сагит.диаметр диаф.	11,5	11,0
3. Наименьшая окружность	45,0	45,0
Ключица		
1. Длина	144,0	146,0
6. Окружность	40,0	39,0
Лопатка		
1. Морфол. высота	169,0	167,0
2. Морфол.ширина	105,0	106,0
Бедренная кость		
1. Наиб.длина	467,0	464,0
2. Длина физиол.	464,0	461,0
4. Общая длина от б.вертела	439,0	438,0
Шир.верхн.эпифиза	85,5	88,0
21. Мышелковая ширина	79,0	78,0
6. Сагитт.диаметр середины д.	33,0	31,5
7. Попер.диаметр середины д.	27,0	26,5
9. Верх.попер.диаметр	29,0	31,5
10. Верхний сагитт.диаметр	27,0	25,0
8. Окружность сер. Диафиза	92,0	88,0
Окружность шейки	95,0	96,0
Вертик.д.головки	46,5	46,5
Третий вертел	-	-
Большеберцовая кость		
1. Полная длина	362,0	365,0
5. Наиб.ширина верхн.эпифиза	74,0	73,0
6. Наиб.шир.нижнего эпифиза	50,0	48,0
8. Сагит.д.сер.д.	31,5	32,0
9. Попер.д.сер.д.	22,0	20,0

Окончание таблицы 1

1-кестенің соңы

End of table 1

8а. Сагит.д.на ур.пит.отв.	37,0	36,0
9а. Попер.д.на ур.пит.отв.	24,0	22,0
10. Окр.сер.д.	83,0	79,0
10б. Наим.окр.	72,0	71,0
Малоберцовая кость		
1. Наиб.длина	-	364,0
Таз		
1. Высота	-	219,0
12. Ширина подвзд.кости	153,0	151,0
2. Иллео кристалльная ширина	-	
7. Ширина между вертл.впадинами	-	

На основе категорий оценки в мировых масштабах скелетные останки характеризуются следующим образом. Плечевые кости средней длины и массивности. Диафиз правой плечевой кости уплощён, левой – расширен (эврибрахия). На диафизах хорошо выражена дельтовидная бугристость, что свидетельствует о развитой мускулатуре плеча. Длина костей предплечья средняя. Ключицы также средней длины. Продольные параметры бедренных и большеберцовых костей характеризуются средними величинами. Верхняя часть диафиза левой бедренной кости уплощённая. Правая бедренная кость характеризуется эуримерией. Массивность обоих бедренных костей средняя. Правая большеберцовая кость характеризуется мезокнемией, диафиз левой уплощен (платикнемия). Их массивность средняя. Значения луче-плечевого и плече-бедренного указателей средние. Очень малый берцово-бедренный индекс свидетельствует об укороченности голени относительно бедра. Предплечье удлинено относительно голени. В целом, величина интермембрального указателя свидетельствует скорее о средних соотношениях длин сегментов конечностей. Элементы рельефа в местах прикрепления мускулатуры в целом развиты выше среднего, что указывает на хорошее физическое развитие индивида. Длина тела, реконструированная по формулам Г.Ф. Дебеца и В.В. Бунака [Алексеев 1966], составила 166,8–168,3 см соответственно.

Основные параметры посткраниального скелета имеют некоторое сходство с данными из синхронных позднесарматских погребений мог. Покровка 10. Прежде всего, это касается продольных характеристик костей рук и большеберцовых костей. Однако по средним значениям поздние сарматы мог. Покровка 10 обладают более короткой бедренной костью [Пежемский 2008].

3 Обсуждение (Лукпанова Я.А., Жанузак Р.Ж.)

Вводимый в научный оборот материал кургана № 21 мог. Акадыр-2 представляет собой позднесарматское погребение, для которого характерны диагностические признаки захоронений II–IV вв. н.э., а именно: северная ориентировка погребённого, искусственная деформация черепа, узкая могильная яма с подбоем с западной стороны. В Южном Приуралье северная ориентировка является ведущей для позднесарматской культуры, достигая в процентном соотношении 97% [Ма-

лашев 2013: 27; Мошкова 1994: 22]. Деформация черепа появляется около сер. II в. н.э. – это один из её главных диагностических признаков [Кривошеев, Лукпанова 2015: 101]. Важно отметить, что эти два признака (северная ориентировка и деформация черепа) являются наиболее характерными чертами позднесарматской культуры и больше всего встречаются именно в Южном Приуралье и Заволжье [Мошкова 2009: 93]. Заупокойная пища погребённого была представлена костями МРС. М.Г. Мошкова отмечала, что кости барана в могилах южной части Южного Приуралья встречаются редко и составляют 2,48%, тогда как в могилах правобережья Нижней Волги – 30,83%, в Калмыкии – 16,99% [Мошкова 2009: 96].

Среди сопровождающего инвентаря, найденного в погребении, был миниатюрный сосудик, красноглиняный, со следами нагара и копоти. Вероятно, эти сосудики ритуальные и использовались в обрядовых традициях. Они немногочисленны. Например, в могилах Южного Приуралья их выявлено 28 экземпляров [Малашев 2013: 51].

В рассматриваемом погребении был обнаружен фрагмент ножа с сохранившейся деталью рукояти, представляющей собой пластинчатое основание, к которому с двух сторон крепились цельнолитые детали из бронзы с грибовидным навершием и перекрестьем, они скреплялись при помощи железных клёпок. На бронзовых деталях были оформлены прямоугольные прорезы, в которые было вставлено дерево. Погребения с подобными ножами датируются 2-й пол. II – 1-й пол. III в. н.э. [Кривошеев 2007: 68], они характерны только для позднесарматского периода.

Заключение (Лукпанова Я.А., Жанузак Р.Ж.)

Таким образом, на могильнике Акадыр-2 было исследовано позднесарматское погребение мужчины II–III вв. н.э., что подтверждают материал и особенности погребального обряда кургана № 21. Несмотря на то, что погребение разграблено в древности, сохранились диагностические признаки погребального обряда, характерные для позднесарматских захоронений Казахстанского Приуралья.

Важно выделить вещевой материал из могилы, который стал хроноиндикатором, позволившим датировать данное погребение в рамках 2-й пол. II – 1-й пол. III вв. н.э. В Жанибекском районе на могильнике Акадыр-2 исследован только один курган позднесарматского периода, но стоит отметить, что памятник перспективный для дальнейших исследований и содержит более 40 курганов, которые включают в себя разновременные объекты.

В заключение можно отметить, что череп и посткраниальный скелет по своим характеристикам оцениваются как среднемассивный. На черепе фиксируются следы преднамеренной кольцевой деформации с валиком в брегматической области. Такая традиция получает широкое распространение в степной полосе Евразии, начиная со II в. н.э.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 251 с.
- 2 Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 127 с.
- 3 Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск: [б./и.], 2004. 136 с.
- 4 Китов Е.П. Население позднесарматского периода Южного Урала и Западного Казахстана (по данным антропологии) // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов: сб. научн. тр. / Гл. ред. С.Г. Боталов, отв. ред.: Н.Н. Крадин, И.Э. Любчанский. Челябинск: Рифей, 2013. С. 521–548.

- 5 Кривошеев М.В., Лукпанова Я.А. Позднесарматское элитное воинское погребение из Южного Приуралья // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. История. Регионоведение. Междунар. отношения. 2015. № 5 (35). С. 98-111.
- 6 Кривошеев М.В. Вооружение позднесарматского времени Нижнего Поволжья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: докл. к VI Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящ. 90-летию со дня рождения К.Ф. Смирнова / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, А.Д. Таиров. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. С. 65-70.
- 7 Кушаев Г.А., Жамбулатов К.А. Позднесарматские погребения могильника Мамай (Западный Казахстан) // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2023. № 3 (21). С. 95-109.
- 8 Малашев В.Ю. Позднесарматская культура Южного Приуралья во II–III вв. н.э.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. 301 с.
- 9 Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры / САИ. Д 1-10. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 56 с.
- 10 Мошкова М.Г. К вопросу о двух локальных вариантах или культурах на территории Азиатской Сарматии во II–IV вв. н.э. // Проблемы истории и культуры сарматов / Ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1994. С. 18-23.
- 11 Мошкова М.Г. Анализ сарматских погребальных памятников II–IV вв. н.э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. IV. Позднесарматская культура / Отв. ред. И.М. Гарскова. М.: Восточная литература, 2009. С. 21-162.
- 12 Пежемский Д.В. Морфология длинных костей скелета и конституциональные особенности поздних сармат по материалам могильника Покровка 10 // Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М.: Восточная литература, 2008. С. 95-100.
- 13 Пежемский Д.В. Изменчивость продольных размеров трубчатых костей человека и возможности реконструкции телосложения: дис. ... канд. биол. наук. М., 2011. 326 с.
- 14 Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 163 с.
- 15 Хохлов А.А., Григорьев А.П. К методике оценки метрических данных по основным абсолютным признакам и указателям скелета человека (по антропологическим материалам некрополей г. Самары XVIII–XIX вв.) // Вестник Московского университета. Сер. 23: Антропология. 2020. № 3. С. 68-76.

REFERENCES

- 1 Alekseev, V. P. 1966. *Osteometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy (Osteometry. Methodology of anthropological research)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 2 Alekseev, V. P., Debets, G. F. 1964. *Kraniometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy (Cranimetry. Methodology of anthropological research)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 3 Gutsalov, S. Yu. 2004. *Drevnie kochevniki Yuzhnogo Priuraliya VII–I vv. do n.e. (Ancient nomads of the Southern Urals 7th–1st centuries BC)*. Uralsk (in Russian).
- 4 Kitov, E. P. 2013. In: Botalov, S. G., Kradin, N. N., Lyubchanskiy, I. E. (eds.). *Gunnskiy forum. Problemy proiskhozhdeniya i identifikatsii kultury evraziyskikh gunnov (The Hun Forum. Problems of origin and identification of the culture of the Eurasian Huns)*. Chelyabinsk: "Rifey" Publ., 521-548 (in Russian).
- 5 Krivosheev, M. V., Lukpanova, Ya. A. 2015. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya (Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations)*, 5 (35), 98-111 (in Russian).
- 6 Krivosheev, M. V. 2007. In: Yablonskiy, L. T., Tairov, A. D. (eds.). *Vooruzhenie sarmatov: regionalnaya tipologiya i hronologiya (Armament of the Sarmatians: regional typology and chronology)*. Chelyabinsk: South Ural State University, 65-70 (in Russian).
- 7 Kushaev, G. A., Zhambulatov, K. A. 2023. In: *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 3 (21), 95-109 (in Russian).
- 8 Malashev, V. Yu. 2013. *Pozdnesarmatskaya kultura Yuzhnogo Priuraliya vo II–III vv. n.e. (Late Sarmatian culture of the Southern Urals in the 2nd–3rd centuries AD)*: thesis of the Candidate of Historical sciences. Moscow (in Russian).

- 9 Moshkova, M. G. 1963. *Pamyatniki prohorovskoy kultury (Monuments of Prokhorov culture)*. Moscow: USSR Academy of sciences (in Russian).
- 10 Moshkova, M. G. 1994. In: Skripkin, A. S. (ed.). *Problemy istorii i kultury sarmatov (Problems of the history and culture of the Sarmatians)*. Volgograd: Volgograd State University, 18-23 (in Russian).
- 11 Moshkova, M. G. 2009. In: Garskova, I. M. (ed.). *Statisticheskaya obrabotka pogrebalnykh pamyatnikov Aziatskoy Sarmatii. Vyp. IV. Pozdnesarmatskaya kultura (Statistical processing of funerary monuments of Asian Sarmatia. Issue IV. Late Sarmatian culture)*. Moscow: "Vostochnaya literatura" Publ., 21-162 (in Russian).
- 12 Pezhemskiy, D. V. 2008. In: Malashev, V. Yu., Yablonskiy, L. T. *Stepnoe naselenie Yuzhnogo Priuraliya v pozdnesarmatskoe vremya: po materialam mogilnika Pokrovka 10 (Steppe population of the Southern Urals in the Late Sarmatian period: based on materials from the Pokrovka 10 burial ground)*. Moscow: "Vostochnaya literatura" Publ., 95-100 (in Russian).
- 13 Pezhemskiy, D. V. 2011. *Izmenchivost prodolnykh razmerov trubchatykh kostey cheloveka i vozmozhnosti rekonstruktsii teloslozheniya (Variability of the longitudinal dimensions of human tubular bones and the possibility of reconstructing the physique)*: thesis of the Candidate of Biological sciences. Moscow (in Russian).
- 14 Smirnov, K. F. 1961. *Vooruzhenie savromatov (Sauromat weapons)*. Moscow: USSR Academy of sciences (in Russian).
- 15 Khokhlov, A. A., Grigoriev, A. P. 2020. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23: Antropologiya (Bulletin of the Moscow University. Ser. 23: Anthropology)*, 3, 68-76 (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 30.09.2023.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 30.10.2023.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 30.10.2023.

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.140.154>

Tamga Petroglyphs from Akkainar (Almaty Region) in Kazakhstan

© 2023 Hermann L., Zheleznyakov B.

Keywords: Kazakhstan, rock art, Akkainar, Old Turkic period, medieval nomads, tamga

Түйін сөздер: Қазақстан, жартастағы өнер, Аққайнар, көне түркі кезеңі, ортағасырлық көшпенділер, тамға

Ключевые слова: Казахстан, наскальное искусство, Аккайнар, древнетюркский период, средневековые кочевники, тамга

Luc Hermann^{1*} and Boris Zheleznyakov²

¹*Corresponding author, Independent researcher, Stavelot, Belgium. E-mail: lhermann2@hotmail.com
²Leading Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. E-mail: boriszheleznyakov@mail.ru

As a result of the archaeological investigations conducted by the authors, more than 6100 rock engravings in the cultural landscape of Akkainar, located between two important sites of rock art, Tamgaly and Kulzhabasy, were documented. Over 800 of them were attributed to the ancient Turkic period. A small group among them consists of tamgas, representing clan signs placed on hereditary property, including cattle. These tamgas are dated wider from the Early Turkic period to the beginning of the 20th century. While some tamgas from Akkainar have been previously published, a complete repertory for this area has not been available until now. This publication presents new material consisting of 20 tamgas or signs similar to tamgas from Akkainar. Some of the images presented here may not necessarily be tamgas and are published for further discussion. Regarding some images resembling tamgas, two questions arise. Firstly, some of them were previously found in South Kazakhstan, raising questions about the consistent connections between Akkainar and the oases of South Kazakhstan. Secondly, certain signs are associated with zoomorphic images, raising questions about the reuse of former petroglyphs to create new tamgas.

Source of funding: The article was prepared within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan 2022–2023, IRN BR11765630.

For citation: Hermann, L., Zheleznyakov, B. 2023. Tamga Petroglyphs from Akkainar (Almaty oblysy) in Kazakhstan. *Kazakhstan Archeology*, 4 (22), 140–154. DOI: [10.52967/akz2023.4.22.140.154](https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.140.154)

Люк Херманн^{1*},
Борис Анатольевич Железняков²

¹*корреспондент авторы, тәуелсіз зерттеуші,
Ставелот, Бельгия

²жетекші ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан
атындағы Археология институты, Алматы, Қазақстан

Қазақстандағы (Алматы облысы) Аққайнардан
табылған тамға петроглифтер

Авторлардың басшылығымен жүргізілген археологиялық зерттеулер нәтижесінде екі маңызды жартастар өнері ескерткіштері Тамгалы мен Құлжабасының ортасында орналасқан Аққайнар мәдени ландшафтында 6100-ден астам жартастар гравюрасы

Люк Херманн^{1*},
Борис Анатольевич Железняков²

¹*автор-корреспондент,
независимый исследователь, Ставелот, Бельгия
²ведущий научный сотрудник, Институт археологии
имени А.Х. Марғұлана, Алматы, Казахстан

Тамга петроглифы из Аккайнара
(Алматинская область) в Казахстане

В результате проведенных авторами археологических исследований было задокументировано более 6100 скальных гравюр в культурном ландшафте Аккайнара, расположенном между двумя важными памятниками наскального искусства Тамгалы и Куль-

құжатталды. Жалпы санынан 800-ден астамы ежелгі түркі кезеңіне жатқызылды. Олардың аз тобы рулық отбасылық белгілерді бейнелейтін, ірі қара малды қоса алғанда мұрагерлік меншікке салынатын тамғалар болып табылады. Бұл тамғалар ерте түркі дәуірінен бастап XX ғ. басына дейінгі үлкен кезеңмен мерзімделеді. Аққайнардан алынған жекелеген тамғалар басылымдарда жарияланғанымен, бұл аймақ үшін толық репертуар әлі күнге дейін жоқ. Мақалада Аққайнардан табылған тамғаларға ұқсас 20 тамға немесе белгіден тұратын репертуарымен жаңа материал ұсынылуда. Бұл жерде ұсынылған кейбір бейнелер тамға болмауы және олар талқылау үшін жариялануы мүмкін. Тамғаға ұқсас кейбір белгілер бейнелері бойынша екі сұрақ туындайды. Біріншіден, бұл белгілердің кейбіреуі бұған дейін Оңтүстік Қазақстанда табылды, бұл Аққайнар мен Оңтүстік Қазақстан оазистері арасындағы тығыз байланыс жайында сұрақ тудырады. Екіншіден, жекелеген белгілер зооморфтық бейнелермен байланысты, бұл жаңа тамға жасау үшін бұрынғы петроглифтерді қайта пайдалану туралы мәселе көтереді.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2022–2023 жж. бағдарламалық-нысаналы қаржыландыруы шеңберінде, ЖТН BR11765630 жобасы аясында даярланды.

Сілтеме жасау үшін: Херманн Л., Железняков Б.А. Қазақстандағы (Алматы облысы) Аққайнардан табылған тамға петроглифтер. *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 4 (22). 140–154-бб. (Ағылшынша). DOI: [10.52967/akz2023.4.22.140.154](https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.140.154)

жабасы. К древнетюркскому периоду было отнесено более 800 из общего числа. Из них немногочисленная группа является тамгами, которые представляют собой родовые знаки, размещённые на наследственной собственности, включая крупный рогатый скот. Эти тамги датированы более широким периодом от раннетюркской эпохи до начала XX в. Отдельные тамги из Аккайнара уже были опубликованы, но полного репертуара их для этого региона до сих пор нет. Публикация предоставляет новый материал с репертуаром, состоящим из 20 тамг или знаков, похожих на тамги из Аккайнара. Некоторые изображения, представленные здесь, возможно, тамгами не являются и публикуются для дальнейшего обсуждения. По некоторым изображениям знаков похожих на тамги возникает два вопроса. Во-первых, некоторые из них были обнаружены ранее в Южном Казахстане, что ставит вопрос об устойчивых связях между Аккайнаром и оазисами Южного Казахстана. Во-вторых, отдельные знаки связаны с зооморфными изображениями, что ставит вопрос о повторном использовании бывших петроглифов для создания новых тамг.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2024, ИРН проекта BR11765630.

Для цитирования: Херманн Л., Железняков Б.А. Тамга петроглифы из Аккайнара (Алматинская область) в Казахстане. *Археология Казахстана*. 2023. № 4 (22). С. 140–154. DOI: [10.52967/akz2023.4.22.140.154](https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.140.154)

Introduction

Tamga is a generic family sign, a seal placed on the ancestral property, including cattle. As a rule, a descendant inherited the tamga of his ancestor and added an additional element to it or modified it. These tamgas carved on rocks date from the Early Turkic period to the beginning of the 20th century [Bazytkhan 2012; Rogozhinskiy 2012].

The aim of this paper is to provide a repertory of the tamgas of the Akkainar Tract with new material for researchers in Turkology. Until now, this rock art area is less published even though it is located between the important rock art sites of Tamgaly and Kulzhabasy. Since the authors are not specialized in Turkic and Kazakh tamgas, this new material is published without a chronological or historical interpretation. Some of these signs look like tamgas, but perhaps they are not. However, they are also presented in this paper for further discussion.

Please note that the names of the Kazakh sites are written according to the traditional English transliteration, but also to former publications in English. Cyrillic names of authors are written in English according to their own transliterations in their papers and books, even if they wrote their names in English differently in different papers. We respected the different transliterations of a same Cyrillic name for the bibliography in English.

Location of the site

The Akkainar Tract is a hilly place located near Otar, 130 km north-west of Almaty (fig. 1). The Akkainar is a salty river, but with several freshwater springs, that flows in a north-west/south-east axis through a steppe of an altitude between 750 and 950 meters. In summer, many portions of this river are dry. The main valley is cut by several valleys of dry tributaries. Petroglyphs were made on numerous schist outcrops with a black patina on the hills along the river and its tributaries. The hills are between 10 and 50 meters high.

This area, extending over 70 km², has numerous rock art groups both stylistically and thematically homogenous. As these different groups are daily frequented by shepherds and their flocks, it seemed judicious to consider the whole of this area as a single site, in which the authors have distinguished nine groups with more than 1600 panels for more than 6100 drawings. Among the petroglyphs, more than 800 could be attributed to the Old Turkic period. The chronological attribution is based on a chronology established by many Russian and Kazakh archaeologists (among them: [Kasanov et al. 2017; Rogozhinskiy 2011; Samashev 2012; Sher 1980; Shvets 2012]).

Despite its proximity with Kulzhabasy, the area differs from it both topographically and stylistically. Topographically, Kulzhabasy is characterized by more than 20 parallel valleys opening to the south, which are closed by hills on the north. In Kulzhabasy, the hills closing the valleys are abrupt and of a high altitude. In contrast, Akkainar is a net of tributary valleys with small or average hills, joining to a main valley with a river. Stylistically, the Bronze Age bull depictions largely differ in Akkainar and in Kulzhabasy. For these reasons, Akkainar should be considered as an own rock art area, and not as a prolongation of Kulzhabasy.

Research history

The Akkainar Tract has been little prospected and published. The first field research and subsequent publication was carried out by A.N. Maryashev in 2009, with the exploration of two groups. Among the discoveries, we noted the thematic richness of bull depictions, sometimes associated with solar symbols, as well as the presence of a sunhead [Baipakov, Maryashev 2009]. New research followed in the same year by A.E. Rogozhinskiy, who published two new “sunheads” of a group near Tanbalytas (former Gorny) [Rogozhinskiy 2009: 57], as well as a third “sunhead” [Rogozhinskiy 2011: 287]. The Belgian researcher Luc Hermann carried out a systematic survey of the tract between 2011 and 2014, with first results published in 2015 and 2016, among them a repertory of 30 “sunheads” [Hermann 2015; 2016a; 2016b]. Furthermore, he also published some panels in thematic studies, for example about *Felidae* depictions in rock

Fig. 1. Location of the Akkainar tract (1), Tamgaly (2), Almaly (3) and Akterek (4) in Almaty Region. ©GoogleEarth 2023

1-сур. Алматы облысындағы Аққайнар (1), Тамғалы (2), Алмалы (3) және Ақтерек (4) шағын аймақтарының орналасуы. ©GoogleEarth 2023

Рис. 1. Расположение микрорегионов Аккайнар (1), Тамгалы (2), Алмалы (3) и Актерек (4) в Алматинской области. ©GoogleEarth 2023

art [Hermann, Schnitzler 2020]. For the more recent periods, two Arabic inscriptions from this tract were documented and published [Zheleznyakov et al. 2019], and seven tamgas were also published as drawings [Rogozhinskiy 2019: 257ff].

Other rock art sites are located near this tract: Akkainar is 25 km south-west of Tamgaly, 30 km west of Almaly, 50 km north-west of Akterek, circa 30 km south-east of Kogaly and circa 20 km east of Kulzhabasy. In four of these five sites, not only tamgas but also Old Turkic runic inscriptions were found [Rogozhinskiy 2023]. Until now, no runic inscription was found in the Akkainar Tract, but the author documented 20 tamgas or signs, some of them already published.

Methodology for studying the functions of tamga-shaped signs

As a specific field of archaeology and turkology, the methodology for studying tamgas was poorly developed. However, thanks to the works of N. Bazylkhan, A.E. Rogozhinskiy and Z. Samashev (among others), the research method is now quite clear [Bazylkhan 2012; Rogozhinskiy 2012, 2016, 2019; Samashev 2020: 73]:

1. Quantitative analysis of medieval tamgas identified in the territory of modern Kazakhstan (and eventually neighboring countries).
2. Comparative analysis: characterization and differentiation of the tamgas of the different tribes and regions (Kazakh Altai, Zhetysu, Shu-Talas region).
3. Content analysis in the context of “character connectivity”, for example with the transition of zoomorphic symbols into tamga signs.

Tamgas from Akkainar

20 rock carvings are presented here. Among them, twelve are tamgas and eight are unclear signs that could be tamgas. There are nine groups of petroglyphs in Akkainar, but tamgas or similar signs were documented in seven groups. No tamga or sign was found in the groups 1 and 9. The repartition by groups is the following: group 2: two depictions; group 3: seven; group 4: one; group 5: one; group 6: one; group 7: four, and also four depictions in group 8. The most important groups with tamgas or signs (groups 3, 7 and 8) are also directly located by the main river and comprise 15 of 20 tamga-signs (fig. 2)* (*The drawing or photograph is by Luc Hermann).

In the description of the tamgas below, the tamgas are attributed to a type following Rogozhinskiy's typology if it was possible [Rogozhinskiy 2012: 94]. All rocks with carvings are numerated here according to the surveys of the author.

Group 3, rock 12 (fig. 3A): this tamga of type 3 similar to the Greek letter omega has a dimension of 17×14 cm and is south facing. It was already published as drawing [Rogozhinskiy 2019: 286]. A variant of the same type 3 was found in group 3 on rock 41 (fig. 3B): this tamga measures 13×19 cm and is oriented to the west. Its picture was also already published [Baipakov, Maryashev 2009: 91]. Another variant of type 3 was documented in group 7 on rock 168 (fig. 3C): this tamga measures 17×19 cm. It is oriented to the west. It was already published as drawing [Rogozhinskiy 2019: 286]. This kind of tamga is also known in the nearby site of Tamgaly [Rogozhinskiy 2011: 213].

Group 3, rock 350 (fig. 4A) and group 8, rock 123 (fig. 4B): the same sign – a circle with a horizontal line – was found on two different panels. In group 3, it was associated with a Bronze Age bull but it has a slightly different patina showing that this engraving is more recent. This sign measures 13×6 cm and is oriented to the west. In group 8, the same sign, but turned to the left, measures 23×7 cm. It was no more *in situ* because the rock fell down. This sign is more probably a tamga and is known as such in Mongo-

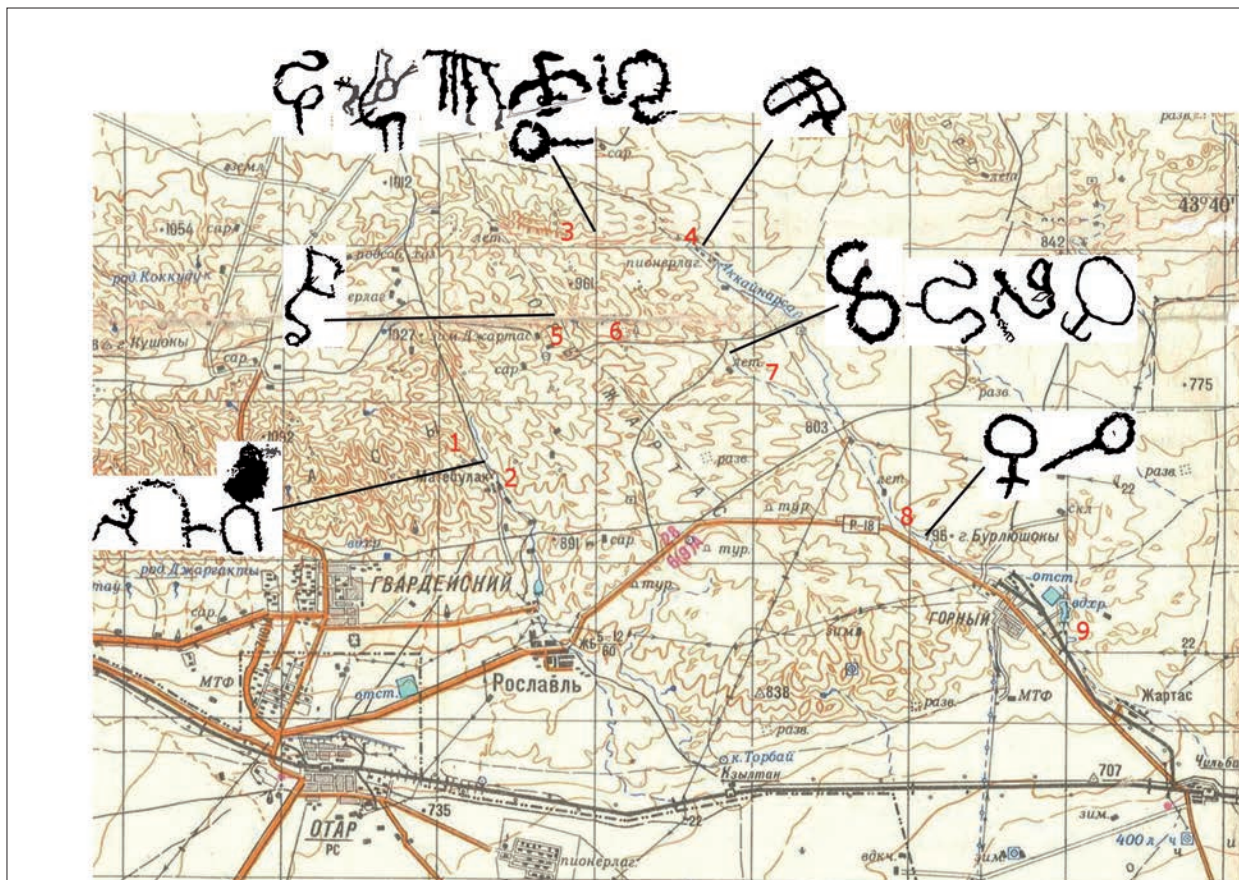

Fig. 2. Location of the nine rock art groups in Akkainar (on map of the 1986)

2-сур. Аққайнар петроглифтер ескерткішіндегі петроглифтердің тоғыз тобының орналасуы (1986 ж. топооснізде)

Рис. 2. Расположение девяти групп петроглифов памятника петроглифов Аккайнар (на топооснове 1986 г.)

lia [Samashev et al. 2010: 85], but also in Kazakhstan where this tamga is attributed to the Sadyr as a variant of the “key-tamga” and dated back to the 18th–19th centuries [Castagné 1921: 50; Rogozhinskiy 2016: 234].

Group 6, rock 54 (fig. 5B): this tamga of type 1 measures 28×38 cm and is oriented to the west. It was already published as drawing [Rogozhinskii 2019: 286]. This kind of tamga is also known in Tamgaly [Rogozhinskiy 2011: 213] and in Kulzhabasy [Kasanov et al. 2017: 95]. A variant of this type was also found in group 7 on the west-facing rock 192 (fig. 6E).

Group 7, rock 16 (fig. 6D): this tamga is south-facing and has dimensions of 20×9 cm. It is in Rogozhinskiy’s repertoire without having been attributed to a specific type [Rogozhinskiy 2012: 94]. This tamga was already published by A.E. Rogozhinskiy as picture and drawing and compared with two similar tamgas from Kogaly [Rogozhinskiy 2019: 257].

Group 7, rock 196 (fig. 6C): this tamga is oriented to the west and belongs to the type 10.

Group 8, rocks 19, 20 and 21 (figs. 6F, G, H): on these three panels near each other (two oriented to the west and one facing the east), a same tamga was engraved three times, each measuring circa 21×13 cm,

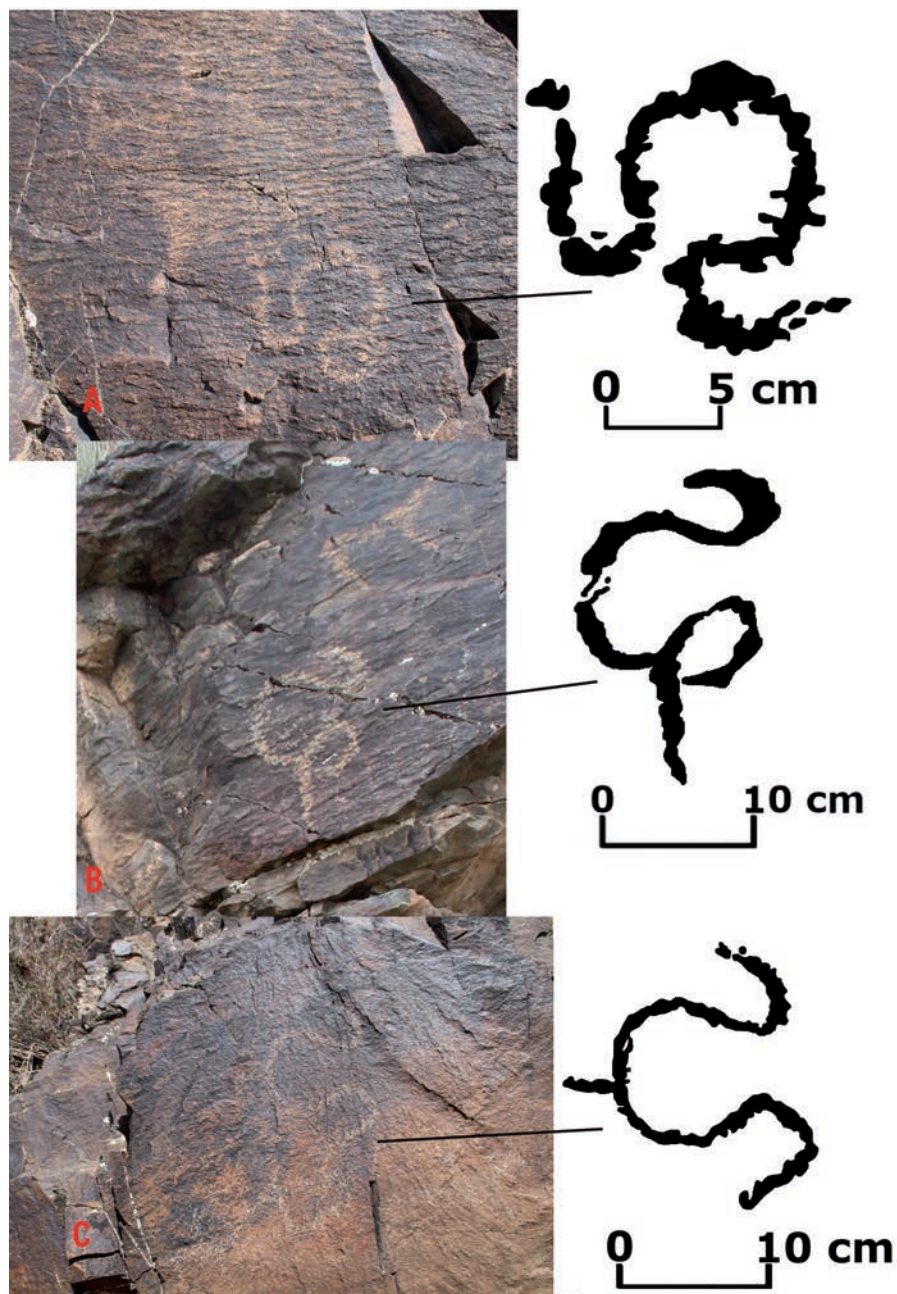

Fig. 3. Akkainar: A – group 3, rock 12; B – group 3, rock 41; C – group 7, rock 168
3-сур. Аққайнар: А – 3 топ, 12 жартас; В – 3 топ, 41 жартас; С – 7 топ, 168 жартас
Рис. 3. Аккайнар: А – группа 3, скала 12; В – группа 3, скала 41; С – группа 7, скала 168

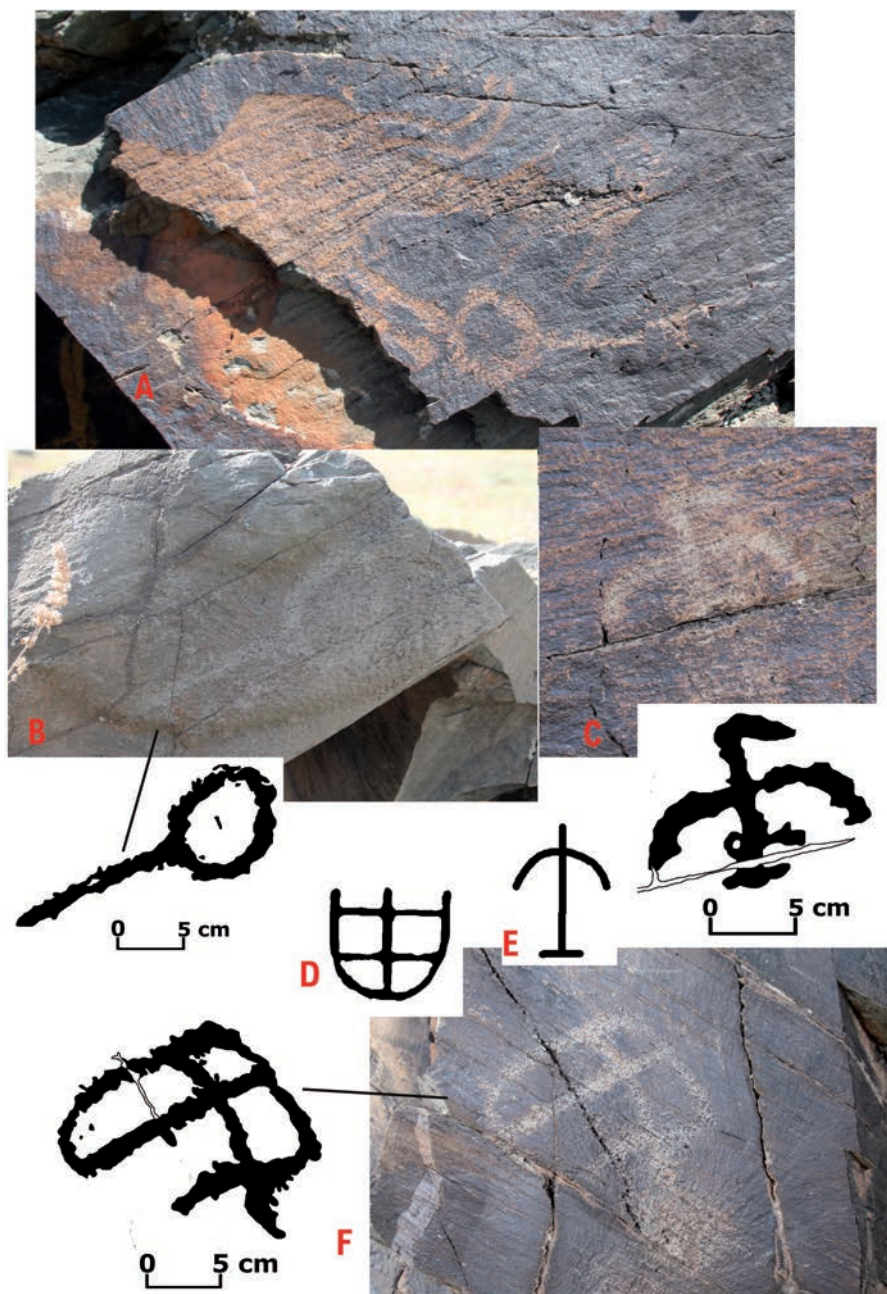

Fig. 4. Akkainar: A – group 3, rock 350; B – group 8, rock 123; C – group 3, rock 102;
D – sign from a ceramic, Sidak, after – Smagulov, Yatsenko 2019: 166;
E – sign on a coin, Termez, Uzbekistan, after – Babayarov 2019: 348; F – Group 4, rock 72

4-сур. Аққайнар: А – 3 топ, 350 жартас; В – 8 топ, 123 жартас; С – 3 топ, 102 жартас;
D – Сидактан табылған белгі ([Смагулов, Яценко 2019: 166] бойынша); E – тиындағы белгі. Термез, Өзбекстан
([Бабаяров 2019: 348] бойынша); F – 4 топ, 72 жартас

Рис. 4. Аккайнар: А – группа 3, скала 350; В – группа 8, скала 123; С – группа 3, скала 102;
D – знак из Сидака (по: [Смагулов, Яценко 2019: 166]); E – знак на монете. Термез, Узбекистан
(по: [Бабаяров 2019: 348]); F – группа 4, скала 72

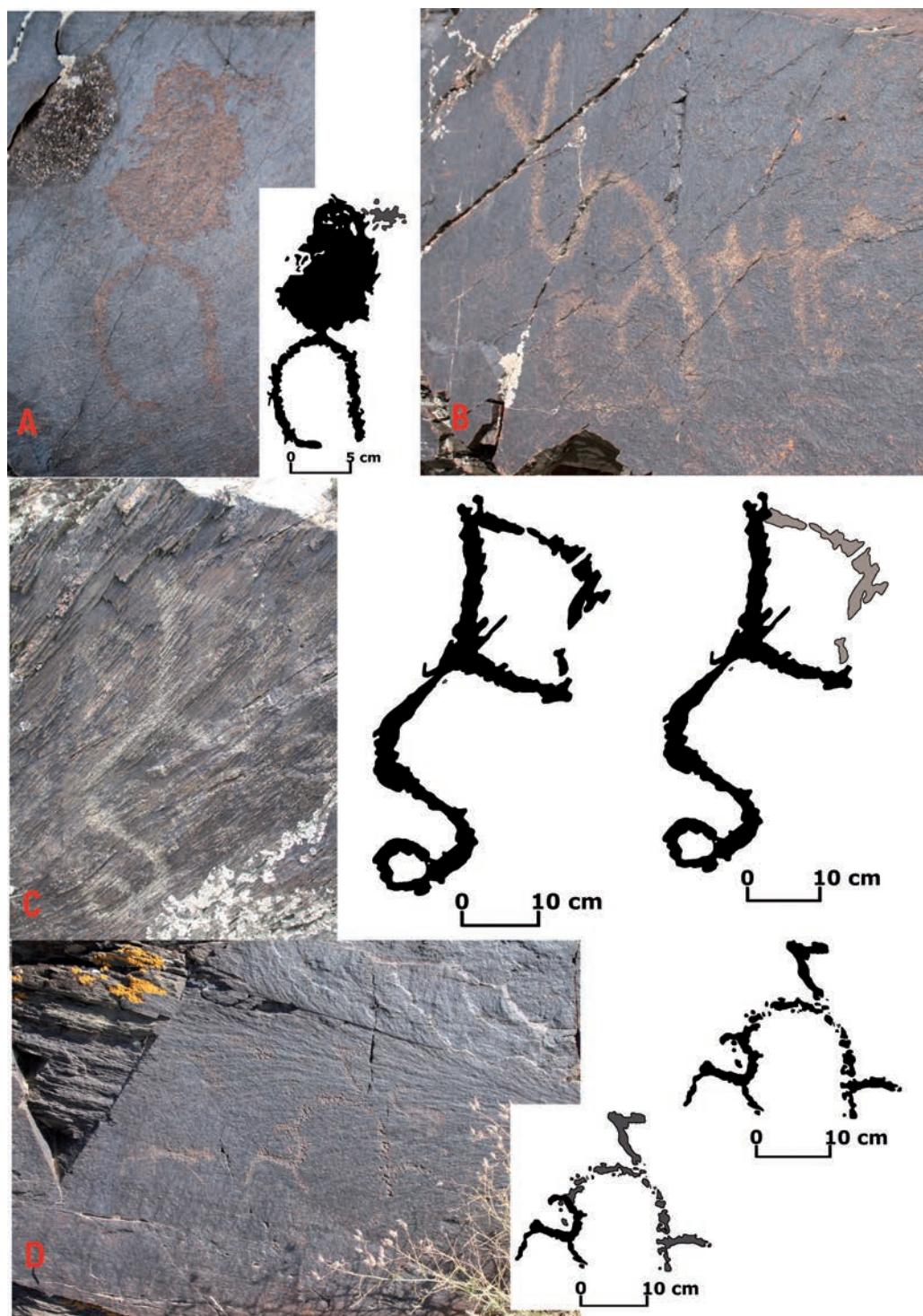

Fig. 5. Akkainar: A – group 2, rock 151; B – group 6, rock 54; C – group 5, rock 27; D – group 2, rock 172
 5-сур. Аққайнар: А – 2 топ, 151 жартас; В – 6 топ, 54 жартас; С – 5 топ, 27 жартас; D – 2 топ, 172 жартас
 Рис. 5. Аккайнар: А – группа 2, скала 151; В – группа 6, скала 54; С – группа 5, скала 27; D – группа 2, скала 172

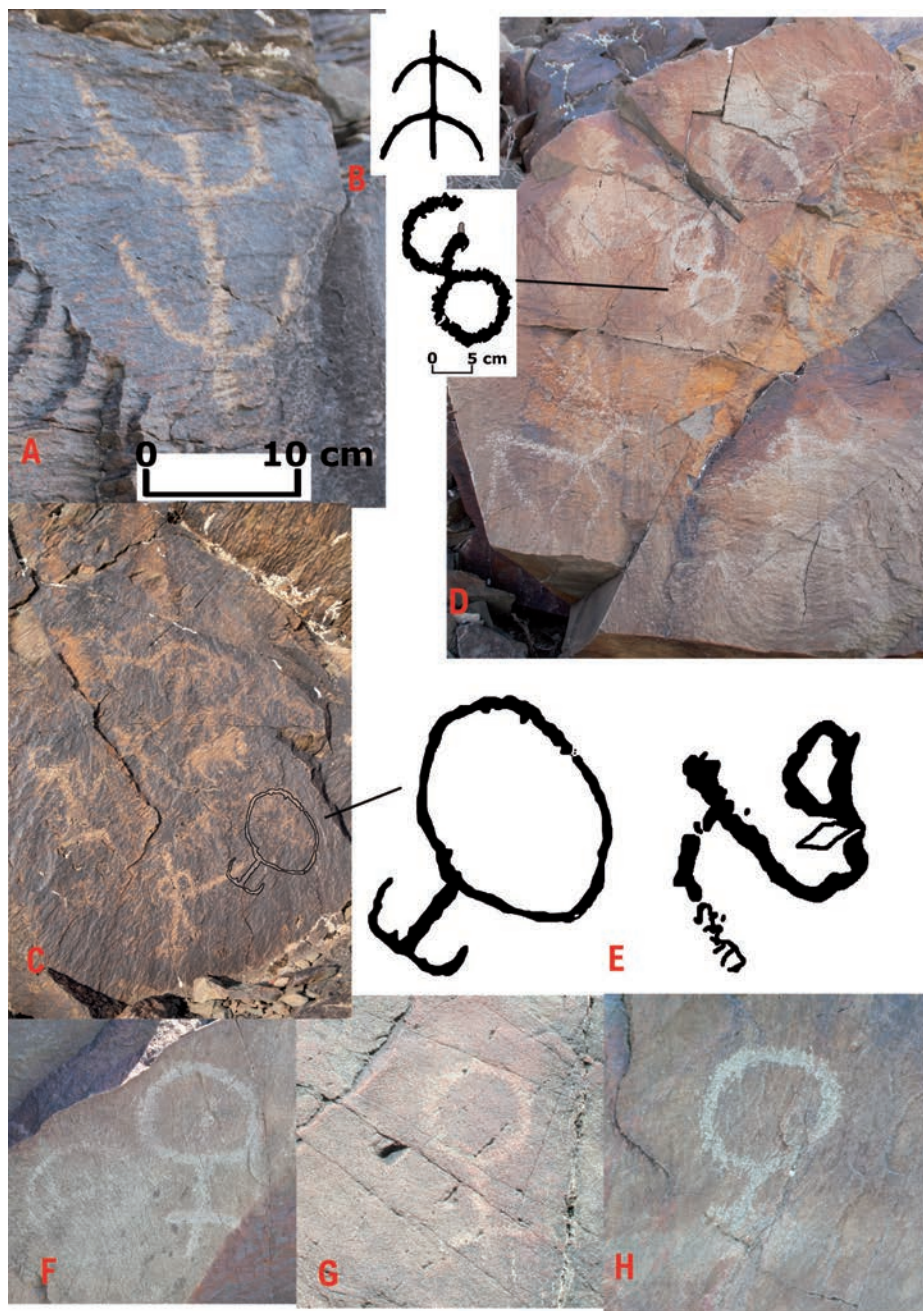

Fig. 6. Akkainar: A – group 3, rock 82; B – sign on a ceramic, Kultobe in Turkestan, after – Smagulov, Yatsenko 2019: 164; C – group 7, rock 196; D – group 7, rock 16; E – group 7, rock 192; F – group 8, rock 19; G – group 8, rock 20; H – group 8, rock 21

6-сур. Аққайнар: А – 3 топ, 82 жартаc; В – керамикадағы белгі, Түркістандық Күлтөбе ([Смагулов, Яценко 2019: 164] бойынша); С – 7 топ, 196 жартаc; D – 7 топ, 16 жартаc; E – 7 топ, 192 жартаc; F – 8 топ, 19–20 жартаc; H – 8 топ, 21 жартаc

Рис. 6. Аккайнар: А – группа 3, скала 82; В – знак на керамике, Культобе Туркестанское (по: [Смагулов, Яценко 2019: 164]); С – группа 7, скала 196; D – группа 7, скала 16; E – группа 7, скала 192; F – группа 8, скала 19–20; H – группа 8, скала 21

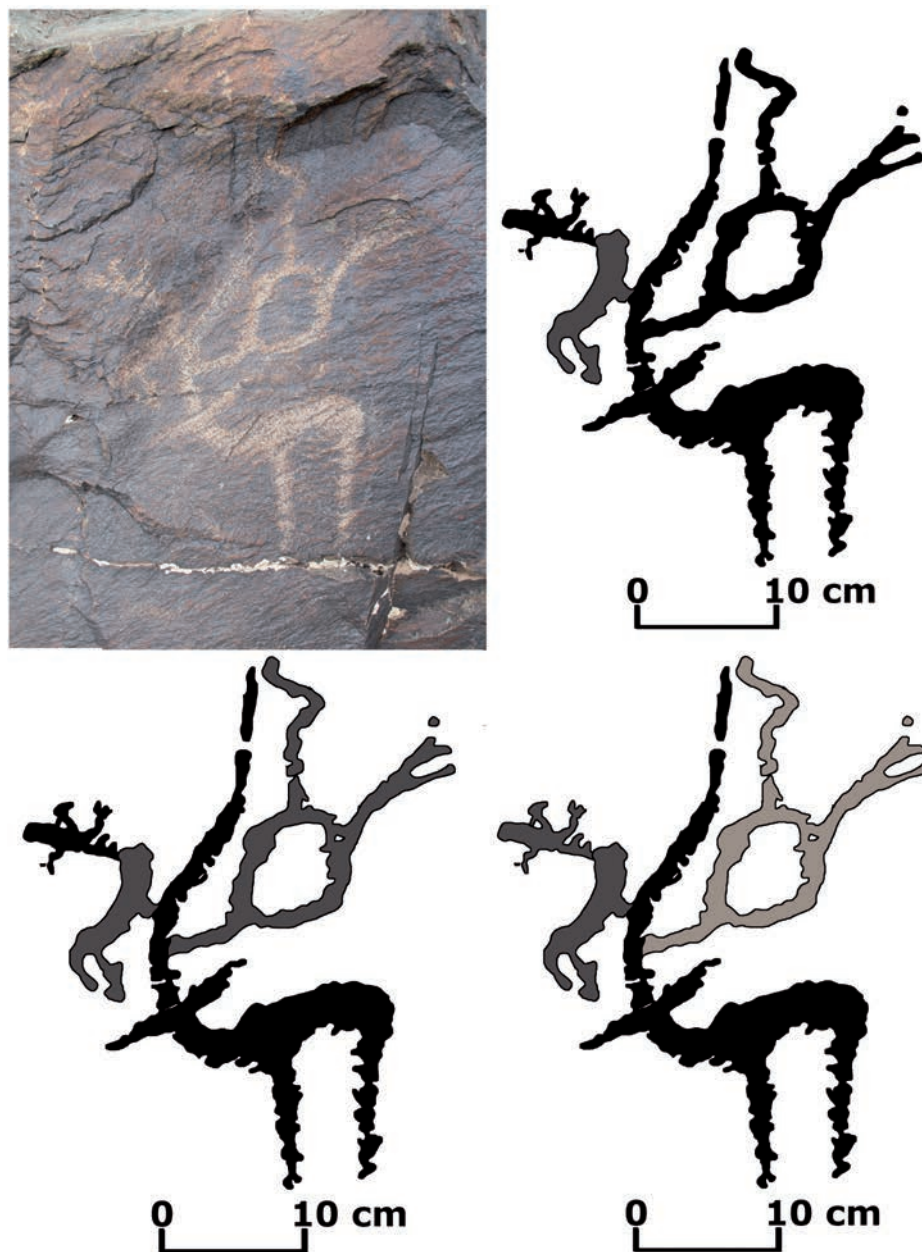

Fig. 7. Akkainar. Group 3, rock 45
7-сур. Аққайнар. 3 топ, 45 жартас
Рис. 7. Аккайнар. Группа 3, скала 45

and having the same patina. We suppose that these three tamgas were done by a single person due to their proximity, to the technic and the style. This type of tamga is from the Alasha tribe [Bazylkhan 2012: 88].

Unclear signs from Akkainar

Eight signs from Akkainar look like tamgas but we are not sure that they should be interpreted as such. We present this material for further discussion.

Group 3, rock 102 (fig. 4C): this sign measures 14×10 cm and is southwest facing. It looks like a stylized bird, but is also similar to a tamga from Kaishi in the Usek valley in Kazakhstan [Hermann, Zheleznyakov 2022: 115], and also to a sign on a coin found in Termez in Uzbekistan (fig. 4E) [Babayarov 2019: 348]. We classified it in the unclear signs, because this sign looks like a bird-head with the line at an extremity, and this line is not present on the mentioned tamgas.

Group 2, rock 151 (fig. 5A): this west-facing petroglyph has a dimension of 8×20 cm. It is a half-circle under a fully pecked diamond-shaped feature. However, we observe that this fully pecked part covers a former goat whose horns are still clearly visible above the diamond-shape. We see here the intention to destroy a former petroglyph and to transform it into another sign, even if the horns are not completely hidden under the later pecked surface. This new sign can be identified as a variant of the tamga type 13.

Three other examples of transformed zoomorphic engravings into signs are known in Akkainar:

- In group 2, the rock 172 shows a goat with a half-circle line starting from its horns (fig. 5D). This depiction measures 29×25 cm and is oriented to the south. We see no other explanation for this goat that to interpret it as a tamga, even if we found nothing similar in the literature.

- In group 3, rock 45, a deer has an antler transformed into a circle with two lines (fig. 7). With the difference of patina, we see that this sign is more recent than the deer. This antler-sign looks like a variant of the tamga type 13. Note that this deer was already published, but not as a tamga [Baipakov, Maryashev 2009: 94]. This deer measures 30×37 cm and is oriented to the south. In this case, an antler of the deer was reused to transform it into a probable tamga.

- In group 5, rock 27 (fig. 5C), an animal (stylized horse?), measuring 45×30 cm and facing the south, has a strong stylized tail ending in a circle. Furthermore, two lines added to this animal -one starting from the head, the second one from the front legs- transformed the front part of the zoomorph into a kind of rectangle. However, another interpretation is also possible: due to the patina, it seems that these two lines forming the rectangle are older than the rest of the depiction, as if a tamga was later partially renewed in order to transform it into an animal. In any case, this animal seems to be like a variant of the tamga type 24.

These four zoomorphs are not clearly tamgas, but we see that they were intentionally transformed into signs. If our interpretations are correct, two of these tamgas belong to the type 13. Does it mean that the reutilization of former petroglyphs was a habit in a specific tribe? Other examples of zoomorphs with a tamga or of zoomorphic signs are known in Kaishi in Kazakhstan [Hermann, Zheleznyakov 2022: 116] and in the Karakol in Kyrgyzstan [Hermann, DeKastle 2022: 400ff].

Another example is more problematic: in group 4 on rock 72, an east-facing sign looking like a goat measures 16×15 cm (fig. 4F). It is a sign and not a goat, but a goat was perhaps transformed in a later period into a sign. It is another example of a zoomorph becoming a sign or of a zoomorphic sign which is quite similar to a sign found in Sidak on a pottery (fig. 4D) [Smagulov, Yatsenko 2019:166]. This ceramic was found in the layers from the 5th to the early 8th centuries AD. Sidak is located 580 km west-south-west of Akkainar, and we do not know any other similar sign in the literature. If this sign is a tamga is unclear, as well as the relation between Akkainar and Sidak, if there is any at all.

The same question emerges with the unclear sign from the rock 82 in group 3 (fig. 6A): the depicted sign measures 15×21 cm and is west facing. It is a vertical line with two half-circles towards the upper part. Tamgas, bearing some resemblance to the one presented, were found in the Altai and belonged to the Yenisei Kyrgyz [Esin 2018: 70]. However, a very similar sign was found on a ceramic in Kultobe in Turkestan (fig. 6B) [Smagulov, Yatsenko 2019: 164]. In Turkestan, this sign belonged to the Kangju ruling elite, and was found in the layers from the 1st to the 3rd centuries AD. It would make more sense to see a diffusion through Kyrgyz tribes from Siberia to Southeastern Kazakhstan than an influence of the Kangju, but the question should be further examined due to the very similitude with the sign found in Kultobe. If the Akkainar sign is really a tamga which should be attributed to the Kangju remains a hypothesis for the moment. However, if it is the case, it would arise questions about the extension of the Kangju territory.

A third rock carving also found in group 3 on rock 95 (a couple of meters away from rock 82 just described before) underlines this problematic of relations between Akkainar and Southern Kazakhstan. This west-oriented-engraving with the dimensions of 23×21 cm looks like an animal (horse?) with elongated legs (fig. 8A). If we present it here, it is not only due to these peculiar legs but also because similar depictions were found on ceramics in the layers from the 5th to the early 8th centuries AD in Shaga (fig. 8B) and in Sidak (fig. 8C) in Southern Kazakhstan and are interpreted as stamped versions of signs [Smagulov, Yatsenko 2019: 166]. Furthermore, a similar sign but with small differences is also known in Kyrgyzstan [Samashev et al. 2010: 90]. It is unclear if the rock engraving is a tamga or a horse but the similarities with

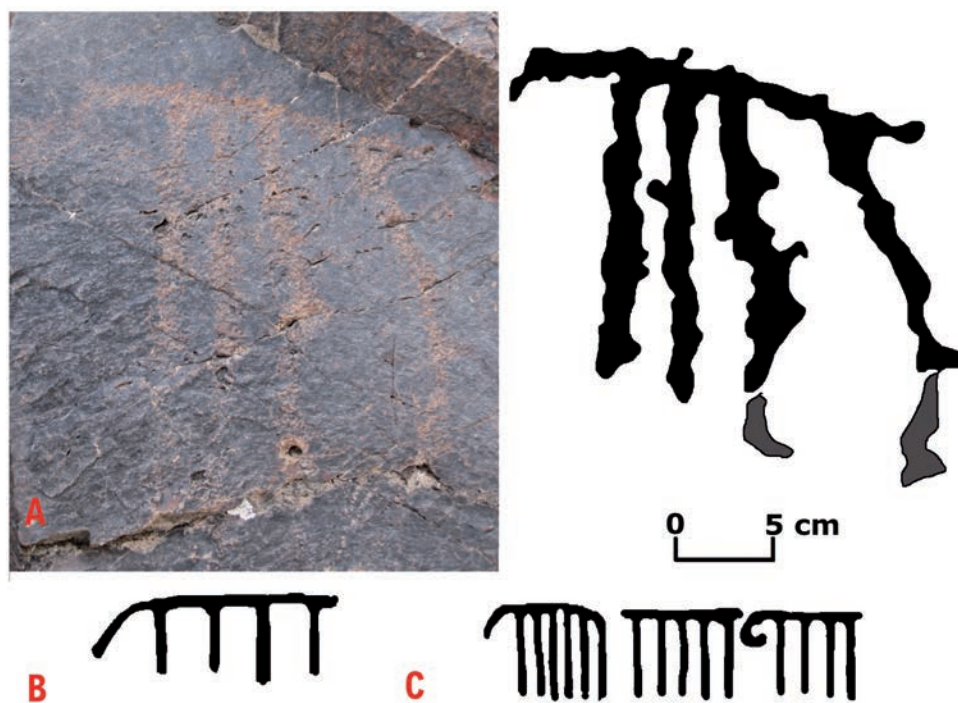

Fig. 8. Akkainar: A – group 3, rock 95; B – signs on ceramics, Shaga and Sidak (C), after – Smagulov, Yatsenko 2019: 166

8-сур. Аққайнар: А – 3 топ, 95 жартас; В – Шаға мен Сидактан (С) табылған керамикадағы белгі ([Смагулов, Яценко 2019: 166] бойынша)

Рис. 8. Аккайнар: А – группа 3, скала 95; В – знаки на керамике из Шага и Сидака (по: [Смагулов, Яценко 2019: 166])

the ceramic signs and the Kyrgyz tamga arise questions. In any case, we observe that in groups 3 and 4, three engravings were found which have similarities with signs from Southern Kazakhstan. Only for this reason, these engravings should be considered with interest and more archaeological research in this region should be conducted to confirm or refute the link between Akkainar and the southern Kazakh oases during this period.

Conclusion

Tamgas from the Old Turkic period and the later Kazakh period were found in Akkainar. This repertory increases the number and the types of tamgas known in area. Some of these tamgas were already known at other Kazakh sites but are also similar to tamgas from Kyrgyzstan. Furthermore, many other signs look like tamgas (and perhaps are tamgas), but their interpretation remains unclear.

Two main questions emerge from these unclear signs. Firstly, we observe that some of them are associated with an animal depiction: goat, horse, and deer. In some cases, it seems that an older zoomorph was reused to transform it into a sign or to incorporate a tamga in the animal, as for example with the deer antler. In another case, it seems that the former sign or tamga was reused in order to transform it into a newly depicted animal. This kind of “zoomorphic tamgas” was also documented in Kaishi in Kazakhstan and in Karakol in Kyrgyzstan. Research should focus on these zoomorphic signs in the future to understand if it was a specific kind of tamga or if it was a kind of cultural reappropriation of former petroglyphs or tamgas: the newly arrived clan wanted to affirm its power and its property over a region by deleting former engravings from other tribes. For this reason, an older petroglyph was reused to transform it into a new clanic sign.

Secondly, three unclear signs from Akkainar show similarities with signs found on ceramics in Southern Kazakhstan. It would be necessary to clarify these signs from Akkainar, but also to analyze more unclear signs from nearby rock art sites to see if other similarities with tamgas from Southern Kazakhstan can be found. For the moment, due to the lack of archaeological research in the Akkainar Tract, it is too early to postulate the existence of a link between this area and tribes from Southern Kazakhstan in a period comprised between the 1st and the 8th centuries.

To conclude, it is necessary to conduct more detailed prospections in Akkainar: it is for example surprising that no runic inscription was found in this area until now, although there are present at other nearby sites, such as in Tamgaly or in Kulzhabasy.

ӘДЕБИЕТ

- 1 *Бабаяров Г.Б.* Тамги на монетах оазисов Средней Азии эпохи раннего средневековья // Тамги доисламской Центральной Азии. Самарканд: МИЦАИ, 2019. С. 333-363.
- 2 *Байпаков К.М., Марьяшев А.Н.* Петроглифы Ак-Кайнара. Алматы: Credos, 2009. 104 с.
- 3 *Базылхан Н.* Некоторые историко-источниковедческие проблемы, связанные с традиционной системой тамгопользования казахов // Историко-культурное наследие и современная культура. М-лы междунар. научн.-практ. семинара (г. Алматы, 30 ноября 2012 г.). Алматы: ServicePress, 2012. С. 84-90.
- 4 *Есин Ю.Н.* О сходстве тамг енисейских кыргызов и правителей западно-тюркского Каганата // Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий / Отв. ред. В.Н. Тугужекова. Абакан: Хакасское книжное изд-во, 2018. С. 64-73.
- 5 *Железняков Б., Херманн Л., Базылхан Н.* Арабиграфические надписи из Аккайнара и Тамгалы // История и археология Семиречья. 2019. Вып. 6. С. 234-239.
- 6 *Касанов З.И., Кан Г.В., Рогожинский А.Е.* Символы тюркской эпохи. Алматы: TOO Service Press, 2017. 304 с.
- 7 *Рогожинский А.Е.* Наскальные изображения «солнцеголовых» из Тамгалы в контексте изобразительных традиций бронзового века Казахстана и Средней Азии // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Вып. 4. Бишкек: Илим, 2009. С. 53-65.

- 8 Рогожинский А.Е. Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы. Алматы: SignetPrint, 2011. 342 с.
- 9 Рогожинский А.Е. Тамги-петроглифы средневековых кочевников Казахстана: итоги новейших исследований и перспективы дальнейшего изучения // Историко-культурное наследие и современная культура. М-лы междунар. научн.-практ. семинара (г. Алматы, 30 ноября 2012 г.). Алматы: ServicePress, 2012. С. 91-104.
- 10 Рогожинский А.Е. Казахские тамги: новые исследования и открытия // Казахи Евразии: история и культура. Сб. научн. тр. / Гл. ред. Н.А. Томилов; отв. ред.: Ш.К. Ахметова, А.А. Ильина, И.В. Толпеко. Омск; Павлодар: Омский гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского; Павлодарский гос. пед. ин-т, 2016. С. 223-235.
- 11 Рогожинский А.Е. Средневековые тамги-петроглифы Южного Казахстана и Семиречья // Тамги доисламской Центральной Азии. Самарканд: МИЦАИ, 2019. С. 249-295.
- 12 Рогожинский А.Е. Памятники эпиграфики древнетюркской эпохи в Казахстане // Письменная цивилизация древнетюркской эпохи и древнеуйгурского периода (VI–XIV вв.). Алматы: ОФ «МКНИИК», 2023. С. 73-136.
- 13 Самашев З. Наскальные изображения Жетысу. Баянжурек. Астана: Изд. гр. ФИА, 2012. 240 с.
- 14 Самашев С.К. Вопросы изучения функции тамгообразных знаков средневековых кочевников Казахстана // Поволжская археология. 2020. № 4 (34). С. 66-80.
- 15 Самашев З., Базылхан Н., Самашев С. Древнетюркские тамги. Алматы: Абди компани, 2010. 168 с.
- 16 Смагулов Е.А., Яценко С.А. Серии знаков из оазисов Южного Казахстана // Тамги доисламской Центральной Азии. Самарканд: МИЦАИ, 2019. С. 159-197.
- 17 Херманн Л. Наскальное искусство местности Аккайнар // Древности Жетысу. Памятники археологии Жамбылского района / Сб. статей под ред. А. Садуакасулы, Б.А. Байтанаева. Алматы: Танбалы, 2016а. С. 52-72.
- 18 Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 312 с.
- 19 Castagné J. Les tamgas des Kirghizes (Kazaks) // Revue du monde musulman. 1921. XLVII. Pp. 29-65.
- 20 Hermann L. Rock art of the Akkainar in Kazakhstan (Almaty oblysy) // International Newsletter on Rock Art. 2015. No. 73. Pp. 5-13.
- 21 Hermann L. L'évolution thématique de l'art rupestre au Kazakhstan // Bulletin de l'ASLIRA. 2016b. XXVIII. Pp. 95-122.
- 22 Hermann L., DeKastle A. Tamga petroglyphs from the Karakol Region in Kyrgyzstan // Margulan readings – 2022 / A. Onggar, T.B. Mamirov (eds.). Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 2022. Pp. 397-404.
- 23 Hermann L., Schnitzler A. Depictions of Felidae in the rock art from Southeastern Kazakhstan and Kyrgyzstan // Expression. 2020. No. 28. Pp. 56-78.
- 24 Hermann L., Zheleznyakov B.A. Tamga petroglyphs from the southwestern part of Zhetysay Alatau // Kazakhstan archeologiyasy (Kazakhstan Archeology). 2022. No. 1 (15). Pp. 110–125. DOI: [10.52967/akz2022.1.15.110.125](https://doi.org/10.52967/akz2022.1.15.110.125)
- 25 Shvets I.N. Studien zur Felsbildkunst Kasachstans. Darmstadt: Philipp von Zabern Verlag, 2012. 430 s.

REFERENCES

- 1 Babayarov, G. B. 2019. In: *Tamgi doislamskoi Srednei Asii (Tamgas of Pre-Islamic Central Asia)*. Samarkand: IICAS, 333-363 (in Russian and English).
- 2 Baipakov, K. M., Maryashev, A. N. 2009. *Petroglify Ak-Kainara (Akkainar petroglyphs)*. Almaty: “Credos” Publ. (in Russian, Kazakh and English).
- 3 Bazylikhan, N. 2012. In: *Istoricheskoe kulturnoe nasledie i sovremennaya kultura (Historic cultural heritage and modern culture)*. Almaty: “Service Press” Publ., 91-104 (in Russian).
- 4 Esin, Yu. N. 2018. In: Tuguzhekova, V. N. (ed.). *Narody i kultury Sayano-Altaya i sopredelnykh territorii (Peoples and cultures of Sayan and Altay and neighboring territories)*. Abakan: “Khakaskoe knizhnoe izdatelstvo” Publ., 64-73 (in Russian).
- 5 Zheleznyakov, B., Hermann, L., Bazilkhan, N. 2019. In: *Istoriya i archeologiya Semirechya (History and archaeology of Semirechie)*, 6, 234-239 (In Russian).
- 6 Kasanov, Z. I., Kan, G. V., Rogozhinskiy, A. E. 2017. *Simvoly Tyurskoi Epokhi (Symbols of Turkish Epoch)*. Almaty: “Service Press” (in Russian).

- 7 Rogozhinskiy, A. E. 2009. In: *Materialy i issledovaniya po archeologii Kyrgyzstana (Materials and researchers on archaeology of Kyrgyzstan)*, 4. Bishkek: “Ilym” Publ., 53-65 (in Russian).
- 8 Rogozhinskiy, A. E. 2011. *Petroglify arheologicheskogo landshafta Tamgaly (Petroglyphs within the Archaeological landscape of Tamgaly)*. Almaty: “SignetPrint” Publ, (in Russian and English).
- 9 Rogozhinskiy, A. E. 2012. In: *Historic cultural nasledie i sovremennaya kultura (Historic cultural heritage and modern culture)*. Almaty: “Service Press”, 91-104 (in Russian).
- 10 Rogozhinskiy A.E. 2016. In: Tomilov, N. A.; Ahmetova, Sh. K. Ilina, A. A. Tolpeko, I. V. *Kazakhi Evrazii: istoriya i kultura (Kazakhs of Eurasia: history and culture)*. Omsk; Pavlodar: Dostoevskiy Omsk State University; Pavlodar State Pedagogical Institute, 223-235 (in Russian).
- 11 Rogozhinskiy, A. E. 2019. In: *Tamgi doislamskoy Tsentralnoy Azii (Tamgas of Pre-Islamic Central Asia)*. Samarkand: IICAS, 249-295 (in Russian and English).
- 12 Rogozhinskiy, A. E. 2023. In: *Pismennaya tsivilizatsiya drevnetyurkskoy epohi i drevneuygurskogo perioda (VI–XIV vv.) (Written Civilizations of the Ancient Turkic Era And The Ancient Uighur Period (6th–14th cc.))*. Almaty: “IKRIC”, 73-258 (in Kazakh, Russian and English).
- 13 Samashev, Z. S. 2012. *Naskalnye izobrazheniya Zhetysu. Bayanzhurek (Petroglyphs of Zhetysu. Bayan Zhurek)*. Astana: Branch of the Margulan Institute of Archaeology in Astana (in Russian, Kazakh and English).
- 14 Samashev, S. K. 2020. In: *Povolzhskaya arheologiya (The Volga river region Archaeology)*, 4 (34), 66-80 (in Russian).
- 15 Samashev, Z., Bazylkhan, N., Samashev, S. 2010. *Drevnetyurkskie tamgi (Early Turkic tamgas)*. Almaty: “ABDI” Publ. (in Kazakh and Russian).
- 16 Smagulov, E. A., Yatsenko, S. A. 2019. In: *Tamgi doislamskoy Tsentralnoy Azii (Tamgas of Pre-Islamic Central Asia)*. Samarkand: IICAS, 159-197 (in Russian and English).
- 17 Hermann, L. 2016a. In: Saduakasuly, A., Baitanayev, B. A. (eds.). *Drevnosti Zhetysu. Pamyatniki archeologii Zhambul'skogo raiona (Zhetysu Antiquities. Sites of archaeology of Zhambyl region)*. Almaty: Tanbaly, 52-72 (in Russian).
- 18 Sher, Ya. A., 1980. *Petroglify Srednei i Tsentralnoy Azii (Petroglyphs of Central and Central Asia)*. Moscow: “Nauka” (in Russian).
- 19 Castagné, J. 1921. In: *Revue du monde musulman*, XLVII, 29-65 (in French).
- 20 Hermann, L. 2015. In: *International Newsletter on Rock Art*, 73, 5-13 (in French and English).
- 21 Hermann, L. 2016b. In: *Bulletin de l'ASLIRA*, XXVIII, 95-122 (in French).
- 22 Hermann, L., De Kastle, A. 2022. In: Onggar, A., Mamirov, T. B. (eds.). *Margulan readings–2022*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 397-404 (In English).
- 23 Hermann, L., Schnitzler, A. 2020. In: *Expression*, 28, 56-78 (In English).
- 24 Hermann, L., Zheleznyakov, B. A. 2022. In: *Kazakhstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 1 (15), 110–125 (in English).
- 25 Shvets, I. N. 2012. *Studien zur Felsbildkunst Kasachstans*. Darmstadt (in German).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 01.05.2023.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 30.10.2023.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 30.10.2023.

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.155.175>

Долгая дорога к храму

(история открытия и новых поисков буддийской обители в долине р. Каратал)

© 2023 г. Рогожинский А.Е.

Keywords: Karatal, Laba Mountains, Buddhist monastery, P.S. Nechogin, N.N. Pantusov, Archaeological Commission

Түйін сөздер: Қаратал, Лаба таулары, будда ғибадатханасы, П.С. Нечогин, Н.Н. Пантусов, Археологиялық комиссия

Ключевые слова: Каратал, горы Лаба, буддийский монастырь, П.С. Нечогин, Н.Н. Пантусов, Археологическая комиссия

Alexey Rogozhinskiy¹

¹Candidate of Historical Sciences, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. E-mail: alexeyro@hotmail.com

A Long Road to the Temple

(The history of the discovery and new searches for a Buddhist monastery in the Karatal River Valley)

Based on archival data, the article describes the history of the discovery, and then oblivion and resultless searches in the 19th century of a Buddhist monastery, accidentally discovered in 1854 on the right bank of the Karatal River, in the Laba mountains, by military engineer P.S. Nechogin. He excavated a religious structure (suburgan) here and discovered many miniature religious items: terracotta tsha-tshas in the form of a stupa (suburgan), and round medallions with the image of Avalokiteshvara. In the following years, the site was visited by P.A. Nikitin (1855), P.P. Semenov (1856) and N.A. Abramov (1860), who also conducted unauthorized excavations here. S. Nechogin repeatedly appealed to the scientific societies of Russia, seeking support for the study of the archaeological monument he had uncovered. In 1888-1890, the Imperial Archaeological Commission organized an expedition and entrusted the search and excavation of the monastery to amateur archaeologist N.N. Pantusov, but they were unsuccessful. In 2008-2009, the search for the monument resumed under the guidance of historian I.V. Erofeeva, who suggested that these were the remains of a monastery founded in the 1660s and 1670s by the Dzungarian rulers Ochirtu-Tsetsen Khan or Galdan-Boshokhtu Khan. Based on the analysis of archival and literary sources, as well as field research, the author of the article established the location of the Buddhist monastery in 2023.

Source of funding: The work was carried out as part of the implementation of the tasks of the project of fundamental scientific research of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2023–2025, IRN BR20280993.

For citation: Rogozhinskiy, A. 2023. A Long Road to the Temple (The history of the discovery and new searches for a Buddhist monastery in the Karatal River Valley). *Kazakhstan Archeology*, 4 (22), 155–175 (in Russian).

DOI: [10.52967/akz2023.4.22.155.175](https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.155.175)

Алексей Евгеньевич Рогожинский¹

¹тарих ғылымдарының кандидаты,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан

Ғибадатханаға дейінгі ұзақ жол
(Қаратал өзенінің аңғарындағы будда
ғибадатханасының ашылуы
мен жаңа ізденістерінің тарихы)

Мақалада архивтік мәліметтер негізінде 1854 жылы
Қаратал өзенінің оң жағалауында, Лаба тауларында

Алексей Евгеньевич Рогожинский¹

¹кандидат исторических наук,
Институт археологии имени А.Х. Марғұлана,
г. Алматы, Казахстан

Долгая дорога к храму
(история открытия и новых поисков
буддийской обители
в долине р. Каратал)

На основе архивных данных в статье излагается
история открытия, а затем забвения и безрезультат-

әскери инженер П.С. Нечогин кездейсоқ тапқан будда ғибадатханасының ашылуы, ұмыт қалу және XIX ғ. нәтижесіз іздеу тарихы баяндалады. Ол бұл жерден діни құрылыс (субурган) қазды және көптеген діни миниатюралық бұйымдарды: келі (субурган) пішіндегі терракоталы ца-ца, Авалокитешвара бейнесімен дөңгелек медальондарды тапты. Кейінгі жылдары ескерткішке П.А. Никитин (1855), П.П. Семенов (1856) және Н.А. Абрамов (1860) келіп, бұлар да заңсыз қазба жұмыстарын жүргізеді. П.С. Нечогин бірнеше рет Ресейдің ғылыми қоғамдарына өзі ашқан археологиялық ескерткішті зерттеуге ықпал етуін сұрап өтініш жасады. 1888–1890 жж. Императорлық Археологиялық комиссия экспедиция ұйымдастырып, ғибадатхананы іздеуді және қазуды әуесқой археолог Н.Н. Пантусовқа тапсырды, алайда олар нәтижесіз болды. 2008–2009 жж. ескерткішті іздеу бұл 1660–1670 жж. жоңғар билеушілері Очирту-Цэцен-хан немесе Галдан-Бошохту-хан қалаған ғибадатхананың қалдықтары деп болжаған тарихшы И.В. Ерофееваның басшылығымен қайта басталды. Архивтік және әдеби дереккөздерді талдау, сондай-ақ далалық зерттеулер негізінде будда ғибадатханасының орналасқан жерін мақала авторы 2023 ж. белгілеген.

Қаржыландыру көзі: Жұмыс ҚР ҰҒБМ Ғылым-комитетінің 2023–2025 жж. арналған іргелі ғылыми зерттеулер жобасы аясында, ЖТН BR20280993 даярланды.

Сілтеме жасау үшін: Рогожинский А.Е. Ғибадатханаға дейінгі ұзақ жол (Қаратал өзенінің аңғарындағы будда ғибадатханасының ашылуы мен жаңа ізденістерінің тарихы). *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 4 (22). 155–175-бб. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2023.4.22.155.175](https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.155.175)

ных поисков в XIX в. буддийского монастыря, случайно обнаруженного в 1854 г. на правом берегу р. Каратал, в горах Лаба, военным инженером П.С. Нечогиным. Он раскопал здесь культовое сооружение (субурган) и обнаружил множество миниатюрных культовых изделий: терракотовые ца-ца в форме ступы (субургана), круглые медальоны с изображением Авалокитешвары. В следующие годы памятник посетили П.А. Никитин (1855), П.П. Семенов (1856) и Н.А. Абрамов (1860), которые также произвели здесь нелегальные раскопки. П.С. Нечогин неоднократно обращался в научные общества России, желая содействовать изучению открытого им археологического памятника. В 1888–1890 гг. Императорская Археологическая комиссия организовала экспедицию и поручила поиски и раскопки монастыря археологу-любителю Н.Н. Пантусову, но они оказались безуспешными. В 2008–2009 гг. поиски памятника возобновились под руководством историка И.В. Ерофеевой, которая предположила, что это остатки монастыря, основанного в 1660–1670-е гг. джунгарскими правителями Очирту-Цэцен-ханом или Галданом-Бошохту-ханом. На основе анализа архивных и литературных источников, а также полевых исследований местонахождение буддийского монастыря установлено автором статьи в 2023 г.

Источник финансирования: Работа выполнена в рамках проекта фундаментальных научных исследований Комитета науки МНВО РК на 2023–2025 гг., ИРН BR20280993.

Для цитирования: Рогожинский А.Е. Долгая дорога к храму (история открытия и новых поисков буддийской обители в долине р. Каратал). *Археология Казахстана*. 2023. № 4 (22). С. 155–175.

DOI: [10.52967/akz2023.4.22.155.175](https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.155.175)

*Памяти Ирины Викторовны Ерофеевой
(1953–2020)*

Введение

Эта история увлекла меня в 2008 г., когда впервые с пожелтевших листов архивных документов из фондов Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК) и научных архивов Русского Географического общества (РГО) и Института истории материальной культуры РАН (ИИМК РАН) в Санкт-Петербурге передо мной предстала череда драматических событий «дела Нечогина», но только теперь, после успешного завершения поиска удивительного памятника, о котором речь пойдёт ниже, можно поставить точку в конце повествования о его неоднократном открытии в прошлом, о последующем забвении местонахождения и многолетнем разыскании уже в наши дни. Впрочем, хочется надеяться, что подробным изложением истории открытия буддийского культового комплекса в долине р. Каратал будет положено начало нового этапа его существования – этапа всестороннего изучения и бережного сохранения.

Нельзя умолчать о ведущей роли в организации этих целенаправленных историко-археологических изысканий И.В. Ерофеевой: будучи выдающимся учёным-востоковедом и талантливым администратором на посту директора КазНИИ по проблемам культурного наследия номадов в 2006–2011 гг., она провела глубокий источниковедческий анализ доступных письменных и картографических материалов по данной теме, а затем инициировала и приняла личное участие в полевом поиске в верховьях р. Каратал таинственного «памятника буддийского культа», некогда найденного военным инженером П.С. Нечогиным. До конца своей жизни Ирина Викторовна полагала, хотя и с некоторой долей сомнения, что ей удалось отыскать тот самый «один из первых буддийских монастырей на территории Семиречья», руины которого «в настоящее время фактически не прослеживаются в ландшафте» [Ерофеева 2017: 37–38]. Сегодня мы знаем, что это не так, к сожалению; однако фактическое обнаружение памятника в 2023 г. не могло бы состояться без предшествовавших тому трудов И.В. Ерофеевой, поэтому его открытие в равной мере принадлежит ей тоже.

Фундаментальным вкладом в археологическую науку Казахстана стало осуществлённое по инициативе И.В. Ерофеевой издание более 300 документов дореволюционного периода по истории археологии Семиреченской области из фондов ЦГА РК и Научного архива ИИМК РАН, собранных и подготовленных к печати И.М. Самигулиным и А.Е. Рогожинским: «Археология Семиречья. 1857–1912 гг.» (отв. ред. Б.Т. Жанаев, сост. И.М. Самигулин; Алматы, 2011). Это уникальное собрание исторических источников ещё не раз будет востребовано специалистами. Однако в солидный том сборника не вошла серия документов из архива РГО, которые освещают ряд важных обстоятельств, раскрывающих тему данной статьи. Некоторые из этих источников цитируются здесь и впервые вводятся в научный оборот.

Хроника открытий: 1850–1860 гг.

О первооткрывателе буддийского памятника на Каратале известно немного. Пётр Степанович Нечогин получил высшее военно-техническое образование в Главном инженерном училище в Санкт-Петербурге, где обучался в 1838–1842 гг. вместе с Ф.М. Достоевским и по окончании нижнего офицерского класса выпущен прапорщиком [Тихомиров 2020: 10, 12, 15]. Далее служба военного инженер-поручика П.С. Нечогина до 1859 г. проходила в Омске, в составе инженерной команды отдельного Сибирского корпуса.

В 1854–1855 гг. он был командирован в Семиреченский край для «укрепления кордонным способом» [НА ИИМК РАН. РА. Ф.1. Оп. 1. 1888 г. Д. 5. Л. 2] недавно основанного г. Копал (1847 г.), т. е. для строительства оборонительных постов (пикетов) вдоль почтовой дороги в Заилийский край (рис. 1, 2, 3) [Леденев 1909: 710]. В 1854 г. в ходе рекогносцировки с целью поиска необходимых строительных материалов в долине р. Каратал, в 50 верстах к юго-западу от Копала, его внимание привлекли необычные сооружения, заметные издали на склоне гор, над обрывистым правым берегом большой реки (рис. 2, 1). Бегло обследовав руины, он заметил, что к некоторым из «искусственных бугров» от реки «ведут подземные галереи, тщательно заложенные камнями». Проведя небольшие раскопки на одном «бугре из насыпной глины», П.С. Нечогин собрал коллекцию найденных здесь загадочных предметов – «искусственных фигур, сделанных из глины» в виде конусовидных пирамидок и округлых медальонов с изображением сидящего божества. По возвращении в Копал любознательный инженер-поручик доложил о своих удивительных находках командованию Сибирского корпуса, «но никаких распоряжений по сему не последовало». Это не

умерило энтузиазм П.С. Нечогина, и он самостоятельно продолжил сбор сведений «от киргизских мулл», по которым следовало, что обнаруженные им в «священных горах Лаба» развалины являются остатками буддийского монастыря «древних монголов».

В конце осени 1856 г., оставаясь на военной службе в Омске, он направил в Вольное Экономическое общество – старейшее учёное общество России – письменное обращение с просьбой организовать научные раскопки на Каратале, «не желая сделанные открытия оставить без внимания». К письму прилагалось подробное «Описание памятников древности» с тремя искусными рисунками пером на полях страниц: 1) панорама гор Лаба с общим видом «бугров»; 2) найденное в одном из «бугров» скопление «уложенных тщательным образом» конусовидных «фигур», украшенных рельефными узорами и надписями «на монгольском языке»; 3) рисунок конусовидной «фигуры» в разрезе, внутри которой «при разломе в середине находятся заделанные пшеничные зерна» (рис. 2, 1, 4, 5). Как следует из документов, П.С. Нечогин передал в Петербург несколько своих находок: «фигуры, означенные под литерами а, б, в, г, д, е, ж, з, и при сем прилагаются»; «с представленных при сем памятниках древности я желал бы иметь копии в рисунках». Письмо с приложенным к нему «Описанием» было передано из Вольного Экономического общества в РГО вместе с присланными находками. С бумагами П.С. Нечогина в том же архивном деле хранится документ с записью без даты, сделанной карандашом на поле листа: «Образцы и письма Нечогина присланы при отношении Кавелина из В[ольного] Э[кономического] общества». К.Д. Кавелин мог распорядиться таким образом материалами П.С. Нечогина, будучи в то время непременным секретарем Императорского Вольного Экономического Общества. Дальнейшая судьба переданных в РГО предметов не выяснена.

Упомянутый документ датирован 20 апреля 1857 г. и является автографом Василия Павловича Васильева (1818–1900) – известного российского китаевода и буддолога, знатока тибетского, санскритского, монгольского и маньчжурского языков, профессора Санкт-Петербургского университета (с 1855 г.) и действительного члена РГО (с 1852 г.). По содержанию документ представляет собой краткое заключение эксперта о памятниках, открытых П.С. Нечогиным: «Касательно древностей <...> в окрестностях Копала на горах Лаба около речки Каратала, честь имею донести Обществу, что по всем соображениям, тут было кладбище поклонников буддизма. Вероятно, то были цзюнггары или, как их называет г-н Нечогин, калмыки <...> Самое название Кара тала – “черная долина” на цзюнггарском или монгольском языке доказывает это. Может

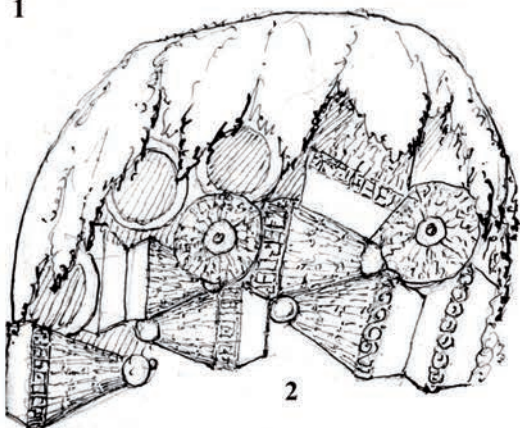
Рис. 1. Долина Каратала и горы Лаба на исторических картах XVIII–XIX вв.: 1 – буддийский монастырь на правом берегу р. Каратал на карте Й.-Г. Рената, 1738 г.; 2 – горы Лаба, пикет султана Сюка (Суюка) и копальский участок почтового тракта на карте 1862 г.; 3 – горы Лаба, Ешкиолмес и выселок Карабулакский на десятиверстной карте конца XIX в.

1-сур. XVIII–XIX ғғ. тарихи карталарындағы Лаба тауы мен Қаратал жазығы: 1 – 1738 ж. Й.-Г. Рената картасындағы Қаратал өзенінің оң жағалауындағы будда ғибадатханасы; 2 – 1862 ж. картадағы пошта трактіңдегі қопал участогі, сұлтан Соуктің (Суюк) пикеті және Лаба тауы; 3 – Лаба, Ешкіөлмес таулары және XIX ғ. соңындағы он версті картадағы Қарабулақ қонысы

Fig. 1. Karatal Valley and Laba mountains on historical maps of the 18th–19th centuries: 1 – Buddhist monastery on the right bank of the Karatal river on the map of Y.-G. Renat, 1738; 2 – Laba mountains, Sultan Suk's (Suyuk) picket and Kopal section of the postal tract on the map of 1862; 3 – Laba mountains, Eshkiolmes and the settlement of Karabulak on a ten-verst map of the late 19th century

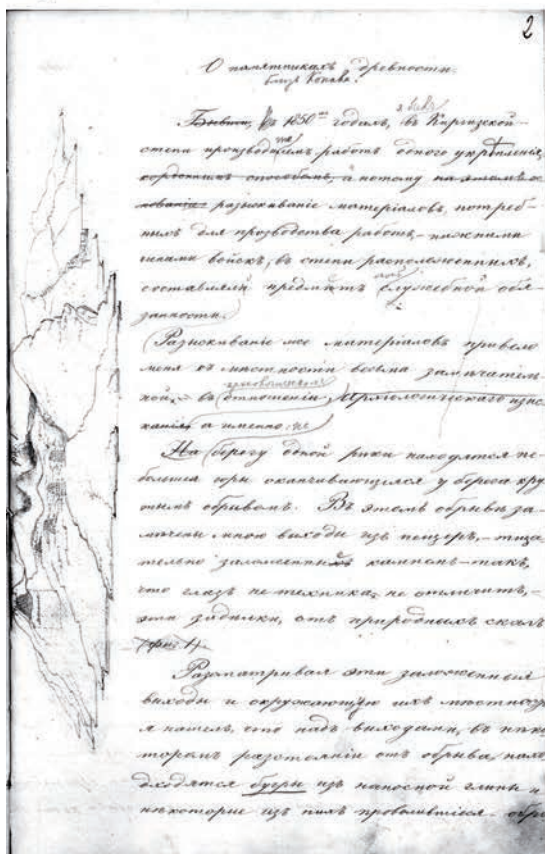
1

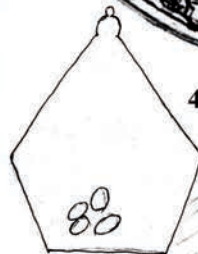
2

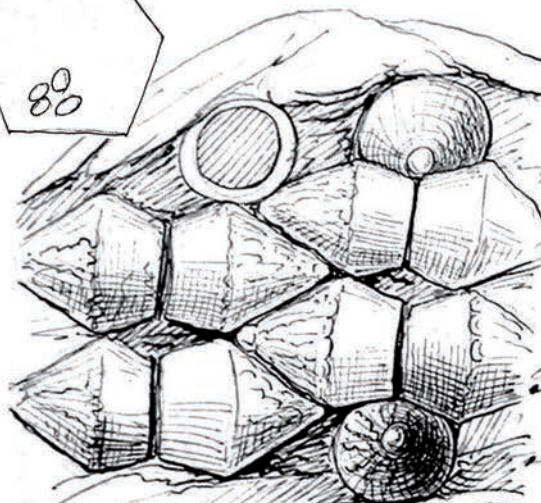
3

2

4

5

6

быть, г-н Нечогин и справедливо предполагает, что название гор Лаба происходит от измененного монгольско-тибетского слова «лама», но на тибетском языке Лаба соответствует также могильным курганам; фигуры, из которых составлены бугры, суть так называемые *цаца*, которые именно складываются на кладбищах и суть умиловительная жертва местным духам, они нередко были описываемы. <...> Но всего интереснее то, что существование кладбища указывает на пространство бывших цзюнгарских владений; не надобно думать, чтоб оно было древнее». О последующей переписке РГО с П.С. Нечогиным упоминается в одном из его поздних писем, но об экспертном мнении В.П. Васильева он явно не был уведомлен.

Таким образом, в фондах РГО отложились наиболее ранние материалы по научному изучению памятников на горе Лаба и самое первое их «Описание», составленное П.С. Нечогиным вскоре после своего открытия. В научном архиве ИИМК РАН сохранился и другой вариант описания, датируемый 1887 г., который П.С. Нечогин дополнил новыми сведениями и ещё одним рисунком находок – медальона с изображением «мифического божества». Кроме того, здесь он перечисляет своих бывших информаторов в Семиречье: «По сведениям, собранным мною от местных киргизов и в особенности 120-летнего старика Чубар-муллы (пестрого муллы), а равно и от калмыков». Поясняя странное прозвище главного информатора, автор сделал примечание: «Чубар был рябым». Упоминание этой известной личности (см. о нём ниже) подтверждает данные П.С. Нечогина о местонахождении монастыря в горах Лаба.

Как уже говорилось, П.С. Нечогин не сделал секрета из своего открытия, поэтому желающих осмотреть «памятники древности» на Каратале и поискать там диковинные вещи во второй половине 1850-х гг. оказалось немало – и среди немногочисленной тогда местной или путешествующей образованной публики, и среди простолюдинов, включая переселившихся из кокандских владений на Каратал шала-казахов [Жанаев 2010] и служилых казаков, прибывавших в Семиреченский край из Сибири. Это совпало с началом активного благоустройства новоприобретённых территорий, когда, после основания на левобережье Или укрепления Верное, почтовый тракт был продлён до Заилийского края (рис. 1, 2).

Строительство кордонов в 1854–1855 гг. велось двумя военно-инженерными командами – из Верного и Копала одновременно. Команда копальских казаков под началом гарнизонного инженер-прапорщика П.А. Никитина и прикомандированного из Омска П.С. Нечогина [Ивлев 1983: 59–60] обустроила пять пикетов, включая Каратальский, у восточного склона гор Лаба, где была наведена переправа через Каратал [Венюков 1873: 250; Леденев 1909: 108; Ивлев 1983: 183]. В это самое

Рис. 2. Рисунки П.С. Нечогина в рукописях: 1, 5 – «Описание памятников древности», 1856 г. [Архив РГО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 2. Л. 4, 4 об.]; 2–4, 6 – «О памятниках древности (близь Копала)», 1887 г. [НА ИИМК РАН. РА. Ф. 1. Оп. 1. 1888. № 5. Л. 2–4 об.]. Внизу автограф П.С. Нечогина, 1856 г.

2-сур. П.С. Нечогин қолжазбасындағы суреттер: 1, 5 – «Ежелгі ескерткіштер сипаттамасы», 1856 ж. [РГҚ архиві. Ф. 70. Т. 1. Іс 2. 4-б, 4-к/б]; 2–4, 6 – «Ежелгі ескерткіштер жайлы (Қопал маңы)», 1887 ж. [РҒА ММТИ ҒА. ҚА. Ф. 1. Т. 1. 1888. № 5. 2–4-б., к/б]. Төмен жағында П.С. Нечогиннің автографы, 1856 ж.

Fig. 2. Drawings by P.S. Nechogin in manuscripts: 1, 5 – “Description of ancient monuments”, 1856 [Archive of the Russian Geographical Society. F. 70. Inv. 1. C. 2. Sh. 4, 4 rev.]; 2–4, 6 – “On ancient monuments (near Kopal)”, 1887 [Scientific archive of the Institute for the History of Material Culture RAS. F. 1. Inv. 1. 1888. No. 5. Sh. 2–4, rev.]. At the bottom is the autograph of P.S. Nechogin, 1856.

время развалины буддийского монастыря, вблизи которых теперь пролегал почтовый тракт и возникли оседлые поселения шала-казахов [Семенов-Тян-Шанский 1947: 126–127], неоднократно становились объектом особого внимания.

Петр Алексеевич Никитин (род. в 1816 г.) известен как строитель первой каменной церкви в Копале (1850 г.) и мостов через р. Коксу и Каратал, возводил укрепления вокруг Большой Алматинской станицы незадолго до Узун-Агачского сражения 1860 г., а также заведовал строительной частью Кульджинского района, с 1874 г. проживая в Кульдже [Ивлев 1983: 179–183; Проскурин 2018: 217]. По ходатайству П.П. Семенова после личного знакомства, состоявшегося в Копале осенью 1856 г., инженер-прапорщик П.А. Никитин в 1857 г. получил диплом члена-сотрудника РГО для ведения метеорологических наблюдений [Ивлев 1983: 180]. Находясь в Кульдже, он передал в РГО через английского путешественника, писателя и переводчика Эдварда Делмара Моргана (1840–1909) две старинные монеты и тетрадку, содержащую описание и рисунки разных археологических находок. В Санкт-Петербурге тетрадка какое-то время находилась в распоряжении востоковеда-индолога И.П. Минаева (1840–1890), но после его смерти была возвращена Л.Н. Майковым в архив РГО, где хранится поныне [Архив РГО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–8].

Рисунки на листах тетрадки сделаны первоначально карандашом, позже обведены чёрной тушью; пояснения к ним и сопроводительная записка на первом листе написаны с пометками, пропусками и исправлениями, с пятнами невысохшей туши на преждевременно сложенных листах; на свободных участках листов мелким почерком кое-где вписаны дополнительные комментарии (рис. 3). Карандашные зарисовки зооморфных фигур и знаков, выбитых на скалах («высечены в гранитной породе в наносных камнях»), выполнены, вероятно, с натуры («сняты мной изображения в Копальском уезде»); явно с натуры зарисована «луковидная глава» – фигурка *ца-ца* с тибетской надписью, обведённой тушью. По-видимому, ретушь рисунков и комментарии к ним делались второпях по случаю срочной отправки тетради с оказией: «Передаю эти надписи англичанину Дильмар Морган. Для передачи в Русское Географическое Общество, – на рассмотрение от поручика Петра Алексеевича Никитина в г. Кульдже».

Из разрозненных комментариев П.А. Никитина следует, что в 1854 г. он осмотрел руины «бывших буддийских зданий» в горах Лаба на правом берегу Каратала, провёл здесь самовольные раскопки и собрал ряд предметов, напоминающих находки П.С. Нечогина: «Найдено много изображений, сделанных из глины, наподобие монеты, и на каждой изображалось святой, величина их не более нашей копейки (серебром) медной; к сожалению, я не сохранил, а в настоящее время нет и найти не мог в Кульдже. Каратальские буддистские храмы древнейшие, по рассказам лам». К рисунку *ца-ца* относится комментарий: «Сделан из глины в натуральную величину, показан найденный при раскопке на берегу реки Каратала, на правой стороне, на скале был ламайский монастырь, совершенно разрушен. В настоящее время найти невозможно подобных фигур. Можно достать только у калмыков разве. Калмыцкие эмигранты сделали раскопки и как священное изображение взяли с собой. Раскопка произведена в 1854 году. Изделие это обожжено, и в середине положены по три пшеничные зерна, герметически закупорен. Местность эту называют киргизы Лабу (горы), находится от выселка Карабулакского в 12 верстах выше по реке Караталу, от берега Каратала в 300 саженьях и почти на высоте горы Лабу. Здание было сложено из аспиды, сланец на цементе из глины» [Архив РГО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 2. Л. 6а]. Ценным дополнением сведений о памятнике является указание П.А. Никитина, что вблизи «бывших буддийских зданий в 200 саженьях» на скале выбита тибетская надпись, перевод которой («ом-ма-ни-бет-ма-хум») сделан в Кульдже старым

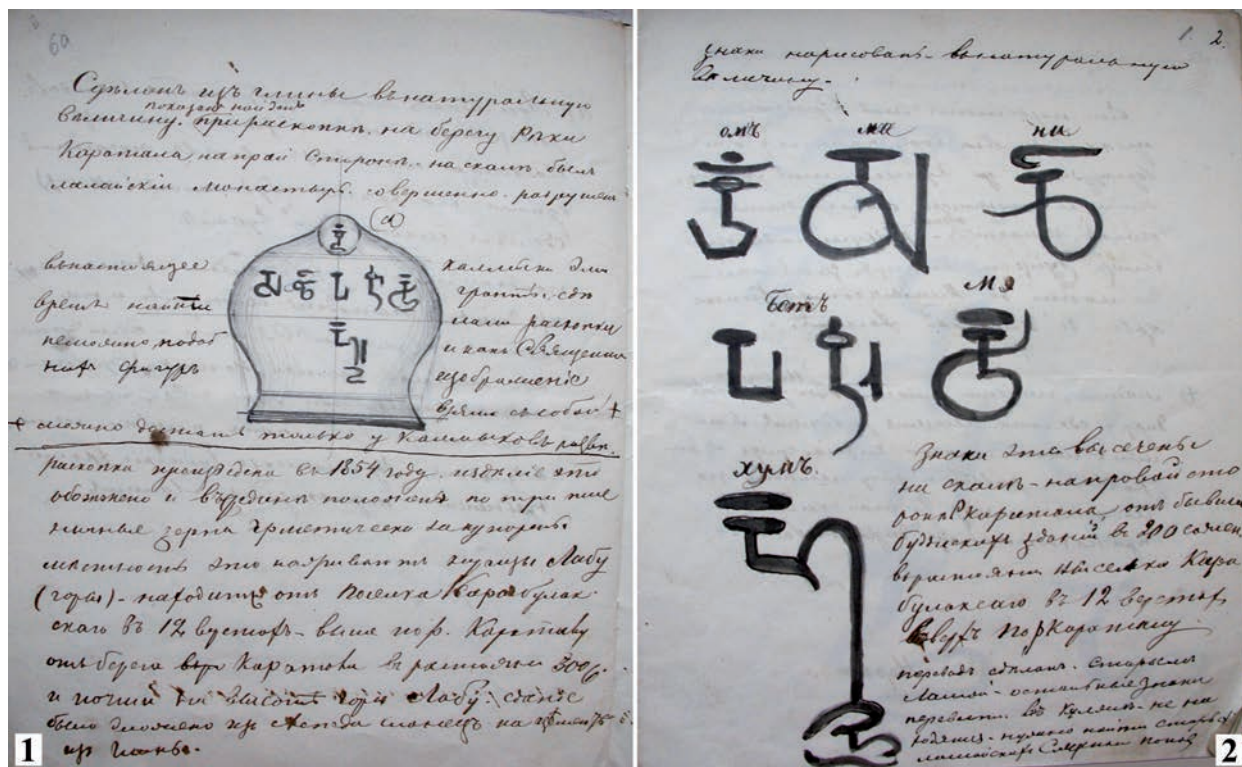
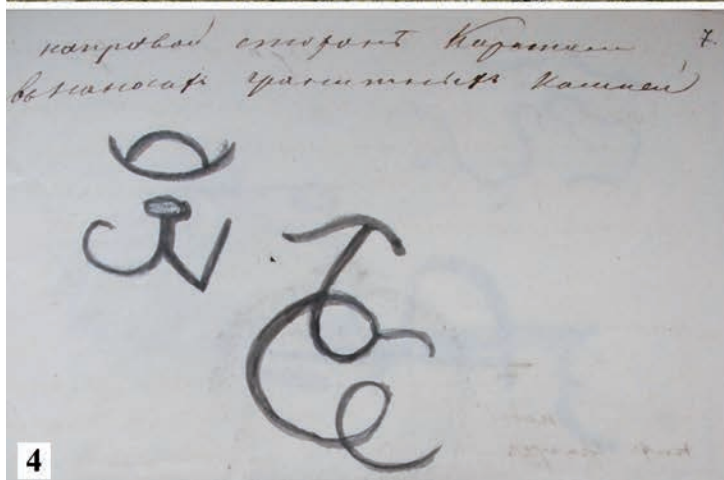

Рис. 3. Рисунки находок в горах Лаба в тетради П.А. Никитина [Архив РГО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 2. Л. 2, 6а]
3-сур. П.А. Никитин дәптеріндегі Лаба тауы олжаларының суреттері [РГҚ архиві. Ф. 70. Т. 1. Іс 2. 2, 6а-6б.]
Fig. 3. Drawings of finds in the Laba mountains in P.A. Nikitin's notebook [Archive of the Russian
Geographical Society. F. 70. Inv. 1. C. 2. Sh. 2, 6a]

ламой; вторая надпись (рис. 4, 4) – «на правой стороне Каратала, в наносах гранитных камней» [Архив РГО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 2. Л. 2, 7].

Пунктом отсчёта расстояний до известных ему памятников П.А. Никитин указывает выселок (поселок) Карабулакский и трижды сообщает, что остатки строений буддийского монастыря находятся в 12 верстах (около 13 км) от него вверх по р. Каратал [Архив РГО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 2. Л. 1, 2, 6а]. В буквальном истолковании этого указания для путевых расчетов кроется роковая ошибка, которая впоследствии увела в ином направлении поиски памятника, организованные И.В. Ерофеевой в 2008–2010 гг. После безуспешных разведок в горах Лаба, которые в 2008–2009 гг. провела группа сотрудников КазНИИ ПКНН (А.Е. Рогожинский, И.М. Самигулин, С.С. Садыков, М.Н. Масанов и др.), поисковая работа в 2010 г. была перенесена в верховья Каратала (по ориентировке П.А. Никитина), где на западных склонах гор Мыншункур обнаружены единичные памятники джунгарского периода (петроглифы, наскальная ойратская надпись) и рядом – остатки фундаментальных построек, которые идентифицированы, хотя и с оговорками, как руины буддийского монастыря, открытого П.С. Нечогиным [Сала, Деом 2019: 260]. Однако локализация этих объектов в 20 км от п. Карабулак, в 12 км от гор Лаба и на удалении 4,5 км от берега р. Каратал не позволяет согласиться с таким отождествлением: в горах Мыншункур обнаружена другая группа памятников, исследование которых ещё предстоит.

Как непосредственный исполнитель строительства копальского участка почтового тракта, П.А. Никитин не мог не знать, что первоначально в 1855 г. на правом берегу Каратала у переправы был заложен пикет Каратальский, находившийся у восточной оконечности гор Лаба, и лишь в 1858 г., когда гужевая дорога пролегла вдоль северо-западного склона гор (рис. 1, 2), на левобережье Каратала, на ручье Карабулак, была основана новая станция Карабулакская (с 1871 г. – выселок Карабулакский [Недзвецкий 1905: 49]), или пикет султана Сюка (Суюка); тогда же пикет у бывшей переправы преобразован в казачий хутор, а затем в выселок Каратальский [Абрамов 1867: 274; Леденев 1909: 116]. Кратчайшее расстояние от пикета Карабулакского до гор Лаба, на склоне которых под вершиной находились остатки монастыря, не превышало нескольких вёрст, но доехать туда можно было только через одну из наведённых переправ через Каратал. «Прежняя пикетная дорога от Копала в Верное, – поясняет П.П. Семенов в своих мемуарах [Семенов-Тян-Шанский 1947: 126], – выходила на Каратал в Каратальском пикете, находившемся в восьми верстах от нынешнего Карабулакского пикета, выше по реке Караталу, в самой долине реки». По всей видимости, П.А. Никитин воспользовался переправой напротив пикета Каратальский и указал общую длину пути от Карабулакского выселка до старого пикета (8 верст), а затем вдоль правого берега Каратала до обследованного им «ламайского монастыря» (4 версты): суммарное расстояние пути и составляет 12 верст выше по Караталу от выселка Карабулакского. Одна из двух тибетских надписей и некоторые наскальные рисунки, найденные П.А. Никитиным «в 8-ми верстах» или «от 6 и 7 верст от выселка Карабулакского», по-видимому, располагались вблизи переправы через Каратал.

Вскоре похожим маршрутом вместе со своими спутниками проехал к памятнику ещё один его исследователь – Петр Петрович Семенов (1827–1914), направлявшийся в первое путешествие на Тянь-Шань в 1856 г. Данный эпизод путешествия уже привлекал внимание исследователей [Марков 1981: 71–73; Ивлев 1983: 179–182]. Оказавшись в те годы в Копале, любознательный путешественник мог получить нужную информацию о достопримечательностях Семиречья от таких знатоков края, как подполковник С.М. Абакумов (ум. в 1865 г.), казачий офицер и основатель Копальского укрепления, участник первых научных экспедиций по Джунгарскому Алатау российских натуралистов Г.С. Карелина, А.И. Шренка и А.Г. Влангали [Марков 1981: 71].

Рис. 4. Современный вид памятников в горах Лаба: 1, 3 – остатки культовых построек на обрывистом склоне гор вблизи впадения р. Теректы в Каратал; 2 – ступени из обработанных камней в ущелье к западу от горы Лабашоки; 4 – неточно зарисованные знаки тибетской надписи из тетради П.А. Никитина [Архив РГО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 2. Л. 7]; 5 – тибетская надпись возле руин буддийского монастыря. Фото: 1 – Даниил Белов (БПЛА), 2023 г.; 2 – Рафаэль Хисматуллин, 2023; остальные – Алексей Рогожинский, 2008 г. (4) и 2023 г.

4-сур. Лаба тауындағы ескерткіштердің қазіргі түрі: 1, 3 – Теректі өзенінің Қараталға құяр тұсындағы таудың жартасты баурайындағы діни құрылыстың қалдықтары; 2 – Лабашоқы тауынан батысқа қарай шатқалдағы өңделген тастардан жасалған баспалдақтар; 4 – П.А. Никитиннің дәптерінен алынған тибет жазуының анық емес салынған белгілер [РГК архиві. Ф. 70. Т. 1. Іс 2. 7-б.]; 5 – будда ғибадатханасының қирандысы жанындағы тибет жазуы. Фото: 1 – Даниил Белов (ПҰА), 2023 ж.; 2 – Рафаэл Хисматуллин, 2023; қалғаны – Алексей Рогожинский, 2008 ж. (4) және 2023 ж.

Fig. 4. Current view of monuments in the Laba mountains: 1, 3 – remains of religious buildings on a steep mountain slope near the confluence of the Terekty River with Karatal; 2 – steps made of processed stones in a gorge west of Mount Labashoky; 4 – inaccurately sketched signs of a Tibetan inscription from P.A. Nikitin's notebook [Archive of the Russian Geographical Society. F. 70. Inv. 1. C. 2. Sh. 7]; 5 – a Tibetan inscription near the ruins of a Buddhist monastery. Photo: 1 – Daniil Belov (UAV), 2023; 2 – Rafael Hismatullin, 2023; the rest – Alexey Rogozhinskiy, 2008 (4) and 2023

Поскольку знакомство с П.А. Никитиным состоялось лишь на обратном пути из Заилийского края, о существовании развалин старинного монастыря на Каратале П.П. Семенов, по-видимому, узнал от С.М. Абакумова [Ивлев 1983: 180–182]. Собеседником П.П. Семенова вновь упоминались «какие-то круглые глиняные медальоны, на которых были изображены на каждом по сидящей фигуре со скрещенными ногами и короной на голове, а затем еще другие предметы, слепленные из глины»; любопытство побудило путешественника отклониться от маршрута экспедиции и отправиться из Карабулакского пикета на Каратал, «чтобы разыскать древние исторические предметы буддийского культа, о которых мне говорили в Копале» [Семенов-Тянь-Шанский 1947: 127, 131].

Рассказ П.П. Семенова насыщен подробностями о пути следования к памятнику у горы Лаба и содержит важное отступление о «каратальских чолоказаках», в котором описывается встреча с Чубар-муллою, оказавшимся казанским татаринном, беглым каторжанином, «старцем лет 80 с явными следами вытравленных клейм на лице» [Семенов-Тянь-Шанский 1947: 126–130]. Преодолев вброд трудную переправу через Каратал, П.П. Семенов и его спутники «повернули круто и скоро очутились перед ближними жилищами поселка» шала-казахов, где состоялась беседа с «престарелым патриархом Чубар-муллою, на которого мне указали как на единственное лицо, знающее, где были найдены интересные исторические предметы в каратальской долине». Затем в сопровождении проводников-шала-казахов путешественник пешком («повели меня») направился «в сторону от аула, на прибрежный к реке кряж, возвышавшийся над ней метров на 100 и состоявший из скалистых обрывов сланцев, поставленных на ребро, простирающихся от запада к востоку и имеющих естественное падение под углом в 80°; на этих-то скалах и к этим обрывам были прислонены человеческие сооружения, сложенные из плит тех же горных пород, но положенных горизонтально и разделенных между собой насыпями глины. Иногда все это принимало форму небольших курганов» [Семенов-Тянь-Шанский 1947: 131]. По описанию П.П. Семенова, памятник находился вблизи Каратальского пикета и аула Чубар-муллы, на правом берегу Каратала, на вытянутой вдоль реки обрывистой скалистой возвышенности, составлявшей склон или подошву «кряжа» высотой около 100 м, т. е. вершину гор Лаба, которая сегодня носит имя Лабашоки (1088 м).

П.П. Семенов был осведомлен, что незадолго до него раскопки на буддийском монастыре произвели военные инженеры, строившие дорогу и пикеты у каратальской переправы. Он и сам приехал сюда в надежде отыскать «древние предметы буддийского культа». «При помощи своих работников и чолоказаков я прокопал один из таких курганов поперек во всю его высоту и ширину поперечной канавой. Могилой перекопанный мною курган не оказался. В нем не было никаких костей, ни предметов, находимых в могилах, и я пришел к заключению, что эти человеческие сооружения были жилищами или кельями буддийских отшельников или монахов времени джунгарского владычества XVII века. Медальонов с изображением Будды я уже не нашел, потому что мы попали на курган, хищническая раскопка которого была наскоро сделана инженерами, но другие предметы, о которых нам говорили, мы нашли в сотнях экземпляров. То были небольшие предметы от 8 до 10 сантиметров в высоту, тщательно слепленные из глины. Они имели сходство по виду с небольшими коронками формы мономаховой шапки с рельефными украшениями на своей верхней, конической части и с тибетской надписью кругом. Очевидно, это были какие-то предметы буддийского культа, изготовлявшиеся кустарным промыслом монахами, жившими в кельях на Каратале» [Семенов-Тянь-Шанский 1947: 131–132].

Остаётся добавить, что красочный рассказ, примечательный подробностями о местонахождении буддийской обители, содержится в мемуарах П.П. Семенова-Тянь-Шанского, которые при жизни

знаменитого естествоиспытателя не публиковались. Только однажды в научной печати он проявил осведомлённость о памятнике на берегу Каратала.

В 1867 г. издана в «Записках РГО по общей географии» статья Н.А. Абрамова (1812–1870) «Река Каратал с ее окрестностями», в которой автор, как никто другой из очевидцев того времени, точно и в деталях описал местонахождение памятника, взаиморасположение и размеры фундаментов 16-ти построек «буддийско-ламайского монастыря», в том числе двух храмов, к которым ведут каменные лесенки, осмотренных им в горах Лаба в 1860 г. По Н.А. Абрамову, памятник находился «около реки Каратала, на горе Лоба», «от бывшего Каратальского пикета верстах в полутора, близь речки Теректы»; «подъем на саму гору крут, и потому надобно было идти пешком. В полугоре (*устар.* полугора – середина между подошвой и вершиной горы; склон горы. – *Прим. авт.*) на площади сказанные фундаменты шестнадцати зданий, одно от другого в близком расстоянии» [Абрамов 1867: 275].

По словам сопровождавших семипалатинского краеведа казаков, здесь при раскопках «около 1855 года» находили глиняные овальные плитки «вроде медальонов» с оттиснутыми изображениями «бурханов» на обеих сторонах «с признаками бывшей алой краски и позолоты». По поводу высказанного Н.А. Абрамовым сожаления, «что при всем старании моем не дошли до меня эти древности», П.П. Семенов оставил редакторское примечание: «Я видел эти плитки, или медальоны, у покойного Чокана Чингисовича Валиханова» [Абрамов 1867: 276]. Здесь необходимо коснуться темы причастности Ч.Ч. Валиханова к исследованию буддийского монастыря в горах Лаба.

В своё время этот вопрос специально изучался Н.П. Ивлевым (1928–1998), который установил круг семиреченских знакомых П.П. Семенова и Ч.Ч. Валиханова, имевших отношение к раскопкам на Каратале, и реконструировал хронологию их встреч и взаимных контактов, во время которых Ч.Ч. Валиханов мог получить медальоны [Ивлев 1983: 179–182]. Впрочем, алматинскому краеведу не были известны цитируемые здесь документы из архива РГО, благодаря которым точно устанавливается, что раскопки «бугров» в горах Лаба производили инженеры, прокладывавшие почтовый тракт в долине Каратала: П.С. Нечогин в 1854 г. (во время разведки строительных материалов для будущих «кордонов») и, вероятно, повторно вместе с П.А. Никитиным в 1855 г. (при строительстве Каратальского пикета); только они обнаружили помимо множества фигурок *ца-ца* несколько медальонов с изображениями божества. Раскопки П.П. Семенова в 1856 г. и Н.А. Абрамова в 1860 г. оказались менее успешными: медальоны обнаружить им не удалось, но оба слышали о них, вероятно, от С.М. Абакумова в Копале.

Н.П. Ивлев предположил, что Чокан Валиханов получил медальоны от П.А. Никитина в июле 1856 г., возвращаясь в Омск после экспедиции на Иссык-Куль: в Копале он задержался на несколько дней, ожидая С.М. Абакумова и П.А. Никитина, занятых в то время взрывными работами при строительстве дороги через Кысыкауз [Ивлев 1983: 182; Валиханов 1984: 353–354]. Действительно, как следует из записи в тетради П.А. Никитина, ранее у него были медальоны, которые он, «к сожалению, не сохранил». Передал ли он свои находки Ч.Ч. Валиханову? Трудно представить, что Ч.Ч. Валиханов, получив из первых рук уникальные древние предметы и, несомненно, точную информацию о местонахождении памятника, не попытался лично его обследовать; ведь незадолго до этого он специально проехал, отклонившись от пикетной дороги, в Илийский Капчагай, чтобы осмотреть и зарисовать буддийские изображения и надписи в Тамгалытас [Валиханов 1984: 350]. Наконец, тогда же, в конце июля, ему пришлось с полдороги в Семипалатинск повернуть

обратно и отправиться в Кульджу, снова проехав дважды через пикет султана Суюка («дорога от Джангизагача до Сюковского пикета гориста») вблизи гор Лаба [Валиханов 1984: 352; 1985: 174], о которых в трудах Ч.Ч. Валиханова вовсе нет упоминаний. Всё это вызывает сомнение в верности догадки Н.П. Ивлева. По всей видимости, Чокан Валиханов не бывал лично на горах Лаба, а находки из раскопок буддийского памятника ему переданы в Омске самим П.С. Нечогиним. Цепь известных событий делает такое предположение более вероятным: 1) поздней осенью 1856 г. Ч.Ч. Валиханов вернулся в Омск из кульджинской поездки, но незадолго до этого по пути встречался с Ф.М. Достоевским и П.П. Семеновым в Семипалатинске, где мог узнать о памятнике на горе Лаба от уже побывавшего на нём «глубокомудренного» Петра Петровича; 2) 28 ноября того же года П.С. Нечогин неожиданно, спустя два года после открытия монастыря на Каратале, пересылает в Вольное Экономическое общество первое «Описание» памятника вместе с некоторыми своими находками, «не желая сделанные открытия оставить без внимания». Подсказать этот верный шаг П.С. Нечогину мог Ч.Ч. Валиханов, получив в дар при встрече часть собранных на Каратале медальонов, которые П.П. Семенов видел у Чокана до или после второго путешествия на Тянь-Шань в 1857 г., когда пребывал в Омске и ходатайствовал перед губернатором Г.Х. Гасфортом об отправке Ч.Ч. Валиханова в кашгарскую экспедицию [Семенов-Тянь-Шанский 1947: 82–83, 372].

Часть предметов, за исключением отправленных в Вольное Экономическое общество, оставалась в коллекции П.С. Нечогина до окончания службы в Сибири в 1859 г.; последний сохранившийся у него медальон он переслал из Симферополя на адрес Императорской Археологической комиссии в начале 1888 г. [Археология Семиречья 2011: 236].

Поиски монастыря в 1887–1890 гг.

После неоднократных осмотров и ненаучных раскопок разными любителями древностей в 1850-х гг., руины буддийского монастыря на р. Каратал оказались забыты более чем на четверть века. Памятники в горах Лаба не упоминаются в сводном списке археологических достопримечательностей Копальского уезда, составленном Н.Н. Пантусовым на основе опросных данных, собранных по распоряжению военного губернатора области в 1885–1886 гг. [Археология Семиречья 2011: 392–394].

Никто из первооткрывателей памятника больше к нему не возвращался. П.А. Никитин по выходе в отставку переехал в 1880 г. из Кульджи в г. Маргелан, в Ферганскую область [Проскурин 2018: 218]. П.С. Нечогин продолжил в 1860-х гг. инженерную службу на Кубани, затем вышел в отставку в чине подполковника, перебрался в Крым и проживал в Симферополе. В 1888 г. он издал две брошюры (Деление всех углов от 0 до 180° на три равные части, изобретенное военным инженером подполковником П.С. Нечогиним. Симферополь, 1888; Нечогин П.С. Простейший практический способ деления углов посредством шаблона (углоделителя): Приложения. Симферополь: тип. Спиро, 1888), которые были рекомендованы Министерством народного просвещения для библиотек и преподавателей средних учебных заведений [Определения 1891: 57–58]. Но все эти годы П.С. Нечогин не оставлял надежды привлечь внимание научных учреждений России к изучению открытого им буддийского монастыря. Происходившие в стране перемены, казалось, благоприятствовали реализации планов отставного военного инженера.

На волне «великих реформ» во второй половине XIX столетия завершалось становление государственной службы по охране и изучению археологических памятников. Помимо общественных научных организаций, таких как Русское археологическое общество (с 1846 г.) и Московское

археологическое общество (с 1864 г.), разворачивало свою деятельность созданное в 1859 г. полномочное ведомство – Императорская Археологическая комиссия, которая до 1917 г. выполняла роль главного государственного учреждения, организовывавшего научные археологические исследования и «разыскание предметов древности, относящихся к отечественной истории и жизни народов, обитавших некогда на пространстве, занимаемом ныне Россией» [Длужневская 2006: 112]. Постоянный штат учреждения был небольшой, но привлечение к сотрудничеству сверхштатных специалистов, а также членов-корреспондентов на местах, в провинции, профессиональная подготовка которых представлялась достаточной для выполнения самостоятельных раскопок, давало возможность организовывать археологические исследования на всей территории огромной империи. Археологической комиссии принадлежало право выдачи специальных разрешений (открытых листов) на производство раскопок. В Семиреченской области официальным агентом Комиссии после 1885 г. выступал старший чиновник особых поручений при военном губернаторе Н.Н. Пантусов (1849–1909), которому лично покровительствовал генерал-губернатор Степного края Г.А. Колпаковский (1819–1896) [Рогожинский 2011].

Из опубликованной недавно многосторонней переписки по поводу буддийского монастыря на р. Каратал следует, что инициатива возобновления археологического изучения памятника вновь принадлежала П.С. Нечогину [Археология Семиречья 2011: 229–239]. В ноябре 1887 г. отставной инженер-подполковник как частное лицо обратился к генералу Г.А. Колпаковскому «с просьбой дозволить сделать раскопку местности и исходатайствовать от Географического Общества на это изыскание субсидию», ссылаясь на то, что генерал-губернатор заслуженно пользуется славой покровителя науки и много лет состоит почетным членом РГО [Археология Семиречья 2011: 235]. Ответ из канцелярии генерал-губернатора от 18 декабря гласил, что на пособие от РГО П.С. Нечогину «рассчитывать нельзя, к тому же в крае уже имеются лица, занимающиеся археологическими раскопками». Тогда он незамедлительно пишет в Русское археологическое общество заявление, предлагая свою услугу – «указать найденную местность для предполагаемой разработки» при условии оплаты своего проезда от Симферополя «до указанной местности», а если «окажутся найденными ценные вещи, то <...> выделить часть всей стоимости, <...> следуемой по закону» [Археология Семиречья 2011: 229–230].

К заявлению прилагалось новое описание, озаглавленное «О памятниках древности», в котором снова воспроизведены рисунки общего вида монастыря в горном ландшафте, аккуратно сложенных в «бугре» фигурок *ца-ца* и разреза одной из них, а также медальона с изображением «женской фигуры, представляющей мифическое божество» (рис. 2, 2–4, б). Безусловно, первые две иллюстрации делались П.С. Нечогиным по памяти, и сходство их с рисунками 1856 г. поразительно. Однако в новом тексте описания появились дополнения: ссылка на Чубар-муллу; уточнение, что надписи на *ца-ца* сделаны на «древнем индусском, или санскритском, языке»; детальная характеристика изображенного на медальоне персонажа, воспринятого как «вид богини плодородия Астарты, как значащейся в индусской мифологии»; пространные рассуждения о доисторической древности памятника, который выдается за «капище со скрытыми сокровищами». Явно с целью заинтересовать потенциального спонсора раскопок П.С. Нечогин прибавляет к достоверному описанию содержимого *ца-ца*, что «в некоторых оказались маленькие яхонты и самородки золота». В то же время, ни в заявлении, ни в описании памятника, в отличие от документов 1856 г., переданных в Вольное Экономическое общество, теперь не встречаются указания на точное местонахождение памятника: «В 1850-х гг. я был в Киргизской степи производителем работ одного укрепления»; «на

берегу одной реки находятся небольшие горы», – и только! П.С. Нечогин не предполагал, какую злую шутку в его судьбе может сыграть эта наивная игра в таинственность...

Из Русского археологического общества бумаги П.С. Нечогина были переданы «по принадлежности» в Императорскую Археологическую комиссию, откуда уже в январе 1888 г. последовал ответ с изъявлением готовности организовать экспедицию, командировать вместе с ним в «Киргизскую степь» специалиста и даже выдать вознаграждение «за ценные вещи, которые могут быть открыты в означенных буграх», но прежде выдвигалось условие – представить смету расходов на поездку к месту работ и на раскопки. Кроме того, предлагалось сообщить Комиссии, в каком состоянии сейчас находятся открытые им памятники, имея «в виду, что с 1850 г., в котором вам удалось ознакомиться с теми буграми, протекло уже 37 лет, в течение которых они могли подвергнуться расхищению со стороны кладоискателей». С этого момента в результате неточного цитирования авторского сообщения («в 1850-х гг.») впервые в переписке названа ошибочная дата открытия П.С. Нечогиным буддийского монастыря в 1850 г.; со временем эта неточность перешла в печатные издания [Отчет 1893: 72; Археологическая карта Казахстана 1960: 372 (№ 411)]. Наконец, сообщалось в письме, «весьма желательно было бы получить, вероятно, имеющиеся у вас образчики глиняных пирамидок и медальонов».

После такого делового отклика П.С. Нечогину ничего не оставалось, как раскрыть тайну местонахождения монастыря, ведь иначе было невозможно представить правильный расчёт расходов на проезд к месту проведения раскопок. В ответном послании он сообщает Комиссии о состоявшейся недавно переписке с канцелярией степного генерал-губернатора и пересылает её в Комиссию, указывая местонахождение памятника – Копальский уезд Семиреченской области. Одновременно он пересылает в Петербург «единственный сохранившийся у меня памятник древности – бурхан, изображающий корону богини Астарты». В следующем письме от 19 марта 1888 г., как следовало ожидать, П.С. Нечогин подтверждает свою готовность принять участие в экспедиции уже в мае или июне того же года и представляет расчёт расходов на дорогу к месту проведения раскопок из Симферополя через Москву, Пермь и Омск до Копала. Общая сумма расходов, включая содержание руководителей работ и наем рабочих для раскопок «верстах в 50-ти от Копала», получилась ошеломляющая: 3113 рублей [НА ИИМК РАН. РА. Ф. 1. Оп. 1. 1888. № 5. Л. 15об. и 16]. Это решило исход «дела Нечогина»: коротким и сдержанным по тону письмом и. д. председателя В.Г. Тизенгаузен уведомил отставного инженера-подполковника, «что по значительности расходов, требующихся на производство <...> раскопок в Копальском уезде, <...> Комиссия не находит возможным приступить к этим работам в нынешнем году» [Археология Семиречья 2011: 238].

Буквально на следующий день, 22 апреля 1888 г., из Петербурга на имя степного генерал-губернатора отправлен запрос сведений о памятниках, открытых П.С. Нечогиным в 1850 г.: «не производились ли там уже кем-нибудь археологические раскопки <...> не имеется ли в вашем распоряжении научно подготовленное лицо, которому Комиссия могла бы поручить собрание сведений о местных древностях и производство пробных раскопок, и во что приблизительно по местным ценам могла бы обойтись разведка в двух–трех курганах» [Археология Семиречья 2011: 239]. К письму Комиссии прилагалась записка П.С. Нечогина «О памятниках древности (близ Копала)», но это была не точная копия, а отредактированный и сокращённый текст оригинала (рис. 2, б), без рисунков автора и со многими купюрами, не изменявшими, на взгляд переписчика, главное содержание документа. Как понятно теперь, купированными оказались именно те немногие в записке инженера пояснения, которые могли бы подсказать на месте, где искать памятники и кому

о них известно. Так, в копии отсутствуют слова «кордонным способом», которые бы объяснили, что речь идёт о строительстве в 1854–1855 гг. оборонительных пунктов на почтовой дороге Копал–Верное, а не о фортификации какого-то «одного укрепления»; также опущен целиком абзац о Чубар-мулле, хотя упоминание именно этого свидетеля сразу бы помогло установить точное местонахождение буддийского монастыря на Каратале. В итоге из документов, представленных Комиссией в Омск, следовало лишь, что памятники обнаружены П.С. Нечогиным в 1850 г. где-то в 50-ти верстах от Копала на обрывистом берегу какой-то реки.

По распоряжению Г.А. Колпаковского, продублированному военным губернатором Семиреченской области Г.И. Ивановым, летом 1888 г. в Копальском уезде организован поиск памятников, открытых П.С. Нечогиным. Молодой чиновник уездного управления, письмоводитель Н.П. Теплов, получив от начальства особое задание, первым делом обратился с расспросами к старожилам края. «Из числа старожилов, – пишет он в своем обстоятельном отчете, – более сведущим оказался казак станицы Капальской Иван Николаев Нечаев, который и объяснил мне, что подполковника Нечогина он знал, а также помнит о произведенных им осмотрах курганов в 50 верстах от Капала, которые находятся на равнине за урочищем Кызыл-Агачем на северо-запад от г. Капала» [Археология Семиречья 2011: 242]. На поиски «курганов» Н.П. Теплов отправился верхом в сопровождении переводчика и двух понятых из числа местных жителей: Улепая Токаева, аульного старшины Биен-Куяндинской волости, и муллы Галиаскара. На предгорной равнине в междуречье Кызылагаш и Биен, куда разведчиков привели показания И.Н. Нечаева, Н.П. Теплов обследовал несколько древних могильников и «два кургана, окруженных валом», на поверхности которых собрал черепки глиняной посуды и кусок кирпича; так были впервые обследованы руины средневекового городища Сагабуйен. Отчет о результатах разведки с «наглядным чертежом», где Н.П. Тепловым указано местонахождение всех памятников, найденных примерно в 50 верстах к северо-западу от Копала (прогонные деньги ему выплачены за 120 верст пути), был представлен начальству, а затем в сокращенном виде – в Петербург.

Далее, с 11 февраля 1889 г., последовала неспешная переписка Комиссии с Н.Н. Пантусовым, которому предлагалось произвести раскопки «хотя одного или двух курганов <...> за урочищем Кызыл-Агач», для чего по обоюдному согласию сторон выделялось 200 рублей [Археология Семиречья 2011: 246]. Однако служебная занятость агента Археологической комиссии в Семиреченской области отодвинула сроки проведения экспедиции. «Поездку в Капал я мог совершить только в сентябре 1890 г., и из Капала отправился на Кызылагаш, где и прожил две недели, занимаясь исследованием местности и раскопками», – сообщил Н.Н. Пантусов, представив в Комиссию свой отчет спустя еще один год, 16 сентября 1891 г. [Археология Семиречья 2011: 282]. В нескольких ущельях к северу от р. Кызылагаш Н.Н. Пантусовым открыты петроглифы, а на равнине проведены раскопки курганов. Однако главная цель экспедиции не была достигнута: «Я старался найти ту местность, которая столь неясно описывается господином Нечогиным. Самые тщательные расспросы и личные поездки по всей окрестности не выяснили дела, и я этой местности не нашел. <...> Предлагаемые господином Нечогиным данные крайне неопределенны: “на берегу одной реки находятся небольшие горы...” Господин Нечогин не дает ни названия реки, ни названия гор, даже не говорит, в каком они направлении от Капала – на север ли, на юг ли...» [Археология Семиречья 2011: 282–283].

Все это время П.С. Нечогин пребывал в неведении о переговорах Комиссии с администрацией Степного края и Семиреченской области, об организации раскопок в Копальском уезде. Последнюю отчаянную попытку вернуться на Каратал, чтобы самостоятельно, на свои средства, провести

раскопки буддийского монастыря, он предпринял в конце 1891 г., когда отчёт Н.Н. Пантусова уже был доставлен в Петербург. В своем обращении к членам Комиссии, 10 декабря, он пишет со скрытым упреком: «Я в течение 2½ лет находился в ожидании распоряжения Комиссии, но которого еще не последовало и по настоящее время». Теперь П.С. Нечогин просит лишь выдать ему открытый лист на «разработку заявленной местности» и подорожную (казенный документ, дававший право пассажиру пользоваться бесплатно почтовыми лошадьми) до Копала, а за такое содействие обязуется «все найденное, относящееся к археологической сфере, собрать и доставить по принадлежности в Императорскую Археологическую Комиссию» [НА ИИМК РАН. РА. Ф. 1. Оп. 1. 1888 г. Д. 5. Л. 26 и об.]. На документе под штампами «Доложить в заседании» и «Заслушано» стоит дата: 21 декабря 1891 г. Официального ответа Комиссии, по-видимому, П.С. Нечогин не получил.

Резюме отчета Н.Н. Пантусова о полевых исследованиях в Копальском уезде опубликовано в 1893 г., и в первых его строках как приговор звучало итоговое заключение Археологической комиссии: «Раскопка пяти курганов, произведенная в указанной местности г. Пантусовым в 1890 г., не подтвердила показаний г. Нечогина» [Отчет 1893: 72]. Печальный финал «дела Нечогина» кажется особенно невероятным потому, что никто из участников поиска буддийского монастыря в конце 1880-х гг. не распознал его в детальном описании памятника на обрывистом берегу Каратала, которое Н.А. Абрамов опубликовал в общедоступном издании РГО ещё в 1867 г.

Заклучение

Систематический сбор материалов по археологии Семиречья дореволюционного периода в архивах Алматы и Санкт-Петербурга, организованный И.В. Ерофеевой в 2008–2009 гг., помог выявить и детально изучить неизвестные ранее и малоизвестные документы, объясняющие причины неудачных поисков буддийского монастыря близ Копала в конце XIX в. В то же время, обнаруженные в архиве РГО источники («Описание» П.С. Нечогина 1856 г. и кульджинская тетрадка П.А. Никитина) безоговорочно подтвердили существование памятника и актуализировали возобновление его поисков, но также внесли диссонанс в свидетельства других очевидцев о местонахождении монастыря. Более того, настойчивые указания П.А. Никитина, что от Каратальского выселка «бывшие буддийские здания» находятся в 12 верстах выше по Караталу, а не вблизи переправы, т. е. около 8-ми верст, как следует из пояснений П.П. Семенова и Н.А. Абрамова, привели к выбору ошибочного направления для поиска памятника в 2010 г. Это мнимое противоречие разрешается только при условии, если предположить, что П.А. Никитин указал суммарный путь до переправы и вдоль подножия гор Лаба вниз по Караталу. В таком случае, на страничках его тетради описаны находки (глиняные медальоны, *ца-ца* и наскальные тибетские надписи), по меньшей мере, из двух разных местонахождений – вблизи переправы и ниже по реке в 4-х верстах. Окончательное решение проблемы зависит от результатов будущих полевых исследований.

Археологические разведки 2008–2009 гг. охватили южные склоны гор Лаба от западной оконечности до подножья вершины Лабашоки, исключая территорию, где р. Теректы перед впадением в Каратал протекает вдоль её обрывистого края. Помимо многочисленных памятников древних эпох, в средней части гор, в двух смежных горных долинах, выявлена группа поселений с разрушенными каменными постройками, предварительно датированными не позднее XVIII в. Однако взаиморасположение строений и само их местонахождение в горном ландшафте не находили соответствия ни в зарисовках П.С. Нечогина, ни в словесных описаниях руин монастыря П.П. Семенова и Н.А. Абрамова. Дальнейшие поиски памятника в горах Лаба были прерваны.

Поводом для возобновления поисков в 2023 г. послужило сообщение краеведа Рафаэля Хисматуллина (г. Талдыкорган) об обнаружении полузасыпанной землёй лесенки, сложенной из обработанных камней на склоне одного из ущелий в горах Лаба (рис. 4, 2). Хотя беглый осмотр на месте показал, что речь идёт о том же комплексе построек XVIII в., открытом нами в 2009 г., последующая рекогносцировка необследованного тогда участка подножия горы Лабашоки, наконец, позволила отыскать и задокументировать руины буддийского монастыря (рис. 4, 1, 3), некогда запечатлённые на рисунках военного инженера П.С. Нечогина. На скалах вблизи руин обнаружена также одна из двух тибетских надписей, с неточностями воспроизведенная в тетради П.А. Никитина (рис. 4, 4, 5). Несмотря на значительные повреждения построек, следы глубоких траншей и перекопов, их взаиморасположение и размеры в целом совпадают со словесным описанием Н.А. Абрамова. Поразительно сходство четырех «бугров» у края скалистого обрыва и группы других строений по ту сторону лога, отмеченных как «фигура 1» на панорамных рисунках П.С. Нечогина, с зафиксированными на месте руинами бывших сооружений (ср. рис. 2, 1; 4, 1, 3).

Обнаруженный нами в 2023 г. храмово-монастырский комплекс на горе Лаба, как предполагала И.В. Ерофеева, является «одним из первых буддийских монастырей на территории Семиречья и был построен во второй половине XVII в.»; он был заложен «около реки Каратал влиятельным правителем хошутов Очирту-Цэцен-ханом (1638–1680) либо его политическим соперником, а затем и правопреемником в Джунгарии Галданом-Бошохту-ханом и просуществовал не менее 80–90 лет» [Ерофеева 2017: 37–38]. Уникальный культовый памятник, поиски которого растянулись на многие десятилетия, сегодня остаётся в своем живописном природном окружении чрезвычайно легкодоступным и незащищённым, что заставляет умалчивать в открытой печати о его точном нахождении. Как никакой другой, этот памятник нуждается в скорейшем принятии неотложных мер по его сохранению для полноценного научного исследования и последующего включения в сферу международного и отечественного туризма.

Благодарности. Автор выражает глубокую признательность за бескорыстную помощь в организации обследования и документирования памятника в 2023 г. своему старшему коллеге, доктору исторических наук, профессору Г.В. Кану, кандидату исторических наук И.С. Югай, а также Г. Сарбасову, краеведам-волонтерам А. Шатохину и Д. Белову.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Абрамов Н.А. Река Каратал с ее окрестностями // Записки РГО по общей географии. 1867. Т. 1. С. 269–278.
- 2 АКК – Археологическая карта Казахстана / Сост. Е.И. Агеева, К.А. Акишев, Г.А. Кушаев, А.Г. Максимова, Т.Н. Сенигова. Алма-Ата: изд-во АН КазССР, 1960. 450 с.
- 3 Археология Семиречья. 1857–1912 гг. / Сб. док. и м-лов / Отв. ред. Б.Т. Жанаев, сост. И.М. Самигулин. Алматы: Изд. LEM, 2011. 664 с.
- 4 Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах / Сост. А.Х. Маргулан. Алма-Ата: гл. ред. Казахской советской энциклопедии, 1984. Т. 1. 432 с.
- 5 Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах / Сост. А.Х. Маргулан. Алма-Ата: гл. ред. Казахской советской энциклопедии, 1985. Т. 2. 416 с.
- 6 Венюков М.И. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПб.: тип. В. Безобразова и К°, 1873. 573 с.
- 7 Дружневская Г.В. Императорская Археологическая комиссия – главное археологическое учреждение Российской империи (1859–1917) // Записки Института материальной культуры РАН. 2006. № 1. С. 112–118.
- 8 Ерофеева И.В. Буддийские монастыри ойратов в Семиречье (середина XVII – середина XIX в.) // Монголика XVIII: сб. статей / И.В. Кульганек (предс. ред.). СПб.: Петербургское востоковедение, 2017. С. 35–48.

- 9 Жанаев Б.Т. Чала-казаки в XIX – начале XX в.: происхождение, расселение, занятия // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н.Э. Масанова: м-лы междунар. науч. конф. Алматы: Print-S, 2010. С. 272-304.
- 10 Ивлев Н.П. И оживают биографии: [Записки краеведа]. Алма-Ата: Казахстан, 1983. 204 с.
- 11 Леденев Н.В. История Семиреченского казачьего войска. Верный: тип. Семиреч. обл. правления, 1909. 859 с.
- 12 Марков С.Н. Идущие к вершинам: историко-биографическая повесть. Алма-Ата: Жазушы, 1981. 352 с.
- 13 Недзвецкий В.Е. Летопись главнейших событий в истории Семиречья (по 1904-ый год) // Памятная книжка и адрес-календарь Семиреченской области на 1905-й год. Верный: тип. Семиреч. обл. правления, 1905. С. 3-76.
- 14 Определения ученого комитета Министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. 1891. Ч. CCLXXV (275). Май. (Пагинация сквозная в каждой части журнала). С. 33-58.
- 15 Отчет Императорской Археологической комиссии за 1890 год. СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1893. 152 с.
- 16 Прокурин В.Н. Жизнь и судьба генерала Колпаковского. Алматы: ServicePress, 2018. 321 с.
- 17 Рогожинский А.Е. История одной полузабытой находки и опыт организации охраны археологических памятников Семиречья в конце XIX в. (по архивным источникам) // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гум. наук. 2011. № 3 (282). С. 184-195.
- 18 Сала Р., Деом Ж.-М. Памятник наскального искусства Коктас // Амиргалиев М.О., Железняков Б.А., Херманн Л., Шарипов Р.К. Наскальное искусство Жетысу. Алматы: Жамбыл, 2019. Приложение. С. 258–273.
- 19 Семенов-Тянь-Шанский П.П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 гг. М.: гос. изд-во геогр. лит., 1947. 380 с.
- 20 Тихомиров Б.Н. «Я, нижепоименованный Федор Достоевский...» (Присяга на верность службы 20 августа 1841 года) // Неизвестный Достоевский. 2020. № 3. С. 5-19.

REFERENCES

- 1 Abramov, N. A. 1867. In: *Zapiski RGO po obshchey geografii (Notes of the Russian Geographical Society on general geography)*, 1, 269-278 (in Russian).
- 2 Ageyeva, Ye. I., Akishev, K. A., Kushayev, G. A., Maksimova, A. G., Senigova, T. N. (compl.). 1960. *Arkheologicheskaya karta Kazakhstana (Archaeological map of Kazakhstan)*. Alma-Ata: Academy of Sciences of the KazSSR (in Russian).
- 3 Zhanaev, B. T. (ed.), Samigulin, I. M. (compl.). 2011. *Arheologiya Semirechya (Archaeology of Semirechye)*. 1857–1912. Alma-ty: “LEM” Publ. (in Russian).
- 4 Valikhanov, Ch. Ch. 1984. *Sobranie sochineniy v pyati tomah (Collected works in 5 vol.)*, 1 / Margulan, A. Kh. (compl.). Alma-Ata: “Kazahskaya sovetskaya entsiklopediya” Publ. (in Russian).
- 5 Valikhanov, Ch. Ch. 1985. *Sobranie sochineniy v pyati tomah (Collected works in 5 vol.)*, 2 / Margulan, A. Kh. (compl.). Alma-Ata: “Kazahskaya sovetskaya entsiklopediya” Publ.
- 6 Venyukov, M. I. 1873. *Opyt voennogo obozreniya russkikh granits v Azii (The experience of military review of Russian borders in Asia)*. Saint Petersburg: “V. Bezobrazov & K” Publ. (in Russian).
- 7 Dluzhnevskaya, G. V. 2006. In: *Zapiski Instituta materialnoy kultury RAN (Notes of the Institute for the Material Culture of the RAS)*, 1, 112–118 (in Russian).
- 8 Erofeeva, I. V. 2017. In: Kulganek, I. V. (ed.). *Mongolika*, 18. Saint Petersburg: “Peterburgskoe vostokovedenie” Publ., 35–48 (in Russian).
- 9 Zhanaev, B. T. 2010. In: *Rol nomadov v formirovanii kulturnogo naslediya Kazakhstana. Nauchnye chteniya pamyati N.E. Masanova (The role of nomads in the formation of the cultural heritage of Kazakhstan. Scientific readings in memory of N.E. Masanov)*. Alma-ty: “Print-S” Publ., 272-304 (in Russian).
- 10 Ivlev, N. P. 1983. *I ozhivayut biografii: [Zapiski kraevedu] (And biographies come to life: [Notes of a local historian])*. Alma-Ata: “Kazakhstan” Publ. (in Russian).

- 11 Ledenev, N. V. 1909. *Istoriya Semirechenskogo kazachiego voiska (The history of the Semirechensk Cossack army)*. Vernyi: “Semirech. obl. pravlenie” Publ. (in Russian).
- 12 Markov, S. N. 1981. *Idushchie k vershinam: istoriko-biograficheskaya povest (Going to the top: a historical and biographical story)*. Alma-Ata: “Zhazushy” Publ. (in Russian).
- 13 Nedzvetskiy, V. E. 1905. In: *Pamyatnaya knizhka i adres-kalendar Semirechenskoy oblasti na 1905 god (Commemorative book and address-calendar of the Semirechensk region for 1905)*. Vernyi: “Semirech. obl. pravlenie” Publ., 3-76 (in Russian).
- 14 1891. In: *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya (Journal of the Ministry of Public Education)*, 275, 33–58 (in Russian).
- 15 1893. *Otchet Imperatorskoy Arheologicheskoy komissii za 1890 god (The report of the Imperial Archaeological Commission for 1890)*. Saint Petersburg: “Imp. Akademia nauk” Publ. (in Russian).
- 16 Proskurin, V. N. 2018. *Zhizn i sudba generala Kolpakovskogo (The life and fate of General Kolpakovskiy)*. Almaty: “ServicePress” Publ. (in Russian).
- 17 Rogozhinskiy, A. E. 2011. In: *Izvestiya NAN RK. Ser. obshchestv. i gum. nauk (News of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Social and humanitarian sciences series)*, 3 (282), 184–195 (in Russian).
- 18 Sala, R., Deom, J.-M. 2019. In: Amirgaliev, M. O., Zheleznyakov, B. A., Hermann, L., Sharipov, R. K. *Naskalnoe iskusstvo Zhetysu (Zhetysu rock art)*. Almaty: “Jambyl” Publ., 258–273 (in Russian).
- 19 Semenov-Tyan-Shanskiy, P. P. 1947. *Puteshestvie v Tyan-Shan v 1856–1857 (A trip to Tien Shan in 1856–1857)*. Moscow: “Gos. izd-vo geogr. lit.” Publ. (in Russian).
- 20 Tikhomirov, B. N. 2020. In: *Neizvestnyi Dostoevskiy (The Unknown Dostoevsky: online research journal)*, 3, 5-19 (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 30.09.2023.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 30.10.2023.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 30.10.2023.

УДК 902.01 (235.222)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.176.196>

Проблемы идентификации отходов бифасиального производства в индустриях ранних этапов верхнего палеолита (по материалам Алтая)

© 2023 г. Михиенко В.А., Белоусова Н.Е., Родионов А.М.,
Харитонов Р.М., Федорченко А.Ю.

Keywords: Altai, Upper Palaeolithic, leaf-shaped bifaces, thin bifaces, debris of biface production, flakes of secondary thinning, knapping tools, experiment, experimental modeling

Түйін сөздер: Алтай, жоғарғы палеолит, жапырақ тәрізді бифастар, жұқа бифастар, бифастар өндірісінің қалдықтары, қайта жұқарту жарықшақтары, жарықшақтау құралдары, эксперимент, эксперименттік моделдеу

Ключевые слова: Алтай, верхний палеолит, листовидные бифасы, тонкие бифасы, отходы производства бифасов, сколы вторичного утончения, инструменты расщепления, эксперимент, экспериментальное моделирование

Valeria Mikhienko¹ , Natalia Belousova¹ *, Anton Rodionov¹ ,
Roman Kharitonov¹ and Alexander Fedorchenko¹

¹Junior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS,
Novosibirsk, Russia. E-mail: volnavvv@mail.ru

^{1*}Corresponding author, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology
and Ethnography of the SB RAS, Novosibirsk, Russia. E-mail: consacrer@yandex.ru

¹Candidate of Historical Sciences, Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS,
Novosibirsk, Russia. E-mail: rodionanton@yandex.ru

¹Research Engineer, Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS,
Novosibirsk, Russia. E-mail: tengeri_ashina@list.ru

¹Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS,
Novosibirsk, Russia. E-mail: winteralex2008@gmail.com

Problems of identification of debris from production of bifaces in the Early and Initial Upper Palaeolithic assemblages (based on materials from Altai)

The article is devoted to the discussion of one of the important aspects of studying the phenomenon of thin leaf-shaped bifaces in the sites of the Upper Paleolithic of Altai, namely, the problems of identifying and researching debris of their production. The aim of the work was to determine the diagnostic characteristics of bifacial thinning flakes based on the analysis of experimental data, as well as to assess the features of identifying such a debitage in the broad technological context of the stone assemblages of the region. The work is based on the results of the implementation of an experimental program devoted to the modeling of manufacturing technologies for thin bifacial processed tools from nodules of Altai raw materials using mineral and antler hammers. As a result of the conducted research, a collection of experimental standards of thinning flakes was created, and a set of their specific features was determined. According to the data obtained, the proportion of whole identifiable flakes in the group of biface production debris is generally small and amounts to about 3%. Most of the resulting flakes are indistinguishable from other categories of knapping waste of the Upper Paleolithic industry, if not identified in a technological cluster. In Altai sites, waste from bifacial technology is found either in the form of single flakes of thinning, or in the form of small clusters. In the first case (Ust-Karakol-1, excavation area 2; Kara-Bom, excavations 1 and 2; Tyumechin-4; Anui-2), a low proportion or absence of products with bifacial processing in the industry is characteristic, as well as general trends towards deformation of spatial structures of cultural deposits. In the second case (Ust-Karakol-1, excavation area 1; Anui-3) there is a large proportion of bifaces in the complex and a good state of preservation of structures.

Source of funding: The research was supported by Russian Science Foundation project №20-78-10125 «The dynamics of cultural development and human colonization of Altai at the onset of the Upper Paleolithic: life support strategies, paleotechnologies, mobility».

For citation: Mikhienko, V., Belousova, N., Rodionov, A., Kharitonov, R., Fedorchenko, A. 2023. Problems of identification of debris from production of bifaces in the Early and Initial Upper Palaeolithic assemblages (based on materials from Altai). *Kazakhstan Archeology*, 4 (22), 176–196 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2023.4.22.176.196](https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.176.196)

**Валерия Алексеевна Михиенко¹,
Наталья Евгеньевна Белоусова^{1*},
Антон Михайлович Родионов¹,
Роман Михайлович Харитонов¹,
Александр Юрьевич Федорченко¹**

¹кіші ғылыми қызметкер, Ресей ғылым академиясы
Сібір бөлімшесінің Археология және этнография
институты (РФА СБ АЭИ),
Новосибирск қ., Ресей

^{1*}корреспондент авторы, тарих ғылымдарының
кандидаты, аға ғылыми қызметкер, РФА СБ АЭИ,
Новосибирск қ., Ресей

¹тарих ғылымдарының кандидаты, ғылыми
қызметкер, РФА СБ АЭИ, Новосибирск қ., Ресей

¹инженер-зерттеуші, РФА СБ АЭИ,
Новосибирск қ., Ресей

¹ғылыми қызметкер, РФА СБ АЭИ,
Новосибирск қ., Ресей

**Жоғарғы палеолиттің ерте кезеңінің
индустрияларында бифастық өндіріс қалдықтарын
сәйкестендіру мәселелері
(Алтай материалдары бойынша)**

Мақала Алтайдың жоғарғы палеолит тұрақтарындағы жұқа жапырақ тәрізді бифас феноменін зерттеудің маңызды аспектілерінің бірін, атап айтқанда олардың өндіріс қалдықтарын анықтау және зерттеу мәселелерін талқылауға арналған. Жұмыстың мақсаты эксперименттік мәліметтерді талдау негізінде бифасты жұқарту жарықшақтаудың диагностикалық сипаттамаларын анықтау, сонымен қатар аймақтың тас индустриясының кең технологиялық контекстінде мұндай дебитажды сәйкестендіру ерекшеліктерін бағалау болды. Жұмыстың негізіне алтай шикізатының жекелеген бөліктерінен минерал және мүйізден жасалған соққыштарды қолдану арқылы жұқа екі жақты өңделген құралдарды жасау технологиясын моделдеуге арналған эксперименттік бағдарламаны жүзеге асыру нәтижелері алынды. Жүргізілген зерттеу жұмысы нәтижесінде жұқарту жарықшақтарының эксперименталды эталондар коллекциясы жасалып, олардың өзіндік белгілерінің кешені анықталды. Алынған мәліметтерге сәйкес бифасты өңдеу қалдықтарының тобында бүтін анықталатын жарықшақтар үлесі жалпы аз және шамамен 3% құрайды. Алынған жарықшақтардың басым

**Валерия Алексеевна Михиенко¹,
Наталья Евгеньевна Белоусова^{1*},
Антон Михайлович Родионов¹,
Роман Михайлович Харитонов¹,
Александр Юрьевич Федорченко¹**

¹младший научный сотрудник, Институт археологии
и этнографии Сибирского отделения
Российской академии наук (ИАЭТ СО РАН),
г. Новосибирск, Россия

^{1*}автор-корреспондент, кандидат исторических
наук, старший научный сотрудник,
ИАЭТ СО РАН, г. Новосибирск, Россия

¹кандидат исторических наук, научный сотрудник,
ИАЭТ СО РАН, г. Новосибирск, Россия

¹инженер-исследователь, ИАЭТ СО РАН,
г. Новосибирск, Россия

¹научный сотрудник, ИАЭТ СО РАН,
г. Новосибирск, Россия

**Проблемы идентификации отходов
бифасиального производства в индустриях ранних
этапов верхнего палеолита
(по материалам Алтая)**

Статья посвящена обсуждению одного из важных аспектов изучения феномена тонких листовидных бифасов на стоянках верхнего палеолита Алтая, а именно – проблемам выявления и исследования отходов их производства. Цель работы заключалась в определении диагностических характеристик сколов бифасиального утончения на основе анализа экспериментальных данных, а также в оценке особенностей идентификации такого дебитаж в широком технологическом контексте каменных индустрий региона. В основу работы положены результаты реализации экспериментальной программы, посвященной моделированию технологий изготовления тонких двусторонне обработанных орудий из отдельных алтайского сырья при использовании минерального и рогового отбойников. В результате проведенного исследования была создана коллекция экспериментальных эталонов сколов утончения, определен комплекс их специфических признаков. Согласно полученным данным, доля целых определимых снятий в группе отходов производства бифаса в целом невелика и составляет около 3%. Большая часть получаемых сколов неотличима от иных категорий отходов

бөлігі, егер технологиялық шоғырда анықталмаса, жоғарғы палеолиттік индустриясының жарықшақтау қалдықтарының басқа категорияларынан ажыратылмайды. Алтай тұрақтарында бифасиалды технология қалдықтары жеке-жеке жұқарту жарықшақтары түрінде немесе шағын шоғырлар түрінде кездеседі. Бірінші жағдайда (Усть-Каракол-1, қазба 2; Кара-Бом, қазба 1 және 2; Тюмечин-4; Ануй-2) индустрияда екі жақты өңделген құралдардың үлесі аз немесе жоқ, сондай-ақ мәдени шөгінділердің кеңістік құрылымының деформациясына жалпы тенденциялары тән. Екінші жағдайда (Усть-Каракол-1, қазба-1, Ануй-3) кешенде бифастардың үлестік саны жоғары және құрылымдардың сақталу күйі жақсы.

Қаржыландыру көзі: Зерттеу жұмысы РФК № 20-78-10125 «Жоғарғы палеолиттің басында Алтайды адамның игеруі және мәдени даму динамикасы: өмірді қамтамасыз ету стратегиясы, палеотехнология, мобилдік» грантының қолдауымен орындалды.

Сілтеме жасау үшін: Михиенко В.А., Белоусова Н.Е., Родионов А.М., Харитонов Р.М., Федорченко А.Ю. Жоғарғы палеолиттің ерте кезеңінің индустрияларында бифастық өндіріс қалдықтарын сәйкестендіру мәселелері (Алтай материалдары бойынша) *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 4 (22). 176–196-бб. (Орысша).

[DOI: 10.52967/akz2023.4.22.176.196](https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.176.196)

расщепления верхнепалеолитической индустрии, если не выявлена в технологическом скоплении. На стоянках Алтая отходы бифасиальной технологии обнаруживаются либо в виде единичных сколов утончения, либо в форме небольших скоплений. В первом случае (Усть-Каракол-1, раскоп 2; Кара-Бом, раскопы 1 и 2; Тюмечин-4; Ануй-2) характерна низкая доля или отсутствие изделий с двусторонней обработкой в индустрии, а также общие тенденции к деформации пространственных структур культурных отложений. Во втором случае (Усть-Каракол-1, раскоп 1; Ануй-3) отмечается большой удельный вес бифасов в комплексе и хорошее состояние сохранности структур.

Источник финансирования: Исследование выполнено при поддержке гранта РФК №20-78-10125 «Динамика культурного развития и освоение человеком Алтая в начале верхнего палеолита: стратегии жизнеобеспечения, палеотехнологии, мобильность».

Для цитирования: Михиенко В.А., Белоусова Н.Е., Родионов А.М., Харитонов Р.М., Федорченко А.Ю. Проблемы идентификации отходов бифасиального производства в индустриях ранних этапов верхнего палеолита (по материалам Алтая). *Археология Казахстана*. 2023. № 4 (22). С. 176–196.

[DOI: 10.52967/akz2023.4.22.176.196](https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.176.196)

1 Введение (Михиенко В.А., Белоусова Н.Е.)

Проблема вычленения в археологических коллекциях специфических побочных продуктов / отходов производства на протяжении длительного времени выступает в качестве одного из значимых аспектов изучения технологий двусторонней обработки орудий [Аникович и др. 1998; Chabai, Demidenko 1998; Sellet 1999; Apel 2001; Демиденко 2003; Uthmeier 2005; Chabai, Uthmeier 2006; Весельский 2009; Bataille 2010; Faivre 2010; Neruda, Nerudova 2019; Kolobova et al. 2020]. Разработка данной проблематики развивалась параллельно с расширением использования ремонта и трансформационного анализа (также метод RMU или MANA), позволяющих – на основе группирования дебитажа отдельных блоков сырья и анализа его пространственного распределения – выходить на самый высокий уровень поведенческих реконструкций, включая процессы импорта и экспорта готовых орудий [Белоусова и др. 2018]. В индустриях верхнего палеолита диагностические отходы бифасиального расщепления представлены главным образом сколами оформления тонких бифасов, а именно – снятиями, полученными на стадиях первичного или вторичного утончения изделия [Васильев и др. 2007]. Под сколами бифасиального утончения при этом подразумеваются тонкие изогнутые в профиль отщепы с узкой остаточной ударной площадкой, возникающие в результате обработки бифасов [Васильев и др. 2007]. Предполагается, что морфология подобных снятий может варьировать в соответствии с типом применяемого инструментария [Whittaker 1994] и характеристиками сырья [Белоусова и др. 2022]. Сколы утончения двусторонне обработанных орудий, полученные мягким отбойником, могут обладать следующими признаками: тонкие и плоские

с тенденцией расширения от остаточной ударной площадки (дивергентной формы) / фрагментированный от удара отщеп; нередко изогнутой формы; с очень маленькой хорошо подготовленной, приглушенной и уменьшенной при помощи абразива / повреждённой остаточной ударной площадкой; с вентральным карнизом – остатком края бифаса; с плоским / расплывчатым ударным бугорком; с плоскими негативами утончения отщепов на фасе [Whittaker 1994].

Индустрии ранних этапов верхнего палеолита Алтая базируются на стратегиях нуклеарного пластинчатого, а также мелко- или микропластинчатого производства при вторичной роли отщепового компонента [Деревянко и др. 2000; 2003; Белоусова 2018; Белоусова и др. 2019а]. Бифасиальное расщепление при этом являлось важной частью орудийной деятельности и было направлено главным образом на создание удлинённых наконечников листовидной формы. Согласно результатам последних исследований, данная технология демонстрирует отчётливую взаимосвязь с культурой и стратегиями жизнеобеспечения носителей наиболее древних верхнепалеолитических индустрий Алтая, относящихся к кругу комплексов южносибирского и центральноазиатского начального верхнего палеолита (НВП) [Белоусова и др. 2022]. Предполагается, что смена массивных среднепалеолитических форм тонкими и симметричными листовидными бифасами в верхнем палеолите региона могла быть связана не только с изменением культурных стереотипов, но также с внедрением новых способов обработки камня, а именно – техники вторичного утончения мягким органическим отбойником [Белоусова и др. 2022].

Несмотря на возросший в последние годы интерес к верхнепалеолитическим бифасиальным индустриям Алтая, до сих пор исследование этого феномена ограничивалось изучением готовых орудий и их заготовок; редкие упоминания о наличии отходов производства составляют исключение и практически не интегрируются в общую картину технологических процессов или структуры обитания [Кулик, Шуньков 2000; Белоусова и др. 2019б; 2021]. На этом фоне подход к исследованию среднепалеолитических плоско-выпуклых бифасиальных технологий региона выглядит более системным благодаря широкому привлечению богатого методического инструментария исследователей европейского микоча [Колобова и др. 2019; Kolobova et al. 2020; Харевич 2022]. Недавние технологические и экспериментальные работы позволили установить ряд закономерностей, связывающих сырьё, тип инструмента и морфологию верхнепалеолитических орудий с двусторонней обработкой [Белоусова и др. 2022], что с высокой вероятностью нашло отражение и в отходах производства. Было установлено, что характер местной сырьевой базы накладывал специфику на формообразование бифасов на стадии вторичного утончения. Степень эластичности местного сырья, которая варьирует в зависимости от типа и сложения породы, оказывала влияние на формирование утончающих снятий, уменьшая возможность получения характерных для кремнистых пород длинных тонких сколов с изогнутым профилем и ныряющим окончанием; параметры таких снятий также зависели от типа применяемого отбойника. Существует предположение, что специфика и разнообразие сырьевой базы Алтая не позволяет напрямую экстраполировать практические результаты исследования аналогичных объектов в других регионах мира и требует определённой локализации имеющихся наработок; возникают предпосылки для формирования базы экспериментальных эталонов сколов утончения, а также верификации признаков, описывающих продукты бифасиального производства, взаимосвязь их морфологии и техники скола.

Настоящее исследование было сосредоточено на определении диагностических характеристик сколов бифасиального утончения на основе экспериментальных и археологических данных, а также оценке особенностей идентификации данного типа дебритажа в широком технологическом кон-

тексте верхнепалеолитических индустрий на примере ряда стоянок Алтая. Определяя направление исследований, мы исходим из того, что идентификация сколов утончения изделий с двусторонней обработкой является значимым обстоятельством для понимания структуры каменных индустрий и техник обработки. Реконструкция стратегий расщепления, позиционирование того или иного элемента индустрии в технологической последовательности в значительной степени определяются возможностями идентификации технических сколов, в т. ч. связанных с созданием конкретных типов орудий. Стоит отметить, что скопление отходов изготовления одного двусторонне обработанного изделия суммарно может включать до нескольких тысяч артефактов и составлять весомую часть индустрии [Весельский 2009]. Также несомненно, что в перспективе идентификация побочных продуктов бифасиальной технологии позволит уточнить и дополнить представления о пространственно-временных аспектах деятельности такого рода, сырьевых и охотничьих стратегиях, а также мобильности обитателей стоянок.

2 Материалы и методы (Белоусова Н.Е., Родионов А.М., Харитонов Р.М., Федорченко А.Ю.)

Основу источниковой базы исследования составила коллекция сколов, полученная в рамках экспериментального моделирования процессов производства листовидных бифасов. В данном случае контролируемые воспроизведённые экспериментальные аналогии являлись одним из способов понимания особенностей расщепления камня, отражённых в морфологии различных типов палеолитических орудий и отходов их изготовления [Bradley 1975]. Проведённые эксперименты опирались на результаты технологических, типологических и геолого-минералогических исследований орудий с двусторонней обработкой верхнего палеолита Алтая; их результаты подробно изложены в специальном исследовании [Белоусова и др. 2022]. Для моделирования привлекались разновидности каменного сырья, рассматриваемые нами как базовые для исследуемых индустрий Северо-Западного (место слияния рек Ануй и Каракол) и Центрального Алтая (долина р. Урсул). В рамках эксперимента были расщеплены четыре крупных массивных скола (табл. 1), снятых с окатанных однородных отдельностей вулканогенного (туфы и игнимбриты, рис. 1, 2) и осадочного (алевролиты, рис. 1, 3) происхождения. Подготовка преформы в каждом случае осуществлялась только минеральным отбойником, полученные на данном этапе сколы в исследовании не учитывались. Вторичное утончение производилось минеральным (яйцевидной удлиненной формы из кварцевого порфира / риолита, 139,9×63,8×40 мм, 501 г, твердость 6–7 по шкале Мооса) или органическим инструментом (рог благородного оленя, 309,2×53×49,2 мм, 513 г) в ударной технике. В результате расщепления было получено четыре изделия и четыре группы снятий, маркирующих бифасиальную технологию – сколов вторичного утончения (n=246), соответствующих определённому типу породы и инструменту (табл. 1). Таким образом, оценка морфометрических характеристик отходов производства тонких бифасов, как и их специфичности, в рамках настоящей работы базировалась на исследовании сколов, снятых исключительно в рамках циклов вторичного утончения. Число циклов в процессе утилизации одной отдельности могло достигать до трёх на наиболее высококачественном эластичном вулканогенном сырье при применении мягкого органического отбойника (табл. 1, отдельность СГ-47, туф, общее кол-во дебитажа – 1 061 экз.) [Белоусова и др. 2022: рис. 9].

В случае применения минерального отбойника утончение протекало ожидаемо менее эффективно – из-за образования заломов, формирования более глубоких и коротких негативов и, соответственно, более рельефной поверхности фасов изделий. Массивность конечных форм варьирует соответственно в зависимости от типа отбойника и свойств сырья (табл. 1, рис. 3–5) – от 1,8 (ми-

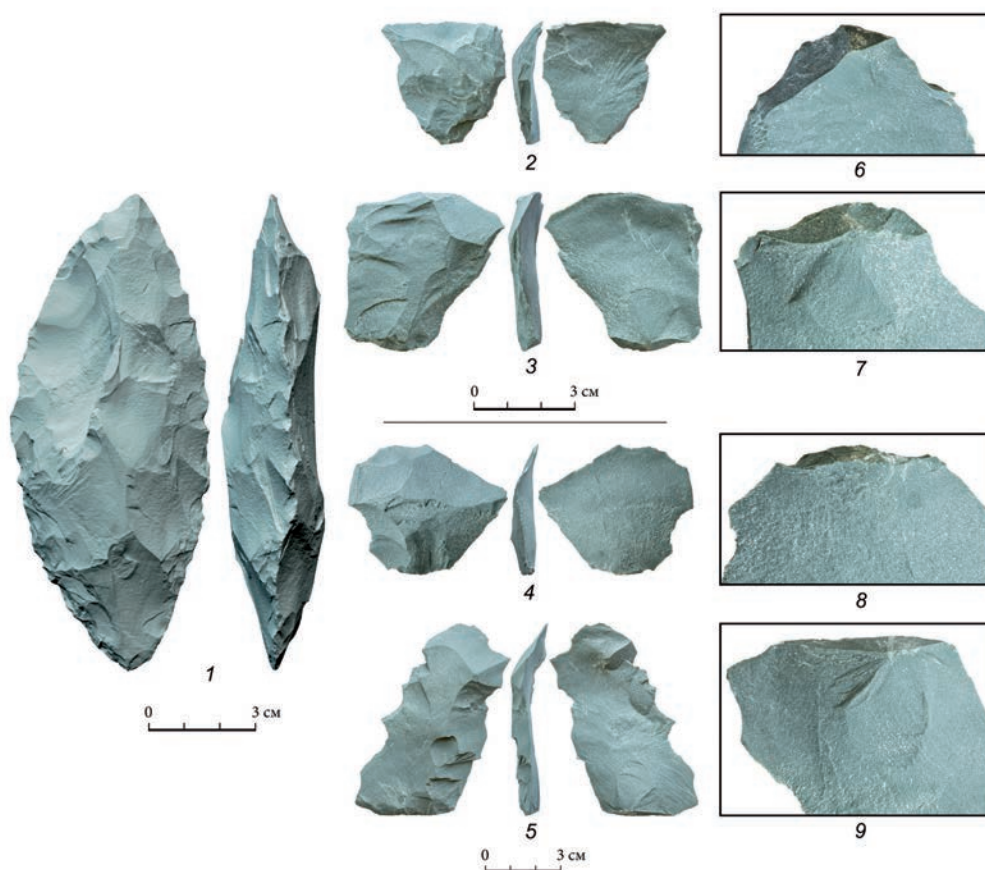

Рис. 1. Бифас (3D-модель) и сколы вторичного утончения, выполненные в рамках эксперимента на осадочном сырье (алевролит) минеральным отбойником
1-сур. Бифас (3D-модель) және минералды соққышпен шөгінді шикізатта (алевролит) эксперимент аясында жасалған екінші қайтара жұқарту жарықшақтары
Fig. 1. Biface (3D model) and flakes of secondary thinning, made as a result of an experiment with sedimentary raw materials (siltstone) with a mineral hammer

неральный) до 2,9 (органический) для осадочных пород, и от 3,6 (минеральный) до 4,3 (органический) для вулканогенных. Толщина орудий соответствует данной закономерности – она минимальна (10,6 мм) для сочетания вулканогенной породы и органического отбойника, максимальна для осадочной породы и минерального отбойника (23,2 мм). Результаты более широких экспериментов, опубликованных ранее [Белюсова и др. 2022], демонстрируют аналогичные тенденции и указывают на возможность относительно более эффективного утончения вулканогенных пород ударом минерального отбойника (индекс уплотненности до 3,8 при толщине 13,5 мм для экспериментальных изделий) по сравнению с осадочной породой.

Для оценки специфики «поведения» каменного сырья алтайского региона в сравнении с широко изученным кремневым сырьём к анализу привлекалась также коллекция утончающих снятий (рис. 5; табл. 1, СГ-1), полученных из отдельности волжского карбонового кремня посредством того же органического отбойника. В сравнительные исследования также были вовлечены идентифици-

Таблица 1 – Состав и характеристика отдельных групп отходов производства, полученных при
оформлении листовидных бифасов минеральным и розовым отбойником на сырье разного типа
(осадочные и вулканогенные породы алтайского региона, волжский кремне)

1-кесте – Әртүрлі тип шикізатында (алтай аймағының шөгінді және жанартаутекті таужынысы,
еділ шақпақтасы) минералды және мүйіз соққышпен жапырақ тәрізді бифастарды өңдеу кезінде
алынған өндіріс қалдықтарының жекелеген топтарының құрамы мен сипаттамасы

Table 1 – Composition and characteristics of individual groups of production debris obtained during leaf-shaped
bifaces' formation from various raw materials (sedimentary and volcanic rocks of the Altai region, Volga
flint) using mineral and antler hammers

№	Тип сырья, тип основы (вес. г)	Тип и № отбой- ника	Результат: тип, вес, размеры, индекс массивности	Сколы вторичного утончения группы (экз.)	Индекс удлинен- ности цельх сколов (Д/Ш)	Индекс уплощен- ности/мас- сивности № 1 цельх сколов (Д/Т)	Индекс уплощен- ности/мас- сивности № 2 цельх сколов (Ш/Т)	Толщина (Т) цельх сколов (мм)	Ширина (Ш) остаточных ударных площадок (мм)	Глубина остаточных ударных площадок (мм)	Удель- ный вес сколов с изгибом профиля	Удельный вес сколов с вентраль- ным карнизом и изъёмом
1	Осадочное, алевролит; СТ-63, скол первичный (н/д)	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1		минеральный № 1	Листовидный бифас, 95 г; 92,6×42,5×23,2; 1,8	74 экз., из них 63 – цельные (18 экз. >3 см, 22 экз. – от 2 до 3 см, 23 экз. – от 1 до 2 см), 1 – проксимальный фрагмент, 1 – проксимально- медиальный, 5 дистальных, 4 фрагментированы продольно	укорочен- ные (41,3%), короткие (52,4%)	от 1,6 до 13,9 (ср. знач. = 7,1)	от 2,2 до 13,3 (ср. знач. = 7,2)	от 1,2 до 11,1 (ср. знач. = 3,5)	от 3,8 до 26,6 (ср. знач. = 12,2); для сколов >3 см – от 9,6 до 26,6 (ср. знач. = 16,8), для сколов от 2 до 3 см – от 1,3 до 17,7 (ср. знач. = 11,6), для сколов от 1 до 2 см – от 3,8 до 14,7 (ср. знач. = 8,8)	от 1,1 до 12,9 (ср. знач. = 3,5); для сколов >3 см – от 2,3 до 12,9 (ср. знач. = 5,1), для сколов от 2 до 3 см – от 1,3 до 5,5 (ср. знач. = 3,3), для сколов от 1 до 2 см – от 1,1 до 4,1 (ср. знач. = 2,4)	56,0%	20,6% с вентральным карнизом, 14,3% с изъёмом
2	Вулканоген- ное, игнимбит; СТ-37, скол (555 г)	минеральный № 2	Листовидный бифас, 267 г; 101,6×54,9×15,2; 3,6	50 экз., из них 47 – цельные (23 экз. >3 см, 14 экз. – от 2 до 3 см, 10 – от 1 до 2 см), 1 – медиальный фрагмент, 1 – медиально- дистальный, 1 – дистальный	укорочен- ные (66%), короткие (25,5%)	от 1 до 8,2 (ср. знач. = 4,2)	от 2,3 до 12 (ср. знач. = 5,5)	от 2,4 до 14,6 (ср. знач. = 6,0)	от 5,1 до 49,7 (ср. знач. = 20,4) >3 см – от 13,1 до 49,7 (ср. знач. = 26,7), для сколов от 2 до 3 см – от 5,1 до 26,5 (ср. знач. = 16,1), для сколов от 1 до 2 см – от 10,3 до 18,7 (ср. знач. = 14,3)	от 0,7 до 16,2 (ср. знач. = 6,3); для сколов >3 см – от 1,3 до 12,1 (ср. знач. = 7,0), для сколов от 2 до 3 см – от 0,7 до 8,7 (ср. знач. = 5,6), для сколов от 1 до 2 см – от 1,1 до 4,1 (ср. знач. = 2,4)	38,0%	12,7% с вентральным карнизом, 2,1% с изъёмом

Окончание таблицы 1
1-кестінің соңы
End of table 1

2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Осадочное алевролит; СТ-21, скол первичный (349 г)	органический № 3	Листовидный бифас, 117 г; 139,5×48,9×16,6; 2,9	49 экз., из них 36 – целые (32 экз., >3 см, 4 экз. – от 2 до 3 см), 2 – проксимально- медиальные, 1 – проксимально- медиальные, 2 – медиально- дистальные, 2 – дистальные	укорочен- ные (22,2%), короткие (61,1%)	от 0,8 до 17,1 (ср. знач. = 8,3)	от 0,8 до 15 (ср. знач. = 7,6)	от 2,3 до 19,6 (ср. знач. = 6,0)	от 4,6 до 32,4 (ср. знач. = 15,3) для сколов >3 см – от 5,4 до 32,4 (ср. знач. = 16,8), для сколов от 2 до 3 см – от 10,5 до 17,1 (ср. знач. = 12,8)	от 1,4 до 11,5 (ср. знач. = 3,8); для сколов >3 см – от 1,4 до 11,5 (ср. знач. = 3,9), для сколов от 2 до 3 см – от 2,2 до 5,3 (ср. знач. = 3,2)	63,6%	5,1% с вентральным карнизом, 20,1% с изъёмом
Вулканоген оелуф; СТ-47, скол (567 г)	органический № 3	Листовидный бифас, 94 г; 156,7×45,6×10,6; 4,3	73 экз., из них 55 – целые (23 экз., >3 см, 6 экз. – от 2 до 3 см, 5 экз. – от 1 до 2 см), 3 – проксимально- медиальные фрагменты, 2 – медиальные, 4 – медиально- дистальные, 8 – дистальные, 1 – фрагментирован продольно	укорочен- ные (38,2%), короткие (47,3%)	от 3,7 до 22,6 (ср. знач. = 10,5)	от 5,3 до 22,6 (ср. знач. = 10,1)	от 1 до 7,4 (ср. знач. = 3,4)	от 2,3 до 29,9 (ср. знач. = 9,9); для сколов >3 см – от 2,3 до 29,9 (ср. знач. = 10,4), для сколов от 2 до 3 см – от 6,5 до 11,2 (ср. знач. = 8,8), для сколов от 1 до 2 см – от 5,2 до 13,6 (ср. знач. = 7,7)	от 0,8 до 6,4 (ср. знач. = 2,4); для сколов >3 см – от 0,8 до 6,4 (ср. знач. = 2,5), для сколов от 2 до 3 см – от 1,4 до 4,2 (ср. знач. = 2,2), для сколов от 1 до 2 см – от 1,1 до 3,8 (ср. знач. = 2,0)	57,5%	29,1% с вентральным карнизом, 36,4% с изъёмом
Кремень, уплощенная отдельность С Г-1 (н/л)	органический № 3	Листовидный бифас, н/д	69 экз., из них 59 – целые (33 экз., >3 см, 16 экз. – от 2 до 3 см, 10 экз. – от 1 до 2 см), 2 проксимально- медиальных фрагмента, 5 – медиально- дистальные, 3 – дистальные	укорочен- ные (35,6%), короткие (44,1%)	от 2,5 до 23,4 (ср. знач. = 9,8)	от 2,7 до 20,2 (ср. знач. = 8,2)	от 0,5 до 13,2 (ср. знач. = 3,8)	от 0,9 до 40,8 (ср. знач. = 11,6); для сколов >3 см – от 4,3 до 40,8 (ср. знач. = 13,7), для сколов от 2 до 3 см – от 3,7 до 25,9 (ср. знач. = 11,8), для сколов от 1 до 2 см – от 0,9 до 13,1 (ср. знач. = 5,5)	от 0,3 до 18,2 (ср. знач. = 3,7); для сколов >3 см – от 0,8 до 18,2 (ср. знач. = 4,5), для сколов от 2 до 3 см – от 1 до 9,4 (ср. знач. = 3,7), для сколов от 1 до 2 см – от 0,3 до 4,9 (ср. знач. = 1,6)	72,9%	44,1% с вентральным карнизом, 37,3% с изъёмом

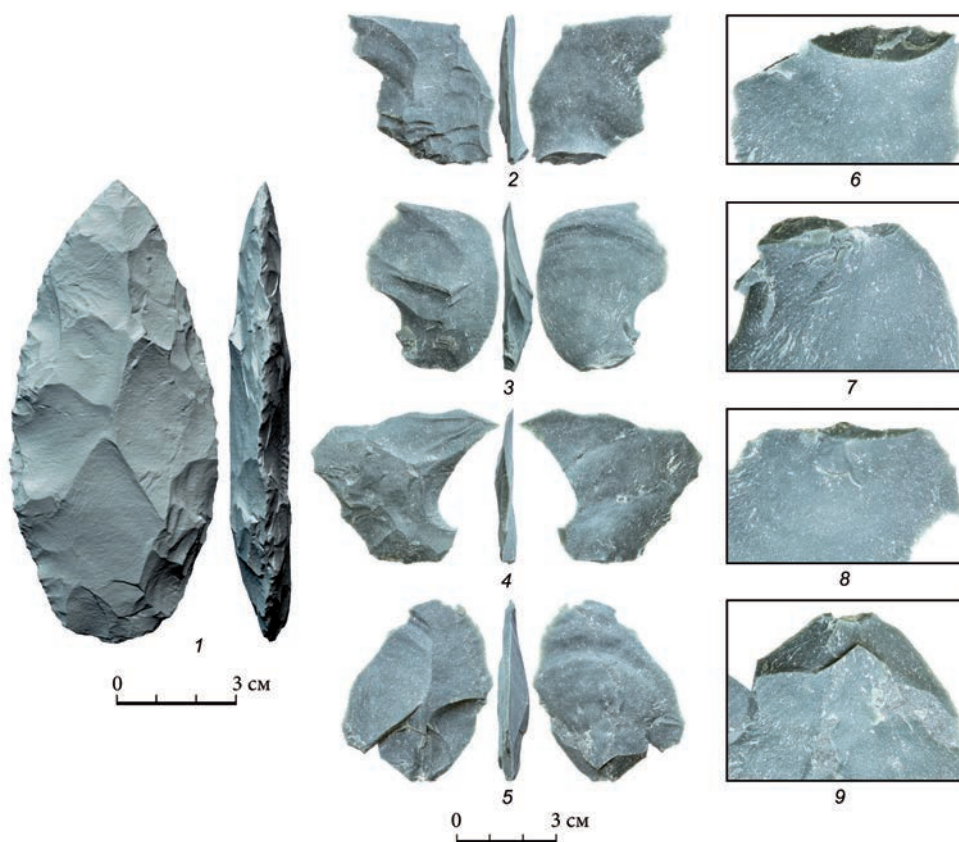

Рис. 2. Бифас (3D-модель) и сколы вторичного утончения, выполненные в рамках эксперимента на вулканогенном сырье (игнимбрите) минеральным отбойником

2-сур. Бифас (3D-модель) және минералды соққышпен жанартаутекті шикізатта (игнимбрите) эксперимент аясында жасалған екінші қайтара жұқарту жарықшақтары

Fig. 2. Biface (3D model) and flakes of secondary thinning, made as a result of an experiment with volcanogenic raw materials (ignimbrite) with a mineral hammer

рованные благодаря комплексу выразительных признаков [Whittaker 1994; Гирия 1997] сколы оформления бифасов с археологических стоянок верхнего палеолита Центрального и Северо-Западного Алтая (рис. 6): Усть-Каракол-1 (n=11), Кара-Бом (n=4), Денисова пещера (n=4), Ануй-3 (n=3), Ануй-2 (n=1) и Тюмечин-4 (n=1). Эти отходы производства представлены целыми экземплярами (n=11) и фрагментами: базально-медиальными (n=5), медиально-дистальными (n=4), медиальными (n=2) и дистальными (n=2); выполнены из тонкозернистых однородных и эластичных отдельностей, таких как туфы, ороговикованные алевролиты, яшмоиды, афировые эффузивы. Часть мелких сколов оформления двусторонне обработанных орудий и их фрагментов была выявлена в материалах стоянок Усть-Каракол-1 и Ануй-3 благодаря пространственному расположению в технологических скоплениях и сортировке коллекций на основе метода сырьевых единиц [Белюсова и др. 2018]. Сравнительное исследование экспериментальных и археологических данных было в значительной степени ограничено небольшими размерами археологической выборки, тем не менее оно позволяет оценить правомерность отнесения артефактов к побочным продуктам утончения бифасов.

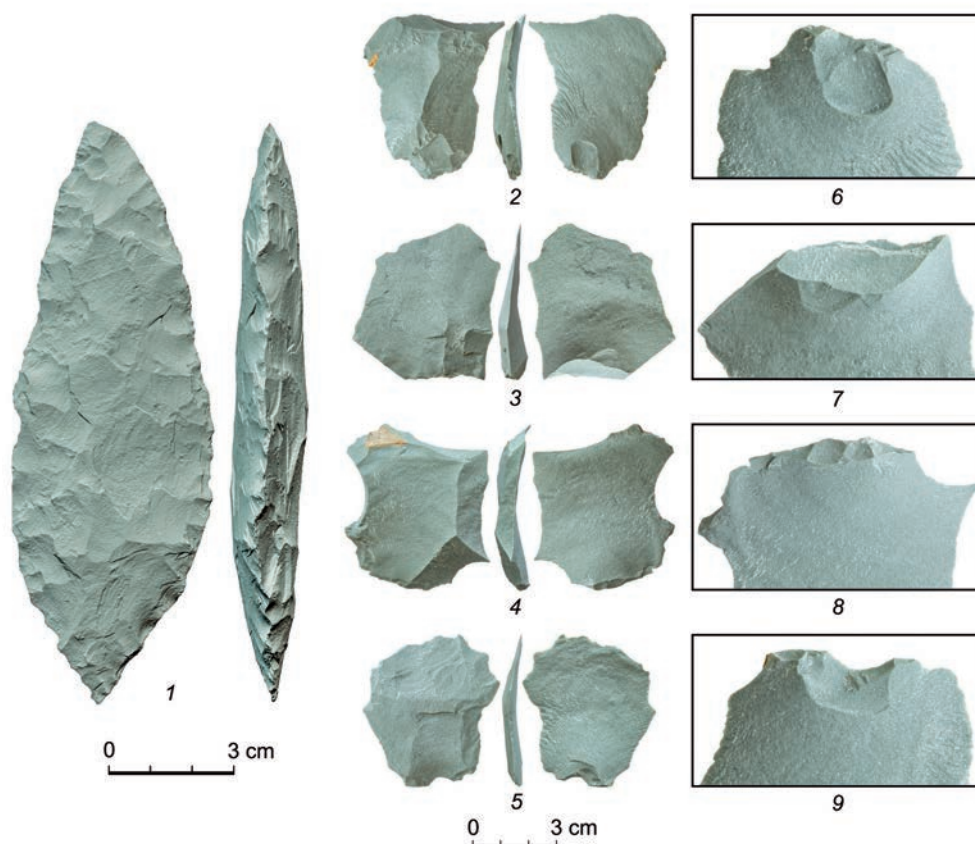

Рис. 3. Бифас (3D-модель) и сколы вторичного утончения, выполненные в рамках эксперимента на осадочном сырье (алевролит) органическим отбойником

3-сур. Бифас (3D-модель) және органикалық соққышпен шөгінді шикізатта (алевролит) эксперимент аясында жасалған екінші қайтара жұқарту жарықшақтары

Fig. 3. Biface (3D model) and flakes of secondary thinning, made as a result of an experiment with sedimentary raw materials (siltstone) with an organic hammer

Исследование экспериментальных и археологических сколов опиралось на метод атрибутивного описания и анализа. Для визуализации результатов измерений (индексы удлинённости и уплощённости, значения толщины целых сколов в максимальном измерении) посредством показателей положения использовался метод описательной статистики. Диаграммы размаха, иллюстрирующие максимальные и минимальные метрические показатели, верхние и нижние квартили, а также медианы выборок были подготовлены в компьютерной программе PAST [Hammer et al. 2001].

3 Результаты исследования (Михиенко В.А., Белоусова Н.Е.)

Общая морфология сколов. Большинство экспериментальных сколов вторичного утончения, вне зависимости от сырья и применяемого отбойника имеет многоугольную или подтрапециевидную форму с выраженной тенденцией к дивергентному расхождению продольных краёв в проксимальной части. Среди сколов доминируют бипродольные (46%), продольные (25%) и ра-

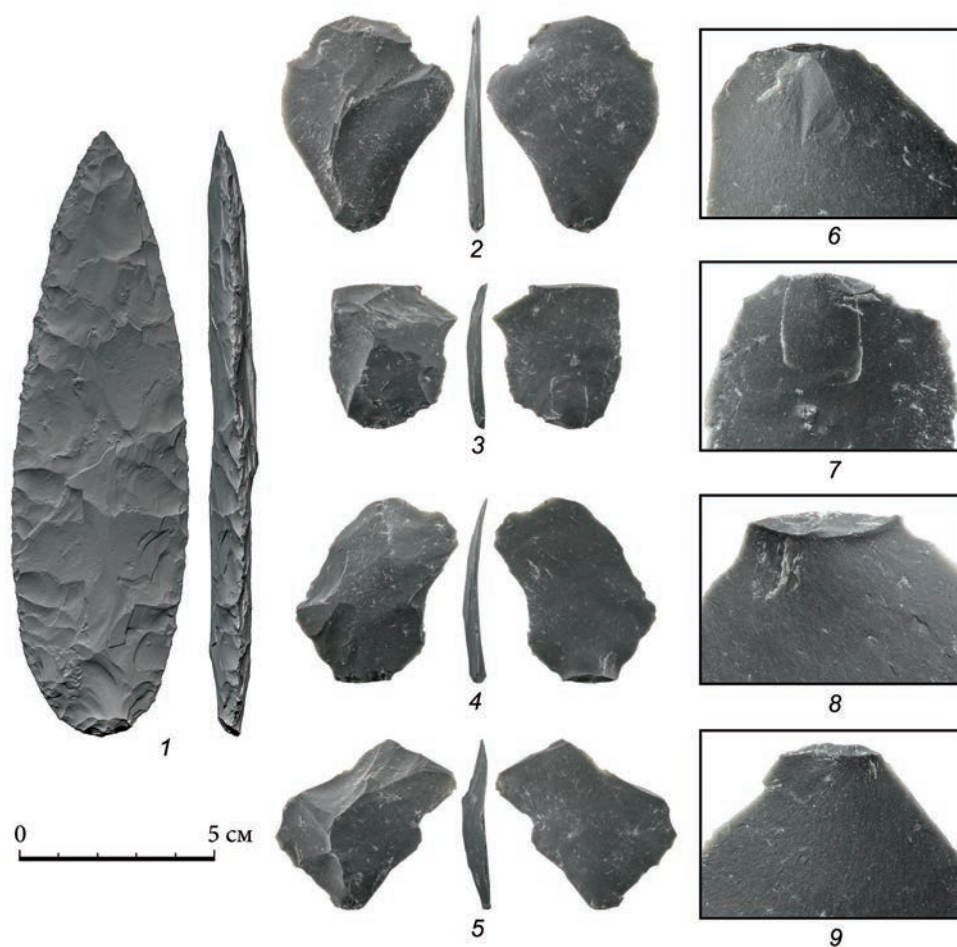

Рис. 4. Бифас (3D-модель) и сколы вторичного утончения, выполненные в рамках эксперимента на вулканогенном сырье (туф) органическим отбойником

4-сур. Бифас (3D-модель) және органикалық соққышпен жанартаутекті шикізатта (туф) эксперимент аясында жасалған екінші қайтара жұқарту жарықшақтары

Fig. 4. Biface (3D model) and flakes of secondary thinning, made as a result of an experiment with volcanogenic raw materials (tuff) with an organic hammer

диальные (14%) огранки дорсальной поверхности, что лучше всего диагностируется на снятиях крупнее 20 мм. Сколы несут следы предыдущих уплощающих снятий (рис. 1–5), при этом рельеф дорсальной поверхности более выражен на осадочных породах и при использовании минерального отбойника (рис. 1). Сколы утончения менее 20 мм в максимальном измерении неотличимы по морфологии от дебитажа другого происхождения. В археологических коллекциях идентификация подобных отходов производства возможна только в случае обнаружения технологических скоплений или применения метода сырьевых единиц. Дистальные окончания сколов преимущественно перьевидные (от 48% до 65%) и петлевидные (от 6% до 18%), ныряющие окончания представлены лишь в группе сколов из осадочного сырья, полученных рогом (16%). Доля ступенчатых окончаний не превышает 2%.

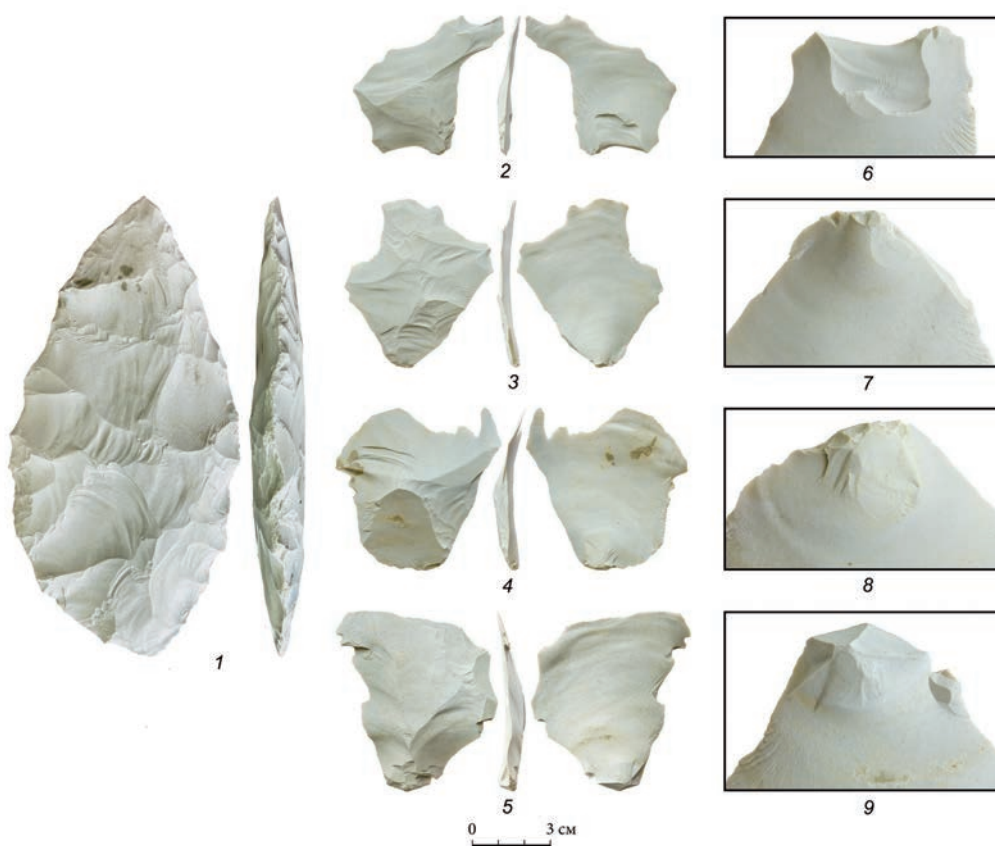

Рис. 5. Бифас и сколы вторичного утончения, выполненные в рамках эксперимента на кремневом сырье органическим отбойником

5-сур. Бифас және органикалық соққышпен шақпақтас шикізатта эксперимент аясында жасалған екінші қайтара жұқарту жарықшақтары

Fig. 5. Biface and flakes of secondary thinning, made as a result of an experiment with flint raw materials with an organic hammer

Археологические сколы утончения также имеют многогранную или трапецевидную форму с тенденцией к дивергентному расширению краёв от остаточной ударной площадки (рис. 6–7). Встречная и радиальная огранки преобладают, все дистальные окончания подобных отщепов имеют перьевидный профиль.

Размеры и пропорции сколов. Целые сколы вторичного утончения экспериментальной коллекции, вне зависимости от отбойника, имеют преимущественно укороченные ($D/Ш$ от 1,5 до 2) или короткие ($D/Ш < 1,5$) пропорции (табл. 1). Максимальное содержание коротких отщепов зафиксировано в группе снятий, полученных рогом или камнем на осадочном сырье, что полностью соответствует наблюдаемой низкой предрасположенности данного типа сырья к утончению – реализации удлиненных сколов, пересекающих центральную ось изделия. Все удлиненные экземпляры эталонов соответствуют роговому отбойнику вне зависимости от типа расщепляемого сырья. Если рассматривать показатели массивности/уплощенности, то они также довольно выразительно иллю-

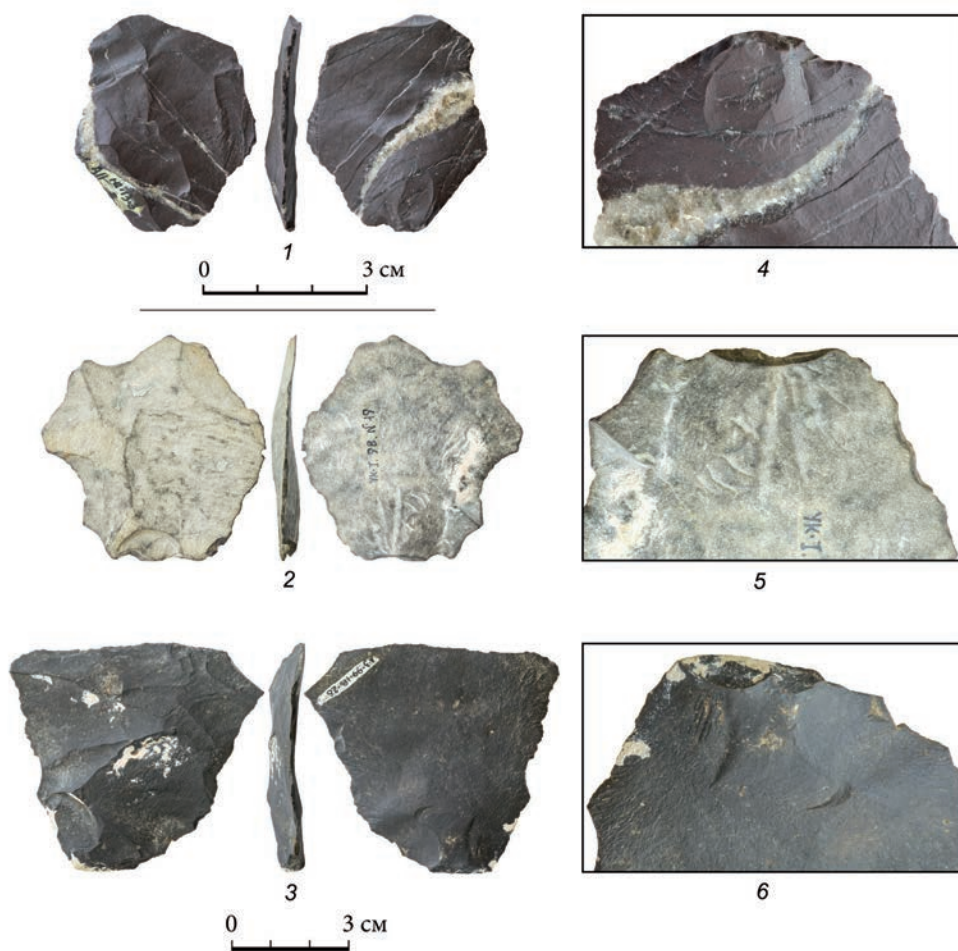

Рис. 6. Сколы вторичного утончения бифасов со стоянок верхнего палеолита Северо-Западного Алтая: 1, 4 – Ануй-2, материал – высококремнистая порода, яшмоид; 2, 5 – Усть-Каракол-1, раскоп 2, материал – ороговикованный алевролит; 3, 6 – Ануй-3, материал – ороговикованный алевролит
6-сур. Солтүстік-Батыс Алтай жоғарғы палеолит тұрақтарынан алынған бифастарды екінші қайтара жұқарту жарықшақтары: 1, 4 – Ануй-2, материал – жоғарғы шақпақтасты тау жынысы, яшмоид; 2, 5 – Усть-Каракол-1, қазба 2, материал – мүйізтасты алевролит; 3, 6 – Ануй-3, материал – мүйізтасты алевролит
Fig. 6. Flakes of secondary thinning of bifaces from the Upper Paleolithic sites of the Northwestern Altai: 1, 4 – Anui-2, raw material – high-siliceous rock, jasperoid; 2, 5 – Ust-Karakol-1, excavation area 2, raw material – hornfelsed siltstone; 3, 6 – Anui-3, raw material – hornfelsed siltstone

стрируют большую эффективность утончения изделий из тонких пород типа туфа и кремня роговым отбойником, а также осадочной породы тем же инструментом (табл. 1). Таким образом, можно предполагать, что в большей степени на уплощённость сколов оказывает влияние применяемый в работе отбойник, нежели расщепляемый материал. Показатель размаха *толщины сколов* (рис. 8, 2) также отражает особенности удаления объёма с бифасов в процессе каждого шага утончения и демонстрирует те же тенденции, но уже в абсолютных значениях – наиболее тонкие и стандартизированные по толщине снятия были получены рогом на сырье вулканогенного происхождения и

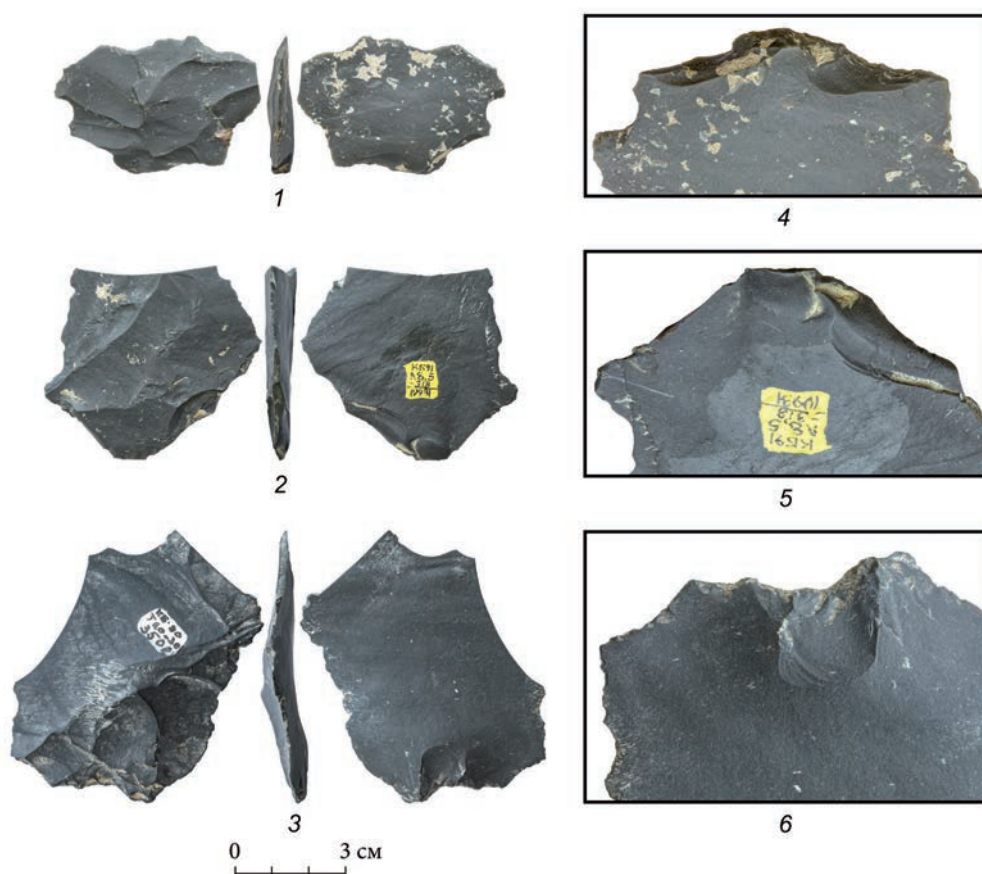

Рис. 7. Сколы вторичного утончения бифасов со стоянки Кара-Бом в Центральном Алтае (материал – туф)
7-сур. Орталық Алтайдағы Кара-Бом тұрағынан алынған бифастарды екінші қайтара жұқарту
жарықшақтары (материал – туф)

Fig. 7. Flakes of secondary thinning of bifaces from the Kara-Bom site at the Northwestern Altai
(raw material – tuff)

кремне. В целом стоит отметить, что по своим размерам и пропорциям сколы из волжского кремня и местного туфа, полученные рогом, демонстрируют максимальное соответствие. Археологические материалы по своим метрическим показателям и пропорциям находят больше всего сходств именно с этими группами экспериментальных эталонов (рис. 8).

Остаточные ударные площадки и их размеры. Остаточные ударные площадки экспериментальных эталонов, как правило, скошены, имеют прямой (задан сколом или мелким фасетированием) или двугранный рельеф поверхности (рис. 1–5), линзовидную (максимально для сочетания рогового отбойника и туфа, 35%), дугообразную (от 8 до 20% в каждой из групп) или подтрапцевидную форму (в основном для сочетания минерального отбойника и игнимбрита, 26%), в каждом сочетании редки линейные (10%), треугольные (до 8%) и точечные площадки (до 2%). Доля неопределимых всегда достаточно велика (от 20% до 60%), при этом максимальна для комбинации осадочной породы и рогового отбойника. Пропорции остаточных ударных площадок в среднем ожидаемо более стандартизированы и миниатюрны на сколах, полученных рогом (табл. 1), в большей степени

варьируют по размерности для сочетания каменного отбойника и вулканического сырья (здесь отмечается сложное течение процесса утончения из-за особенностей сырья) и в целом применения твердого отбойника.

В группе археологических сколов преобладают миниатюрные линзовидные или дугообразные остаточные ударные площадки, скошенные от фронта ($n=10$) или прямые ($n=2$). В проксимальной части наиболее выразительных экземпляров, как и на сколах-эталонах, фиксируются следы подправки зоны расщепления посредством тонкого редуцирования карниза (рис. 6, 3, 6).

Изгиб профиля. Данная характеристика является в целом преобладающей в группе экспериментальных сколов вторичного утончения (от 56% до 72,9%). В большей степени формирование отщепов с изгибом профиля характерно для кремневого и осадочного сырья, в наименьшей – для вулканического сырья (38%) (табл. 1). При этом общий легкий изгиб сколов из кремня или тонкой вулканической породы (рис. 4–5) отличается от выраженного дистального или дистально-медиального изгиба снятий из осадочных пород (рис. 1), что может указывать на определяющее значение характеристик исходного сырья при формировании признака.

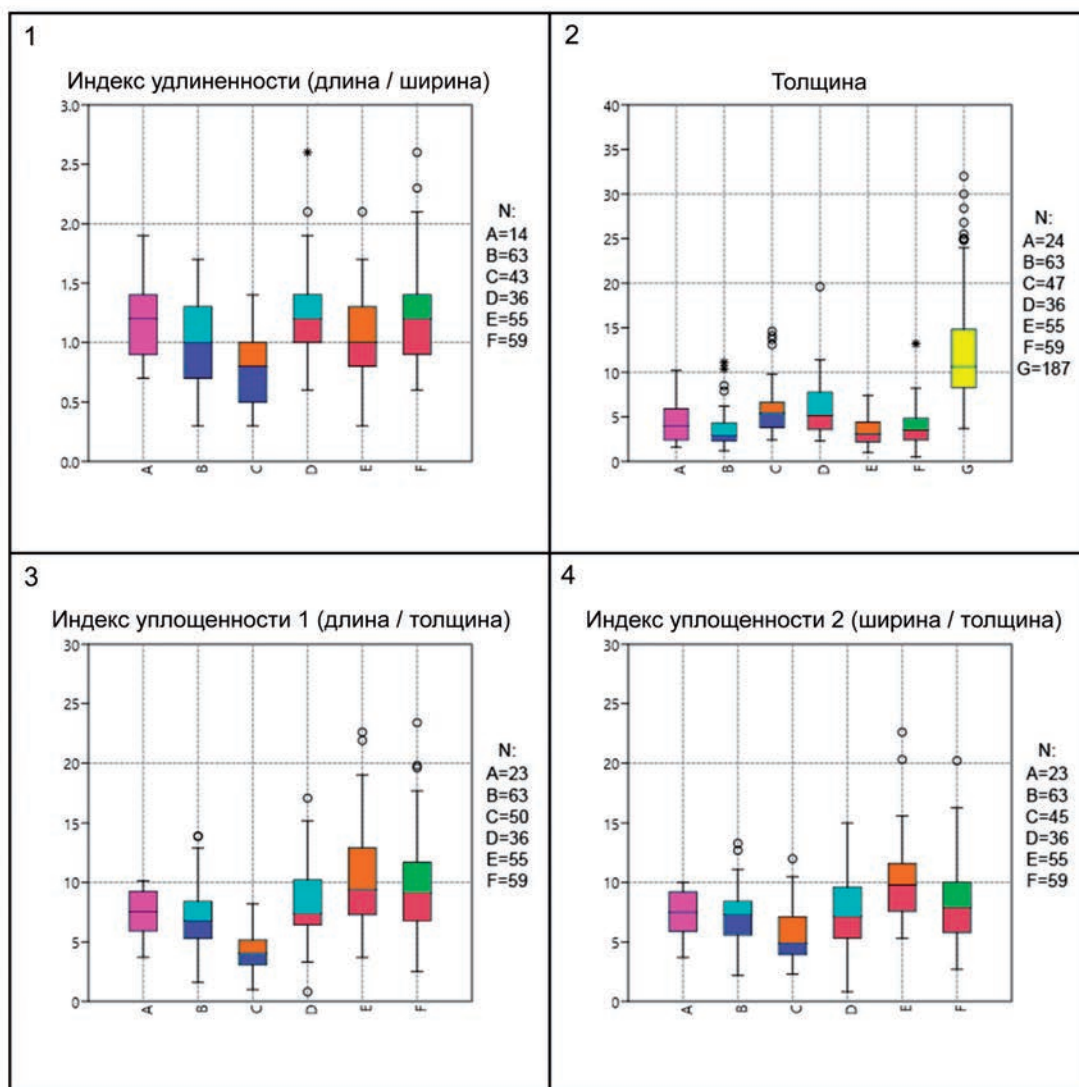
Для археологических сколов утончения, выполненных, как правило, из однородных, тонкозернистых и относительно эластичных пород, чаще всего характерен общий слабый изгиб ($n=16$, рис. 6–7), редко – прямой профиль ($n=2$).

Вентральный карниз, ударный бугорок и изъянец. Вентральный карниз зафиксирован с той или иной частотой на сколах разных групп эталонов, но никогда в них не превалирует: в нашей коллекции выражен преимущественно на отщепах, изготовленных рогом из тонких пород – кремня и туфа (44,1% и 29,1%); реже всего формировался при расщеплении осадочной породы органическим отбойником (5,1%). Прямой взаимосвязи инструментария и формообразования по данному признаку не зафиксировано: применение рога на вулканическом сырье приводит к формированию карниза чаще, чем при использовании минерального отбойника, показатели на осадочном сырье демонстрируют обратную тенденцию (табл. 1). *Форма ударного бугорка* ожидаемо более выражена при использовании минерального отбойника для осадочной породы, в этом же случае из-за вязкости материала и массивности самого скола реже формируется изъянец, реже происходит фрагментация площадки или выкрашивание ударного бугорка. Сколы из таких «колких» пород типа кремня и туфа, в целом более тонкие и уплощенные (рис. 7, 2–4), напротив, подвержены подобным изменениям. *Изъянцы* фиксируются на сколах всех групп, однако частота их встречаемости значительно варьирует. Они одинаково характерны для отщепов из кремня (37,3%) и туфа (36,4%), снятых роговым отбойником,

Рис. 8. Метрические параметры и особенности пропорций сколов вторичного утончения из экспериментальной и археологической коллекций: 1 – диаграмма размаха для показателя индекса удлиненности; 2 – диаграмма размаха для значения толщины; 3 – диаграмма размаха для показателя индекса уплощённости 1 (длина/толщина); 4 – диаграмма размаха для показателя индекса уплощённости 2 (ширина/толщина)

8-сур. Эксперименталды және археологиялық коллекциялардан алынған екінші қайтара жұқарту жарықшақтарының метрикалық көрсеткіштері және пропорция ерекшеліктері: 1 – ұзарту индексінің көрсеткіші үшін жолақтық диаграмма; 2 – қалыңдық көрсеткіштері үшін жолақтық диаграмма; 3 – жалпақтық индексінің көрсеткіші үшін жолақтық диаграмма 1 (ұзындығы/қалыңдығы); 4 – жалпақтық индексінің көрсеткіші үшін жолақтық диаграмма 2 (ені/қалыңдығы)

Fig. 8. Metric parameters and features of the proportions of secondary thinning chips from the experimental and archaeological collections: 1 – box-and-whiskers diagram for the elongation index; 2 – box-and-whiskers diagram for the thickness value; 3 – box-and-whiskers diagram for flatness index 1 (length/thickness); 4 – box-and-whiskers diagram for flatness index 2 (width/thickness)

- сколы утончения бифасов из археологических коллекций*
- сколы утончения бифасов на осадочном сырье
- сколы утончения бифасов на сырье вулканогенного происхождения
- сколы утончения бифасов на кремневом сырье
- каменный отбойник
- роговой отбойник
- отщепы гор. ВП2 стоянки Кара-Бом

*данные приведены на основе метрических показателей без учета используемого сырья

в меньшей степени – для сочетания алевролита и рога (20,1%), алевролита и минерального (14,3%), игнимбрита и минерального (2,1%) (табл. 1). В единичных случаях в результате удара отбойником в проксимальной зоне реализованного скола возникали довольно специфические следы – вместе с выкрашиванием ударной площадки происходило формирование единого язычкового негатива в области ударного бугорка (рис. 3, 9; 5, 6). На настоящий момент для данного признака не прослеживается отчётливой связи с конкретным типом сырья или инструмента.

В свою очередь, большая часть артефактов имеет слабо выраженный или не выраженный ударный бугорок, сколы с целыми остаточными ударными площадками зачастую имеют вентральный карниз ($n=11$, 91,7%), на единичных отщепах фиксируется формирование изъянца ($n=3$, 18,8%, рис. 6, 4) и/или частичное выкрашивание площадки (рис. 7, 6).

4 Обсуждение и заключение (Михиенко В.А., Белоусова Н.Е., Родионов А.М., Федорченко А.Ю.)

Таким образом, согласно результатам исследования, для сколов вторичного утончения проанализированной экспериментальной коллекции в большей степени характерны следующие признаки: короткие или укороченные пропорции, многоугольная или подтрапециевидная форма с тенденцией к дивергентному расширению краёв от остаточной ударной площадки, следы непараллельных продольных и встречных, а также радиальных уплощающих снятий на дорсальной поверхности, относительно тонкий изогнутый продольный профиль, скошенная прямая или двугранная остаточная ударная площадка линзовидной или дугообразной формы, зачастую подвергавшаяся фрагментации в результате ударного импульса, мелкие остаточные негативы подготовки карниза и изолирования точки удара в приплощадочной зоне. Для эталонов всех групп характерно формирование вентрального карниза и изъянца, однако удельный вес таких образцов значительно варьирует. В единичных случаях в проксимальной зоне реализованного скола возникали довольно специфические следы – язычковый негатив в области ударного бугорка и удалённой площадки.

Такие параметры как размер и пропорции скола (толщина, длина, уплощённость, удлинённость) и остаточных ударных площадок, форма продольного профиля и дистального окончания, рельеф и форма ударного бугорка, наличие изъянца, общая стандартизация ожидаемо варьируют в соответствии с характером расщепляемого материала и применяемой техникой скола. Соответственно, диагностической в нашем случае может служить только комбинация признаков. Экспериментальные эталоны сколов иллюстрируют большую предрасположенность к утончению у заготовок бифасов из тонкозернистых и «колких» вулканических пород типа туфа, отдельностей из кремня, в меньшей степени – из алевролитов. В этом отношении из всех алтайских пород к кремню максимально приближены некоторые отдельности туфов (рис. 4), широко представленные в галечнике р. Урсул. Вероятность формирования длинных и тонких снятий, наиболее эффективных при вторичном бифасиальном утончении, возрастала при использовании рогового отбойника, что отчётливо читается по морфометрии эталонов. Результаты анализа морфологии сколов утончения археологической коллекции указывают, на наш взгляд, на применение техники мягкого отбойника, однако более конкретное определение вида инструментария затруднено. Только серьёзное расширение выборок может позволить в дальнейшем специально обратиться к вопросу реконструкции техники скола.

Высокие потребительские характеристики сырья и органический отбойник делали расщепление более контролируемым и повышали стандартизацию снятий, корректировали размеры ударных

площадок и т. п. Именно в такой ситуации сколы утончения, на наш взгляд, более «узнаваемые» (с широким набором характерных признаков) в археологических коллекциях. На стоянках Алтая их обнаруживают либо в виде единичных экземпляров, не принадлежащих циклу производства известных бифасов индустрии, либо в рамках скоплений отходов изготовления конкретных двусторонних форм или отсутствующих изделий. В первом случае (Усть-Каракол-1, раскоп 2; Кара-Бом, раскопы 1 и 2; Тюмечин-4; Ануй-2) характерна низкая доля / отсутствие изделий с бифасиальной обработкой в индустрии и/или общие тенденции к деформации пространственных структур культурных отложений (в т. ч. небольшой снос материала по склону). Во втором случае (Усть-Каракол-1, раскоп 1; Ануй-3) отмечается большая роль бифасов в орудийном наборе и хорошее состояние сохранности структур. Малый удельный вес определимых и идентифицированных сколов в индустриях региона коррелирует с низким удельным весом двусторонне обработанных форм в орудийном наборе и общим небольшим количеством определимых сколов в отходах производства. На примере одной группы дебитаж из вулканогенного сырья (туф, органический отбойник) удалось посчитать, что доля «узнаваемых» целых сколов вторичного утончения бифасов довольно мала и может составлять около 2,7% от общего дебитаж. Большая часть отходов неотличима от иных категорий отходов расщепления верхнепалеолитической индустрии, если не выявлена в технологическом скоплении.

Особенности индустриального контекста двусторонне обработанных наконечников начала верхнего палеолита Алтая, в целом, благоприятны для идентификации отходов бифасиальной технологии. С одной стороны, здесь относительно широко распространены приёмы утончения и уплощения: в первичном расщеплении – это создание бифасиальных преформ нуклеусов, разнообразные приемы формирования / подправки продольных латералей или рёбер нуклеусов для пластин и мелких пластинчатых сколов, в рамках вторичной обработки – реализация т. н. подтёски вентральной зоны пластинчатых основ острий, подправка поверхностей рабочих зон массивных (высокой формы) стругов, скрёбел, скребков, уплощения долотовидных орудий и транкированно-фасетированных форм и др. [Белюсова и др. 2019а]. С другой стороны, для индустрий характерна строгая направленность на производство крупных и мелких пластинчатых заготовок, при которой отщеп – это почти всегда немногочисленный, но узнаваемый побочный результат технологического процесса – технический скол. Исследования индустрии начального верхнего палеолита стоянки Кара-Бом на одном из участков культурного горизонта ВП2 показали, что удельный вес отщепов >30 мм при нуклеарном расщеплении в рамках параллельного бипродольного метода, может составлять около 18,5%. Так, около 70% этой группы сколов относятся к этапу декортикации или имеют выраженные технологические признаки, позволяющие идентифицировать их место в операционной последовательности пластинчатого расщепления (сколы с продольной, продольной параллельной или бипродольной параллельной огранкой дорсальной поверхности, технические сколы подправки ударных площадок, формирования рёбер и т. п.). Сравнительные исследования значений толщины отщепов >30 мм данного пластинчатого комплекса с результатами анализа сколов утончения бифасов из нашей экспериментальной и археологической коллекций, указывает на их принципиальные различия по данному параметру (рис. 8, 2).

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Аникович М.В., Бредли Б.А., Гиря Е.Ю. Технологический анализ стрелецких треугольных наконечников // Археологические вести. 1998. № 5. С. 42-54.
- 2 Белоусова Н.Е. Каменные индустрии начала верхнего палеолита Горного Алтая: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2018. 25 с.

- 3 Белоусова Н.Е., Михиенко В.А., Козликин М.Б., Вишневский А.В., Шуньков М.В. Верхнепалеолитические бифасиальные наконечники Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. Т. 27. С. 51-56.
- 4 Белоусова Н.Е., Родионов А.М., Вишневский А.В., Федорченко А.Ю., Михиенко В.А., Селецкий М.В. «Тонкие» листовидные бифасы начала верхнего палеолита Алтая: технология, формообразование и каменное сырье // *Stratum plus*. 2022. № 1. С. 329-355.
- 5 Белоусова Н.Е., Рыбин Е.П., Федорченко А.Ю. Стратегии обработки каменного сырья в начале верхнего палеолита Горного Алтая (по материалам культурного горизонта ВП2 стоянки Кара-Бом) // *Stratum plus*. 2019а. № 1. С. 225-250.
- 6 Белоусова Н.Е., Рыбин Е.П., Федорченко А.Ю., Кулик Н.А. Листовидный бифас начала верхнего палеолита со стоянки Кара-Бом: технология, функция, контекст // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019б. Т. 25. С. 36-43.
- 7 Белоусова Н.Е., Федорченко А.Ю., Славинский В.С. Анализ сырьевых единиц как способ изучения структуры культурных отложений и реконструкции систем мобильности и жизнеобеспечения // *Stratum plus*. 2018. № 1. С. 125-143.
- 8 Васильев С.А., Бозински Г., Бредли Б.А., Вишняцкий Л.Б., Гиря Е.Ю., Грибченко Ю.Н., Желтова М.Н., Тихонов А.Н. Четырехязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 262 с.
- 9 Весельский А.П. Реконструкция процесса изготовления двусторонних микокских орудий // Археологический альманах. 2009. Вып. 20. С. 89-110.
- 10 Гиря Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро- и макроанализа древних орудий труда. Ч. 2. СПб.: ИИМК РАН, 1997. 198 с.
- 11 Демиденко Ю.Э. Сколы обработки орудий, как индикатор особенностей и интенсивности процессов кремнеобработки и жизнедеятельности коллективов неандертальцев на стоянках среднего палеолита в контексте вариативности индустрий крымской микокской традиции // Археологический альманах. 2003. № 13. С. 128-157.
- 12 Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П. Характер перехода от мустье к позднему палеолиту на Алтае (по материалам стоянки Кара-Бом) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 2. С. 31-52.
- 13 Деревянко А.П., Шуньков М.В., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф., Малаева Е.М., Ульянов В.А., Кулик Н.А., Постнов А.В., Анойкин А.А. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. 448 с.
- 14 Колобова К.А., Шалагина А.В., Маркин С.В., Кривошапкин А.И. Определение бифасиального компонента в среднепалеолитических комплексах (по материалам Чагырской пещеры) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2019. Т. 18. № 7. С. 98-111.
- 15 Кулик Н.А., Шуньков М.В. Источники материалов каменных украшений из палеолитических памятников Северо-Западного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. Т. 17. С. 62-66.
- 16 Харевич А.В. Бифасиальная технология в Сибирячихинском варианте среднего палеолита Горного Алтая: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2022. 31 с.
- 17 Apel J. The Social Aspects of Flint-Dagger Technology in Scandinavia 2 350–1 500 cal BC. Uppsala, 2001. 365 p.
- 18 Bataille G. Recurrent occupations of the Late Middle Palaeolithic Station Kabazi II, Unit II, Level 8 (Crimea, Ukraine). Seasonal adaption, procurement and processing of resources // *Quartär*. 2010. Vol. 57. Pp. 43-77.
- 19 Bradley A.A. Lithic reduction sequences: a glossary and discussion // *Lithic Technology: Making and Using Stone Tools*. The Hague: Mouton Publishers, 1975. Pp. 5-13.
- 20 Chabai V., Uthmeier Th. Settlement Systems in the Crimean Middle Palaeolithic // *Kabazi II: The 70 000 Years Since the Last Interglacial. The Palaeolithic Sites of Crimea*. Simferopol-Cologne: Shlyakh, 2006. Vol. 2. Pp. 297-361.

- 21 Chabai V.P., Demidenko Yu.E. The Classification of Flint Artifacts // The Middle Paleolithic of Western Crimea 1. Liège, ERAUL, 1998. № 84. Pp. 31-51.
- 22 Faivre J-Ph. Le «Moustérien à denticulés» de la couche 20 de Combe-Grenal: implications techniques, économiques et fonctionnelles au sein du système de production Quinaen Périgord // PALEO. 2009–2010. № 21. Pp. 135-162.
- 23 Hammer Ø., Harper D.A.T., Ryan P.D. PAST: Paleontological statistics software package for education and data analysis // Palaeontologia Electronica. 2001. № 1 (4). Pp. 1-9.
- 24 Kolobova K.A., Chabai V.P., Shalagina A.V., Krajcarz M.T., Krajcarz M., Rendu W., Vasiliev S.K., Markin S.V., Krivoschapkin A.I. Exploitation of the natural environment by Neanderthals from Chagyrskaya Cave (Altai) // Quartär. 2020. № 66. Pp. 7-31.
- 25 Neruda P., Nerudová Z. Technology of Early Szeletian leaf point shaping: a refitting approach // Archaeological and Anthropological Sciences. 2019. Vol. 11. Pp. 4515-4538.
- 26 Sellet F. A Dynamic View of Paleoindian Assemblages at the Hell Gap Site, Wyoming: Reconstructing Lithic Technological Systems. Unpublished PhD dissertation. Dallas: Southern Methodist University, Department of Anthropology, 1999.
- 27 Uthmeier T. Saving the stock to be prepared for the unexpected. Transformation of raw material in the Middle Paleolithic site of Kabazi II, level V/1 // Kabazi II: The 70 000 Years Since the Last Interglacial. The Palaeolithic Sites of Crimea. Simferopol-Cologne: Shlyakh, 2005. Vol. 1. Pp. 135-155.
- 28 Whittaker J.C. Flintknapping: Making and Understanding Stone Tools. Texas: University of Texas Press, 1994. 341 p.

REFERENCES

- 1 Anikovich, M. V., Bradley, B. A., Giryа, E. Yu. 1998. In: *Arkheologicheskiye vesti (Archaeological news)*, 5, 42-54 (in Russian).
- 2 Belousova, N. E. 2018. *Kamennye industrii nachala verkhnego paleolita Gornogo Altaia (Stone Industries of the Beginning of the Upper Palaeolithic of Altai Mountains)*. PhD Thesis. Novosibirsk (in Russian).
- 3 Belousova, N. E., Mikhienko, V. A., Kozlikin, M. B., Vishnevsky, A. V., Shunkov, M. V. 2021. In: *Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories*, 27. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 51-56 (in Russian).
- 4 Belousova, N. E., Rodionov, A. M., Vishnevsky, A. V., Fedorchenko, A. Yu., Mikhienko, V. A., Seletsky, M. V. 2022. In: *Stratum plus*, 1, 329-355 (in Russian).
- 5 Belousova, N. E., Rybin, E. P., Fedorchenko, A. Yu. 2019a. In: *Stratum plus*, 1, 225-250 (in Russian).
- 6 Belousova, N. E., Rybin, E. P., Fedorchenko, A. Yu., Kulik, N. A. 2019b. In: *Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories*, 25. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 36-43 (in Russian).
- 7 Belousova, N. E., Fedorchenko, A. Yu., Slavinsky, V. S. 2018. In: *Stratum plus*, 1, 125-143 (in Russian).
- 8 Vasilev, S. A., Bozinski, G., Bradley, B. A., Vishnyatsky, L. B., Giryа, E. Yu., Gribchenko, Yu. N., Zheltova, M. N., Tikhonov, A. N. 2007. *Glossary of the Palaeolithic Archaeology. Russian/English/French/German*. Saint Petersburg: "Peterburgskoe vostokovedeniye" Publ. (in Russian).
- 9 Veselsky, A. P. 2009. In: *Arkheologicheskiy almanakh (Archaeological almanac)*, 20, 89–110 (in Russian).
- 10 Giryа, E. Yu. 1998. *Tekhnologicheskiy analiz kamennykh industriy: metodika mikro-makroanaliza drevnikh orudiy truda (Technological analysis of stone industries. The method of micro-macroanalysis of ancient tools)*. Saint Petersburg: Institute for the History of material culture (in Russian).
- 11 Demidenko, Yu. E. 2003. In: *Arkheologicheskiy almanakh (Archaeological almanac)*, 13, 128-157 (in Russian).
- 12 Derevianko, A. P., Petrin, V. T., Rybin, E. P. 2000. In: *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 2, 31–52 (in Russian).
- 13 Derevianko, A. P., Shunkov, M. V., Agadzhanian, A. K., Baryshnikov, G. F., Malaeva, E. M., Ulianov, V. A., Kulik, N. A., Postnov, A. V., Anoin, A. A. 2003. *Prirodnaya sreda i chelovek v paleolite Gornogo Altaya (Natural Environment and Humans in the Palaeolithic of Altai: Habitat Conditions in the Vicinity of the Denisova Cave)*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ. (in Russian).

- 14 Kolobova, K. A., Shalagina, A. V., Markin, S. V., Krivoshapkin, A. I. 2019. In: *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, Filologiya*, 18 (7), 98-111 (in Russian).
- 15 Kulik, N. A., Shunkov, M. V. 2011. In: *Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 17, 62-66 (in Russian).
- 16 Harevich, A. V. 2022. *Bifasialnaya tekhnologiya v Sibiryachihinskom variante srednego paleolita Gornogo Altaya (Bifacial technology in the Sibiryachikha variant of the Middle Palaeolithic of Altai Mountain)*. PhD Thesis. Novosibirsk (in Russian).
- 17 Apel, J. 2001. *The Social Aspects of Flint-Dagger Technology in Scandinavia 2350–1500 cal BC*. Uppsala (in English).
- 18 Bataille, G. 2010. In: *Quartär*, 57, 43-77 (in English).
- 19 Bradley, A. A. 1975. In: *Lithic Technology: Making and Using Stone Tools*. The Hague: Mouton Publishers, 5-13 (in English).
- 20 Chabai, V., Uthmeier, Th. 2006. In: *Kabazi II: The 70000 Years Since the Last Interglacial. The Palaeolithic Sites of Crimea*. Simferopol-Cologne: Shlyakh, 2, 297-361 (in English).
- 21 Chabai, V. P., Demidenko, Yu. E. 1998. In: *The Middle Paleolithic of Western Crimea 1*. Liège: ERAUL, 84, 31-51 (in English).
- 22 Faivre, J-Ph. 2009–2010. In: *PALEO*, 21, 135–162 (in French).
- 23 Hammer, Ø., Harper, D. A. T., Ryan, P. D. 2001. In: *Palaeontologia Electronica*, 1 (4), 1-9 (in English).
- 24 Kolobova, K. A., Chabai, V. P., Shalagina, A. V., Krajcarz, M. T., Krajcarz, M., Rendu, W., Vasiliev, S. K., Markin, S. V., Krivoshapkin, A. I. 2020. In: *Quartär*, 66, 7-31 (in English).
- 25 Neruda, P., Nerudová, Z. 2019. In: *Archaeological and Anthropological Sciences*, 11, 4515–4538 (in English).
- 26 Sellet, F. 1999. *A Dynamic View of Paleoindian Assemblages at the Hell Gap Site, Wyoming: Reconstructing Lithic Technological Systems*. Unpubl. PhD dissertation. Dallas: Southern Methodist University, Department of Anthropology (in English).
- 27 Uthmeier, T. 2005. In: *Kabazi II: The 70 000 Years Since the Last Interglacial. The Palaeolithic Sites of Crimea*. Simferopol-Cologne: Shlyakh, 1, 135-155 (in English).
- 28 Whittaker, J. C. 1994. *Flintknapping: Making and Understanding Stone Tools*. Texas: University of Texas Press (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 02.05.2023.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 24.05.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 24.05.2023.

Реконструкция жилища поселения Токсанбай

©2023 г. Лошакова Т.Н., Антонов М.А.

Keywords: archaeology, Northeastern Caspian region, Toksanbai settlement, Bronze Age, dwelling, reconstruction, 3D modeling

Түйін сөздер: археология, Солтүстік-Шығыс Каспий маңы, Токсанбай қонысы, қола дәуірі, тұрғын үй, реконструкция, 3D модельдеу

Ключевые слова: археология, Северо-Восточный Прикаспий, поселение Токсанбай, эпоха бронзы, жилище, реконструкция, 3D моделирование

Tatyana Loshakova¹ and Mikhail Antonov¹*

¹Senior Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. E-mail: loshakovat@mail.ru

¹*Corresponding author, Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. E-mail: archaeology@live.ru

Reconstruction of the Toksanbai settlement dwelling

Throughout history, humans have always needed a reliable shelter against natural elements and wild animals, striving to create comfortable dwellings for themselves. The evolution of human habitation unfolded alongside the development of society, economy, and socio-economic relations. The architecture of dwellings reflects the intricate structure of natural-scientific and engineering thought. Utilizing the natural landscape and abundant building materials available in close proximity to the settlement, the ancient builders of the Toksanbai settlement erected structures that conformed to all necessary safety requirements. These constructions took into consideration the climatic characteristics of the region, as well as the economic and human resources, and technological advancements of the era. As a result of extensive research on Bronze Age settlements in the Northeastern Caspian region, remnants of structures were identified, and the study of their structural features formed the basis of this work. This article presents the reconstruction of dwelling No. 2 in the Toksanbai settlement as a result of three-dimensional modeling. The article provides an archaeological description of the reconstruction object, discusses the construction materials used, analyzes the techniques of building the dwelling, elements of the structures, the shape and size of the pit, the system of placement of post holes, and roofing techniques. To create a three-dimensional reconstruction of the dwelling, Blender software was used.

Source of funding: The work was carried out as part of the implementation of the tasks of the project of fundamental scientific research of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2023–2025, IRN BR20280993.

For citation: Loshakova, T., Antonov, M. 2023. Reconstruction of the Toksanbai settlement dwelling. *Kazakhstan Archeology*, 4 (22), 197–211. (in Russian). DOI: [10.52967/akz2023.4.22.197.211](https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.197.211)

**Татьяна Николаевна Лошакова¹,
Михаил Александрович Антонов^{1*}**

¹аға ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы
Археология институты, Алматы қ., Қазақстан

^{1*}корреспондент авторы, ғылыми қызметкер,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан

**Токсанбай қонысындағы тұрғын үйді
реконструкциялау**

Адам әрқашан табиғат құбылыстары мен жа-
байы аңдардан қорғану үшін сенімді баспанаға

**Татьяна Николаевна Лошакова¹,
Михаил Александрович Антонов^{1*}**

¹старший научный сотрудник, Институт археологии
имени А.Х. Марғұлана, г. Алматы, Казахстан

^{1*}автор-корреспондент, научный сотрудник,
Институт археологии имени А.Х. Марғұлана,
г. Алматы, Казахстан

**Реконструкция жилища
поселения Токсанбай**

Человек всегда нуждался в надёжном укрытии от
природных стихий и диких животных и стремился соз-

мұқтаж болды және өздеріне жайлы тұрғын үй жасауға тырысты. Адамның тұрғын үйі қоғамның, шаруашылықтың және әлеуметтік-экономикалық қатынастардың дамуына қарай қалыптасып, дамыды. Тұрғын үйдің архитектурасы адамның жаратылыстану және инженерлік-техникалық ойының күрделі құрылымының айнасы болады. Тоқсанбай қонысының ежелгі құрылысшылары қоныс жанындағы құрылыс материалдары мен табиғи ландшафты пайдалана отырып сол уақыттың технологиялық жетістіктерімен, жергілікті жердің климаттық ерекшелігін, экономикалық және адами ресурстарды ескеріп, барлық қауіпсіздік талаптарына сай құрылыс тұрғызды. Солтүстік-Шығыс Каспий бойының қола дәуірі қоныстарында жүргізілген көп жылдық зерттеулер нәтижесінде құрылыс қалдықтары табылды, конструктивтік ерекшеліктерін талдау осы жұмысқа арқау болды. Ұсынылып отырған мақалада Тоқсанбай қонысындағы № 2 тұрғын үйдің реконструкциясы үш өлшемді моделдеу нәтижесі ретінде берілген. Мақалада нысанның реконструкциясының археологиялық сипаттамасы беріледі, пайдаланылған құрылыс материалдары қарастырылады, тұрғын үйді тұрғызу әдістері, құрылыс элементтері, шұңқыр формасы мен өлшемі, бөлме еденіндегі тіректердің орналасу жүйесі, шатырын көтеру тәсілдері талданады. Тұрғын үйдің үш өлшемді реконструкциясын жасау үшін *Blender* бағдарламасы пайдаланылды.

Қаржыландыру көзі: Жұмыс ҚР ҰЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2025 жж. арналған іргелі ғылыми зерттеулер жобасы аясында, ЖТН BR20280993 даярланды.

Сілтеме жасау үшін: Лошакова Т.Н., Антонов М.А. Тоқсанбай қонысындағы тұрғын үйді реконструкциялау. *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 4 (22). 197–211-бб. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2023.4.22.197.211](https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.197.211)

дать для себя комфортное жильё. Жилище человека формировалось и эволюционировало по мере развития общества, хозяйства и социально-экономических отношений. Архитектура жилища является отражением сложной структуры естественно-научной и инженерно-технической мысли человека. Используя естественный ландшафт и строительный материал, в изобилии расположенный рядом с поселением, древние строители поселения Токсанбай возводили сооружения, отвечающие всем необходимым требованиям безопасности, учитывающие климатические особенности местности, экономические и человеческие ресурсы, технологические достижения того времени. В результате многолетних исследований на поселениях эпохи бронзы Северо-Восточного Прикаспия были выявлены остатки сооружений, изучение конструктивных особенностей которых и легли в основу данной работы. В настоящей статье представлена реконструкция жилища № 2 поселения Токсанбай как результат трёхмерного моделирования. В статье приводится археологическое описание объекта реконструкции, рассматриваются применявшиеся строительные материалы, анализируются приёмы возведения жилища, элементы сооружений, форма и размер котлована, система расположения столбовых ямок, приёмы возведения кровли. Для создания трёхмерной реконструкции жилища использовалось программное обеспечение Blender.

Источник финансирования: Работа выполнена в рамках проекта фундаментальных научных исследований Комитета науки МНВО РК на 2023–2025 гг., ИРН BR20280993.

Для цитирования: Лошакова Т.Н., Антонов М.А. Реконструкция жилища поселения Токсанбай. *Археология Казахстана*. 2023. № 4 (22). С. 197–211. DOI: [10.52967/akz2023.4.22.197.211](https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.197.211)

1 Введение (Лошакова Т.Н.)

Поселения эпохи бронзы Северо-Восточного Прикаспия, открытые в конце XX в. [Лошакова 2020], располагаются по краю чинка, который протянулся вдоль сора Шомиштыколь (Бейнеуский р-н, Мангистауская обл.). Территория Северо-Восточного Прикаспия, в пределах исследуемого региона, представляет собой пластовую аридно-денудационную столово-останцовую равнину, расчленённую суффозионными, солончаковыми впадинами и окаймлённую по периферии крупными чинками коренных пород. В формировании плато в различные этапы палеоген-неогенового периодов активное участие принимали морские аккумулятивные и тектонические процессы. В районе поселения Токсанбай залегает мощная толща серо-зелёных плотноватых гипсоносных глин, выше которых вскрываются бурые железистые пески с прослоями песчаников. На песках верхнего олигоцена залегают красные соленосные глины среднего миоцена [Викторов 1971]. В месте основания поселения в результате сложившейся геоморфологической ситуации к поверхности поднимаются источники пресной воды. Подземные воды являются единственным источником водоснабжения на

этой территории как в прошлом, так и в настоящем, в результате чего складывалась благоприятная обстановка для проживания человека и животных. Анализ топографии и ландшафта показывает, что при выборе места для будущего поселения людьми учитывалось несколько факторов – удобное стратегическое положение с точки зрения обороны; наличие вблизи пресноводных источников, от которых непосредственно зависела система жизнеобеспечения; возможность благоприятного занятия хозяйственно-производственной деятельностью; близость охотничьих угодий и троп промысловых животных к водопою.

Поселение Токсанбай занимает останец-оползень на склоне чинка и имеет абсолютные высоты 118 м, уклон 55–65° с перепадами высот в 43 м.

Изучению поселенческих комплексов Северо-Восточного Прикаспия (рис. 1), в том числе и поселению Токсанбай, посвящён ряд работ. Материалы отражают итоги полевых исследований, технико-технологический анализ керамического материала и орудий из кости и камня, зафиксированных на поселениях, ритуально-жертвенных комплексов [Самашев и др. 2001; 2004; 2007; Шевнина, Лошакова 2017; Лошакова 2022; Ержанова, Лошакова 2022; Лошакова, Усачук 2023].

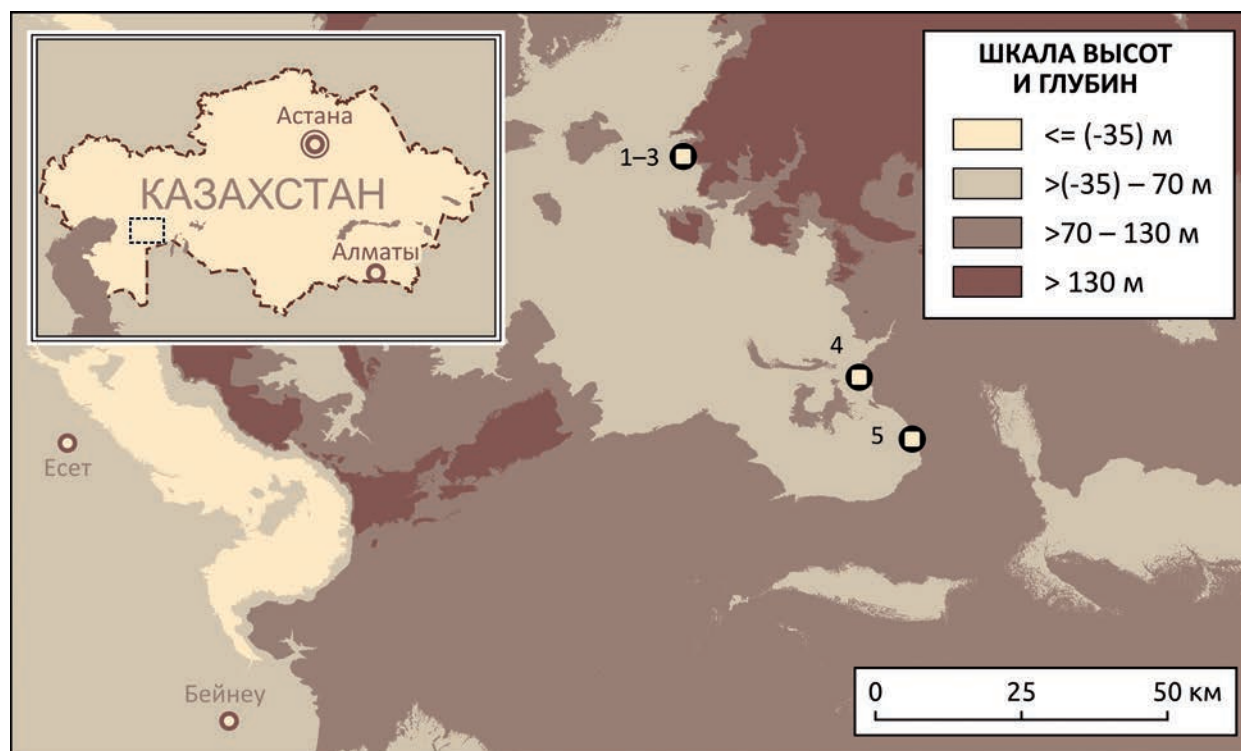

Рис. 1. Карта расположения поселений эпохи бронзы Северо-Восточного Устьурта:

1–3 – Манайсор-1–3; 4 – Токсанбай; 5 – Айтман. Исполнитель: Михаил Антонов

1-сур. Солтүстік-Шығыс Үстірттің қола дәуірі қоныстарының орналасу картасы:

1–3 – Манайсор-1–3; 4 – Тоқсанбай; 5 – Айтман. Орындаушы: Михаил Антонов

Fig. 1. Map of Bronze Age settlements in Northeast Ustyurt: 1–3 – Manaisor-1–3; 4 – Toksanbai; 5 – Aytman. Performer: Mikhail Antonov

Накопленный на сегодняшний день значительный материал предполагает возможность перехода от изучения вопросов хозяйственно-культурного развития, системы жизнеобеспечения, экономического развития населения региона к более узким, но не менее важным вопросам, например, реконструкции технологии возведения жилищ.

Вопросы реконструкции жизнедеятельности, древних технологий и производств, погребально-поминальной обрядности, жилищ и поселений, в целом, всегда вызывали живой интерес у исследователя. Список работ исследователей ближнего и дальнего зарубежья, посвященный вопросам реконструкции жилищ разных периодов и территорий, весьма обширен, приведём лишь некоторые из них [Грязнов 1965; Молодин, Глушков 1989; Черных 2008; Jean Guilaïne 2016]. Казахстанскими археологами также проводились работы по реконструкции жилищ и поселений [Оразбаев 1970; Горячев 2018; Сакенов 2018; 2020; Goryachev, Frachetti 2022].

2 Материалы и методы исследований (Лошакова Т.Н., Антонов М.А.)

Целью данной работы стала реконструкция жилища. Для решения этой задачи выбор был остановлен на жилище № 2 поселения Токсанбай, расположенном на юго-восточном склоне останца, названном исследователями «культово-ритуальным». Особый статус этому жилищу придают два жертвенника, состоящие из частей туш животных, зафиксированные один – у восточной стены помещения, другой – в каменном ящике, сооруженном с восточной стороны у ниши; специфичный набор вещевого комплекса. Предметы были размещены в особом порядке, на полу жилища, непосредственно перед совершением ритуала «оставления жилища», оно было подожжено [Самашев и др. 2007: 89–92, рис. 1–3]. Основным критерием выбора этого объекта стала хорошая сохранность большей части жилища, где чётко прослеживались архитектурно-конструктивные элементы.

2.1 Методика исследований

Жилище – один из важнейших элементов проявления адаптационного механизма человека. Анализ информативных остатков жилищ и построек различного назначения позволял исследователям производить описательные и графические реконструкции отдельных жилых и хозяйственных построек древних поселений. В настоящее время используемые компьютерные технологии, различное программное обеспечение применимы не только при реконструкции внешнего вида объекта, но и являются мощным незаменимым инструментом для формирования интерпретаций [Nenad 2017: 18]. Несмотря на большой объём информации и доступные технологии, универсальной, стандартизированной методики реконструкции жилищ на сегодняшний день не выработано. Однако технические инновации приносят новые инструменты разработки реконструктивных гипотез.

Касаясь вопросов реконструкции строений на поселениях, исследователь отталкивается от информативности исходного материала, в данном случае – остатков кладки, столбовых ямок и т. д. Кроме того, большое значение имеют природные ресурсы региона (строительный материал, ландшафт).

Перед началом работ по реконструкции жилища был собран весь архивный материал, в который вошёл пакет фотоснимков, полученный за все годы изучения поселения, а также полевые чертежи и данные геодезической съёмки. Для определения уровня грунта вокруг самой конструкции было достаточно данных полевой съёмки, полученных в процессе измерений на местности, выполненных с помощью тахеометра. Именно по этой причине ландшафт показан ограниченным участком в радиусе нескольких метров от самого реконструируемого помещения. Реальные высоты ландшафта были изменены со стороны южной части помещения, т. е. на месте обвала склона по-

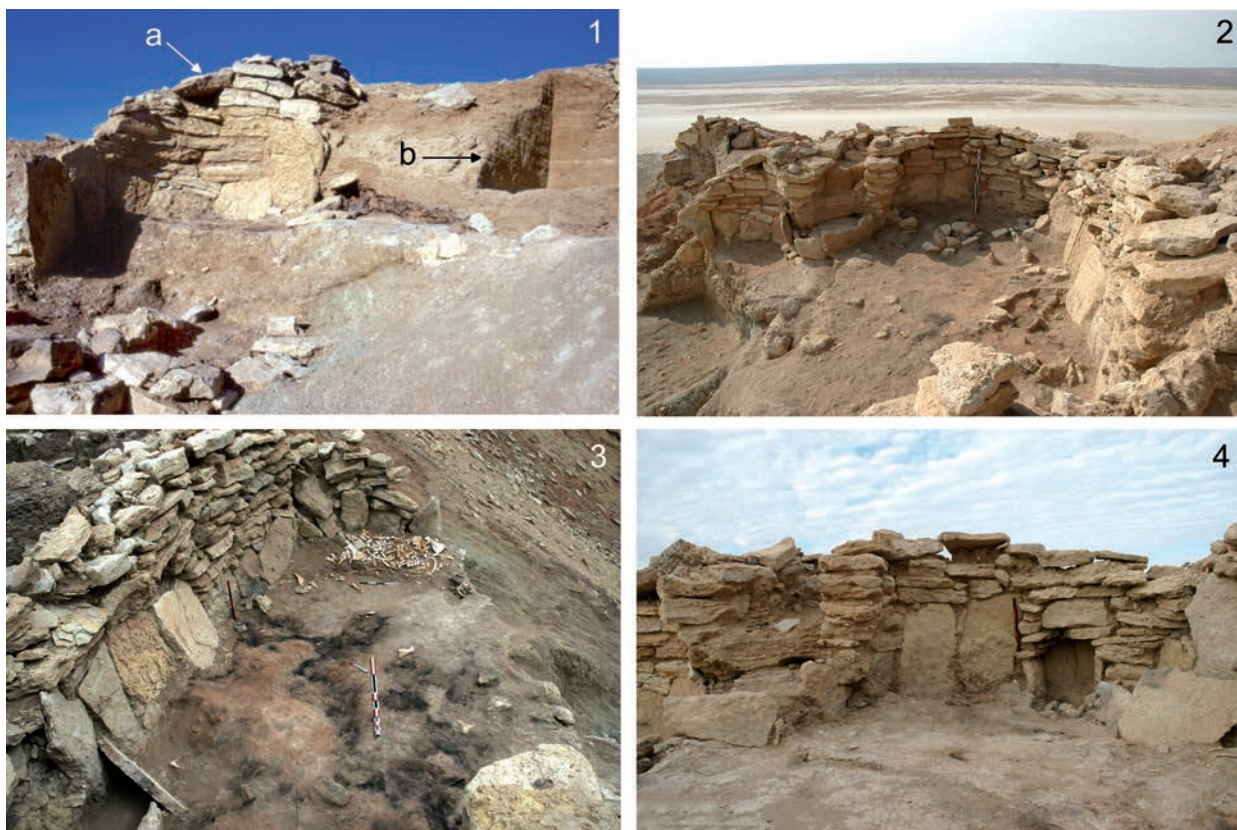

Рис. 2. Поселение Токсанбай, жилище № 2: 1 – сохранившаяся *in situ* часть стенной кладки (а), толща наносного слоя в заполнении помещения (b); 2 – вид на жилое помещение с востока; 3 – вид на жилое помещение с запада; 4 – вид на кладку северной стены, коридор и нишу с востока.
Фото: 1, 2 – Василий Соболев; 3, 4 – Татьяна Лошакова

2-сур. Токсанбай қонысы, № 2 тұрғын үй: 1 – қабырға қалауының сақталған *in situ* бөлігі (а), бөлмені толтырудағы қабаттың қалыңдығы (b); 2 – шығыстан қарағандағы тұрғын жайдың көрінісі; 3 – батыстан қарағандағы тұрғын жайдың көрінісі; 4 – шығыстан қарағандағы солтүстік қабырғаның қалауы, кіре беріс және нишаның көрінісі. Фото: 1, 2 – Василий Соболев; 3, 4 – Татьяна Лошакова

Fig. 2. Toksanbai settlement, dwelling No. 2: 1 – preserved *in situ* part of the wall structure (a), thickness of the sediment layer in the room filling (b); 2 – view of the dwelling from the east; 3 – view of the dwelling from the west; 4 – view of the masonry of the northern wall, corridor and niche from the east.

Photos: 1, 2 – Vasilii Sobolev; 3, 4 – Tatiana Loshakova

верхность реконструирована. По мнению авторов, тот уровень, который запечатлен на графической реконструкции, является оптимальным.

2.2 Характеристика материала и результаты исследований

Исследование жилища № 2 было начато в 2000 г. Ещё при первоначальном обследовании останца, на котором было обнаружено поселение, внимание исследователей привлекли остатки стенной кладки, фиксируемой в южной его части (рис. 2, 1)

Северной половиной строение упиралось в склон, а противоположной, не сохранившейся, обращено в сторону обрыва. На протяжении всей расчистки от современной дневной поверхности

и на глубину 160 см наблюдалось заполнение чистым наносным грунтом с редкими включениями угольков и мелких камешков. Нетронутой сохранилась северо-западная половина жилища с коридором. По сохранившейся части жилища удалось воссоздать удлинённо-продолговатую в плане форму строения с закруглёнными концами и входом, ориентированным в сторону захода солнца. Древние жители, осваивая пространство останца, использовали его естественный рельеф с небольшими доработками. Приспособив округлой формы естественные углубления в останце, они местами дорабатывали поверхность, углубляя её, формируя котлован жилища. Затем сооружали стены. В их основе, вдоль борта котлована, были установлены массивные плиты высотой иногда более 1 м, а в северной половине строения каменные блоки достигали в высоту 150–160 см. Верхняя часть стены образована горизонтальной кладкой из ровных обработанных плит ракушечника, уложенных плашмя друг на друга.

Северная, самая длинная из сохранившихся стен, располагалась по линии ЮЗ–СВ, делая поворот на восточном конце к юго-востоку, на западном – к югу (рис. 2, 3, 4). В этой стене вертикальные плиты, установленные в основании, также продолжают горизонтальной кладкой. Они были различной высоты и установлены по-разному – на торец и на боковую сторону. По этим признакам западная и восточная половины стены отличаются друг от друга. Более длинная западная половина стены по основанию сооружена из четырех массивных плит, установленных на торец. Поворот от длинной северной стены к юго-востоку получился под углом. Восточная стена, направленная по линии СЗ–ЮВ в сторону обрыва, сохранилась на длину около 150 см. Плиты основания стен были покрыты коричневым рыхлым слоем с культурными остатками. Юго-западно-западная округлая стена жилища была разделена на две части входным коридором (рис. 2, 4). Коридор шириной 50–60 см продолжался внутрь помещения в виде каменной кладки. Он разделил стену, а заодно и жилище в юго-западном секторе, на две части. Основание стены на соединении с коридором состояло из двух высоких плит, установленных вертикально на торец. От плит пространство стены до северо-западного угла занимает ниша, встроенная в основание стены. Общая протяжённость конструкции ниши составила 100–110 см, расстояние между боковыми плитами 50–60 см, высота – 57 см, глубина ниши – 57 см. В центре жилища находился округлой формы очаг, углубленный в пол до 50 см. Бортики очага изнутри обмазаны толстым слоем глины. Ещё один небольшой очаг прямоугольной формы, сложенный из вертикально вкопанных плит небольшого размера, был отмечен в начале коридора, ведущего в жилище. При возведении помещений учитывалась обеспеченность различными строительными материалами. На поселениях Северо-Восточного Прикаспия широко использовался известняк-ракушечник – камень с уникальными теплоизоляционными свойствами, имеющийся вокруг в изобилии. На основе описанных выше данных была начата реконструкция помещения.

2.3. Создание трёхмерной реконструкции помещения

Для создания трёхмерной реконструкции помещения № 2 поселения Токсанбай использовалось свободное и открытое программное обеспечение (далее – ПО) *Blender* [Антонов 2021], которое имеет огромное количество возможностей и, несмотря на необычный вид интерфейса, позволяет легко усвоить навыки работы с ним. Различные средства моделирования, включённые в *Blender*, практически сводят к нулю потребность использования других ПО. Несмотря на наличие возможности рисования текстур инструментом «кисть» поверх полигональной модели, создание текстур для данного проекта производилось при помощи других графических редакторов.

Также необходимо отметить, что в процессе работ было принято решение о смене операционной системы (далее – ОС). Изначально авторы проекта вели работы с распространённой (на данный момент) ОС Windows 10. Однако переход на GNU/Linux ускорил работу с предпросмотром рендера (*display render preview*) и сам рендеринг, систему визуализации *Cycles*. Из всех популярных *Linux* дистрибутивов был выбран *Ubuntu* (с использованием проприетарных драйверов для видеокарты NVIDIA), что существенно увеличило скорость вышеописанных процедур в *Blender*.

Южная часть помещения № 2 не сохранилась. Причиной обрушения части конструкции являются естественные природные процессы. Образцом для расчёта высоты реконструируемых стен стал участок северной стены с максимально сохранившейся до наших дней высотой конструкции (от пола с внутренней стороны): от пола она достигала отметки около 170 см. Таким образом, все стены были воссозданы на ту же высоту, за исключением стен коридора – они немного выше (относительно пола помещения), потому что уровень пола в самом коридоре выше пола помещения. И если верхний уровень стен коридора был бы на одной высоте со стенами помещения, то это бы затруднило проникновение человека внутрь.

В процессе реконструкции жилища были использованы чертежи и фотоархив 2005–2016 гг. Однако необходимо учесть ряд нюансов. Например, на чертежи нанесены только основания стен, что могло повлиять на объективность подачи самой формы стен в реконструкции, так как кладка деформирована, и местами вертикальная поверхность стен искривлена. Даная проблема была решена рядом архивных фотоснимков, которые были отсняты с оптимальных ракурсов для построения трёхмерной модели методом фотограмметрии с помощью ПО, в частности *Agisoft Metashape*. Таким образом, применяя фотографии, была получена модель практически всего пола и около 70% всех вертикальных поверхностей внутренней части помещения. Далее (прежде чем приступить к имитации кладки) полученная методом фотограмметрии модель была масштабирована, а поверх вертикальных поверхностей стен «накладывалась» новая полигональная сетка (рис. 3, 4). Плиты у основания стен были полностью заменены низкополигональными моделями. Данный метод в среде трёхмерного моделирования называется «ретопология».

Остальные модели создавались процедурами, которые возможны с помощью редактора *Blender* и различных дополнений к нему. Таким образом, сам процесс трёхмерной реконструкции в редакторе базировался на полученном с помощью фотограмметрии трёхмерном «дубликате» оригинальной сохранившейся конструкции (рис. 3, 4). Трёхмерное моделирование производилось не только поверх двухмерного чертежа (рис. 3, 1, 2) для соблюдения масштабов, пропорций и особенностей архитектуры, но и «сквозь» объёмную модель остатков конструкции самого памятника. Данный подход не нов, однако широко распространён в сфере методик реконструкций археологических памятников [Ferdani et al 2019].

Стоит отметить, что передача формы камней в кладке стен реконструкции является условной. Для экономии времени и ограничения количества «полигонов», используемых в сцене, был выбран простой вариант деления единой модели стены на случайные блоки приблизительного размера и наложения на них *PBR* (*Physically based rendering*) текстур для реализма фактуры (рис. 3, 5).

Особое место в решении конструктивных особенностей жилища имеет крыша (рис. 3, 6). Для формирования «образа крыши» большое значение имеют столбовые конструкции. Для расположения столбов на реконструируемой трёхмерной модели были использованы чертежи, полученные на момент раскопок, а для отсутствующей части пола был применён принцип симметричности помещения, т. е. отмеченные положения лунок были зеркально продублированы

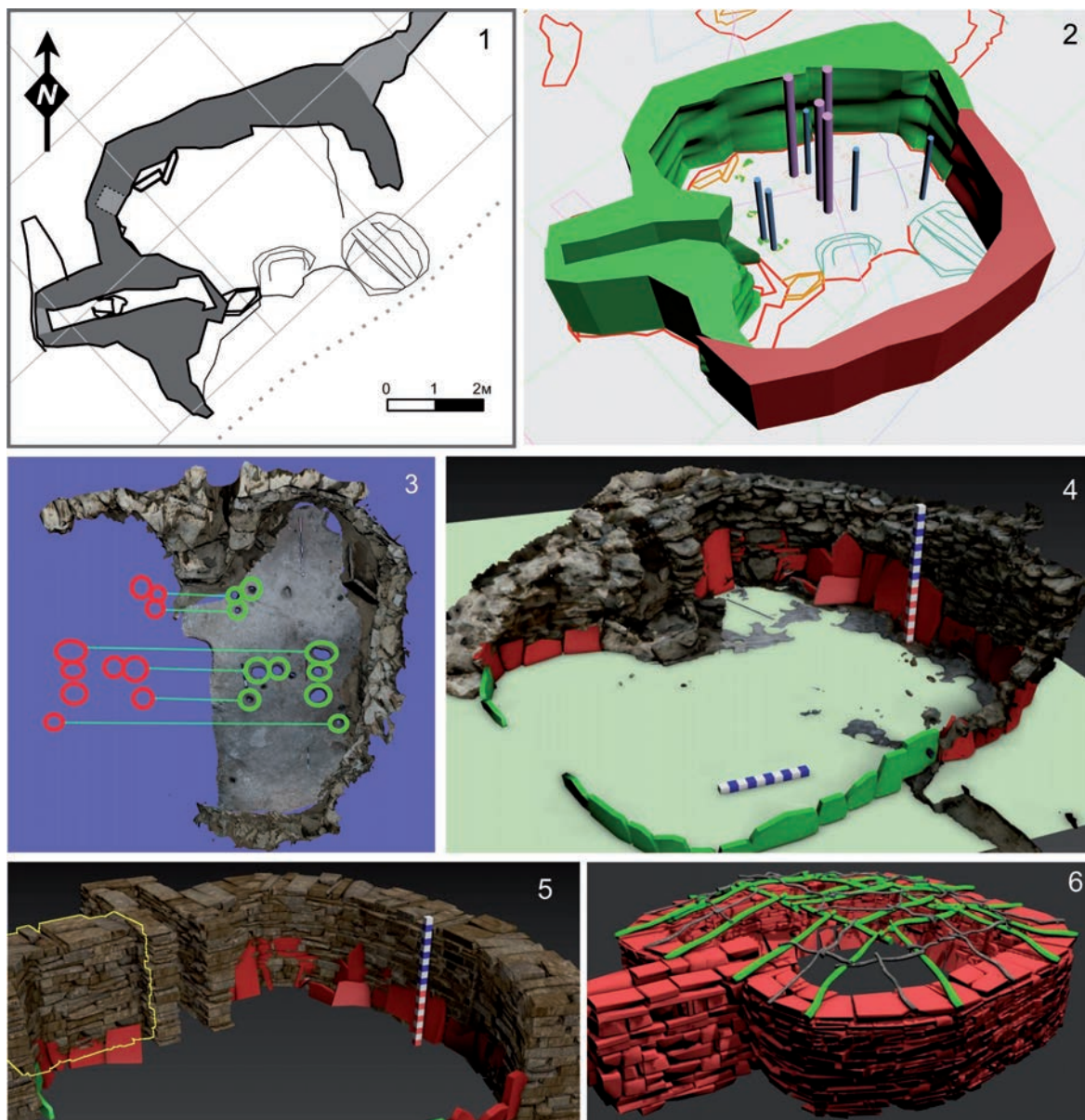

Рис. 3. Процесс реконструкции помещения № 2: 1 – план помещения; 2 – расположение 3D модели поверх плана; 3 – зеркальное дублирование столбовых ям; 4 – плиты у бортов котлована (красным цветом показаны – оригинальные, зелёным – предполагаемые); 5 – начало работ над реконструкцией стен; 6 – реконструкция деталей крыши. Моделирование и рендеринг: Михаил Антонов

3-сур. № 2 тұрғын жай реконструкциясының үрдісі: 1 – бөлме жоспары; 2 – жоспар үстіне 3D моделдің орналасуы; 3 – тұғырлық ойықтардың айналық қайталануы; 4 – шұңқырдың бүйірлеріндегі плиталар (қызыл түспен – түпнұсқа, жасыл түспен – болжамды көрсетілген); 5 – қабырғаны реконструкциялау жұмысының басы; 6 – шатыр бөлшектерінің реконструкциясы. Моделдеу және рендеринг: Михаил Антонов

Fig. 3. Reconstruction process of room No. 2: 1 – room plan; 2 – placement of the 3D model over the plan; 3 – mirror duplication of post holes; 4 – plates at the edges of the pit (original shown in red, assumed in green); 5 – start of reconstruction of walls; 6 – reconstruction of roof details. Modeling and rendering: Mikhail Antonov

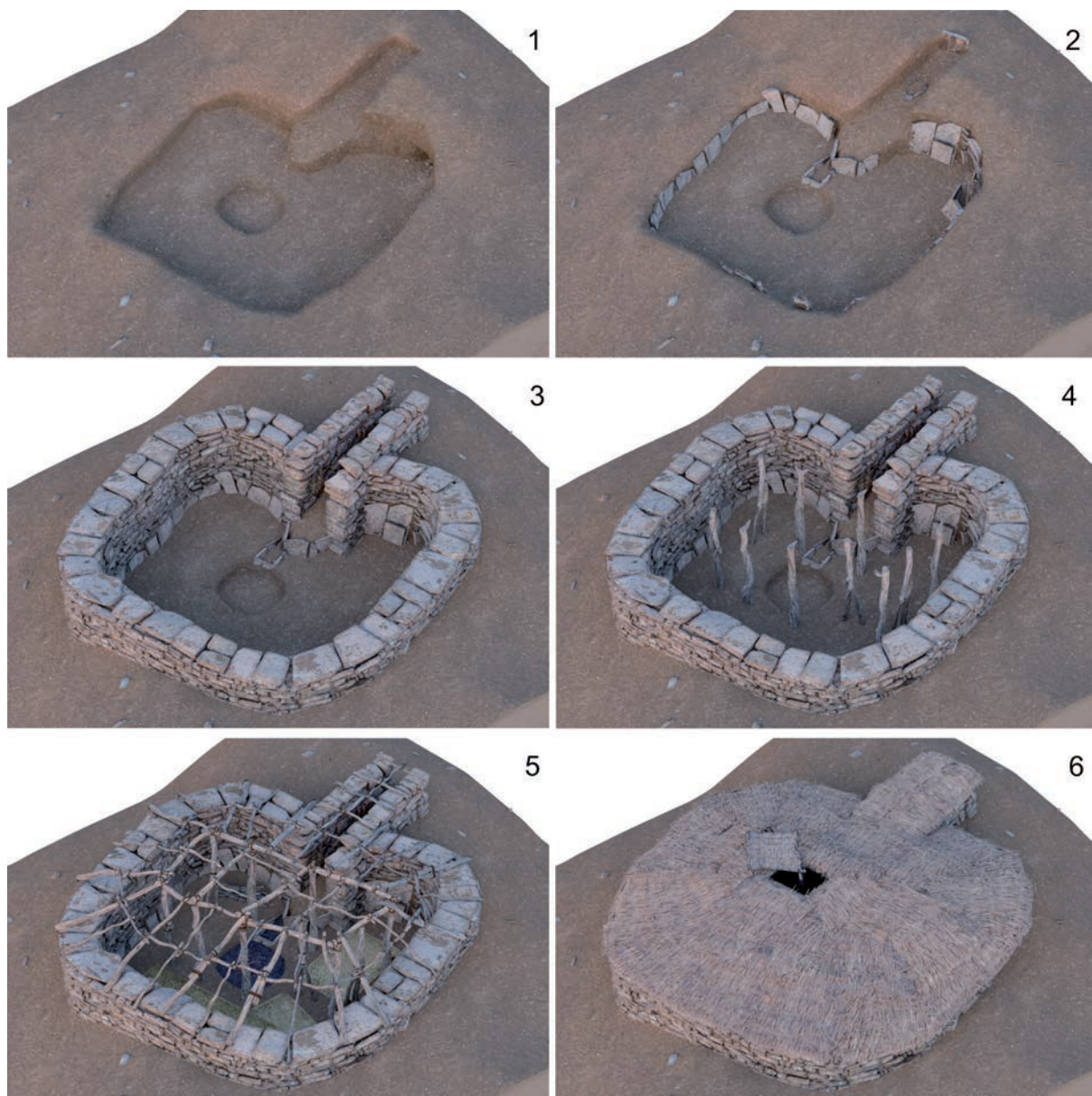

Рис. 4. Поселение Токсанбай. Этапы возведения жилища № 2 (вид на юго-запад):
 1 – котлован; 2 – каменные плиты у бортов котлована; 3 – возведение стен; 4 – установка столбов;
 5 – детали крыши, 6 – камышовая кровля. Моделирование и рендеринг: Михаил Антонов

4-сур. Токсанбай қонысы. № 2 тұрғын жай тұрғызудың сатылары (оңтүстік-батыс көрінісі): 1 – шұңқыр;
 2 – шұңқырдың бүйірлеріндегі тас плиталар; 3 – қабырға тұрғызу; 4 – тұғырларды орнату;
 5 – шатыр бөлшектері; 6 – қамыс жабынды. Моделдеу және рендеринг: Михаил Антонов

Fig. 4. Toksanbai settlement. Stages of construction of dwelling No. 2 (view from the southwest):
 1 – pit; 2 – stone plates at the edges of the pit; 3 – construction of walls; 4 – installation of posts;
 5 – roof details; 6 – reed roofing. Modeling and rendering: Mikhail Antonov

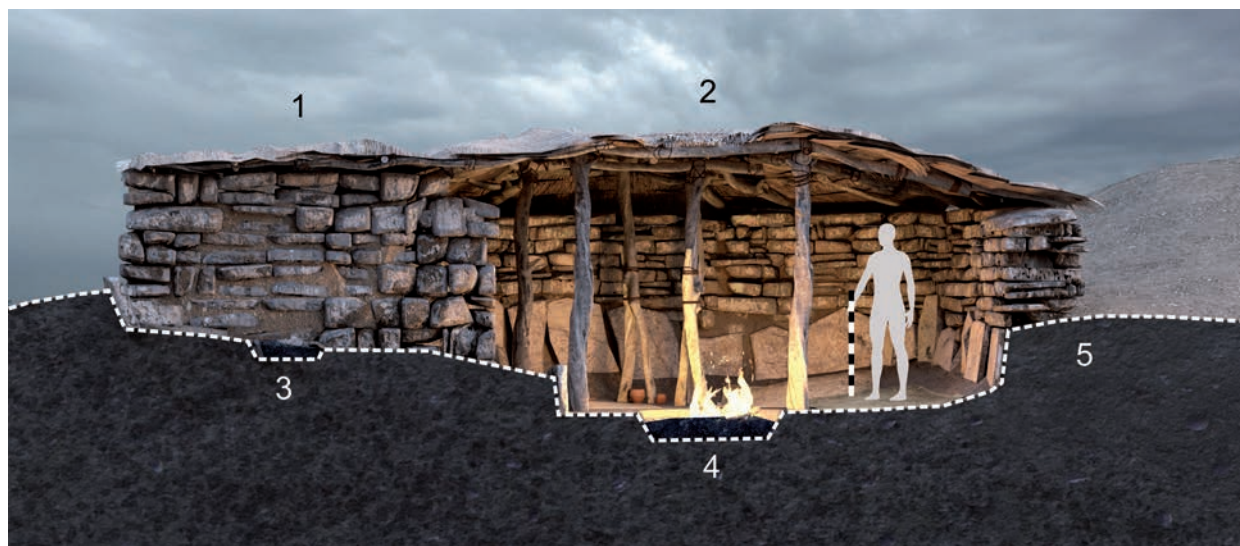

Рис. 5. Поселение Токсанбай, жилище № 2 (разрез по центральной оси коридора, вид на ССВ):
1 – стена коридора; 2 – жилое помещение; 3 – контур разреза очага в коридоре; 4 – контур разреза
центрального очага; 5 – контур разреза котлована.

Моделирование и рендеринг: Михаил Антонов

5-сур. Тоқсанбай қонысы. № 2 тұрғын жай (орталық кіреберіс осі бойынша қима, ССШ көрініс):

- 1 – кіреберіс қабырғасы; 2 – тұрғын бөлме; 3 – кіреберістегі ошақ қимасының контуры;
4 – орталық ошақтың қимасының контуры; 5 – шұңқыр қимасының контуры.

Моделдеу және рендеринг: Михаил Антонов

Fig. 5. Toksanbai settlement, dwelling No. 2 (section along the central axis of the corridor, view from NNE):
1 – corridor wall; 2 – dwelling; 3 – contour of the hearth section in the corridor; 4 – contour of the central hearth
section; 5 – contour of the pit section. Modeling and rendering: Mikhail Antonov

в южную часть (рис. 3, 3). В процессе работ были изучены данные о строительном материале, в частности, деталях, выполненных из дерева. По имеющимся данным известно, что для столбов, поддерживающих крышу, а также и для стропил использовался саксаул, который произрастает в данном регионе и в настоящее время. Основанием для такого рода утверждений стало обнаружение в столбовых ямках помещения остатков дерева. Исходя из имеющихся данных, в частности образцов древесины, диаметра лунок в полу помещения и особенностей ветвления (вильчатое) самого саксаула, не исключено что для увеличения длины деталей при возведении крыши могли использоваться скреплённые между собой стволы или ветки саксаула. Скрепление двух стволов саксаула для столба, по нашему мнению, могло быть произведено с помощью длинных кожаных лоскутов и/или веревок. Об этом косвенно свидетельствуют обнаруженные оплавленные и спёкшиеся фрагменты кожи на полу помещения. Основой, составляющей кровлю, являлся камыш, заросли которого повсеместно встречаются у родников, расположенных рядом с поселениями. Остатки камыша фиксировались при расчистке горелого слоя на полу помещения. Поверх этого слоя отмечены фрагменты зольно-супесчаного образования, что дало возможность предположить наличие тонкого слоя раствора глины с примесью золы, который наносился поверх камыша на крыше.

В процессе реконструкции кровли возник вопрос наличия светового окна в центре крыши, которое также играло роль отверстия для отвода дыма. Принимая во внимание тот факт, что очаг

Рис. 6. Трехмерная реконструкция помещения поселения Токсанбай. Вид с юго-востока.

Моделирование и рендеринг: Михаил Антонов

6-сур. Тоқсанбай қонысы бөлмесінің үш өлшемді реконструкциясы. Оңтүстік-шығыстан көрініс.

Моделдеу және рендеринг: Михаил Антонов

Fig. 6. Three-dimensional reconstruction of the dwelling of Toksanbai settlement. View from the southeast.

Modeling and rendering: Mikhail Antonov

находился по центру помещения, авторами было принято решение сделать световое отверстие прямо над ним. Конструкция крыши, в частности, балки и их расположение, позволили легко это реализовать. В качестве материала крышки (люка) для отверстия в крыше жилища на случай непогоды был предложен тот же материал, который использован для самой кровли (рис. 4, 6). Люк, вероятно, крепился к основным деталям крыши при помощи кожаных ремней. Не исключено, что вместо такой несложной конструкции мог использоваться войлок. В качестве примера можно привести аналогичную деталь юрты – тундик (түндік).

3 Обсуждение (Лошакова Т.Н., Антонов М.А.)

Вопрос о достоверности реконструкции жилища не так прост. Множество деталей не сохранилось до наших дней. Не исключено, что в данной реконструкции (рис. 5; 6) могут присутствовать спорные моменты.

Истоки сложения традиции возведения жилищ, отмеченной на поселениях эпохи бронзы – Токсанбай, Айтман и т. д., берут своё начало в более ранний период. Исследования на территории

Мангистау, проводимые за последние 20 лет, выявили целый пласт памятников различных хронологических периодов, где отмечены остатки сооружений из камня. Самыми ранними из них являются поселения неолита–энеолита с остатками каменных фундаментов-стен наземных строений каркасно-столбового типа. Стены возводились кладкой из вертикально установленных плит с продольной или радиальной ориентацией. Особый интерес представляют архитектурные приёмы, отмеченные на поселении Коскудук-2, культовом комплексе Куйрук 1 [Астафьев 2006; Баландина, Астафьев 1996]. Также следует принять во внимание особенности некоторых памятников на территории Евразии. В частности, в Сирии: Wadi Tumbaq 3 и Jerf el Ahmar, датируемые неолитом [Jean Guilaine 2016], на которых способ возведения конструкций аналогичен памятникам Устюрта и Мангистау. На наш взгляд, Wadi Tumbaq 3 наиболее близок к поселенческим комплексам Северо-Восточного Прикаспия. Аналогичен принцип укрепления бортов котлована жилища – установка каменных плит вертикально вдоль борта котлована как основание стен.

Традиция прослеживается и в более поздний период, при сооружении поминально-погребальных комплексов ранних кочевников, средневековых построек [Самашев и др. 2011; Астафьев, Богданов 2023], вплоть до этнографической современности [Типы традиционного ... 1981].

4 Заключение (Лошакова Т.Н., Антонов М.А.)

Архитектура жилища воплощает в себе сложную структуру, которая отражает естественно-научные и инженерно-технические знания человека. Древние строители поселения в процессе сооружения жилища исходили из экономических ресурсов, а также технологических возможностей, используя окружающий естественный ландшафт и строительный материал, находящийся в избытке рядом с поселением. Население хорошо знало свойства используемого материала, умело решать задачи утепления жилища, забутовывая пространство между бортом котлована и каменными плитами основания стен. За время освоения человеком территории были выработаны оптимальные приёмы возведения построек. На наш взгляд, реконструированный метод строительства удачен не только в плане надёжности, но и экономии трудозатрат, что позволяло в короткие сроки возводить жильё. Нами были использованы все доступные материалы, привлечены разработки коллег, а также этнографические данные, что сделало возможным создание реконструкции жилища, наиболее приближенной к реальности.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Антонов М.А. Программное обеспечение для создания реконструкций в археологии методом трехмерного моделирования // Маргулановские чтения–2021: м-лы междунар. науч.-практ. конф. «Великая степь в контексте этнокультурных исследований», посвящ. 30-летию Независимости Республики Казахстан и 30-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, 26–27 октября 2021 г.). В 3-х т. / Гл. ред. А. Онгар; отв. ред. Б.А. Байтанаев, Т.Б. Мамиров. Алматы: ИА КН МНВО РК, 2021. Т. 3. С. 153-158.
- 2 Астафьев А.Е. Поселение Коскудук I – памятник финального этапа оюклинской культуры Восточного Прикаспия // Вопросы археологии Поволжья: Вып. 4. / Отв. ред. И.Н. Васильева. Самара: Научно-технический центр, 2006. С. 161-185.
- 3 Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Погребально-поминальный комплекс Алтынказган (III – первая половина VI в.) / МИАК. Т. XVIII. Алматы: ИА КН МНВО РК, 2023. 384 с.
- 4 Баландина Г., Астафьев А. Опыт реконструкции и интерпретации погребально-поминального комплекса эпохи поздней бронзы Актауского могильника // Вопросы археологии Западного Казахстана: сб. науч.

- тр. / Отв. ред. В.В. Ткачев. Самара: Актюбинская областная гос. инспекция историко-культурного наследия, 1996. С. 133-155.
- 5 Викторов С.В. Пустыня Устюрт и вопросы ее освоения // Труды Московского общества испытателей природы. Т. 44. М.: Наука, 1971. 134 с.
- 6 Горячев А.А. Об устройстве поселений эпохи поздней бронзы Жетысу // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2018. № 1–2. С. 86-105. DOI: [10.52967/akz2018.1-2.1-2.86.105](https://doi.org/10.52967/akz2018.1-2.1-2.86.105)
- 7 Грязнов М.П. О кельтеминарском доме // Новое в советской археологии (МИА, 130) / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: Наука, 1965. С. 99-102.
- 8 Ержанова А., Лошакова Т. Утюжки поселений эпохи бронзы северо-восточного Прикаспия // Вестник Казахского национального университета имени аль-Фараби. Сер. историч. 2022. № 3. С. 227-235. DOI: [10.26577/JH.2022.v106.i3.023](https://doi.org/10.26577/JH.2022.v106.i3.023)
- 9 Лошакова Т.Н. История изучения памятников эпохи бронзы северо-восточного Прикаспия // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2020. № 4 (10). С. 47-69. DOI: [10.52967/akz2020.4.10.47.69](https://doi.org/10.52967/akz2020.4.10.47.69)
- 10 Лошакова Т.Н. Погребения на поселениях эпохи бронзы Северо-Восточного Прикаспия // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2022. № 4 (18). С. 73-83. DOI: [10.52967/akz2022.4.18.73.83](https://doi.org/10.52967/akz2022.4.18.73.83)
- 11 Лошакова Т.Н., Усачук А.Н. Коллекция костяных изделий поселения Токсанбай (Северо-Восточный Прикаспий) // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2023. № 2 (20). С. 166-185. DOI: [10.52967/akz2023.2.20.166.185](https://doi.org/10.52967/akz2023.2.20.166.185)
- 12 Молодин В.И., Глушков И.Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск: Наука, 1989. 168 с.
- 13 Оразбаев А.М. Поселение Чаглинка (Шагалалы). Некоторые формы и типы жилищ // По следам древних культур Казахстана / Отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, 1970. С. 129-146.
- 14 Сакенов С.К. Новый тип жилища на поселения Шагалалы II // Маргулановские чтения – 2018: м-лы Междунар. науч.-практ. конф. «Духовная модернизация и археологическое наследие» (г. Актобе, 19–20 апреля 2018 г.) / Отв. ред. А.А. Бисембаев. Алматы; Актобе: Актюбинский обл. ист.-краев. музей, 2018. С. 146-154.
- 15 Сакенов С.К. Архитектура жилищ эпохи бронзы в северной Сарыарке // Үлкен Алтай әлемі – Мир Большого Алтая – World of Great Altai. 2020. № 6 (2). С. 851-860.
- 16 Самашев З., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н. Североустюртский очаг культуры эпохи палеометалла. Проблемы, поиски и раскопки // Бронзовый век восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: м-лы междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» (г. Самара, 23–28 апреля 2001 г.) / Отв. ред. Ю.И. Колев. Самара: Изд-во ООО «НТЦ», 2001. С. 347-352.
- 17 Самашев З.С., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н. Поселение эпохи палеометалла Северо-Восточного Прикаспия // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2004. Вып. 3. С. 125-153.
- 18 Самашев З., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н. Костяные псалии с поселения Токсанбай. К вопросу о комплексе колесничих населения Устюрта в эпоху бронзы // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2007. Вып. 1. С. 87-102.
- 19 Самашев З., Онгарулы А., Киясбек Г., Оралбай Е. Храм-святилище – Кызылуийк. Астана: Археология, 2011. 200 с.
- 20 Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Западной и Южной Азии. Коллективная монография / Отв. ред. В.В. Чебоксаров. М.: Наука, 1981. 286 с.
- 21 Черных Е.М. Жилища Прикамья (эпоха железа). Ижевск: Удмуртский гос. ун-т. 2008. 272 с.
- 22 Шевнина И.В., Лошакова Т.Н. Некоторые итоги петрографического исследования керамики с поселения Токсанбай // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 216-222.
- 23 Goryachev A., Frachetti M.D. Traditions of Settlement in Bronze Age Zhetysu (Kazakhstan) // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2022. № 2 (16). С. 24-56. DOI: [10.52967/akz2022.2.16.24.56](https://doi.org/10.52967/akz2022.2.16.24.56)
- 24 Ferdani D., Demetrescu E., Cavalieri M., Pace G., Lenzi S. 3D Modelling and Visualization in Field Archaeology. From Survey to Interpretation of the Past Using Digital Technologies // Groma Documenting archaeology. 2019. Vol. 4. Pp. 1-21. DOI: [10.12977/groma26](https://doi.org/10.12977/groma26)

- 25 Jean Guislaine. Neolithic houses: mediterranean examples // Groupe de recherche Archéoscience / Archéosociale Université de Montréal. Proceedings of the International Symposium (Université de Montréal), October 24-25 2014 / Ed. François Bon. Montréal. 2016. # 8. Pp. 182-209.
- 26 Nenad N. Tasić. 3D Modelling as a Cognitive Tool // Virtual reconstruction and computer visualisations in archaeological practice. CONTRA Series / Ed. Nenad Tasić. Ljubljana: University of Ljubljana Press; Faculty of Arts. 2017. Vol. IV. Pp. 187-197.

REFERENCES

- 1 Antonov, M. A. 2021. In: Onggaruly, A., Baitanayev, B. A., Mamirov, T. B. (eds.). *Margulanovskie chteniya–2021 (Margulan readings–2021)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 153-158 (in Russian).
- 2 Astafiev, A. E. 2006. In: Vasilyeva, I. N. (ed.). *Voprosy arheologii Povolzhya (Issues of archaeology of the Volga river region)*, 4. Samara: “Nauchno-tekhnicheskiy tsentr” Publ., 161-185 (in Russian).
- 3 Astafiev, A. E., Bogdanov, E. S. 2023. *Pogrebalno-pominalnyi kompleks Altynkazgan (III – pervaya polovina VI v.) (Altynkazgan Funeral and memorial complex (3rd – the first half of the 6th century). Materialy i issledovaniya po arheologii Kazakhstana (Materials and research on the archaeology of Kazakhstan)*. Vol. XVIII. Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
- 4 Balandina, G., Astafiev, A. 1996. In: Tkachev, V. V. (ed.). *Voprosy arheologii Zapadnogo Kazakhstana (Issues of archaeology of Western Kazakhstan)*. Samara: Aktobe Regional State Inspectorate of Historical and Cultural Heritage, 133-155 (in Russian).
- 5 Viktorov, S. V. 1971. *Pustynya Ustyurt i voprosy ee osvoeniya (Ustyurt desert and issues of its development)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 6 Goryachev, A. A. 2018. In: *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 1–2, 86-105. DOI:10.52967/akz2018.1-2.1-2.86.105 (in Russian).
- 7 Gryaznov, M. P. 1965. In: Krupnov, E. I. (ed.). *Novoe v sovetskoj arheologii (MIA, 130) (New in Soviet archaeology. (Materials and researches on archaeology – 130))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 8 Yerzhanova, A., Loshakova, T. 2022. In: *Vestnik Kazakhskogo natsionalnogo universiteta imeni al Farabi. Seriya istoricheskaya (Journal of history)*, 3, 227-235. DOI: 10.26577/JH.2022.v106.i3.023 (in Russian).
- 9 Loshakova, T. N. 2020. In: *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 4, 47-69. DOI: 10.52967/akz2020.4.10.47.69 (in Russian).
- 10 Loshakova, T. N. 2022. In: *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 4, 73-83. DOI: 10.52967/akz2022.4.18.73.83 (in Russian).
- 11 Loshakova, T. N., Usachuk, A. N. 2023. In: *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 2, 166-185. DOI: 10.52967/akz2023.2.20.166.185 (in Russian).
- 12 Molodin, V. I., Glushkov, I. G. 1989. *Samuskaya kultura v Verhnem Priobye (Samus culture in the Upper Ob river region)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 13 Orazbayev, A. M. 1970. In: Kadyrbayev, M. K. (ed.). *Po sledam drevnikh kultur Kazakhstana (In the footsteps of ancient cultures of Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ., 129-146 (in Russian).
- 14 Sakenov, S. K. 2018. In: Bissembaev, A. A. (ed.). *Margulanovskie chteniya–2018 (Margulan readings–2018)*, 146-154 (in Russian).
- 15 Sakenov, S. S. 2020. In: *Mir Bolshogo Altaya (World of Great Altai)*, 6, 851-860 (in Russian).
- 16 Samashev, Z., Ermolaeva, A. S., Loshakova, T. N. 2001. In: Kolev, Yu. I. (ed.). *Bronzovyi vek vostochnoy Evropy: kharakteristika kultur, khronologiya i periodizatsiya (The Bronze Age of Eastern Europe: characteristics of cultures, chronology and periodization)*. Samara: “Nauchno-tekhnicheskiy tsentr” Publ., 347-352 (in Russian).
- 17 Samashev, Z., Ermolaeva, A. S., Loshakova, T. N. 2004. In: *Voprosy istorii i arheologii Zapadnogo Kazakhstana (Issues of history and archaeology of Western Kazakhstan)*, 3, 125-153 (in Russian).
- 18 Samashev, Z., Ermolaeva, A. S., Loshakova, T. N. 2007. In: *Voprosy istorii i arheologii Zapadnogo Kazakhstana (Issues of history and archaeology of Western Kazakhstan)*, 1, 87-102 (in Russian).
- 19 Samashev, Z., Onggaruly, A., Kiyasbek, G., Oralbaj, E. 2011. In: *Hram-svyatilishche – Kyzyluiyk (Temple-sanctuary – Kyzyluiyk)*. Astana: “Arkheologiya” Publ. (in Russian).

- 20 Cheboksary, V. V. (ed.). 1981. *Tipy traditsionnogo selskogo zhilishcha narodov Yugo-Zapadnoy i Yuzhnoy Azii* (Types of traditional rural dwellings of the peoples of Southwest and South Asia). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 21 Chernykh, E. M. 2008. *Zhilishcha Prikamiya (epoha zheleza)* (Dwellings of the Kama region (Iron Age)). Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
- 22 Shevnina, I. V., Loshakova, T. N. 2017. In: *Samarskiy nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)*, vol. 6, 3, 216-222 (in Russian).
- 23 Goryachev, A., Frachetti, M. D. 2022. *Kazakhstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 2, 24-56 (in English).
- 24 Ferdani, D., Demetrescu, E., Cavalieri, M., Pace, G., Lenzi, S. 2019. In: *Groma Documenting archaeology*, 4, 1-21. DOI:10.12977/groma26
- 25 Guilaine, J. 2016. Bon, F. (ed.). *Groupe de recherche Archéoscience*, 8, 82-209 (in English).
- 26 Nenad, N. 2017. In: Nenad, Tasić (ed.). *Virtual reconstruction and computer visualisations in archaeological practice. CONTRA Series. IV*. Ljubljana: University of Ljubljana Press; Faculty of Arts, 187-197 (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 30.09.2023.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 30.10.2023.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 30.10.2023.

УДК 902.904 (574)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.212.242>

Скотоводческое хозяйство населения эпохи бронзы Северного Казахстана

(по материалам поселения Шагала́лы II)

© 2023 г. Шагирбаев М.С., Сакенов С.К.

Keywords: archaeology, archaeozoology, Northern Kazakhstan, Bronze Age, Shagalaly II settlement

Түйін сөздер: археология, археозоология, Солтүстік Қазақстан, қола дәуірі, Шағалалы II қонысы

Ключевые слова: археология, археозоология, Северный Казахстан, эпоха бронзы, поселение Шагала́лы II

Mambet Shagirbayev^{1*} and Sergazy Sakenov¹

^{1*}Corresponding-author, Researcher, Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. E-mail: mambet_87@mail.ru

¹Doctor of Philosophy (PhD), Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan. E-mail: sergazi_82@mail.ru

Pastoral economy of the Bronze Age population in Northern Kazakhstan (based on materials of the Shagalaly II settlement)

In the article, for the first time, the results of archaeozoological analysis of osteological materials from the settlement of Shagalaly II are entered into scientific discourse. The purpose of the research is to determine and to analyze the species composition of animals in the farms of the Bronze Age population of Northern Kazakhstan. During the study of the osteological collection the main objectives were to determine the species composition of the paleofauna, skeletal elements, age characteristics and external characteristics. As a result, a total of 2351 animal bones were examined, of which 1883 bones were identified to the species. Domestic animals dominate among osteological materials (77.8%), bones of wild animals (2.2%) and birds are also found. The share of sheep and goats among the identified bones of domestic animals is 46.9%. The second place is taken by the bones of cattle (42.9%), and in the third place are horses' bones (8.1%). Camel and dog bones are also present in small quantity. The structure of the bone material and fragmentation indices show that sheep were slaughtered more between 2 and 4 years of age, and cattle were used for meat from 2.5 years of age. Most of the horses are slaughtered in adulthood and old age. Domestic animals were slaughtered and butchered on the territory of the settlement. The results of the study serve as a source of information about animal husbandry among the Bronze Age population of the region.

Source of funding: The publication was carried out within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2023–2024, project IRN BR18574223.

For citation: Shagirbayev, M., Sakenov S. 2023. Pastoral economy of the Bronze Age population in Northern Kazakhstan (based on materials of the Shagalaly II settlement). *Kazakhstan Archeology*, 4 (22), 212–242 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2023.4.22.212.242](https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.212.242)

**Мәмбет Сапарбекұлы Шағырбаев^{1*},
Серғазы Қайырбекұлы Сәкенов¹**

^{1*}корреспондент авторы, ғылыми қызметкер,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан

¹философия докторы (PhD), жетекші ғылыми
қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология
институты, Алматы қ., Қазақстан

**Мамбет Сапарбекович Шагирбаев^{1*},
Сакенов Серғазы Кайырбекович¹**

^{1*}автор-корреспондент, научный сотрудник,
Институт археологии имени А.Х. Маргулана,
лаборатория зооархеологии, г. Алматы, Казахстан

¹доктор философии (PhD), ведущий научный
сотрудник, Институт археологии
имени А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

**Солтүстік Қазақстандағы қола дәуірі
тұрғындарының мал шаруашылығы
(Шағалалы II қонысының материалдары бойынша)**

Шағалалы II қонысынан табылған остеологиялық материалдарды археозоологиялық талдаудың нәтижелері алғаш рет ғылыми айналымға енгізіліп отыр. Зерттеудің мақсаты Солтүстік Қазақстан өңіріндегі қола дәуірі тұрғындарының шаруашылығындағы жануар түрлерін анықтау және салыстырмалы талдау жүргізу болып табылады. Жұмыс барысында үй және палеофауна түрлік құрамы анықталып, малдың экстерьерлік және жас сипаты бағаланды. 2351 жануар сүйегі зерттеліп, 1883 сүйек нақты түрге ажыратылды. Остеологиялық материалдардың ішінде үй жануарлары басымдық танытады (77,9%), сонымен қатар жабайы жануарлар (2,2%) мен құс сүйектері де кездеседі. Үй жануарларының ішінде қой және ешкі сүйектерінің мөлшері – 46,9%. Екінші орында – ірі қара сүйектері (42,9%), үшінші орында – жылқы (8,1%). Аз мөлшерде түйе және ит сүйектері де кездесіп отыр. Сүйек материалдардың құрамы мен оның жіктелу дәрежесі қойлар 2 мен 4 жас аралығында, ірі қара малдар 2,5 жасында сойылғанын көрсетеді. Жылқылар ересек және кәрі болғанда сойылған. Үй жануарларын қоныс территориясында сойды және бөлшектеді. Археозоологиялық зерттеу нәтижелері аймақтың қола дәуірі тұрғындарының мал шаруашылығы туралы маңызды ақпарат көзін құрайды.

Қаржыландыру көзі: Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің 2023–2024 жылдарға арналған бағдарламалық-мақсатты қаржыландыруы, ЖТН BR18574223 жобасы аясында дайындалған.

Сілтеме жасау үшін: Шағирбаев М.С., Сәкенов С.К. Солтүстік Қазақстандағы қола дәуірі тұрғындарының мал шаруашылығы (Шағалалы II қонысының материалдары бойынша). *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 4 (22). 212–242-бб. (Орысша).

[DOI: 10.52967/akz2023.4.22.212.242](https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.212.242)

**Скотоводческое хозяйство населения эпохи бронзы
Северного Казахстана
(по материалам поселения Шагала II)**

Впервые в научный оборот вводятся результаты археозоологического анализа остеологических материалов поселения Шагала II. Целью исследования является определение и сравнительный анализ видового состава животных в хозяйстве населения эпохи бронзы Северного Казахстана. В ходе работ установлен видовой состав домашней и промысловой палеофауны, оценены возрастные и экстерьерные характеристики скота. Исследована 2351 кость животных, из которых 1883 кости определены до вида. Среди остеологических остатков преобладают домашние животные (77,9%), также встречены кости диких млекопитающих (2,2%) и птиц. Среди домашних животных доля мелкого рогатого скота составляет 46,9%. На втором месте – кости крупного рогатого скота (42,9%), на третьем – лошади (8,1%). В малом количестве выявлены кости собаки и верблюда-бактриана. Структура костного материала и степень его раздробленности показывает, что овец забивали преимущественно в возрасте от 2-х до 4-х лет, а крупный рогатый скот – в возрасте от 2,5 лет. Большинство особей лошади забито в зрелом и старшем возрасте. Домашних животных забивали и разделывали на территории поселения. Результаты археозоологического исследования служат источником информации о животноводстве у населения бронзового века региона.

Источник финансирования: Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2024, ИРН проекта BR18574223.

Для цитирования: Шағирбаев М.С., Сәкенов С.К. Скотоводческое хозяйство населения эпохи бронзы Северного Казахстана (по материалам поселения Шагала II). *Археология Казахстана*. 2023. № 4 (22). С. 212–242. [DOI: 10.52967/akz2023.4.22.212.242](https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.212.242)

1 Введение (Сәкенов С.К., Шағирбаев М.С.)

Одним из активных исследователей древностей Северного Казахстана являлся А.М. Оразбаев. В 1960-х гг. им были осуществлены стационарные археологические раскопки на одном из наиболее крупных могильников близ курорта Боровое, а также с его именем связано первое систематическое исследование поселенческих комплексов эпохи бронзы.

Северо-Казахстанской экспедицией Института истории, археологии и этнографии в 1954–1956 гг. под руководством К.А. Акишева было открыто семь поселений эпохи бронзы, в числе которых Чаглинка I, исследовавшееся А.М. Оразбаевым в 1965–1968 гг. [Хабдулина 2018: 70]. Этот памятник расположен на правом берегу старого русла р. Чаглинка, в 3 км на юг от села Октябрь (Тайыншинский р-н, Северо-Казахстанская обл.). В этот период исследований возникают

некоторые теоретико-методологические проблемы, связанные с региональными особенностями памятников эпохи бронзы не только Казахстана, но и сопредельных территорий. А.М. Оразбаев на территории поселения Шагала I (Чаглинка) исследовал шесть жилищ, выполнил реконструкцию и сравнил архитектуру жилищ бронзового века с типами казахских строений [Оразбаев 1970]. На основе материалов поселения Шагала I (Чаглинка) были разработаны некоторые вопросы палеоэкономики, которые нашли отражение в работе Л.А. Макаровой [Макарова 1970].

Раскопки на поселении Шагала II начаты в 1982 г. сотрудниками Урало-Казахстанской археологической экспедиции под руководством Т.С. Малютиной. Впервые на поселенческих данных, в частности по материалам жилища, Т.С. Малютиной введены определённые критерии устройства домов фёдоровской культуры. Археолог высказала мнение о том, что в фёдоровских жилищах сконцентрированы архитектурные достижения степных племён эпохи бронзы, дополненные элементами, заимствованными у южного населения восточных областей Средней Азии. Генезис фёдоровского домостроения связывается с петровско-синташтинской и алакульской культурами [Малютина 1991]. На основе данных археологических отчётов Урало-Казахстанской археологической экспедиции материалы поселения Шагала II обобщены и систематизированы в коллективной монографии под руководством М.К. Хабдулиной [Хабдулина и др. 2017].

На современном этапе археологическая наука вышла далеко за рамки традиционного понимания этой дисциплины, проводятся междисциплинарные исследования. Это касается перспективных проблем, таких как археолого-лингвистическая, становление комплексных обществ (археолого-социологическая), а с открытием поселенческих памятников протогородского типа возникла проблема археолого-политическая, социокультурная. Постановка и возможность решения этих проблем обусловлены исключительно высокой степенью информативности археологических памятников эпохи бронзы на территории Северного Казахстана.

На территории Казахстана животноводство бронзового века прошло ряд циклов развития. Это подтверждается остеологическими материалами, найденными на поселениях, типичных для той эпохи (Атасу, Талдысай, Кент). Новые археозоологические данные для реконструкции хозяйственного уклада предоставляют материалы исследований поселения Шагала II, проведённые в 2010, 2012, 2014, 2016–2017 гг. Они позволяют показать особенности животноводства Северного Казахстана в эпоху бронзы, в том числе состав стада. Находки костей диких животных дают возможность выделить промысловые виды. Целью данной работы является введение новых данных в научный оборот.

При решении научных проблем, связанных с изучением хозяйственно-культурного типа эпохи бронзы, основным источником информации служат материалы, полученные при раскопках поселений. На территории Северного Казахстана одним из хорошо изученных памятников эпохи бронзы является поселение Шагала II (XIX–XII вв. до н.э.) (рис. 1). В ходе многолетних и стационарных исследований собрано большое количество археологического материала. Полученные данные позволяют представить картину культурно-хронологического развития северо-казахстанских племён бронзового века.

Традиционно для поселений наиболее массовым материалом является керамический комплекс. На поселении Шагала II наличествуют уникальные типы керамики, позволяющие определить культурную принадлежность населения, представить его культурные и экономические связи.

Изучение стратиграфии поселения Шагала II помогло установить, что начало освоения территории было осуществлено раннефёдоровскими и раннеалакульскими племенами, пик развития

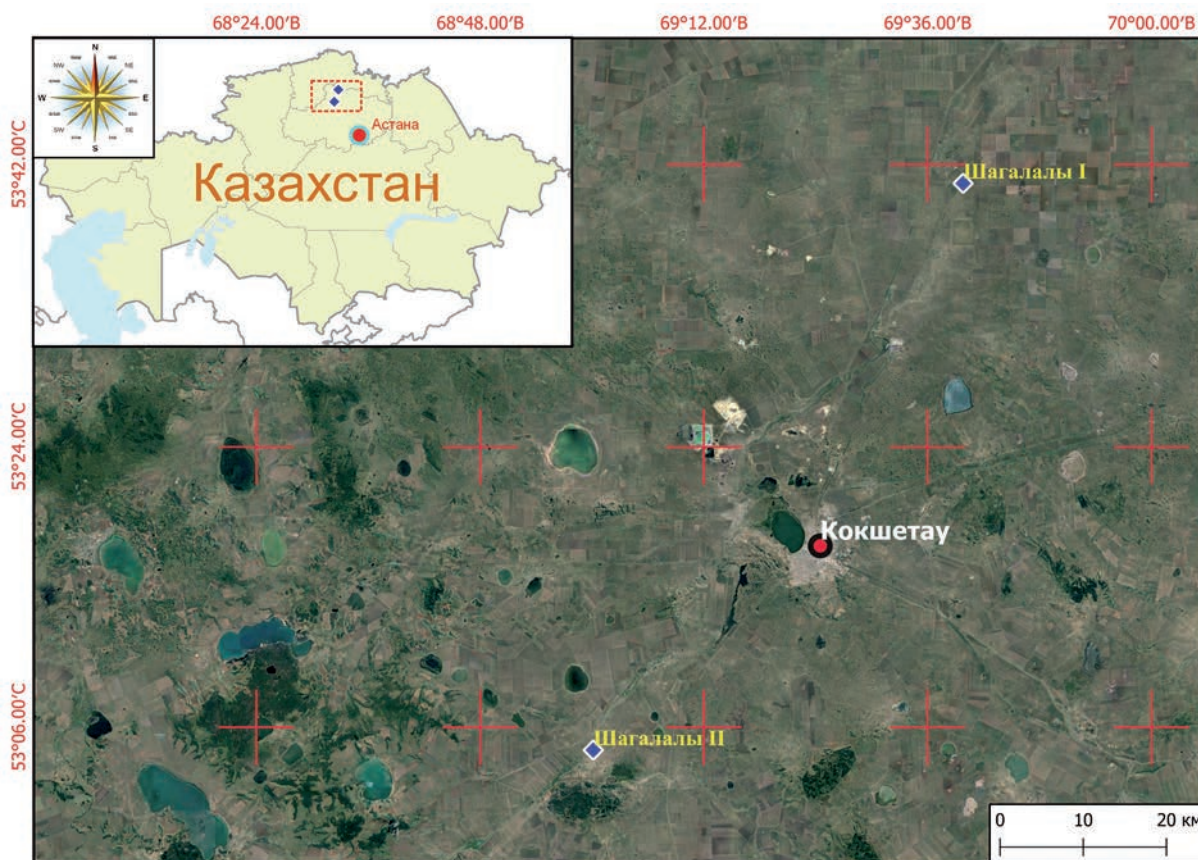

Рис. 1. Расположение поселений Шагалалы I–II на карте Казахстана. Исполнитель Мамбет Шагирбаев 1-курс. Шагалалы I–II қоныстарының Қазақстан картасында орналасуы. Орындаған Мәмбет Шағырбаев
Fig. 1. Location of the settlements of Shagalaly I–II on the map of Kazakhstan. Performer: Mambet Shagirbayev

пришѐлся на его заселение носителями фѣдоровской и последующей саргаринско-алексеевской культурой. Анализ находок показал развитие комплексного хозяйства. Основу экономики составляло скотоводство [Sakenov 2017]. Второй по значимости являлись металлургия, гончарное производство, домашние промыслы и охота. Общая исследованная площадь поселения составила 3416 кв. м, всего заложено 13 раскопов (номера раскопов – I–XIII).

За керамическим комплексом по количеству обнаруженных артефактов следуют костные остатки животных. В данной работе будут представлены результаты анализа археозоологического материала из раскопов V–XIII (рис. 2).

2 Краткая характеристика раскопов (Сакенов С.К.)

Раскоп V охватывал жилищную впадину, которая находилась в центре поселения. В процессе раскопок на глубине 0,40 м контуры жилища проступили более отчётливо в виде гумусированного пятна размерами 6,50×8,70 м. В юго-западном углу располагался вход шириной 1,60 м, длиной 2,20 м. Возле северных стенок дома и западных стенок коридора с наружной стороны расчищены

Рис. 2. Поселение Шагала́лы II: 1 – раскоп на гл. 20 см; 2 – раскоп на гл. 70 см;
3 – жилище № 5, гл. 90 см. Фото: Сергазы Сакенов

2-сур. Шағалалы II қонысы: 1 – 20 см тереңдіктегі қазба; 2 – 70 см тереңдіктегі қазба;
3 – № 5 үй-жай, 90 см тереңдік. Фото: Серғазы Сәкенов

Fig. 2. Settlement of Shagalaly II: 1 – excavation at the level of 20 cm; 2 – excavation at the level of 70 cm;
3 – dwelling No. 5 at the level of 90 cm. Photo: Sergazy Sakenov

следы хозяйственного сооружения, плотно прилегающего к стенкам жилища. Раскоп охватывал остатки одного жилища с двумя помещениями, с южной стороны находился мощный зольник, в юго-восточной части – жертвенное место, где был расчищен череп лошади.

Анализ материалов показывает несколько этапов последовательного использования площадки, изученной раскопом V. Первоначально было построено жилище № 4, отнесённое к фёдоровской культуре; это прослеживается по составу выкида, образовавшегося при строительстве второго жилища, содержащего керамику фёдоровского облика. Также в заполнении между двумя строительными горизонтами зафиксирована керамика синкретического фёдоровско-саргаринского типа. На следующем этапе значительная часть фёдоровского котлована была вычищена до материка и переиспользована, об этом свидетельствует обнаружение большого количества саргаринско-алексеевской керамики, среди которой встречается керамика синкретического типа – фёдоровско-бегазинская.

Раскоп VI является продолжением раскопа V с расширением на запад. Он полностью охватывает межжилищное пространство, а также выявленную рядом жилищную впадину. До раскопок на поверхности фиксировался котлован, вытянутый по линии север–юг, длиной 7,5 м, шириной 5,4 м. После расчистки на уровне 0,9 м выявлена неполная каркасно-столбовая

конструкция, хорошо законсервированная. Благодаря остаткам обугленных брёвен и деревянных плашек, лежавшим вдоль стен, в центральной части жилища расчищено зольное овальное пятно, вероятно, это очаг открытой формы, о чём свидетельствует прокалённая земля (мощность слоя 0,3 м). Возле очага найден каменный курант размерами 0,2×0,3 м, с обработанной поверхностью. Очаг находился ближе к восточной стене и был вписан во внутреннюю квадратную конструкцию, составленную из четырёх вертикально вкопанных столбов.

В межжилищном пространстве, на участке между раскопами V и VI, зафиксированы следы двух больших очагов. Они представляют собой остатки сажи и слой прокала. После расчистки заполнения очагов найдено множество следов материальной культуры. Кости животных со следами воздействия огня, согласно характеристике среза данных очагов, показывают многократное использование этого участка. Ранними по времени появления являются котлован жилища № 5 и выкид из этого котлована. Постройка относится к фёдоровской культуре. После прекращения функционирования жилища южная и юго-восточная части заполнились светло-серым зольником, в котором встречается керамика фёдоровско-саргаринского типа и собственно саргаринско-алексеевская.

Раскоп VII. Целью исследования было продолжение изучения жилищных впадин, находящихся на одной линии (рис. 3). Раскоп VII является продолжением раскопа VI. На этой площадке выявлены два колодца, пять могильных ям, следы хозяйственного помещения со множеством хозяйственных ям. В другой части ещё до раскопок прослеживалась жилищная впадина размерами 9×6 м, овальной формы, вытянутая длинной стороной по линии север–юг. Также раскоп охватывал вал шириной 2 м, окружавший данный котлован. После расчистки всей площади на уровне 0,40 м в западной части раскопа выявлены следы от столбовых ям. Система расположения этих ям показывает конструкцию жилища. Оно было прямоугольной формы, наземного типа. В северо-западном углу, по направлению к реке, зафиксированы две параллельные линии столбов, которые образуют вход коридорного типа длиной 3 м. Совокупность данных – наличие остатков наземного жилища каркасно-столбового типа в западной части раскопа, в ранних слоях которого обнаружена преимущественно поселенческая керамика фёдоровской культуры, говорит о том, что его западная часть построена фёдоровцами и относится к раннему периоду. Затем свободная площадка, то есть восточная часть, была освоена в позднее время, где в зольном слое доминирует саргаринско-алексеевская керамика.

Раскоп VIII охватывает верхнюю площадку южнее раскопа VII. Этот участок был зольником. В культурном слое найдено большое количество остеологического материала, а также обнаружены фрагменты керамики. Керамический комплекс представлен в основном саргаринско-алексеевским типом.

Раскоп IX заложен в северной части ранее исследованного участка (раскопы V и VI). В процессе раскопа в восточной части, на том отрезке, где до раскопа был виден небольшой котлован с оплывшим валом, на уровне 0,30 м зафиксированы остатки каркасно-столбовой конструкции размерами 6×6 м, а внутрь данного устройства вписана ещё одна конструкция П-образной формы, сложенная из крупных плит, поставленных на ребро. В западной части обнаружены столбовые ямы в виде двух параллельных рядов, расстояние между которыми составляет около 2,5 м. Культурный слой данного раскопа представлен двумя типами керамики. Необходимо отметить одну особенность: здесь на 90% представлены фрагменты керамики, изготовленной на гончарном круге, а 10% – это лепная чернолощённая керамика. Кроме керамического материала также найдены изделия из бронзы и камня.

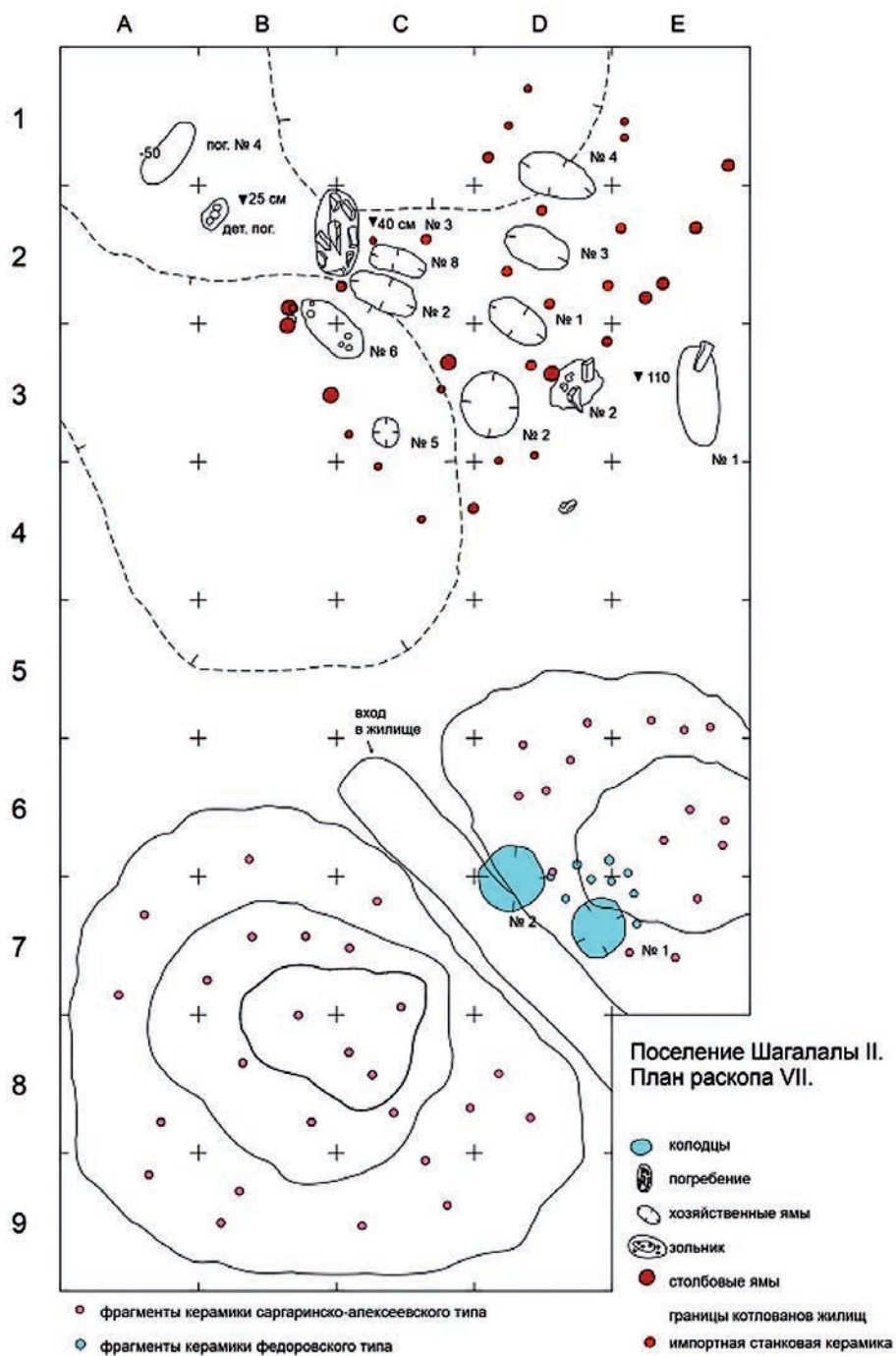

Рис. 3. Поселения Шагалаы II. План раскопа VII. Исполнитель: Сергазы Сакенов
3-сур. Шағалалы II қонысы. VII қазбаның жоспары. Орындаушы: Серғазы Сәкенов
Fig. 3. Settlements of Shagalaly II. Excavation VII plan. Performer: Sergazy Sakenov

Исследование на территории раскопа X, согласно анализу стратиграфии культурных слоёв и материалов, выявило, что остатки конструкции раннего жилища относятся к фёдоровской культуре. После определённого промежутка, когда на поверхности заполнения руин раннего жилища началось образование дернового слоя, котлован был вновь расчищен, и сооружено жилище более позднего времени. Бóльшая часть культурного слоя раннего жилища разрушена в юго-западной части, в которую врезается строение более позднего периода. В итоге на данном раскопе удалось выявить остатки строения двух жилищ: раннего жилища – полуземлянки каркасно-столбового типа прямоугольной формы и позднего жилища наземного каркасно-столбового типа.

Раскоп XI. В южной части на поверхности земли были хорошо видны два жилищных котлована, соединённых между собой. Котлованы круглой формы, размерами 12×12 м, глубиной 0,30 м, соединение представлено в виде слегка углубленной перемычки длиной 3 м. Жилищное пятно фиксировалось на плане и на профилях бровок в виде гумусированного слоя. По краям в некоторых частях находились камни, которые непосредственно связаны с конструкцией круглого жилища. Несколько столбовых ям зафиксированы возле входа, который расположен с восточной стороны и Г-образно поворачивает на север, в сторону реки. Раскопом XI исследована часть жилища, состоящего из двух помещений округлой формы, соединённых между собой проходом. Инвентарь однородный, встречаются только фрагменты чёрной лощёной керамики, орнаменты на них нанесены лишь по валику.

Раскоп XIII. На территории раскопа при внимательном осмотре в некоторых частях фиксировались слабо заметные выступающие края камней. По их расположению удалось определить длину и ширину объекта - 3,8×6,6 м. Ориентировка объекта – длинной стороной на северо-восток–юго-запад. После зачистки второго уровня отчётливо проявились остатки каменного строения. За его пределами располагался зольник. Характеристика каменного строения: торцовая стена полуовальной формы, длиной около 3,9 м. Юго-восточная стена равна 6,60 м. Северо-восточная стена и стена коридора длиной 7 м. Западная стена коридора и, соответственно, его длина 2,5 м, ширина 1,10 м. Около юго-восточного угла зафиксирован очаг открытого типа. За пределами юго-восточной стены расчищены три ямы, в одной из них обнаружен полный скелет лисы, в другой яме находились только череп и некоторые рёбра лисы. В третьей яме, расположенной у юго-восточной стенки, найден и очищен череп лошади. Культурный слой раскопа XIII представлен двумя типами керамики: саргаринско-алексеевской и импортной среднеазиатской станковой. На раскопе собрано большое количество остеологического материала.

Культурный слой поселения Шагала II представлен керамикой разных групп: раннеалакульской, раннефёдоровской, фёдоровско-бишкульской, саргаринско-алексеевской, импортной среднеазиатской станковой, станковой керамикой степного типа, бегазинской и чернолощённой валиковой керамикой. Строительные горизонты поселения фиксируются по стратиграфии жилищ, котлованы которых неоднократно использовались во все периоды эпохи бронзы. Поздние жилища прорезают и нарушают развалы жилищ предыдущего времени, образуя на небольшом участке сложную стратиграфическую колонку.

На основе керамического материала и с помощью анализа стратиграфии выявлена внутренняя хронология развития поселения Шагала II, которая представлена тремя строительными горизонтами [Сакенов 2019]. Актуальными являются междисциплинарные исследования. Это касается перспективных проблем абсолютного датирования и выявления чётких критериев хозяйственно-культурного типа древнего населения Северного Казахстана. На базе

антропологического и зооархеологического материала (изучения костей животных, погребённых индивидов), в результате изучения обугленных брёвен была получена серия новых радиоуглеродных дат (установлены AMS-даты). В целом, ранний строительный горизонт охватывает интервал XVIII–XVII вв. до н.э., второй горизонт – XVII–XV вв. до н.э. (табл. 1).

Таблица 1 – Поселение Шағалалы II. Калиброванные значения дат
1-кесте – Шағалалы II қонысы. Калибрленген мерзім мәндері
Table 1 – Settlement of Shagalaly II. Calibrated date values

Лабораторный номер	Комплекс	Материал	14C возраст, BP	Калиброванные даты (до н.э.)	
				68.2% (1 σ)	95.4% (2 σ)
ИГАН 4249	Раскоп V, кв. А-3, гл. 70 см	Уголь	3370±70	1745–1605 cal BC 3554–3694 cal BP	1576–1536 cal BC 348 –3525 cal BP
ИГАН 4251	Раскоп V, кв. Б-3, гл. 60 см	Уголь	3150±80	1510–1370 cal BC 3319–3459 cal BP	1351–1316 cal BC 3265–3300 cal BP
ИГАН 4250	Раскоп VI, жилище 4, кв. Ж-4, гл. 90–100 см	Уголь	3230±80	1607–1570 calBC 3379–3490 cal BP	1561–1546 cal BC 1541–1430 cal BC 3495–3510 cal BP 3519–3556 cal BP
FTMC-GR14-8	Раскоп VIII, кв. А-2	Кость	2455±26	749 (26.8%) 687 cal BC 666 (10.1%) 641 cal BC 568 (31.3%) 477 cal BC	754 (22.2%) 682 cal BC 670 (16.6%) 609 cal BC 594 (49.7%) 416 cal BC
FTMC-JP46-3	Раскоп VII, Жилище 6, погребение № 1	Зубы	3115±26	1426 (44.8%) 1385cal BC 1340 (23.5%) 1316 calBC	1445 (56.6%) 1366 calBC 1360 (37.9%) 1293 calBC
UBA-50072	Раскоп XIII, гл. 0,60 м, кв. В/1	Кость	2290±26	397–364 cal BC	401–356 cal BC 280–232 cal BC
UBA-50073	Раскоп VII, кв. D/4, к востоку от жилища 6	Зубы	2165±22	347–314 cal BC 205–169 cal BC	354–282 cal BC 231–147 cal BC 139–109 cal BC

Интересным в плане стратиграфии является третий строительный горизонт. В соответствии с радиоуглеродными датами он, в целом, укладывается в интервал XV–XIII вв. до н.э. Культурный слой данного периода разрушен после оставления поселения его жителями. С течением определённого времени на территории появляются временные жилища и погребения раннего железного века, а также вторичные погребения, которые совершены в могильных конструкциях, в которых уже были захоронения позднебронзового века. Ярким примером тому служит жилище № 9: после прекращения функционирования руины были расчищены, а на полу совершено погребение раннего железного века.

Природная ниша, которую занимает поселение Шагалады II, в течение долгого времени обживалась древним населением, поэтому артефакты поселения являются уникальными, что позволяет на фактологическом материале проследить культурно-хозяйственное развитие данного общества. В течение 10-тилетнего исследования поселения Шагалады II получено большое количество зооархеологического материала, ставшего предметом данного исследования.

3 Материалы и методы

3.1 Материалы (Шагирбаев М.С.)

Археозоологический материал накапливался в течение пяти лет (2009, 2012, 2014, 2016–2017 гг.) и обработан полностью. Кости собирали и паковали по секторам, квадратам и слоям. Изучена 2351 кость млекопитающих и одна кость птицы (табл. 3). До вида определены 1883 кости млекопитающих, или 80,0%, минимально от 144 особей. Раздробленные кости млекопитающих в ряде случаев удалось определить до семейства (кость птицы). Сильно фрагментированные 468 костей млекопитающих определялись как «млекопитающие неопределимые». Установлено 13 видов животных: крупный рогатый скот, овца, коза, лошадь, верблюд, собака, олень, косуля, кабан, архар, медведь, волк и лисица. Кости животных выявлены в следующие годы: в 2009 г. (8 экз.), в 2012 г. (184 экз.), в 2014 г. (140 экз.), в 2016 г. (1995 экз.), в 2017 г. (24 экз.).

3.2 Археозоологические методы (Шагирбаев М.С.)

Описание материала включало установление видового состава выборок костных остатков, состав элементов скелета, характер раздробленности и половозрастные особенности. По степени раздробленности кости разделены на две группы – целые и фрагменты. В таблице 4 к «целым» отнесены все собственно целые кости, целые верхние и нижние концы и целые диафизы плечевой, лучевой, бедренной, берцовой костей и метаподии; целые суставные впадины лопатки и таза, целые зубные ряды верхних и нижних челюстей, целые тела позвонков, ребра, сохранившиеся более чем на половину и локтевой отросток с суставной впадиной локтевой кости.

Для анализа соотношения отделов скелета, кости каждой группы домашних копытных были сгруппированы следующим образом (табл. 6). Отдел «Голова» включает фрагменты роговых стержней, кости черепа, нижнюю и фрагмент верхней челюсти. Отдельно выделена группа «Изолированные зубы». В графу «Туловище» входят позвонки, рёбра и крестец. «Проксимальный отдел» включает лопатку, таз, плечевую, лучевую, локтевую, бедренную, берцовую кости и коленную чашечку. К «Дистальному отделу» отнесены карпальные и тарзальные кости, пястные, плюсневые и метаподиальные кости, сесамовидные кости и фаланги.

Измерение костей проводилось по стандартным методикам. Кости крупного рогатого скота и овцы измерялись по методике А. Дриш [Driesch 1976: 56–101]. Некоторые элементы (таранная кость и фаланги) скелета лошади измерялись по методике В. Эйзенманна [Eisenmann et al. 1988: 57, 65–67]. Возрастной состав определялся по состоянию зубной системы – прорезыванию и смене зубов [Silver 1969: 257–264]. Для этого использовались верхние и нижние челюсти и их фрагменты, а также изолированные зубы. Дополнительные данные о возрасте животных мы получаем при изучении прирастания эпифизов костей конечностей, о сроках которого приводятся сведения в статье И.А. Сильвера [Silver 1969: 252–253].

При реконструкции размеров домашних парнокопытных использовались коэффициенты для таранной кости и метаподии [Цалкин 1960; 1961: 127; 1970: 137–138; Teichert 1969; 1975]. Реконструкция высоты в холке лошадей проводилась по методике В.О. Витта [Витт 1952: 173].

Для определения сроков забоя животных использовалось два метода. *Первый метод* основан на эмпирическом подходе. Возраст особей крупного и мелкого рогатого скота ориентировочно определяется по степени стёртости щёчных зубов нижней челюсти [Grant 1982: 92–93; fig. 1–2]. Расчёты возраста, предполагаемые в этом методе, адаптированы нами исходя из местных природно-климатических условий, которые могли сказываться и в древности на сроках оплодотворения и, соответственно, отёла. С целью определения сроков случки и отёла у мелкого и крупного рогатого скота в различных регионах Казахстана в естественных условиях (без применения искусственного осеменения) нами проведены опросы лиц, практикующих в своих хозяйствах традиционные приёмы животноводства (см.: [Полевые исследования автора I–X]). Нами выяснено, что между разными регионами Казахстана существует небольшая разница в сроках отёла животных (табл. 2).

Таблица 2 – Сроки отёла при свободном скрещивании у коров и овец Казахстана по опросным данным 2023 г.
2-кесте – 2023 ж. Қазақстан бойынша сұрастыруда сиыр мен қойдың еркін ұрықтану негізінде тәлдеу мерзімдері
Table 2 – Calving dates for cows and sheep panmixing of Kazakhstan according to the survey data for 2023

Регион	Период
Павлодарский, Карагандинский	Январь–февраль (март)
Костанайский, Каратау, пойма р. Сырдарьи	Февраль–март
Устьюрт, Алакольская низменность	Февраль–март (апрель)

Данные наших опросов о сезонах случки и отёла мелкого и крупного рогатого скота в целом аналогичны результатам этнографического исследования, проведённого в конце XIX – начале XX в. [Букейхан 2018а: 280; 2018б: 84].

Оплодотворение содержащихся на летнем выпасе овец или коз происходит примерно до середины осени. Срок беременности у овец составляет 140–150 дней (4,5–5 мес.) (± 1 неделя) [Құсайынов, Нұров 1983: 63; Елеманов, Ермеков 1954: 256]. Оплодотворение в первой половине осени приводит к отёлу в конце зимы–начале весны [Қыдырнязов 1976: 221; Елеманов, Сысолятин 1964]. В соответствии с этим месяц (месяцы), определённый по методу Гранта, вычитается обратно. Например, если процесс износа m_1 в нижней челюсти соответствует – g (12), m_2 – h (13) и m_3 – h (13), общее количество эквивалентов в ней составляет – 38 (мес.).

Как мы уже отмечали, к животному, родившемуся в конце зимы–начале весны (февраль–март), прибавляется 38 месяцев. Соответственно, предполагаемый срок убоя животного (условно) – май. Однако, учитывая, что в эти месяцы происходят колебания, отметим, что убойные сроки отбираются в несколько более широком диапазоне (например, конец весны и начало лета).

Срок отёла крупного рогатого скота также аналогичен сроку отёла овец, однако есть разница в сроках беременности. Срок беременности у крупного рогатого скота составляет 240–310 дней (в среднем 280–285 дней или 9–9,5 мес.) [Ірі кара шаруашылығы 2006: 184].

Оплодотворение коров, содержащихся в соответствии с зоотехническими нормами (напр., в условиях современных животноводческих хозяйств), возможно в течение всего года. Но при свободном выпасе период случки животных сужается до июня–сентября [Ірі кара шаруашылығы 2006: 188].

Второй метод основан на изучении ежегодно откладывающихся ростовых слоёв в цементе и дентине зубов. Слоистость определяется разной скоростью формирования тканей зуба в тёплый и

холодный сезоны: как правило, первому соответствует мощный слой, второму – тонкий [Клевезаль 1988]. Метод позволяет определять возраст лишь для особей старше 1 года. Определение времени гибели животного возможно лишь с точностью до сезона [Клевезаль 1988]. Для анализа из всей выборки было отобрано 20 зубов четырёх видов копытных: крупный рогатый скот (*Bos taurus*) – 8 экз.; мелкий рогатый скот (*Ovis et Capra*) – 7 экз.; лошадь (*Equus caballus*) – 4 экз.; дикая (?) свинья (*Sus scrofa*) – 1 экз.

3.3 Методы радиоуглеродного анализа (Сакенов С.К.)

Для определения абсолютного возраста углеродсодержащих объектов использован радиоуглеродный метод. В 2023 г. получены четыре новые радиоуглеродные даты. Из них две даты установлены в лаборатории масс-спектрометрии Vilnius Radiocarbon (г. Вильнюс, Литва), лабораторный код FTMC-JP46. Две даты получены в лаборатории радиоуглеродного датирования C14 Chrono при Королевском университете (г. Белфаст, Северная Ирландия), лабораторный код UBA. Все образцы для радиоуглеродного анализа собраны в культурном слое поселения Шагалалы II. В качестве материалов для датирования использованы обгоревшие угли, а также кости и зубы погребённых индивидов. В радиоуглеродных лабораториях образцы были предварительно обработаны по стандартному протоколу кислотно-щелочного и кислотно-основного отбеливания. В качестве эталонных материалов применили IAEA C3, OXII и IAEA C9. Для перевода конвенционного возраста в календарный прибегли к процедуре калибровки, которая также устраняет разницу в 3% периода полураспада. Аппаратура, использованная для анализа: одноступенчатый ускорительный масс-спектрометр (SSAMS, NEC, США), автоматизированное оборудование для графитизации AGE-3 (IonPlus AG). Радиоуглеродные даты были сопоставлены с традиционными методами археологической науки методом стратиграфии.

Таблица 3 – Видовой состав и количество костных остатков млекопитающих из поселения Шагалалы II

3-кесте – Шағалалы II қонысынан табылған сүтқоректі жануар сүйектерінің түрлері мен саны

Table 3 – Species composition and number of mammalian bone remains from the settlement of Shagalaly II

Вид	Раскопы 2012, 2014, 2017 гг.	Раскоп 2016 г.	Всего костей (экз.)	Кол-во костей (%)	Кол-во особей (абс. ед.)
Домашние животные					
МРС – <i>Ovis et Capra</i>	–	436	436	23,8	47
Овца – <i>Ovis aries</i>	96	319	415	22,7	28
Коза – <i>Capra hircus</i>	–	7	7	0,4	2
КРС – <i>Bos taurus</i>	163	622	785	42,9	22
Лошадь – <i>Equus caballus</i>	47	102	149	8,1	23
Верблюд – <i>Camelus bactrianus</i>	–	3	3	0,2	2
Собака – <i>Canis familiaris</i>	1	35	36	2,0	4
Всего домашних	307	1524	1831	100	128
Дикие животные					
Волк – <i>Canis lupus</i>	–	2	2	3,8	1
Лисица – <i>Vulpes vulpes</i>	–	5	5	9,6	2
Медведь – <i>Ursus arctos</i>	–	1	1	1,9	1

Окончание таблицы 3

3-кестенің соңы

End of table 3

Дикая (?) свинья – <i>Sus scrofa</i>	9	7	16	30,8	3
Архар – <i>Ovis ammon</i>	–	5	5	9,6	2
Косуля – <i>Capreolus pygargus</i>	–	14	14	26,9	4
Олень благородный – <i>Cervus elaphus</i>	8	1	9	17,3	3
Всего диких	17	35	52	100	16
Неопределимые до вида кости					
Млекопитающие – Mammalia indet.	Крупные	19	268	287	61,3
	Мелкие	6	175	181	38,7
Птица – Aves indet.	–	1	1	–	–
Всего		351	1995	2352	–

3 Результаты археозоологического анализа (Шагирбаев М.С.)

Домашние животные

Мелкий рогатый скот – *Ovis aries* et *Capra hircus*

Овце принадлежит 415 костей, козе – 7 костей и 436 костей разделить на эти два вида не удалось. Далее все три группы остатков рассматриваются в составе обобщающей группы мелкого рогатого скота (МРС), которому суммарно принадлежит 858 костей минимально от 78 особей (табл. 3; 5). Доля костей МРС занимает 46,9% от общего числа костей животных (табл. 3). Основываясь на данных таблицы 5, можно заключить, что степень раздробленности костей высокая (82,1%).

Среди отделов скелета преобладают кости верхнего и нижнего отделов (табл. 6). Несмотря на то, что многие кости нижнего отдела конечностей достаточно мелкие и часто теряются при раскопках, в материалах поселения Шаггалалы II их достаточно много (4,3%). Преобладание костей верхнего отдела конечностей можно связывать с употреблением в пищу самых «мясных» частей тела животного (таз, лопатка, бедренная, берцовая и плечевая части).

Возрастной состав забиваемых животных определялся по состоянию зубной системы. Среди забитых особей доминируют взрослые и старые. Из 77 животных к ним относятся 55 особей, или 71,3%. Молодые и полувзрослые представлены 14 особями, новорожденные – 8. Данные указывают на комплексное использование МРС для получения шерсти и мяса.

Результаты анализа сезона забоя мелкого рогатого скота по первому методу отражены в таблице 4, из которой следует, что основную часть овец забивали в конце весны или в середине лета в возрасте около 3–4 лет. Следующий пик забоя овец приходился на декабрь, когда возраст животных достигал 21–22 месяцев.

Таблица 4 – Сезон забоя мелкого и крупного рогатого скота на поселении Шаггалалы II
4-кесте – Шағалалы II қонысындағы уақ және ірі қара малдың сойылған мерзімдері

Table 4 – The season of slaughter of sheep and cattle at the settlement of Shagalaly II

Сезон	Возрастные группы, лет					Всего	
	до 1 года	1–2	2–3	3–4	4–5	Абс.	%
Мелкий рогатый скот							
Весна	0	0	3	0	4	7	46,7
Лето	0	0	1	5	0	6	40,0
Осень–зима	0	2	0	0	0	2	13,3

Окончание таблицы 4
4-кестенің соңы
End of table 4

Крупный рогатый скот							
Весна	0	0	2	1	0	3	18,8
Лето	1	2	1	0	0	4	25,0
Осень–зима	1	0	5	2	1	9	56,3

По второму методу исследования сроки убоя мелкого рогатого скота следующие. Сезон забоя животных определен для 4-х особей. Зубы, принадлежавшие трём особям, оказались непригодными для исследования. В выборке преобладают особи, которые были забиты в осенне-зимние месяцы (рис. 4).

В остеологических материалах поселения Шаггалалы II обнаружены целые две пястные и одна плюсовая кости овец. Морфометрические характеристики: длина пястных костей колеблется в пределах 144–158 мм. Длина плюсовой кости 169 мм. Исходя из длины пястных костей, высота в холке овец из поселения Шаггалалы II составляет от 70 до 77 см, а если отталкиваться от длины плюсны, то выше 78 см.

Для изучения взяли промеры овечьих пяточных костей (*calcaneus*), сохранившихся целыми. Максимальная длина пяточных костей овец колеблется в пределах от 62,3 до 68,1 мм ($M=65,2$ мм). По длине пяточных костей высота в холке овец составляет от 71 до 77,6 см ($M=74,3$ см).

Среди костных остатков овец и коз было обнаружено всего три условно целых рога. Это составляет 0,3% костей, принадлежащих мелкому рогатому скоту. Два рога, принадлежащих козе, составляют 28,5% от фактических козьих костей. В.И. Цалкин указывает, что если скот был рогатый, то обломки роговых стержней равны, как правило, 1,35% всех остатков животных, но если скот комолый, то остатки рогов составляют от 0,23 до 0,88% [Цалкин 1966: 11–13]. На основании результатов исследования можно сделать вывод о том, что большая часть МРС поселения Шаггалалы II не имела рогов.

Таблица 5 – Состав и количество элементов скелета домашних копытных животных из поселения Шаггалалы II

5-кесте – Шаггалалы II қонысындағы үй жануарларының қаңқа элементі бойынша құрамы мен саны

Table 5 – Composition and number of elements of the skeleton of domestic ungulates from the settlement of Shaghalaly II

Элементы скелета	МРС		КРС		Лошадь	
	Ц	Ф	Ц	Ф	Ц	Ф
Рог – <i>Cornu</i>	0	3	0	1	0	0
Череп – <i>Cranium</i>	0	13	0	25	0	6
Верхняя челюсть – <i>Maxilla</i>	0	12	0	15	0	3
Нижняя челюсть – <i>Mandibula</i>	14	80	5	64	1	11
Зуб – <i>Dentes</i>	15	7	30	20	14	7
Атлант – <i>Atlas</i>	3	3	5	3	0	2
Эпистрофей – <i>Axis</i>	3	5	0	2	0	1
Позвонки – <i>Vertebrae</i>	19	55	1	34	0	2

Окончание таблицы 5
5-кестенің соңы
End of table 5

Крестец – <i>Sacrum</i>	0	0	0	3	1	0
Ребра – <i>Costae</i>	24	155	6	115	0	15
Лопатка – <i>Scapula</i>	6	48	1	35	1	3
Плечо – <i>Humerus</i>	2	47	0	49	0	10
Лучевая – <i>Radius</i>	5	51	0	37	0	1
Локтевая – <i>Ulna</i>	17	0	0	6	0	2
Таз – <i>Os coxae</i>	4	41	0	16	0	6
Бедро – <i>Femur</i>	2	41	0	43	1	9
Берцовая – <i>Tibia</i>	3	63	1	38	0	8
Коленная чашечка – <i>Patella</i>	1	0	0	0	2	2
Пяточная – <i>Calcaneus</i>	3	4	8	15	0	0
Таранная – <i>Talus</i>	17	1	21	3	2	6
Тарзальная – <i>Tarsus</i>	3	0	7	0	2	0
Карпальная – <i>Carpus</i>	0	0	13	1	0	0
Метаподия – <i>Metapodium</i>	1	9	0	25	0	2
Грифельная – <i>McII-McIV</i>	0	0	0	0	1	3
Пясть – <i>Metacarpale III+IV</i>	4	26	1	16	0	4
Плюсна – <i>Metatarsale III+IV</i>	3	32	0	17	4	4
Фаланга 1 – <i>Phalanx 1</i>	10	0	42	9	5	2
Фаланга 2 – <i>Phalanx 2</i>	1	0	36	4	3	0
Фаланга 3 – <i>Phalanx 3</i>	2	0	9	1	3	0
Всего (экз.)	162	696	188	597	40	109
	858		785		149	
Всего (%)	18,8	81,2	23,9	76,1	26,8	73,2

Крупный рогатый скот – *Bos taurus*. Этому виду принадлежат 785 костей минимально от 22-х особей, что составляет почти 42,9% от всех костей (табл. 3). Подавляющее большинство костей (76,1%) фрагментировано. Обнаружение всех элементов скелета показывает, что разделка животных производилась на территории поселения.

Среди костных остатков доминируют кости проксимального отдела конечностей (34,8%). Преобладание элементов этой (верхней) части конечностей следует связывать с предпочтением употреблять наиболее мясные отделы туши.

Возрастной состав коров определялся по состоянию зубной системы (табл. 7). Среди забитых особей доминируют полувзрослые и старые. Из 22-х особей к старым относится семь животных, или 31,8%. Доля полувзрослых коров представлена семью особями, или 31,8%. Взрослых – четыре особи, или 18,1%. Из молодых животных имеются две коровы, а ещё две особи – новорожденные. Большое количество полувзрослых и старых коров указывает на то, что стадо крупного рогатого скота содержалось для получения комплексной мясо-молочной продукции.

Согласно результатам, полученным по первому из методов анализа возраста, основная часть КРС (56,3%) забита в осенние и зимние месяцы – в период, примерно, с сентября по январь, 25,0% этого скота утилизирована в середине лета, 18,8% – в весенние месяцы (табл. 4).

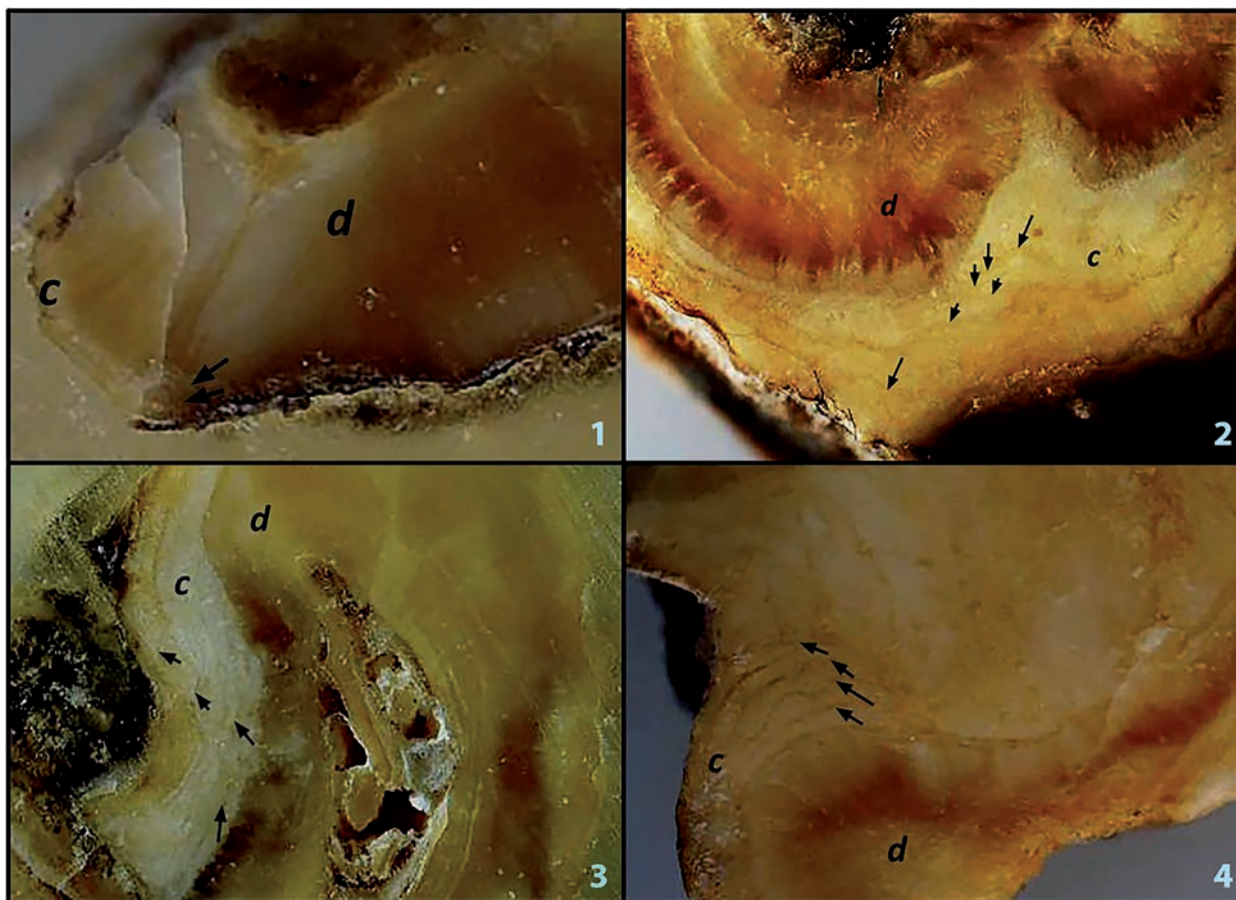

Рис. 4. Участки поперечных аншлифов зубов мелкого рогатого скота из поселения Шагалалы II:
1 – первый нижний предкоренной зуб мелкого рогатого скота (2,5–3 года, зима);
2 – четвертый нижний предкоренной зуб мелкого рогатого скота (6–7 лет, осень);
3 – четвертый нижний предкоренной зуб мелкого рогатого скота (4–5 лет, осень);
4 – четвертый нижний предкоренной зуб мелкого рогатого скота (4–5 лет, осень);
Levenhuk DTX 700 LCD (с – цемент, d – дентин; стрелками указаны «зимние» ростовые слои).
Исполнитель: Мамбет Шагирбаев

4-сур. Шағалалы II қонысындағы уақ мал тістерінің көлденең аншлиф бөлігі:
1 – уақ малдың төменгі жақтағы алдыңғы бірінші азу тісі (2,5–3 жас, қыс);
2 – уақ малдың төменгі жақтағы алдыңғы төртінші азу тісі (6–7 жас, күз);
3 – уақ малдың төменгі жақтағы алдыңғы төртінші азу тісі (4–5 жас, күз);
4 – уақ малдың төменгі жақтағы алдыңғы төртінші азу тісі (4–5 жас, күз);
Levenhuk DTX 700 LCD (с – цемент, d – дентин; көрсеткіштермен «қысқы» өсу қабаттары көрсетілген). Орындаушы: Мәмбет Шағырбаев

Fig. 4. Sections of transverse teeth enamel folds of small cattle from the settlement of Shagalaly II:
1 – the first lower premolar tooth of small cattle (2.5–3 years, winter);
2 – the fourth lower premolar tooth of small cattle (6-7 years, autumn);
3 – the fourth lower premolar tooth of small cattle (4-5 years, autumn);
4 – the fourth lower premolar tooth of small cattle (4-5 years old, autumn);
Levenhuk DTX 700 LCD (c – cement, d – dentine; arrows indicate “winter” growth layers).
Performer: Mambet Shagirbayev

Согласно второму из методов, сезон забитых животных определён для шести особей. Зубы двух особей оказались непригодными для исследования. Анализ сезона гибели показывает, что четыре особи забиты в холодный период года – осенью и зимой (рис. 5, 2–4), а другие две особи – в летнее время (рис. 5, 1).

Обломков роговых стержней КРС обнаружено чрезвычайно мало. На поселении количество рога составляет всего 0,7% от остатков крупного рогатого скота. Несмотря на то, что все кости крупного рогатого скота происходят минимально от 22-х особей, выявлено всего шесть фрагментов рога. Один фрагмент лобной кости КРС достоверно принадлежал комолой особи. Таким образом, опираясь на имеющиеся материалы, мы можем заключить, что скот из поселения Шагала-лы II в большинстве своём не имел рогов. О распространённости комолого скота в эту эпоху можно судить по материалу из памятников Центрального, Северного Казахстана, Мугалжар, а также Челябинской (Устье) и Оренбургской (Каргалы III) областей РФ [Гайдученко 1998; Калиева, Логвин 1997: 87; Оутрам, Каспаров, 2007: 111; Косинцев, Бачура 2013: 369; Каргалы III 2004: 216; Антипина 2022: 44].

При обработке остеологических материалов нами обнаружена одна условно целая метаподия (раздроблена продольно). Наибольшая длина пястной кости КРС составляет 200,1 мм, что позволяет отнести её к корове.

В результате проведённой работы выявлено, что высота в холке КРС по таранным костям из поселения Шагала-лы II колеблется в пределах 109,3–130,3 см (M=118,2 см). Сравнивая полученные результаты с данными В.И. Цалкина, можно убедиться в том, что крупный рогатый скот из Шагала-лы II оказывается в среднем несколько меньше, чем примитивные современные породы. Однако высота скота в холке из поселения Шагала-лы II варьирует в пределах нормы для высоты скота эпохи бронзы и раннего железного века. Например, рост крупного рогатого скота на поселении Кент в среднем составлял 120 см в холке [Оутрам, Каспаров 2007: 110], а рост особей из поселения Мыржик – 105–115 см [Ахинжанов и др. 1992: 146].

Таблица 6 – Соотношение отделов скелета домашних животных из поселения Шагала-лы II
6-кесте – Шагала-лы II қонысынан табылған үй жануарларының қаңқа бөлігі бойынша құрамы
Table 6 – The ratio of sections of the skeleton of domestic animals from the settlement of Shagalaly II

Отделы скелета	Овца/коза		КРС		Лошадь	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Голова	122	14,2	110	14,0	21	14,1
Изолированные зубы	22	2,6	50	6,4	21	14,1
Туловище	267	31,1	169	21,5	21	14,1
Проксимальный отдел конечностей	356	41,5	273	34,8	53	35,6
Дистальный отдел конечностей	91	10,6	185	23,3	33	22,1
Всего костей (экз. / %)	858	100,0	785	100,0	149	100,0

Лошадь – *Equus caballus*. Среди домашних копытных этому виду принадлежит 149 костей минимум от 23-х особей (табл. 3). Кости лошади занимают в выборке 8,1% от общего числа костей домашних животных. Они, как и кости остальных копытных, сильно фрагментированы (73,9%).

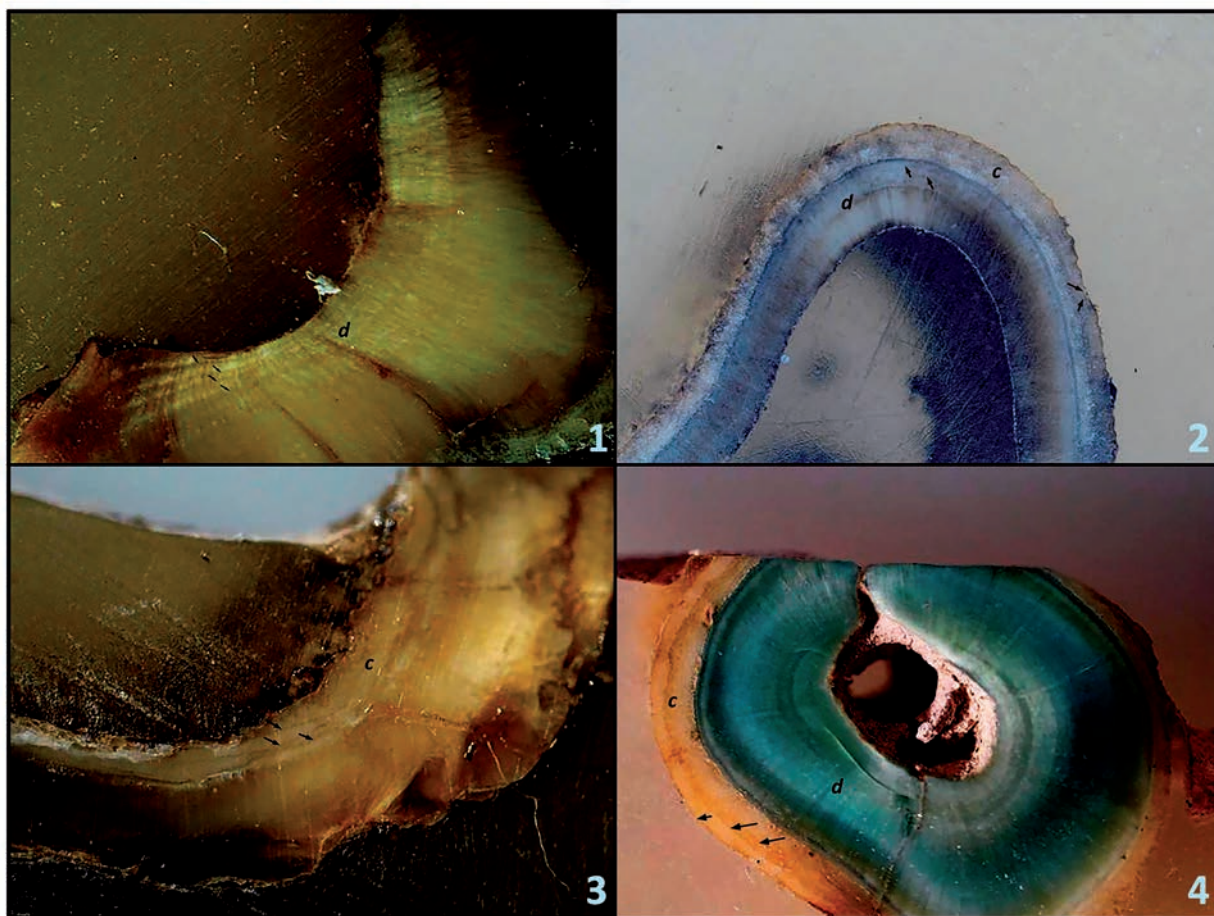

Рис. 5. Участки поперечных аншлифов зубов крупного рогатого скота из поселения Шагалалы II:

- 1 – третий верхний предкоренной зуб крупного рогатого скота (4–5 лет, лето);
- 2 – третий нижний молочный премоляр крупного рогатого скота (2 года, осень);
- 3 – второй верхний коренный зуб крупного рогатого скота (3 года, осень);
- 4 – резец крупного рогатого скота (3 года, зима).

Levenhuk DTX 700 LCD (с – цемент, d – дентин; стрелками указаны «зимние» ростовые слои).
Исполнитель: Мамбет Шагирбаев

5-сур. Шағалалы II қонысындағы ірі қара мал тістерінің көлденең аншлиф бөлігі:

- 1 – ірі қара малдың жоғарғы жақтағы алдыңғы үшінші тісі (4–5 жас, жаз);
- 2 – ірі қара малдың төменгі жақтағы үшінші алдыңғы сүт тісі (2 жас, күз);
- 3 – ірі қара малдың жоғарғы жақтағы екінші азу тісі (3 жас, күз); 4 – ірі қара малдың күрек тісі (3 жас, қыс).

Levenhuk DTX 700 LCD (с – цемент, d – дентин; көрсеткіштермен «қысқы» өсу қабаттары көрсетілген).
Орындаушы: Мәмбет Шағырбаев

Fig. 5. Sections of transverse teeth enamel folds of cattle from the settlement of Shagalaly II:

- 1 – the third upper premolar tooth of cattle (4–5 years, summer);
- 2 – the third lower dairy premolar of cattle (2 years, autumn);
- 3 – the second upper molar of cattle (3 years, autumn);
- 4 – cattle cutter (3 years, winter). Levenhuk DTX 700 LCD

(с – cement, d – dentine; arrows indicate “winter” growth layers).
Performer: Mambet Shagirbayev

Соотношение костей из разных отделов скелета неодинаково, значительно доминируют кости проксимальных отделов конечностей (табл. 6).

Среди забитых животных доминируют взрослые (10) и старые (3) особи – 56,7%. Молодые и полувзрослые представлены шестью и четырьмя особями (табл. 7). Возраст и сезон забоя определён только для одной особи лошади (рис. 6, 2): она была забита в 9–12 лет и в летнее время года. Зубы 4-х особей оказались непригодными для исследования.

Экстерьерный тип лошадей Шагалалы II можно охарактеризовать по размерам плюсневых костей. Среди костных остатков нами были обнаружены всего две целые плюсневые кости.

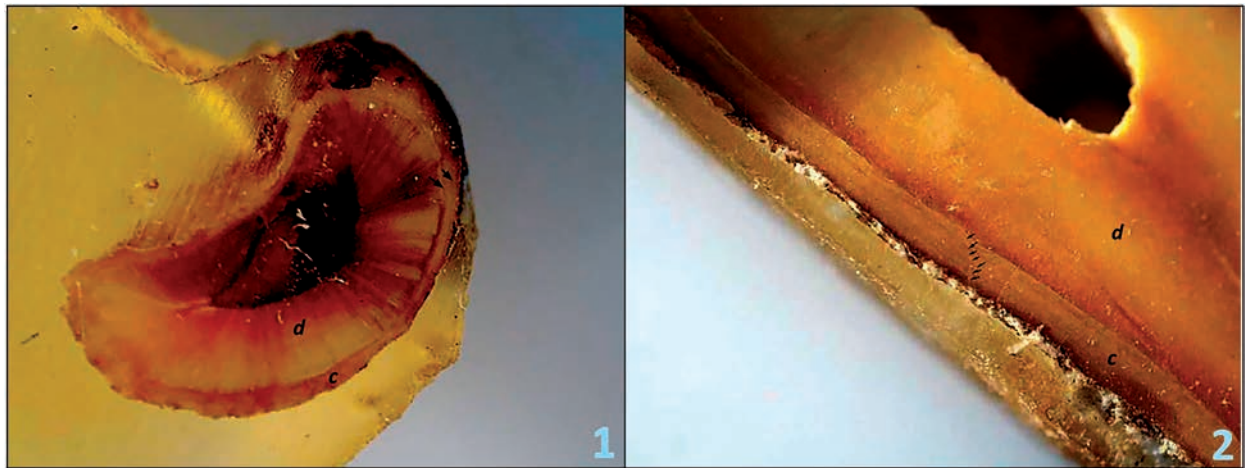

Рис. 6. Участки поперечных аншлифов зубов копытных из поселения Шагалалы II:
1 – первый верхний коренной зуб дикой? свиньи (2 года, лето);
2 – резец лошади (9–12 лет, лето).
Levenhuk DTX 700 LCD (c – цемент, d – дентин; стрелками указаны «зимние» ростовые слои).
Исполнитель: Мамбет Шагирбаев

6-сур. Шағалалы II қонысындағы тұяқты жануар тістерінің көлденең аншлиф бөлігі:
1 – жабайы? шошқаның жоғарғы жақтағы бірінші азу тісі (2 жас, жаз);
2 – жылқының күрек тісі (9–12 жас, жаз).
Levenhuk DTX 700 LCD (c – цемент, d – дентин; көрсеткіштермен «қысқы» өсу қабаттары көрсетілген).
Орындаушы: Мәмбет Шағырбаев

Fig. 6. Sections of transverse ungulate teeth enamel folds from the settlement of Shagalaly II: 1 – the first upper molar of the wild? pigs (2 years, summer); 2 – cutter of a horse (9–12 years, summer).
Levenhuk DTX 700 LCD (c – cement, d – dentine; arrows indicate “winter” growth layers).
Performer: Mambet Shagirbayev

Наибольшая длина плюсневых костей колеблется от 269 до 279 мм. Ширина диафиза 28,0 и 37,8 мм. Индекс ширины диафиза левой плюсневой кости 10,4%, правой – 13,5%. Эти показатели выходят за пределы индексов, приведённых в работе В.О. Витта. Высота в холке лошадей 136–144 см (средние по росту) и 144–152 см (выше среднего или рослые).

Верблюды – *Camelus bactrianus*. Данному виду принадлежат три кости минимально от двух особей (табл. 3). Кости верблюда составляют в выборке 0,2% от общего числа. Все элементы являются фрагментами плечевой кости: два дистальных эпифиза и обломок диафиза. Все кости

принадлежали взрослым особям. Эпифизы плечевых костей обеих сторон тела принадлежат взрослому животному, а фрагмент диафиза – молодой особи.

Таблица 7 – Возрастной состав домашних животных из поселения Шагалалы II
7-кесте – Шағалалы қонысынан табылған үй жануарларының жас ерекшеліктері
Table 7 – Age composition of pets from the settlement of Shagalaly II

Состояние зубной системы нижней челюсти	Возраст	Абс.	%
	<i>Мелкий рогатый скот</i>		
m3 есть	Старше 24 месяцев	22	28,5
m2 есть, m3 нет	12–24 месяцев	33	42,8
m1 есть, m2 нет	3–12 месяцев	14	18,1
m1 отсутствует	До 3 месяцев	8	10,3
Всего особей		77	100,0
	<i>Крупный рогатый скот</i>		
pm3 постоянный	Старше 34 месяцев	7	31,8
m3 есть	Старше 28 месяцев	4	18,1
m2 есть, m3 нет	18–28 месяцев	7	31,8
m1 есть, m2 нет	6–18 месяцев	2	9,0
m1 отсутствует	До 6 месяцев	2	9,0
Всего особей		22	100,0
	<i>Лошадь</i>		
Старые особи		3	13,0
Взрослые особи		10	43,7
Полувзрослые особи		6	26,0
Молодые особи		4	17,3
Всего особей		23	100,0
	<i>Верблюд</i>		
Взрослые особи		1	50,0
Полувзрослые особи		1	50,0
Всего особей		2	100,0

Собака – *Canis familiaris*. Собаке принадлежат 36 костей минимум от 4-х особей (табл. 3). Среди элементов скелета наиболее многочисленны фрагменты позвонков и бедренной кости. Две бедренные кости, одна берцовая кость и одна пястная кость сохранились целыми. Удалось определить возраст двух животных: 1) череп с нижней челюстью принадлежит старому животному; 2) нижняя челюсть, принадлежащая взрослой особи, имеет все коренные зубы, но со слабой стёртостью.

Модификационные изменения костей домашних животных

Всего зафиксировано 55 костей с различными модификационными изменениями (2,3% от всех костей). Большая часть костей модифицирована животным (табл. 8).

Двадцать девять костей МРС имеют следы погрызов, по-видимому, собакой. На трёх костях обнаружены следы воздействия огня, а пять костей имеют множественные трасологические признаки (заготовки для костяных орудий труда, а также для наконечников дротиков и копий).

Две кости КРС сильно кальцинированы, четыре кости обгорелые, семь костей имеют следы погрызов хищником, видимо, собакой. Среди обработанных костей (в основном, это заготовки) нами определены пять костей, принадлежавших КРС. У одной пястной кости надрезан верхний конец. У берцовой кости имеются отверстия на дорсальной стороне ближе к верхнему концу. Другой

берцовой кости диафиз отрублен косо (наклонно), также у одной берцовой кости поперечно спилена диафиз. Особый интерес вызывает нижняя челюсть крупного рогатого скота со следами воздействия режущим орудием. Лицевая сосудистая вырезка на вентральном крае имеет участки среза.

Две кости лошади имеют следы погрызов хищником, видимо, собакой. Обнаружен фрагмент нижней челюсти со следами обгорания.

В ходе обработки археозоологической коллекции обнаружена пястная кость овцы со следами погрыза мелким рогатым скотом. Одна кость КРС имеет характерные следы погрызов копытными животными (остеофагия). Остеофагия – врожденная особенность копытных всех размерных классов, связанная с травоядной диетой, не способной удовлетворять часть запросов организма животного [Рассадников 2017а: 163; 2017б: 181].

На одной тазовой кости обнаружены эбурнеация в вертлужной впадине.

Таблица 8 – Соотношение видов и типов модифицированных костей из поселения Шагдалы II

8 – кесте – Шағдалы II қонысынан табылған модификацияланған сүйектердің түрлері мен қатынасы

Table 8 – The ratio of sorts and types of modified bones from the Shagdalaly II settlement

Модификации костей	Пос. Шагдалы II	
	Абс.	%%
Изделие/заготовки	5	9,1
Рубка	5	9,1
Обгорелые	7	12,7
Кальцинированные	2	3,6
Погрызенные (собакой/хищником)	36	65,5
Всего модифицированных костей	55	
Всего модифицированных человеком	19	34,5
Всего модифицированных животным	36	65,5

Дикие животные

Дикая (?) свинья, кабан – *Sus scrofa*. Данному виду принадлежат 16 костей, среди них – шесть без повреждений, две – условно целые, восемь – раздроблены. Кости кабана обнаружены с поля жилища 2 и с другой территории раскопа (сектор Г-9). Все кости происходят от трёх особей (табл. 3). Определены следующие элементы скелета: два фрагмента верхней челюсти (раздробленные), фрагмент нижней челюсти (венечный и мышечковый отросток отрублены), две целые метаподии, два целых позвонка, фрагмент ребра, целые фаланги. Судя по стёртости зубов, можно заключить, что кости принадлежали взрослым особям.

Для определения сезона гибели животного оказался пригодным первый верхний коренной зуб кабана. Установлено, что животное добыто в летнее время в возрасте 2-х лет (рис. 6, 1).

Костные остатки, найденные на синхронных поселениях (Новоникольское 1, Петровка II, Конезавод III, Саргары) Северного Казахстана, определены как принадлежавшие кабану [Макарова 1976: 225; 1980: 150]. Кости, найденные на поселениях Устье 1, Аркаим [Косинцев, Бачура 2013: 378; Косинцев 2020: 41], Большая Березовая-2 и Малая Березовая-4 [Рассадников 2017б: 177, 182] на территории Южного Урала, датируемые эпохой бронзы, определены как домашняя свинья. Заметим, что по мнению исследователей, свиноводство не являлось значимой отраслью животноводства

в бронзовом веке Южного Зауралья. В отношении костей свиньи, найденных на поселении Шагала-лы II, мы затрудняемся с полной ответственностью сказать, принадлежали ли они домашней или дикой форме. Однако, исходя из полученной картины по другим синхронным памятникам из соседних регионов, мы склоняемся к выводу о том, что это дикая форма, т. е. кабан.

Благородный олень – *Cervus elaphus*. Копытному принадлежит девять костей: фрагменты черепа, изолированные зубы, фрагмент нижней челюсти, дистальный эпифиз плечевой кости и фрагмент рога. Сохранность рога плохая, костная ткань рыхлая. На основании рога зафиксированы следы рубки. Корни зубов закрыты, окклюзионные поверхности стёрты. Все кости принадлежали взрослым особям.

Косуля – *Capreolus pygargus*. Этому виду принадлежит 14 костей минимально от четырех особей. У плечевой кости дистальный эпифиз приросший. На нижней челюсти m3 прорезался и успел стереться. У пяточных костей бугры (*tuber calcanei*) приросли, проксимальные эпифизы фаланг срослись с диафизом. Вероятно, все кости происходят от взрослых особей.

Архар – *Ovis ammon*. Дикому барану принадлежат три дистальные части плечевых костей и две целые фаланги. Все кости принадлежали минимально двум взрослым особям.

Волк – *Canis lupus* представлен в материале проксимальным концом локтевой кости и нижней челюстью вместе с плохо сохранившимся альвеолярным рядом. Обе кости от взрослой особи.

Медведь – *Ursus arctos*. Идентифицирована единственная половая кость (*os baculum*), принадлежавшая самцу. Эта кость встречается только в пяти отрядах млекопитающих. Учитывая нечастое употребление хищных животных в пищу людьми и тот факт, что обычно этот элемент скелета очень плохо сохраняется в ископаемом виде, поскольку сложен из менее плотной костной ткани, чем многие другие кости [Акаевский и др. 2005: 365], следует заключить, что половая кость – достаточно редкая находка.

Лисица – *Vulpes vulpes*. Найдено пять костей от двух взрослых особей зверя. Среди костных остатков целыми обнаружены большая берцовая кость и нижняя челюсть.

Птица – *Aves indet.* Сделана лишь одна находка птицы – фрагмент грудной кости.

Степень раздробленности костей. Среди неопределимых костей, условно распределённых между «крупными млекопитающими» и «мелкими млекопитающими», преобладает первая группа (61,3%). Это соотношение косвенно связано с соотношением остатков соответствующих групп копытных – КРС, лошади, верблюда, оленя, с одной стороны, и МРС, собаки, архара, косули, кабана, волка, лисицы – с другой. Показатель степени раздробленности костей призван характеризовать особенности разделки и обработки частей туши при приготовлении пищи. Однако нельзя не признать и влияние на его величину методов извлечения и полевых сборов костных остатков в ходе раскопок.

4 Обсуждение (Шагирбаев М.С.)

Остеологические материалы, найденные на поселении Шагала-лы II, дополняют ранее известные сведения о животноводстве жителей бронзового века Северного Казахстана новой информацией. В ходе сравнительного анализа материалов поселения Шагала-лы II и других синхронных ему памятников долины р. Ишим на предмет их особенностей в животноводстве, можно видеть как общие признаки, так и локальные черты.

В соотношении видов домашних животных встречается ряд различий между поселениями. В большинстве памятников преобладают кости КРС, а в нашем материале первое место занимают кости МРС (табл. 9). В материалах поселения Шагала-лы I обнаружено в два раза больше костей

КРС, чем МРС [Макарова 1970: 270, табл. 1]. То же самое мы видим в материалах поселений Новоникольское I, Петровка II [Макарова 1980: 141, табл. 1; 142, табл. 2] и Саргары [Макарова 1976: 212, табл. 1] в долине р. Ишим. Интересно, что в остеологических материалах таких поселений Центрального Казахстана, как Балкан [Байтлеу, Шагирбаев 2020], Талдысай [Гайдученко 2013], Атасу, Суук-Булак, Бугулы и Шортанды булак [Макарова 1977: 130, табл. 5] кости МРС преобладают над костями КРС. В раннем железном веке на поселении Абылай в Центральном Казахстане кости мелкий рогатый скот доминируют среди костных остатков домашних копытных [Бейсенов и др. 2018: 170, табл. 1]. Однако в Восточном Казахстане на поселении той же эпохи Акбауыр костей КРС значительно больше, чем костей МРС [Шагирбаев 2022: 160, табл. 1]. Фаунистический анализ показал, что на поселениях бронзового века северных регионов Казахстана кости КРС наиболее многочисленны. Однако результаты наших исследований позволяют заключить, что эта ситуация не одинакова для всех памятников.

Таблица 9 – Видовой состав и количество костных остатков животных с поселений эпохи бронзы Северного Казахстана
9-кесте – Солтүстік Қазақстандағы қола дәуірі қоныстарынан табылған жануар сүйектері қалдығының саны және түр бойынша құрамы
Table 9 – Species composition and number of bone remains of animals from settlements of the Bronze Age of Northern Kazakhstan

Виды	Шагалалы II	Шагалалы I	Новоникольское I	Петровка II	Сарга-ры	Всего	
						Экз.	%
МРС	858	116	895	748	1024	3641	27,8
КРС	785	354	1907	1265	1867	6178	47,2
Лошадь	149	172	602	702	1407	3032	23,2
Верблюды	3	0	0	0	0	3	0,0
Собака	36	+	20	20	26	102	0,8
Кулан	0	6	3	0	0	9	0,1
Тур	0	1	0	0	0	1	0,0
Благородный олень	9	0	0	0	0	9	0,1
Северный олень	0	+	0	0	0	0	0,0
Лось	0	0	5	3	0	8	0,1
Косуля	14	0	0	0	0	14	0,1
Архар	5	+	0	0	0	5	0,0
Сайга	0	+	1	0	6	7	0,1
Джейран	0	0	0	0	0	0	0,0
Кабан (?)	16	0	5	25	1	47	0,4
Медведь	1	0	0	0	0	1	0,0
Волк	2	0	0	0	7	9	0,1
Корсак	0	0	0	0	0	0	0,0
Лисица	5	+	0	0	2	7	0,1
Степной хорь	0	+	0	0	0	0	0,0
Барсук	0	0	0	0	0	0	0,0
Бобр	0	0	1	1	1	3	0,0

Окончание таблицы 9

9-кестенің соңы

End of table 9

Заяц	0	0	1	0	5	6	00
Птица	1	+	0	0	0	1	00
Всего	1884	649	3440	2764	4346	13083	100

Среди домашних копытных особого внимания заслуживает обнаружение костей верблюда. Ранее был зафиксирован костный элемент верблюда в Северном Казахстане на поселении эпохи бронзы Алексеевское [Кривцова-Гракова 1948: 102]. Костные остатки этого вида выявлены в Центральном Казахстане на поселениях Атасу [Макарова 1977: 130, табл. 5] и Талдысай [Гайдученко 2013], а также скелет верблюжонка входил в состав погребального комплекса Аксу-Аюлы 2 (курган № 2, каменный ящик) [Маргулан и др. 1966: 175].

Сравнение результатов остеометрического исследования костей домашних животных на поселении Шаггалалы II с аналогичными размерами костей в синхронных памятниках показало сходные пределы изменчивости (табл. 10) [Ахинжанов и др. 1992: 67, 77, 90, 109, табл. 17, 24, 32, 39].

Таблица 10 – Размерные признаки ($M \pm \sigma$ / Min - Max) костей крупного рогатого скота
10-кесте – Ірі қара мал сүйектерінің өлшемдік белгілері ($M \pm \sigma$ / Min - Max)
Table 10 – Dimensional features ($M \pm \sigma$ / Min - Max) of cattle bones

Признаки	Северный Казахстан				
	Шагалалы II	Шагалалы I	Петровка II	Конезавод III	Саргары
	Таранная кость – Talus				
	n = 11	n = 32	n = 57	n = 62	n = 38
Длина наибольшая (латеральная)	$61,5 \pm 5,39$ 54,8 – 75,3	65,7 55,0 – 73,0	$66,4 \pm 4,22$ 55,5 – 80,0	$65,5 \pm 5,19$ 56,0 – 77,5	68,7 – 5,42 51,0 – 78,0
Пяточная кость – Calcaneus					
Длина наибольшая	n = 4	n = 25	n = 12	n = 34	n = 18
	$143,7 \pm 12,6$ 129,5 – 159,0	136,8 124,5 – 162,0	135,6 114,0 – 162,0	$138,49 \pm 16,90$ 112,0 – 181,5	$151,2 \pm 12,86$ 128,0 – 170,0
Берцовая кость – Tibia					
Ширина нижнего конца	n = 6	n = 14	n = 57	n = 26	n = 12
	$62,8 \pm 7,40$ 57,4 – 72,4	63,8 56,5 – 73,0	66,4 55,5 – 80,0	$65,8 \pm 1,05$ 55,0 – 75,0	$62,3 \pm 4,55$ 56,0 – 70,0

Сравнение результатов измерений метаподий показало схожие размеры у домашних животных из поселений эпохи бронзы Северного Казахстана (табл. 11).

Таблица 11 – Сравнение роста в холке домашних копытных из поселений Северного Казахстана
11-кесте – Солтүстік Қазақстандағы қоныстардың тұяқты үй жануарларының жота биіктігін салыстыру
Table 11 – Comparison of the height at the withers of domestic ungulates from the settlements of Northern Kazakhstan

Памятники	Высота в холке, см		
	КРС	МРС	Лошадь
Конезавод III	115–120	50–75	136–144
Шагалалы II	120	73–78	136–144
Шагалалы I	115–130	52–76	128–136
Новоникольское I	110–120	64–78	136–144
Саргары	115–125	78	136–144
Петровка II	125–130	68	136–144

Остаётся открытым вопрос о том, охотились ли на туров (*Bos primigenius*) жители поселения Шаггалалы II. Л.А. Макарова утверждает, что в ходе изучения материалов из поселения Шаггалалы I была обнаружена нижняя челюсть, принадлежавшая туру [Макарова 1970: 275]. К памятникам, на которые исследователи опирались при морфометрическом исследовании костей КРС, придя к выводу, что они могли принадлежать туру, относятся: Алексеевское поселение [Кривцова-Гракова 1948: 101–102], Чаглинка [Макарова 1970: 275–276], поселения Кент [Оутрам, Каспаров 2007: 111] и Абылай [Косинцев и др. 2022: 689]. В материалах нашего исследования кости тура не встречались. Однако среди костей КРС обнаружены таранные кости крупных размеров. Размеры таранных костей, обнаруженных на поселении Шаггалалы II, колеблются в пределах 55,8–75,3 мм (М=61,5 мм).

В результате морфометрических анализов таранных костей КРС (302 экз.) и тура (164 экз.), обнаруженных в местонахождениях Южного Зауралья, выяснилось, что максимальная длина таранных костей КРС колеблется в пределах 51,0–78,0 мм, а у туров 75,0–102,0 мм [Косинцев, Кисагулов 2018: 49–50]. Ш. Бекени, исследовав таранные кости, принадлежавшие туру, считает, что их наибольшая длина колеблется в пределах 77–95 мм [Bökönyi 1962]. В своих исследованиях И. Бесснек также отмечал, что таранные кости тура вписываются в рамки указанных измерений [Boessneck 1957]. Однако В.И. Цалкин указывает на тот факт, что вышеназванные авторы не раскрывают, какому животному принадлежат таранные кости в диапазоне 68–76 мм. На наш взгляд, большинство таранных костей крупных размеров на поселении Шаггалалы II принадлежит домашним быкам, соответственно, меньшие размеры принадлежат домашним же коровам.

Ряд исследователей объясняет массовый забой КРС поздней осенью и в зимний период низкой приспособленностью к суровым природным условиям [Оутрам, Каспаров 2007: 112]. Однако, на наш взгляд, он объясняется лишь естественной потребностью населения в мясе в этот сезон, залогом чего являлся хороший откорм в течение пастбищного сезона.

Костный материал из Шаггалалы II и из других поселений Северного Казахстана даёт некоторое представление об аборигенной фауне млекопитающих различных по распространенности и разнообразных в видовом отношении. На Шаггалалы II собрано значительное количество костных остатков диких животных, причём промысловых зверей здесь больше, чем на других поселениях Северного Казахстана этой эпохи.

5 Заключение (Шагирбаев М.С.)

Основную часть определимых костных остатков составляют кости домашних копытных животных (77,8%). Из них наибольшая доля (46,9%) приходится на кости МРС. Второе место по количеству костей занимает КРС (42,9%), третье – лошадь (8,1%). Среди МРС значительно преобладает овца. Имеются кости верблюдов и собак.

Костные материалы сильно фрагментированы (82,1%) и большинство их является типичными «кухонными» остатками, реже встречались обработанные заготовки или фрагменты орудий труда из кости. Части туш различных видов домашних копытных использовались неодинаково, о чём свидетельствует соотношение остатков разных отделов скелета. Нужно отметить, что доминирующей возрастной группой у домашних копытных является группа взрослых особей. Это свидетельствует об отсутствии выраженного «мясного» направления в животноводстве.

По возрастному составу мелкого рогатого скота можно заключить, что его забой носил сезонный характер, подавляющее большинство животных забивали с конца весны по начало зимы.

Забой основной части стада крупного рогатого скота приходится на осенние и зимние месяцы в возрасте особей примерно от 1,5 до 5-ти лет. Широкий возрастной интервал, вероятно, связан с разведением этого скота для получения молока (приоритетный продукт) и мяса. Признаков использования крупного рогатого скота для физических работ не выявлено.

Находки костей, погрызенных копытными (КРС и овцами) или прошедших через пищеварительный тракт, косвенно свидетельствует о том, что часть этих животных содержали какое-то время на площадке поселения, что наиболее целесообразно в холодный период.

Наличие среди костей копытных новорожденных особей (8 ягнят, 4 жеребёнка, 2 телёнка) и эмбрионов не противоречит заключению о том, что древние жители проводили забой домашнего скота в конце зимы – начале весны.

Забой лошадей проводили в зрелом и старом возрасте, что свидетельствует о многофункциональном использовании копытного в течение большей части жизни животного.

Кости собак (минимум от 4-х особей), обнаруженные в культурном слое и обглоданные собаками кости (38 экз.), свидетельствуют о том, что собаки на поселении содержались постоянно.

Охота в хозяйстве населения Шагала II играла незначительную роль. Кости диких животных очень малочисленны и представлены как «мясными» (косуля, олень, архар, кабан), так «пушными» (волк, лисица) и «мясо-пушными» (медведь) видами. Кости диких животных составляют всего 2,7%. Несмотря на то, что поселение располагалось на берегу полноводной реки, в остеологическом материале кости рыб отсутствуют.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Акаевский А.И., Юдичев Ю.Ф., Селезнев С.Б. *Анатомия домашних животных* / Под. ред. С.Б. Селезнева. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Аквариум-Принт, 2005. 640 с., илл.
- 2 Антипина Е.Е. «Под знаком комолой коровы...» – возвращаясь к остеологической коллекции поселения Горный // *Археология Евразийских степей*. 2022. № 2. С. 40-52.
- 3 Ахинжанов С.М., Макарова Л.А., Нурумов Т.Н. К истории скотоводства и охоты в Казахстане (по остеологическому материалу из археологических памятников энеолита и бронзы). Алматы: Гылым, 1992. 217 с.
- 4 Байтлеу Д., Шагирбаев М.С. Результаты палеозоологического анализа остеологического материала из поселения эпохи бронзы Балкан в Центральном Казахстане // *Народы и религии Евразии*. 2021. Т. 26, № 4. С. 21-31.
- 5 Бейсенов А.З., Гимранов Д.О., Ахияров И.К., Дуйсенбай Д.Б. Поселение сакского времени Абылай в Центральном Казахстане // *Теория и практика археологических исследований*. 2018. № 2 (22). С. 157–178.

- 6 Букейхан Алихан. Сочинения (Материалы экспедиции Щербины, 1903 г.). Т. II. Астана: Алашорда, 2018а. 684 б.
- 7 Букейхан Алихан. Сочинения (Материалы экспедиции Щербины, 1903–1905 гг.). Т. III. Астана: Алашорда, 2018б. 684 б.
- 8 Витт В.О. Лошади Пазырыкских курганов // СА. 1952. № 16. С. 163-206.
- 9 Гайдученко Л.Л. Крупный рогатый скот энеолита степной зоны Казахстана (доместикационные признаки на черепе и нижней челюсти) // Вопросы археологии Казахстана / Отв. ред. З. Самашев. Алматы; М.: Гылым, 1998. Вып. 2. С. 175-178.
- 10 Гайдученко Л.Л. Osteологические материалы поселения Талдысай // Комплекс памятников в урочище Талдысай / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: ИА КН МОН РК, 2013. Т. 1. С. 353-363.
- 11 Елеманов А.Е., Ермеков М.А. Қой шаруашылығы. Алматы: Қазақ мемлекеттік баспасы, 1954. 320 б.
- 12 Елеманов А., Сысолятин А. Қой шаруашылығының негіздері. Алматы: Мектеп, 1964. 102 б.
- 13 Калиева С.С., Логвин В.Н. К проблеме истоков кочевничества в азиатских степях // Скотоводы Тургая в 3 тысячелетии до нашей эры. Кустанай; Алматы: ИА НАН РК, 1997. 197 с.
- 14 Каргалы III: Селище Горный: Археологические материалы: Технология горно-металлургического производства: Археобиологические исследования / Сост. и науч. ред. Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2004. 320 с.
- 15 Клевезаль Г.А. Регистрирующие структуры млекопитающих в зоологических исследованиях. М.: Наука, 1988. 285 с.
- 16 Косинцев П.А. Костные остатки животных из укрепленного поселения Аркаим // Археологический источник и моделирование древних технологий: труды музея-заповедника Аркаим. Челябинск: Институт истории и археологии УрО РАН, 2000. С. 17-44.
- 17 Косинцев П.А., Бачура О.П. Костные остатки животных из поселения Устье // Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье / Отв. ред. Н.Б. Виноградов, науч. ред. А.В. Епимахов. Челябинск: Абрис, 2013. С. 363-387.
- 18 Косинцев П.А., Бейсенов А.З., Гимранов Д.О. Находка тура (*Bos primigenius Bojanus 1825*) в позднем голоцене Азии // Зоологический журнал. 2022. Т. 101, № 6. С. 687-692.
- 19 Косинцев П.А., Кисагулов А.В. Костные остатки тура и крупного рогатого скота из голоценовых местонахождений Южного Зауралья // Вестник Оренбургского гос. пед. ун-та. 2018. № 1 (25). С. 44-55.
- 20 Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Труды Государственного исторического музея. 1948. Вып. XVII. С. 57-181.
- 21 Құсайынов А.Қ., Нұров И.А. Қой өсірушілердің қысқаша анықтамалығы. Алматы: Қайнар, 1983. 232 б.
- 22 Қыдырниязов Ф.Н. Қойдың өнімділігін арттыру. Алматы: Қайнар, 1976. 185 б.
- 23 Макарова Л.А. Предварительные сообщения о животных поселения эпохи бронзы Чаглинка // По следам древних культур / Отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1970. С. 269-276.
- 24 Макарова Л.А. Характеристика костного материала из поселения Саргары // Прошлое Казахстана по археологическим источникам / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1976. С. 211-226.
- 25 Макарова Л.А. Животные Атасу и других поселений Центрального Казахстана // Археологические исследования в Казахстане / Отв. ред. К.А. Акишев Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1977. С. 124-131.
- 26 Макарова Л.А. Кости из двух поселений эпохи бронзы в Северном Казахстане // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1980. С. 141-151.
- 27 Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев К.А. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. 302 с.
- 28 Малютина Т.С. Стратиграфическая позиция материалов федоровской культуры на многослойных поселениях казахстанских степей // Древности Восточно-Европейской лесостепи: межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Самара: Самарский пед. ин-т, 1991. С. 141-162.
- 29 Оразбаев А.М. Поселение Чаглинка (Шагалалы). Некоторые формы и типы жилищ // По следам древних культур Казахстана / Отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, 1970. С. 129-146.
- 30 Оутрам А.К., Каспаров А.К. Первые результаты изучения остатков млекопитающих поселения Кент // Историко-культурное наследие Сарыарки: сб. науч. ст. / Отв. ред. В.Г. Ломан. Караганда, 2007. С. 107-123.

- 31 Рассадников А.Ю. Остеофагия домашних копытных на поселениях бронзового века Южного Зауралья (по археозоологическим и этнозоологическим материалам) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017а. № 2 (37). С. 163-168.
- 32 Рассадников А.Ю. Результаты археозоологических исследований на поселениях Большая Березовая-2, Малая Березовая-4 и Александро-Невское-II в Южном Зауралье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017б. № 3 (38). С. 176-185.
- 33 Сакенов С.К. Дома эпохи бронзы Северного Казахстана // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz». 2019. № 1 (17). С. 296-303. URL: <https://edu.e-history.kz/index.php/history/article/view/524> (дата обращения: 12.08.2023 г.)
- 34 Хабдулина М.К. Некоторые аспекты изучения нурынской археологической культуры (по материалам поселения Шагала-лы II) // Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы). 2018. № 1–2. С. 69-85.
- 35 Хабдулина М.К., Тлеугабдулов Д.Т., Брынза Т.В., Билялова Г.Д., Кучеров П.Ю. Исследование памятников бронзового века в Акмолинском Приишимье (Поселение Шагала-лы II). Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2017. 192 с.
- 36 Цалкин В.И. Изменчивость метаподий и ее значение для изучения крупного рогатого скота древности // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биология. 1960. Т. 65. Вып. 1. С. 109-126.
- 37 Цалкин В.И. Изменчивость метаподий у овец // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биология. 1961. Т. 66. Вып. 5. С. 115-132.
- 38 Цалкин В.И. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. М.: АН СССР, 1966. 160 с. (МИА, № 135).
- 39 Цалкин В.И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М.: Наука, 1970. 280 с.
- 40 Шагирбаев М.С. Первые результаты археозоологического изучения костных остатков животных из поселенческих комплексов на Акбауыре // Алтай – түркі әлемінің алтын бесігі: зерттеулер жинағы. Көкшетау: Көкше-Полиграфия, 2022. С. 158-185.
- 41 Ірі қара шаруашылығы: Оқулық / А.Ә. Төреханов, Ж.К. Каримов, Ш.Д. Даленов, Д.Қ. Найманов, Н.Ә. Жазылбеков. Алматы: Триумф «Т», 2006. 408 б.
- 42 Boessneck J. Fundedes Ures, Bos primigenius Boj., 1827, aus alluvialen Schichten Bayerns. “Säugetierkundliche Mitteilungen”, Bd. 5, H. 2, 1957. Pp. 55-69.
- 43 Bökönyi S. Zur Naturgeschichte des Ures // Ungarn und das Problem der Domestikation des Hausrindes. “Acta Archaeologica Academiae scientiarum Hungaricae”. Vol. 14. 1962. Pp. 175-214.
- 44 Driesch A.V. A Guide to the measurement of animal bones from archaeological sites // Peabody Museum of Archaeology and Ethnology Harvard University. 1976. Bulletin 1. 136 p.
- 45 Eisenmann V., Alberdi, M.-T., De Giuli, C. and Staesche, U. Studying fossil horses. Vol. I. Methodology // Collected papers after the “New York International Hipparion Conference, 1981”. Leiden: Brill. 1988. Pp. 1-77.
- 46 Grant A. The use of tooth wear as a guide to the age of domestic ungulates // Ageing and Sexing Animal Bones from Archaeological Sites. Bob Wilson, Caroline Grigson and Sebastian Payne (ed.). BAR British Series, 109. 1982. Pp. 91-108.
- 47 Sakenov S.K. Paleo-economy of North Kazakhstan during the Bronze Age based on the materials of the Shagalaly settlement // Anthropological Notebooks. Slovenia. 2017. Vol. 23. Issue 2. Pp. 83-98.
- 48 Silver I.A. The Ageing of Domestic Animals // Science in Archaeology. Basic books, Inc., Publishers. New York, 1969. Pp. 250-268.
- 49 Teichert M. Osteometrische Untersuchungen zur Berechnung der Wiederristhöhe bei vor – und frühgeschichtlichen Schweinen. Kuhn-Archiv. Berlin, 1969. Vol. 83, Issue 3. Pp. 237-292.
- 50 Teichert M. Osteometrische Untersuchungen zur Berechnung der Wiederristhöhe bei Shaffen // Archaeozoological Studies. Amsterdam. 1975. Pp. 51-69.

Полевые исследования автора

- I Уахитов Шокан Мейрамбекович (1992 г.р.). Павлодарская обл., Шарбақтынский р-н, с. Малиновка. Скотовод с 15-тилетним опытом.
- II Абдрахманов Мейрам Маралұлы (1981 г.р.). Карагандинская обл., Шетский р-н, с. Аккияк. Управляющий крестьянским хозяйством «Әділет». Скотовод с 25-тилетним опытом.

- III Жаппаров Арман Айбатович (1991 г.р.). Карагандинская обл., Шетский р-н, с. Талды. Скотовод с 15-тилетним опытом.
- IV Ансаган Хамитулы (1968 г.р.). Костанайская обл. Скотовод с 30-тилетним опытом.
- V Мадияров Нурғали Бисембекович (1981 г.р.). Жамбылская обл., Таласский регион. Скотовод с 25-тилетним опытом.
- VI Байбатшаев Есен (1987 г.р.). Туркестанская обл., Байдибекский р-н, с. Шакпак. Управляющий частным крестьянским хозяйством. Скотовод с 20-тилетним опытом.
- VII Тульбасиев Бауыржан Баймырзаевич (1987 г.р.). Туркестанская обл., Байдибекский р-н, с. Шакпак. Скотовод с 15-тилетним опытом.
- VIII Турганбек Абдыкалыков (1968 г.р.). Кызылординская обл., Сырдарьинский р-н, с. Караозек. Скотовод с 40-калетним опытом.
- IX Тенгизбаев Анет Бердешович (1987 г.р.). Мангистауская обл., Мангистауский р-н, с. Онды. Скотовод с 20-тилетним опытом.
- X Нурсапанов Улан Нурмуханбетович (1992 г.р.). Жетысуская обл., Алакольский р-н. Скотовод с 15-тилетним опытом.

REFERENCES

- 1 Akaevskiy, A. I., Yudichev, Y. F., Seleznev, S. B. 2005. *Anatomiia domashnih zhivotnyh (Anatomy of pets)*. Moscow: "Akvarium-Print" Publ. (in Russian).
- 2 Antipina, E. E. 2022. In: *Arheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)*, 2, 40-52 (in Russian).
- 3 Ahinjanov, S. M., Makarova, L. A., Nurumov, T. N. 1992. *K istorii skotovodstva i ohoty v Kazakhstane (po osteologicheskomu materialu iz arheologicheskikh pamiatnikov neolita i bronzy) (On the history of cattle breeding and hunting in Kazakhstan (based on osteological material from archaeological monuments of the Eneolithic and Bronze))*. Almaty: "Gylym" Publ. (in Russian).
- 4 Baitleu, D. A., Shagirbayev, M. S. 2021. In: *Narody i religii Evrazii (Nations and Religions of Eurasia)*, vol. 26, 4, 21-31 (in Russian).
- 5 Beisenov, A. Z., Gimranov, D. O., Ahmarov, I. K., Duisenbai, D. B. 2018. In: *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy (Theory and practice of archaeological research)*, 2 (22), 157-178 (in Russian).
- 6 Bukeihan, Alikhan. 2018a. *Sochineniya (Materialy ekspeditsii Sherbiny, 1903 g.) (Essays (Materials of the Shcherbina expedition, 1903))*. Vol. II. Astana: "Alashorda" Publ. (in Russian).
- 7 Bukeihan, Alikhan. 2018b. *Sochineniya (Materialy ekspeditsii Sherbiny, 1903–1905.) (Essays (Materials of the Shcherbina expedition, 1903–1905))*. Vol. III. Astana: "Alashorda" Publ. (in Russian).
- 8 Vitt, V. O. 1952. In: *Sovetskaya arheologiya (Soviet Archaeology)*, 16, 163-206 (in Russian).
- 9 Gaiduchenko, L. L. 1998. In: Samashev, Z. (ed.) *Voprosy arheologii Kazakhstana (Issues of Kazakhstan archaeology)*, 2. Almaty; Moscow: "Gylym" Publ., 175-178 (in Russian).
- 10 Gaiduchenko, L. L. 2013. In: Beisenov, A. Z. (ed.) *Kompleks pamiatnikov v urochishche Taldysai (Monument complex Taldysay tract)*. Vol. 1. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 353-363 (in Russian).
- 11 Elemanov, A. E., Ermekov, M. A. 1954. *Koi sharuashylygy (Sheep farming)*. Almaty: Kazakh state publishing house (in Kazakh).
- 12 Elemanov, A., Sysoliatin, A. 1964. *Koi sharuashylygynyn negizderi (Basics of sheep breeding)*. Almaty: "Mektep" Publ. (in Kazakh).
- 13 Kalieva, S. S., Logvin, V. N. 1997. *Skotovody Turgaya v III tysyacheletii do nashei ery (Cattle breeders of Turgai in the 3rd millennium BC)*. Kostanay; Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
- 14 Chernykh, E. N. (comp.). 2004. *Kargaly III: Selishe Gornyi: Arheologicheskie materialy: Tehnologiya gornometallurgicheskogo proizvodstva: Arheobiologicheskie issledovaniia (Kargaly III: Gorny site: Archaeological materials: Technology of mining and metallurgy: Archaeobiological studies)*. Moscow: "Yazyki slavyanskoy kultury" Publ. (in Russian).
- 15 Klevezal, G. A. 1988. *Registriruiyshchie struktury mlekopitaiyshih v zoologicheskikh issledovaniiah (Registering structures of mammals in zoological research)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 16 Kosintsev, P. A. 2000. In: *Arheologicheskii istochnik i modelirovanie drevnih tekhnologii: trudy muzeia-zapovednika Arkaim (Archaeological source and modeling of ancient technologies: Proceedings of the Arkaim Museum-*

- Reserve). Chelyabinsk: Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 17-44 (in Russian).
- 17 Kosintsev, P. A., Bachura, O. P. 2013. In: Vinogradov, N. B. (ed). *Drevnee Uste: ukreplennoe poseelenie bronzovogo veka v Iyjnem Zaurale (Ancient Ustye: fortified settlement of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals)*. Cheliabinsk: "Abris" Publ., 363-387 (in Russian).
 - 18 Kosintsev, P. A., Beisenov, A. Z., Gimranov, D. O. 2022. In.: *Zoologicheskii jurnal (Zoological Journal)*, 101 (6), 687-692 (in Russian).
 - 19 Kosintsev, P. A., Kisagulov, A. V. 2018. In: *Vestnik Orenburgskogo Gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University)*, 1 (25), 44-55 (in Russian).
 - 20 Krivtsova-Grakova, O. A. 1948. In: *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)*, 18, 57-181 (in Russian).
 - 21 Kusaiynov, A. K., Nurov, I. A. 1983. *Koi osirushilderin kyskasha anyktamalygy (A short guide to sheep breeders)*. Almaty: "Kainar" Publ. (in Kazakh).
 - 22 Kydynniazov, G. N. 1976. *Koidyn onimdiligin arttyru (Increasing sheep productivity)*. Almaty: "Kainar" Publ. (in Kazakh).
 - 23 Makarova, L. A. 1970. In: Kadyrbaev, M. K. (ed). *Po sledam drevnih kultur (In the footsteps of ancient cultures)*. Alma-Ata: KazSSR Academy of Sciences, 269-276 (in Russian).
 - 24 Makarova, L. A. 1976. In: Akishev, K. A. (ed). *Proshloe Kazakhstana po arheologicheskim istochnikam (The past of Kazakhstan according to archaeological sources)*. Alma-Ata: KazSSR Academy of Sciences, 211-226 (in Russian).
 - 25 Makarova, L. A. 1977. In: Akishev, K. A. (ed). *Arheologicheskie issledovaniia v Kazakhstane (Archaeological research in Kazakhstan)*. Alma-Ata: KazSSR Academy of Sciences, 124-131 (in Russian).
 - 26 Makarova, L. A. 1980. In: Akishev, K. A. (ed). *Arheologicheskie issledovaniia drevnego i srednevekovogo Kazakhstana (Archaeological research of ancient and medieval Kazakhstan)*. Alma-Ata: KazSSR Academy of Sciences, 141-151 (in Russian).
 - 27 Margulan, A. Kh., Akishev, K. A., Kadyrbaev, M. K., Orazbayev, K. A. 1966. *Drevniia kultura Tsentralnogo Kazakhstana (Ancient culture of Central Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).
 - 28 Malyutina, T. S. 1991. In: Merpert, N. Y. (ed). *Drevnosti Vostochno-Evropeiskoi lesostepi (Antiquities of the Eastern European forest-steppe)*. Samara: Samara Pedagogical Institute, 141-162 (in Russian).
 - 29 Orazbayev, A. M. 1970. In: Kadyrbaev, M. K. (ed). *Po sledam drevnih kultur Kazakhstana (In the footsteps of ancient cultures of Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 129-146 (in Russian).
 - 30 Outram, A. K., Kasparov, A. K. 2007. In.: Loman, V. G. (ed). *Istoriko-kulturnoe nasledie Saryarki (Historical and cultural heritage of Saryarka)*. Karaganda: Karaganda Buketov University, 107-123 (in Russian).
 - 31 Rassadnikov, A. Yu. 2017a. In.: *Vestnik arheologii, antropologii i tnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)*, 2 (37), 163-168 (in Russian).
 - 32 Rassadnikov, A. Yu. 2017b. In.: *Vestnik arheologii, antropologii i tnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)*, 2 (37), 176-185 (in Russian).
 - 33 Sakenov, S. K. 2019. In: *Edu.e-history.kz*, 1 (17). URL: <https://edu.e-history.kz/index.php/history/article/view/524> (accessed: 12/08/2023) (in Russian).
 - 34 Khabdulina, M. K. 2018. In: *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)*, 1-2, 69-85 (in Russian).
 - 35 Khabdulina, M. K., Tleugabulov, D. T., Brynza, T. V., Bilyalova, G. D., Kucherov, P. Yu. 2017. *Issledovanie pamiatnikov bronzovogo veka v Akmolinskom Priishime (Poselenie Shagalaly II) (Study of Bronze Age monuments in Akmola Priishim (Settlement of Shagalaly II))*. Astana: L. N. Gumilyov Eurasian National University (in Russian).
 - 36 Tsalkin, V. I. 1960. In: *Byulleten Moskovskogo obshchestva ispytatelei prirody. Otdel biologii (Bulletin of the Moscow Society of Nature Testers. Department of Biology)*, vol. 65, Issue 1, 109-126 (in Russian).
 - 37 Tsalkin, V. I. 1961. In.: *Byulleten Moskovskogo obshchestva ispytatelei prirody. Otdel biologii (Bulletin of the Moscow Society of Nature Testers. Department of Biology)*, vol. 66, Issue 5, 115-132 (in Russian).
 - 38 Tsalkin, V. I. 1966. *Drevnee zhivotnovodstvo plemen Vostochnoi Evropy i Srednei Azii (Ancient animal husbandry of the tribes of Eastern Europe and Central Asia)*. Moscow: USSR Academy of Sciences (in Russian).
 - 39 Tsalkin, V. I. 1970. *Drevneishie domashnie zhivotnye Vostochnoi Evropy (The oldest pets of Eastern Europe)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

- 40 Shagirbayev, M. S. 2022. In: *Altai – turki aleminin altyn besigi (Altai – the Golden Cradle of the Turkic world)*. Kokshetau: “Kokshe-Poligrafiya” Publ., 158-185 (in Russian).
- 41 Torekhanov, A. A., Karimov, J. K., Dalenov, Sh. D., Naimanov, D. K., Jazyzbekov, N. A. (compl.). 2006. *Iri kara sharuashylygy: Okulyk (Cattle breeding: The textbook)*. Almaty: “Triumf «Т»” Publ. (in Kazakh).
- 42 Boessneck, J. 1957. *Funde des Ures (Bos primigenius) aus alluvialen Schichten Bayerns (Finds of the Ure (Bos primigenius) from alluvial strata of Bavaria)*. Stuttgart: Mammalian procreative communications, Vol. 5, Issue 2, 55-69 (in German).
- 43 Bökönyi, S. 1962. In: *Acta Archaeologica Academiae scientiarum Hungaricae (Journal Of The Archaeological Academy Of Hungarian sciences)*, 14, 175-214 (in German).
- 44 Driesch, A. V. 1976. In: *Preabody Museum of Archaeology and Ethnology*. Harvard University, Bulletin 1 (in English).
- 45 Eisenmann, V., Alberdi, M.-T., De Giuli, C., Staesche, U. 1981. In: *Collected papers after the “New York International Hipparion Conference*. Leiden: Brill, 1-77 (in English).
- 46 Grant, A. 1982. In: Wilson, B., Grigson, C., Payne, S. (eds.). *Ageing and Sexing Animal Bones from Archaeological Sites*. BAR British Series, 109, 91-108 (in English).
- 47 Sakenov, S. K. 2017. In: *Anthropological Notebooks*, vol. 23, Issue 2, Slovenia, 83-98 (in English).
- 48 Silver, I. A. 1969. In: *Science in Archaeology*. Basic books, Inc., Publishers. New York, 250–268 (in English).
- 49 Teichert, M. 1969. *Osteometrische Untersuchungen zur Berechnung der Wiederristhöhe bei vor- und frühgeschichtlichen Schweinen (Osteometric investigations for the calculation of the re-emergence height in pre- and early historical pigs)*. Kuhn-Archiv. Berlin, vol. 83, Issue 3, 237-292 (in German).
- 50 Teichert, M. 1975. In: *Archaeozoological Studies*. Amsterdam, 51-69 (in German).

Author’s field researches

- I Uakhitov Shokan. Born in 1992. Pavlodar region, Sharbaktinsky district, Malinovka village. A cattleman with 15 years of experience.
- II Abdrakhmanov Meiram. Born in 1981. Karaganda region, Shetsky district, Akkiyak village. The manager of the farm “Adilet”. Cattle breeder with 25 years of experience.
- III Zhapparov Arman. Born in 1991. Karaganda region, Shetsky district, Taldy village. A cattleman with 15 years of experience.
- IV Ansagan Hamituly. Born in 1968. Kostanay region. A cattleman with 30 years of experience.
- V Madiyarov Nurgali. Born in 1981. Zhambyl region, Talas region. Cattle breeder with 25 years of experience.
- VI Baibatshaev Yesen. Born in 1987. Turkestan region, Baydibek district, Shakpak village. Manager of a private peasant farm. A cattleman with 20 years of experience.
- VII Tulbasiev Bauyrzhan. Born in 1987. Turkestan region, Baydibek district, Shakpak village. A cattleman with 15 years of experience.
- VIII Turganbek Abdykalykov. Born in 1968. Kyzylorda region, Syrdarya district, Karaozek village. A cattleman with 40 years of experience.
- IX Tengizbayev Anet. Born in 1987. Mangystau region, Mangystau district, Ondy village. A cattleman with 20 years of experience.
- X Nursapanov Ulan. Born in 1992. Jetusy region, Alakolsky district. A cattleman with 15 years of experience.

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 23.08.2023.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 30.10.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 30.10.2023.

УДК 902.904 (470.631-25)
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.243.264>

Жертвоприношения животных синташтинской культуры бронзового века Южного Урала: археозоологические исследования кургана 33 могильника Степное-1

© 2023 г. Рассадников А.Ю., Куприянова Е.В.

Keywords: archaeozoology, paleopathology, bone surface modifications (BSM), bone splitting, cattle, caprines, horse, dog

Түйін сөздер: археозоология, палеопатология, сүйектердің модификациялық өзгеруі, сүйектердің бөлшектенуі, ірі қара мал, уақ мал, жылқы, ит

Ключевые слова: археозоология, палеопатология, модификационные изменения костей, раскалывание костей, КРС, МРС, лошадь, собака

Alexey Rassadnikov¹ * and Elena Kupriyanova²

¹Corresponding author, Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ekaterinburg, Russia. E-mail: ralu87@mail.ru

²Candidate of Historical Sciences, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. E-mail: dzdan@mail.ru

Animal sacrifices of the Sintashta culture of the Bronze Age of the Southern Urals: archaeozoological studies of the mound 33 of the Stepnoe-1 burial ground

The work is devoted to a discussion of the main archaeozoological parameters of sacrificial animals and the forms of their representation based on materials from one of the burial mounds of the Sintashta culture. When processing materials, standard and generally accepted techniques were used. Particular attention was paid to fixing the system of fragmentation, bone surface modifications, age-related and pathological changes in the bones of livestock. The funeral rite of the Sintashta culture is characterized by the massive use of domestic animals (cattle, caprines, horses, dogs). The main form of representation of livestock is the layout in the form of head and distal extremities, as well as single skeletal elements or a combination of several bones or their fragments. The ritual involved mainly adult animals and, in some cases, individuals with health problems that were visible to humans. Analysis of age-related and pathological changes on the bones of cattle and horses does not provide reliable arguments for reconstructing the fact of the use of working animals in the ritual. A characteristic manner of bone fragmentation was recorded in the form of their longitudinal splitting. In addition to the main results, the study showed the weak capabilities of archaeozoology in interpreting bone surface modifications in bones, which significantly reduces the possibility of carrying out a number of reconstructions.

For citation: Rassadnikov, A., Kupriyanova, E. 2023. Animal sacrifices of the Sintashta culture of the Bronze Age of the Southern Urals: archaeozoological studies of the mound 33 of the Stepnoe-1 burial ground. *Kazakhstan Archeology*, 4 (22), 243–264 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2023.4.22.243.264](https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.243.264)

Алексей Юрьевич Рассадников¹,
Елена Владиславовна Куприянова²

¹тарих ғылымдарының кандидаты, Тарих және археология институты, Екатеринбург қ., Ресей
²тарих ғылымдарының кандидаты, Челябинск мемлекеттік университеті, Челябинск қ., Ресей

Оңтүстік Оралдағы қола дәуірінің сынтасты мәдениетіндегі жануарларды құрбандыққа шалу:
Степное-1 қорымындағы 33-ші обаны
археозоологиялық зерттеу

Алексей Юрьевич Рассадников¹,
Елена Владиславовна Куприянова²

¹кандидат исторических наук, Институт истории и археологии, г. Екатеринбург, Россия
²кандидат исторических наук, Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Жертвоприношения животных синташтинской культуры бронзового века Южного Урала:
археозоологические исследования кургана 33
могильника Степное-1

Жұмыс құрбандыққа шалынған жануарлардың негізгі археозоологиялық параметрлерін және оларды сынтасты мәдениеті обаларының бірінің материалдары бойынша талдауға арналған. Материалдарды өңдеу кезінде стандартты және жалпы қалыптасқан әдістер қолданылды. Үй жануарлары сүйектерінің бөлшектену жүйесінің фиксациясына, модификациялық, жас және патологиялық өзгерістерін анықтауға ерекше назар аударылды. Сынтасты мәдениетінің жерлеу рәсімі үй жануарларын (ірі қара, уақ мал, жылқы, ит) жаппай қолданумен сипатталады. Малды бейнелеудің негізгі формасы – бас және аяқ сүйектері, сондай-ақ қаңқаның жеке элементтері немесе бірнеше сүйектер немесе олардың бөлшектері түрінде көрініс табады. Бұл рәсімге негізінен ересек жануарлар және кейбір жағдайларда денсаулығындағы кемшіліктері адамға байқалған жануарлар тартылады. Ірі қара мал мен жылқының сүйектеріндегі жасқа байланысты және патологиялық өзгерістерді талдау рәсімге жұмыс күшінің жануарларын пайдалану фактісін реконструкциялауға сенімді негіз бола алмайды. Сүйектердің бөлшектенуінде тігінен жарып сындыру тәсілдері тіркелді. Негізгі нәтижелерден басқа, зерттеу жұмысы сүйектердің модификациялық өзгерістерін түсіндіруде археозоологиялық мүмкіндіктердің әлсіз тұстарын көрсетті, бұл реконструкциялаудың бірқатар мүмкіндіктерін айтарлықтай төмендетеді.

Сілтеме жасау үшін: Рассадников А.Ю., Куприянова Е.В. Оңтүстік Оралдағы қола дәуірінің сынтасты мәдениетіндегі жануарларды құрбандыққа шалу: Степное-1 қорымындағы 33-ші обаны археозоологиялық зерттеу. *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 4 (22). 243–264-бб. (Орысша).
[DOI: 10.52967/akz2023.4.22.243.264](https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.243.264)

Работа посвящена обсуждению основных археозоологических параметров жертвенных животных и форм их репрезентации по материалам одного из курганов синташтинской культуры. При обработке материалов применялись стандартные и общепринятые методики. Особое внимание уделялось фиксации системы фрагментации, модификационных изменений, возрастных и патологических изменений костей домашнего скота. Погребальный обряд синташтинской культуры характеризуется массовым использованием домашних животных (КРС, МРС, лошадь, собака). Основной формой репрезентации скота является выкладка в виде костей головы и ног, а также отдельные элементы скелета или сочетание нескольких костей или их фрагментов. Для обряда привлекались в основном взрослые животные и в ряде случаев особи с проблемами здоровья, которые видны человеку. Анализ возрастных и патологических изменений на костях КРС и лошади не даёт достоверных оснований для реконструкции факта использования в обряде рабочих животных. Зафиксирована характерная манера фрагментации костей в виде их продольного раскалывания. Помимо основных результатов исследование показало слабые возможности археозоологии при интерпретации модификационных изменений костей, что существенно снижает возможность осуществления ряда реконструкций.

Для цитирования: Рассадников А.Ю., Куприянова Е.В. Жертвоприношения животных синташтинской культуры бронзового века Южного Урала: археозоологические исследования кургана 33 могильника Степное-1. *Археология Казахстана*. 2023. № 4 (22). С. 243–264. [DOI: 10.52967/akz2023.4.22.243.264](https://doi.org/10.52967/akz2023.4.22.243.264)

1 Введение

Погребальные и поселенческие комплексы синташтинской культуры бронзового века на протяжении многих лет находятся в центре внимания археологов, работающих на территории Казахстана и РФ. Опубликованные исследования могильников синташтинской культуры в большинстве случаев содержат самые основные характеристики погребального обряда, которые связаны с жертвоприношениями животных. Наиболее полным образом описана форма репрезентации домашних животных, а также их видовой и нередко половозрастной состав. Для ряда курганов также присутствует описание патологий костей домашнего скота и попытки реконструкции погребальных процедур, связанных с формой помещения частей туш животных и других аспектов [Гайдученко 2002; Зданович 2002; 2005]. На сегодняшний день для всех погребальных комплексов синташтинской культуры полностью отсутствует описание модификационных изменений и системы фрагментации костей, а также возрастных изменений на костях скота [Генинг и др. 1992; Епимахов 2002; 2005; Гайдученко 2002; Виноградов 2003; Зданович 2002; 2005; Калиева, Логвин 2009;

Логвин и др. 2017; Куприянова 2016]. Целью работы, помимо стандартного археозоологического описания материалов и описания формы репрезентации животных, является анализ возрастных и патологических изменений костей домашних животных. Другой целью статьи является введение в научный оборот традиции намеренного (преднамеренного) раскалывания костей домашнего скота как вида модификационных изменений и создание её иллюстративной базы.

Исследованный раскопками в 2021 г. курган № 33 входит в состав могильника Степное-1, включённого в комплекс памятников объекта культурного наследия федерального значения «Поселение и могильник Степное» (Пластовский р-н, Челябинская обл., РФ). Комплекс находится на левом берегу р. Уй в 2,5 км к северо-западу от современного посёлка Степное (рис. 1). Памятники занимают участок первой надпойменной террасы. Расстояние от поселения до крайних северо-восточных курганов могильника составляет 50–100 м. По уточнённым данным аэрофотоснимков и натурных исследований, в могильнике насчитывается 66 курганов. Материалы прежних лет исследования (курганы № 1, 5–8) были частично опубликованы [Куприянова 2016].

Погребальный комплекс состоит из одной крупной центральной могильной ямы, одной взрослой и 15-ти детских периферийных могильных ям, двух ям с неопределённым на данный момент назначением, одной жертвенной периферийной ямы и фрагмента рва. Все периферийные объекты располагались по кольцу диаметром 5–6 м от центральной ямы. Размеры в плане центральной и самой крупной ямы кургана составляли 4,2×2,35–2,7 м на уровне материка, глубина от материка – 2,3 м. Погребение было ограблено в древности. В придонной части ямы, локализуясь в северо-западной половине, в хаотичном порядке располагались кости почти полного скелета *Homo Sapiens*¹ – мужчина 45–55 лет. На черепе – следы прижизненной зажившей травмы от удара тупым предметом. У центра северо-восточной стенки, вперемешку с костями человека, находились фрагменты крупного сосуда синташтинской культуры. Как и останки скелета погребённого, фрагменты сосуда почти полностью остались в погребении, но были значительно смещены и намеренно перемешаны с костями. На дне у северо-западной стенки ямы лежал роговой псалий. Рядом с ним – два ребра животного плохой сохранности. Других находок *in situ* в яме не обнаружено. Все кости животных располагались в верхних слоях погребения, не смешиваясь с останками человека. Начиная с уровня материка, в юго-западной стенке ямы близ южного угла фиксируется полукруглая ниша, в которой размещалось плотное компактное скопление фрагментированных костей животных. По всей вероятности, кости были помещены в ёмкость типа мешка. В южном и восточном углах ямы, опускаясь сверху вниз, располагались скопления костей животных, принадлежавшие одному или нескольким разрушенным жертвенным комплексам. В верхних слоях заполнения ямы зафиксированы несколько единичных разрозненных костей животных, принадлежавших тому же разрушенному жертвенному комплексу [Куприянова 2023]. Периферийные погребения (№ 2–4; 6–8; 10–19) не имеют следов вторжения. Практически в каждом из них, в числе прочего, находились следы жертвоприношений животных. Кроме того, в составе погребального комплекса находилась одна яма без следов погребения, исключительно с костями жертвенных животных (№ 20), и один жертвенный комплекс на подкурганной площадке. Керамика из всех погребений относится к синташтинской археологической культуре, таким образом, курган № 33 является монокультурным объектом, созданным, очевидно, в краткий промежуток времени.

¹ Антропологические определения выполнены А.Х. Чирковой, Центр палеоэтнологических исследований, г. Москва.

Рис. 1. Степная зона Южного Урала и расположение могильника Степное-1
1-сур. Оңтүстік Оралдың далалық аймағы және Степное-1 қорымының орналасуы
Fig. 1. The steppe zone of the Southern Urals and the location of the Stepnoye-1 burial ground

2 Материал и методы исследования

2.1 Характеристика материала

Археозоологический комплекс кургана насчитывает 1820 костей (помимо набора из семи таранных костей МРС, рассматриваемые как сопроводительный артефакт), которые полностью представлены костями домашних животных и одной костью птицы (табл. 1). Подсчёт количества задействованных в обряде животных затруднён специфической системой использования туш скота. В нашем распоряжении есть только части скелетов домашних животных (в основном, кости головы и нижних частей ног). Эти выкладки часто имеют неполный анатомический набор костей и неполный набор фрагментов в случае, если та или иная кость расколота. Иногда кости нескольких особей МРС и КРС сильно перемешаны и могут быть разнесены по разным частям ямы. Например, в ряде случаев от того или иного копытного может присутствовать один фрагмент кости или отдельная целая кость скелета. Этот фрагмент может относиться к комплексу из другой выкладки костей копытного, а может относиться к особи, которая задействована в обряде только с помощью этого одного фрагмента. В этой работе все подобные случаи рассматриваются как форма репрезентации отдельной особи животного. Примерный и формальный подсчёт показывает, что при погребальном обряде могло быть задействовано около 57 туш домашних животных и одна птица (табл. 1). Реальное количество задействованных при сооружении кургана особей, скорее всего, меньше.

2.2 Методы исследования

Возраст домашних копытных и собаки определялся по состоянию зубной системы и эпифизов [Silver 1969]. В случае MPC также применялась методика определения возраста по степени стёртости зубов [Payne 1973]. Для ряда метаподий KPC применён метод определения примерного возрастного диапазона с помощью рентгена [Telldahl 2015]. При видовом определении костей MPC выбраны методики М. Zeder и соавторов [Zeder, Pilaar 2010; Zeder, Lapham 2010]. Измерение костей велось по методикам А. von den Driesch [Von den Driesch 1976] и S. Payne and G. Bull [Payne, Bull 1988]. В последнем случае взят только параметр НТС* (*diameter of the trochlear constriction – НТС) для плечевой кости. Разделение первых и вторых фаланг KPC на задние и передние производилось по методике Е. Dottrens [Dottrens 1946]. Фиксация и описание возрастных и патологических изменений осуществлялась на основании палеопатологических работ [Bartosiewicz et al. 1997; Thomas, Johannsen 2011; Zimmermann et al. 2018; Zimmermann 2019]. Интерпретация таких изменений основывается на результатах изучения патологий и возрастных изменений современного KPC и MPC степной зоны Южного Урала [Rassadnikov 2021; 2022]. При описании остеологического материала допущена ошибка в виде отсутствия фиксации левой или правой принадлежности кости и определения вида сесамовидных костей KPC и лошади.

Таблица 1 – Общая характеристика могильных ям кургана № 33 мог. Степное-1: соотношение погребённого с видовым составом и примерным количеством особей домашних животных

1-кесте – Степное-1 қорымындағы 33-ші обаның жерлеу шұңқырларының жалпы сипаттамасы: түр құрамымен жерленген және үй жануарларының санымен қатынасы

Table 1 – General characteristics of the burial pits of the mound No 33 of the Stepnoe-1 burial ground: the ratio of the buried with the species composition and the approximate number of domestic animals

Номер ямы	Пол и примерный возраст погребённого человека	Количество особей				
		KPC (<i>Bos taurus</i>)	MPC (<i>Capra et ovis</i>)	Лошадь (<i>Equus caballus</i>)	Собака (<i>Canis familiaris</i>)	Птица (<i>Bird indet.</i>)
1	Мужчина, 45–55 лет	9*	11*	8*	1	1
2	Женщина, 25–35 лет	2	2	-	-	-
3	Младенец	-	1	-	-	-
4	Младенец	-	1	-	-	-
7	Младенец	-	2	-	-	-
11	Младенец	-	1	-	-	-
12	Младенец	-	1	-	-	-
13	Младенец	-	1	-	-	-
14	Младенец	-	3	-	-	-
15	Видимо, несколько младенцев	-	4	-	-	-
16	Младенец	-	1	-	-	-
18	Младенец	-	1	-	-	-
20	Жертвенная яма без погребения	4*	3	1	-	-
Всего людей/особей домашних животных	12–13*	15	32	9	1	1

Примечание: *Нет уверенности в точном количестве особей. Реальное количество особей может быть иным.

3 Результаты

Видовой состав и форма репрезентации домашних животных

Основу комплекса жертвенных животных составляют кости домашних копытных – КРС, овец и лошадей. Достоверные признаки наличия костей козы не обнаружены. Скорее всего, козы не использовались в обряде, но неудовлетворительная естественная сохранность костей МРС может влиять на достоверное видовое определение. Также присутствует выкладка костей одной собаки. В погребальном обряде могло быть задействовано примерно 15 особей КРС, 32 овцы и девять лошадей. Кости всех видов домашних животных и птицы сопровождают только погребение взрослого мужчины. Погребение взрослой женщины сопровождается костями КРС и МРС. Детские погребения сопровождаются только костями овец. Жертвенная яма № 20 (без погребённого) сопровождается костями всех видов копытных (табл. 1).

Особенностью всех жертвенных выкладок является отсутствие полных скелетов домашних животных. Даже в случае эмбриона/новорожденной особи МРС сохранён принцип использования части туши. Основным типом репрезентации копытных и собаки является выкладка голова/ноги в различных вариациях. Этот общий тип выкладок составляет 66% и он включает несколько форм — от относительно полной выкладки в виде костей черепа и нижней челюсти с первыми двумя шейными позвонками, фрагментами костей верхнего отдела конечностей (лопатка, плечевая, лучевая, бедренная и берцовая), пяточной, таранной, метаподиями и фалангами до относительно условной выкладки, где присутствуют разрозненные и единичные кости головы и конечностей. Самым многочисленным подтипом выкладки голова/ноги является выкладка, в которой помимо костей головы и метаподий с фалангами присутствует одна или обе берцовых кости (табл. 2; рис. S44–45, 97, 124. Далее все ссылки на таблицы и рисунки, которые начинаются с S, вы можете найти в Dataset#2: <https://data.mendeley.com/datasets/fkbs9fj89m/1>). В случаях КРС присутствует только одна берцовая кость, она зачастую расколота и может не хватать всех фрагментов (рис. S46–48). Наличие обеих берцовых костей присуще только выкладкам костей МРС (рис. S119, 162). Довольно распространён подтип выкладки голова/ноги в виде комплекса костей головы, метаподий и фаланг (табл. 2; рис. S88, 135, 151). Второй по численности является форма репрезентации в виде либо отдельных костей только головы или конечностей, либо группа отдельных костей (как правило, фрагменты костей конечностей). Эта группа составляет 26% от всех форм выкладок (табл. 2; рис. S35–36). Также присутствует четыре условно целых скелета, представленных эмбрионом/новорожденной особью МРС, двумя лошадьми и собакой. Наличие в этих выкладках, помимо стандартных костей головы и метаподий с фалангами, также неполного набора позвонков, фрагментов рёбер и костей верхних частей конечностей позволяет относить такие типы выкладок к условно целым скелетам (табл. 2; рис. S59–70, 91).

Биологические особенности домашних животных

Анализ размеров костей КРС позволяет говорить об использовании в обряде как коров, так и быков (диаграммы S1–27). У половины костей коровы по причине раздробленности проблематично определить даже примерный возрастной диапазон. Остальные выкладки сделаны из костей коров в возрасте около 3-х лет и возможно чуть старше, а также коровы в возрастном диапазоне 4–8 лет (табл. 3). Кости быков представлены животными в возрасте примерно 3–4 года и одной особью в возрастном диапазоне 4–8 лет (табл. 3). С высокой степенью вероятности кости быков могут происходить от волов. Индекс ширины диафиза/нижнего конца пястных костей находится в

Таблица 2 – Основные формы репрезентации домашних животных
в погребениях кургана № 33 мог. Степное-1
2-кесте – Степное-1 қорымындағы 33-ші обаның жерлеуіндегі үй жануарлары
көрінісінің негізгі формалары

Table 2 – The main forms of representation of domestic animals in the burials of the mound No 33
of the Stepnoe-1 burial ground

Вид репрезентации	КРС (<i>Bos taurus</i>)	МРС (<i>Capra et ovis</i>)	Лошадь (<i>Equus caballus</i>)	Собака (<i>Canis familiaris</i>)	Всего такого вида выкладки
Условно целый скелет	-	1	2	1	4
Голова/два первых шейных позвонка/несколько позвонков/фрагменты костей верхнего отдела конечностей/метаподии и фаланги	1	-	-	-	1
Голова/два первых шейных позвонка/фрагменты костей верхнего отдела конечностей/метаподии и фаланги	2	1	-	-	3
Голова/два первых шейных позвонка/одна берцовая/одна пяточная и таранная/метаподии и фаланги	-	1	-	-	1
Голова/два первых шейных позвонка/фрагменты костей верхних конечностей/две берцовых/метаподии и фаланги	-	1	-	-	1
Голова/одна берцовая/одна пяточная и таранная/метаподии и фаланги	3	2	-	-	5
Голова/первый шейный позвонок/одна берцовая/одна пяточная и таранная/метаподии и фаланги	1	1	-	-	2
Голова/два первых шейных позвонка/обе берцовых/метаподии и фаланги (либо без позвонков)	-	5	-	-	5
Голова/первый или второй шейный позвонок, метаподии и фаланги	-	3	-	-	3
Голова/метаподии и фаланги	1	4	-	-	5
Голова/ноги (без метаподий)	-	2	-	-	2
Фрагменты позвонков и рёбер	-	2	-	-	2
Только метаподии и фаланги (в ряде случаев с отдельными костями тарзального сустава)	-	2	-	-	2
Условный комплекс голова/ноги (пара костей головы/ног)	-	5	-	-	5
Отдельный фрагмент головы	-	1	-	-	1
Отдельный фрагмент конечностей	3	-	4	-	7
Один шейный позвонок	1	-	-	-	1
Фрагменты костей конечностей	3	1	3	-	7
Всего особей	15	32	9	1	57

диапазоне 16.6–17.8/31.7–34.3 соответственно. Эти же параметры для плюсов находятся в диапазоне 12.1–15.9/25.4–28.4 (Dataset#1). Эти значения могут косвенно указывать на принадлежность костей к волам – (по: [Цалкин 1972]). Фрагменты некоторых черепов коров происходят как от безрогих, так и от рогатых животных.

Таблица 3 – Распределение особей КРС кургана № 33 мог. Степное-1 по полу и возрасту
3-кесте – Степное-1 қорымы 33-ші обадағы ірі қара малын жынысы мен жасы бойынша бөлу
Table 3 – Distribution of cattle of the mound No 33 of the Stepnoe-1 burial ground by sex and age

	Пол	Количество особей	Около 3 лет	Старше 3 лет	3.5–4 года	4–8 лет	Возраст не определен
КРС (<i>Bos Taurus L.</i>)	Корова	6	1	1	-	1	3
	Бык/вол	8	3	1	1	1	2
	Пол не определен	1	-	-	-	-	1
	Всего	15	4	2	2	1	6

Половое разделение костей овец (если допустить, что все определимые до вида кости действительно принадлежат овце) крайне затруднено тем, что у МРС половой диморфизм выражен очень слабо. Для определения пола овец из кургана № 33 были построены графики на основании размеров костей. В анализе использованы данные кургана № 33 и поселений разных периодов бронзового века степной зоны Южного Урала. Большинство полученных графиков имеют одну вершину, что затрудняет достоверное половое разделение (диаграммы S28–49). Графики с одной вершиной могут представлять как самок, так и самцов. В единичных случаях на основании крайне мелких размеров или массивности кости отнесены либо к самкам, либо к баранам (табл. 4). Среди комплекса костей МРС выделяются три основных возрастных группы — не старше 2-х лет, 2–4 года и животные в возрасте примерно 4–6 лет. Выделена одна особь в возрастном диапазоне 8–10 лет (табл. 4). Ряд черепов имеют рога.

Таблица 4 – Распределение особей МРС кургана № 33 мог. Степное-1 по полу и возрасту
4-кесте – Степное-1 қорымы 33-ші обадағы уақ малды жынысы мен жасы бойынша бөлу
Table 4 – Distribution of individuals of the caprines of the mound No 33 of the Stepnoe-1 burial ground by sex and age

Возрастные группы	Самка	Самец	Пол не определен	Всего
Эмбрион/новорожденная	-	-	1	1
1.5–2 года	-	1	7	8
2–3 года	-	1	2	3
Старше 3 лет	-	-	2	2
Около 4 лет	-	-	3	3
Не старше 5 лет	-	-	1	1
Старше 5 лет	-	-	1	1
4–6 лет	1	1	9	11
8–10 лет	-	-	1	1
Возраст не определен	-	-	1	1
Количество особей	1	3	28	32

Из девяти комплексов костей лошади примерный пол удалось установить только для трёх выкладок. На основании размеров эти выкладки относятся к кобылам в возрасте около 3.5–4 года (диаграммы S50–71). Единичные фрагменты костей из других выкладок могут принадлежать особям старше 1.5–2 лет (табл. 5). Пол собаки не определён, примерный возраст животного может составлять около 1.5 лет (табл. 5).

Таблица 5 – Распределение особей лошади и собаки кургана № 33 мог. Степное-1 по полу и возрасту
5-кесте – Степное-1 қорымы 33-ші обадағы жылқы мен итті жынысы мен жасы бойынша бөлу
Table 5 - Distribution of horse and dog individuals from the mound No 33 of the Stepnoe-1 burial ground
by sex and age

	Пол	Количество особей	Около 1.5 лет	Старше 1.5–2 лет	Не старше 3.5 лет	Около 4 лет	Возраст не определен
Лошадь (Equus caballus)	Самка	3	-	-	1	2	-
	Самец	-	-	-	-	-	-
	Пол не определен	6	-	4	1	-	1
Собака (Canis familiaris)	Пол не определен	1	1	-	-	-	-

Возрастные и патологические изменения костей домашнего скота

Всего выделено 216 костей с возрастными и патологическими изменениями, а также аномалиями развития на костях всех представленных в обряде видах животных. Под возрастными изменениями подразумеваются клиновидный дефект резцов, преждевременное стирание первого моляра, незначительные деформации суставной поверхности и её расширение (липпинг), а также незначительные экзостозы на костях и грубый рельеф в месте прикрепления связок. В группу патологических изменений входят различные проявления пародонтальных процессов, остеохондротические дефекты суставной поверхности, крайне выраженные экзостозы (стадии 3–4), свидетельства воспалительных процессов и различные анкилозы (срастание некоторых костей). На костях КРС зафиксированы, в основном, возрастные изменения в виде клиновидного дефекта резцов, незначительного и выраженного липпинга дистального сустава метаподий и проксимального у фаланг (рис. 2, А; рис. S335–337, 342–346, 351–356; табл. S10), а также незначительных экзостоз фаланг и костей тарзального сустава (рис. S337, 339, 371, 383, 391–392; табл. S11). Непосредственно патологии представлены остеохондротическими дефектами суставной поверхности метаподий, фаланг и других представленных костей (рис. 2, В, Е; рис. S349–350, 372, 376–377, 388; табл. S12). На одной пясти и ряде вторых фаланг быков/волов зафиксирован дистальный и проксимальный липпинг 3-й стадии (рис. 2, С, Е, G; рис. S401, 404, 407). На центральных костях заплюсны коровы и одного быка/вола зафиксированы дегенеративные изменения и анкилоз этой кости с промежуточной костью заплюсны (рис. 2, D и 5, А; рис. S347–348, 358–361). Комплекс костей МРС также характеризуется наличием возрастных изменений в виде грубого рельефа в месте прикрепления связок берцовых костей и метаподий (табл. S17) и патологиями в виде остеохондротических дефектов суставной поверхности нижней челюсти, метаподий и фаланг (рис. 3, А–В; рис. S423–424, 426–427; табл. S16). На ряде первых, вторых и третьих фаланг овец

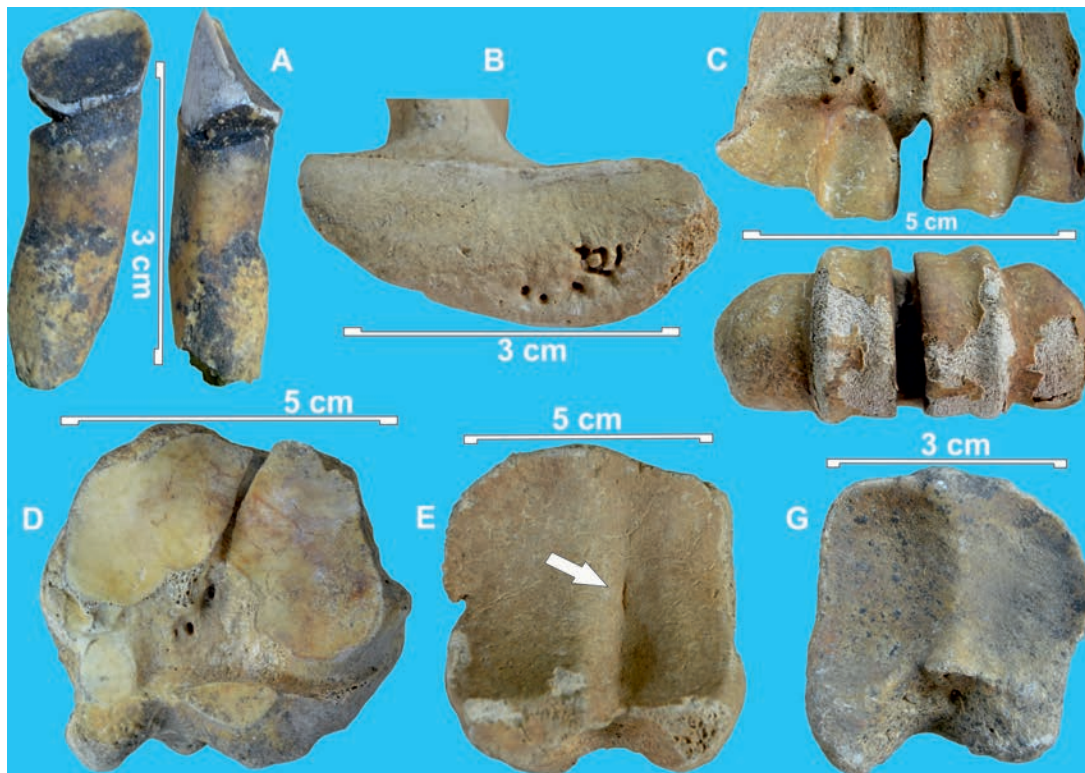

Рис. 2. Возрастные и патологические изменения костей КРС из кургана № 33 мог. Степное-1:
А – клиновидный дефект резцов; В – остеохондротический дефект суставной поверхности нижней челюсти быка/вола; С – дистальный липпинг 3 стадии пясти быка/вола; D – анкилоз центральной и промежуточной костей заплюсны коровы; Е – проксимальный липпинг 2 стадии типа первой фаланги быка/вола. Стрелкой указана депрессия 2; G – проксимальный липпинг 3 стадии второй фаланги быка/вола

2-сур. Степное-1 қорымы № 33 обасынан табылған ірі қара сүйектеріндегі жас ерекшелік және патологиялық өзгерістер: А – күрек тістегі сынаша кемістігі; В – аталық ірі қара/өгіздің астыңғы жақ сүйегінің буын бетіндегі остеохондротикалық кемістігі; С – аталық ірі қара/өгіздің алдыңғы сирағындағы дистальды буын беті кеңеюінің 3-ші сатысы; D – сиырдың артқы тірсек сүйегі мен аралық сүйегіндегі анкилоз; Е – аталық ірі қара/өгіздің бірінші тұсамыс сүйегіндегі проксимальды буын беті кеңеюінің 2-ші сатысы. Сызықпен 2 тоқырау барысы көрсетілген. G – аталық ірі қара/өгіздің екінші топай сүйегіндегі буын беті кеңеюінің 3-ші сатысы

Fig. 2. Age-related and pathological changes in the bones of cattle from the mound No 33 of the Stepnoe-1 burial ground: A – V-shaped defect of the incisors; B – osteochondrotic defect of the articular surface of the lower jaw of a bull/ox; C – distal lipping of the 3rd stage of the metacarpal of the bull/ox; D – ankylosis of the centrotarsal and TII+III bones of the cow; E – proximal lipping stage 2 of the first phalanx of the bull/ox. Arrow – depression of the type 2; G – proximal lipping of the 3rd stage of the second phalanx of the bull/ox

зафиксированы крайне выраженные экзостозы и свидетельства воспалительных процессов, которые привели к полному разрушению суставной поверхности, её деформации и выраженным экзостозам (рис. 3, C–G; рис. S413–414, 417, 419–422). На костях лошади зафиксированы в основном возрастные изменения в виде проксимальных околосуставных экзостоз пясти, грубого рельефа пясти в месте прикрепления рудиментарной метаподии (рис. 4, A), грубого рельефа в месте крепления связок ряда рёбер и незначительного проксимального липпинга первых фаланг (рис. 4, D; рис. S430–438; табл. S22–26). Патологии представлены остеохондротическим дефектом одной карпальной

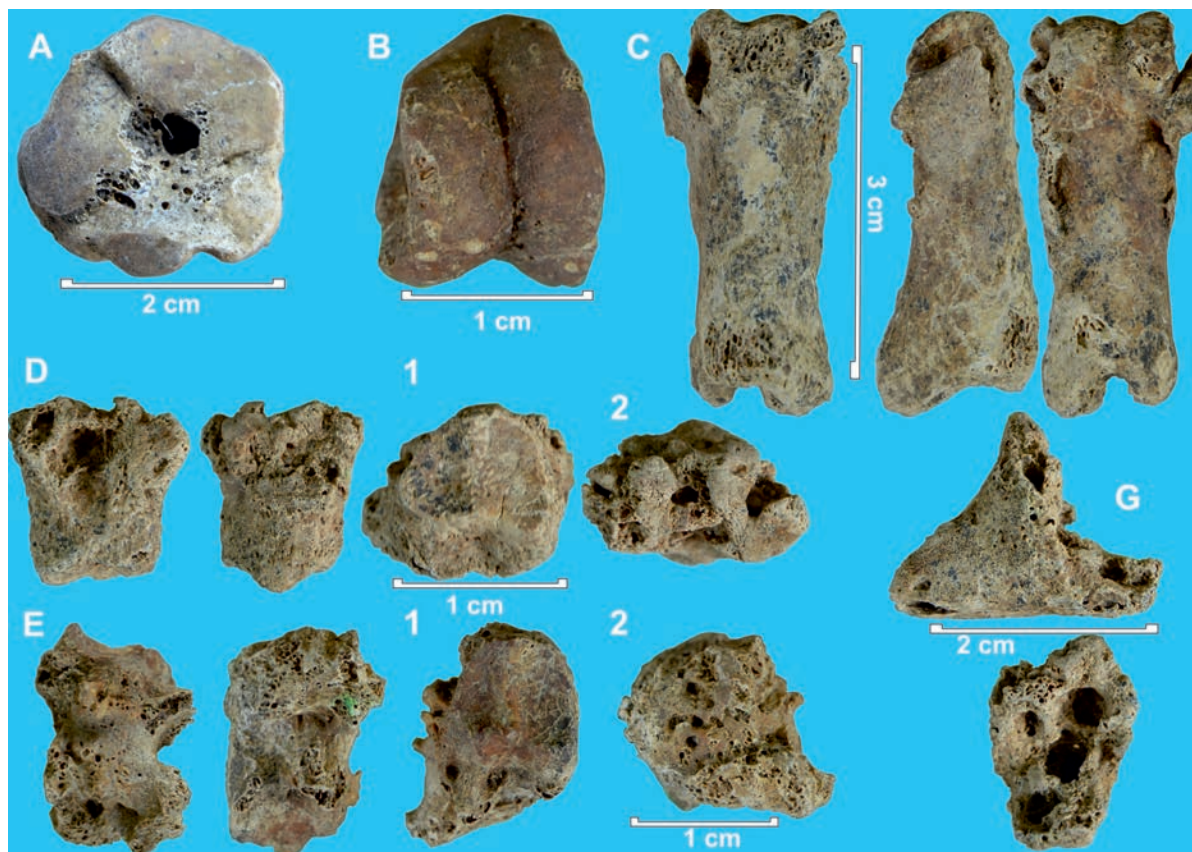

Рис. 3. Патологические изменения костей овец кургана № 33 мог. Степное-1:
А – отверстие в проксимальном суставе плюсны; В – депрессия 2 типа дистального сустава второй фаланги;
С – дистально-латеральные экзостозы 4 стадии первой фаланги; D–E – экзостозы 4 стадии,
деформация и разрушение суставной поверхности вторых фаланг. 1 – проксимальный сустав;
2 – дистальный сустав; G –околосуставные экзостозы 4 стадии, деформация
и разрушение сустава третьей фаланги (от второй фаланги D)

3-сур. Степное-1 қорымы № 33 ободағы қой сүйектеріндегі патологиялық өзгерістер: А – артқы сирақтың проксимальды буынындағы тесік; В – екінші топай сүйегінің дистальды буынындағы 2 типті тоқырау;
С – топай сүйегінің дистальды-латеральды бөлігіндегі 4-ші сатылы экзостоз; D–E – екінші топай сүйегінің буын бетіндегі бүліну мен деформация, 4-ші сатыдағы экзостоз. 1 – проксимальды буын; 2 – дистальды буын; G – тұяқтың (D екінші топай сүйегіне қатысты) буынындағы бүліну мен деформация, буын маңайындағы 4-ші сатылы экзостоз

Fig. 3. Pathological changes in the bones of sheep from the mound No 33 of the Stepnoe-1 burial ground:
A – hole in the proximal joint of the metatarsal; B – depression type 2 of the distal joint of the second phalanx;
C – distal-lateral exostoses of the 4th stage of the first phalanx; D–E – exostoses of the 4th stage, deformation and destruction of the articular surface of the second phalanxes. 1 – proximal joint; 2 – distal joint;
G – periarticular exostoses of the 4th stage, deformation and destruction of the joint of the third phalanx (from the second phalanx D)

кости (рис. 4, В; рис. S436; табл. S22–26). На двух резцах зафиксирована заполированность на передней поверхности, что может быть либо естественной чертой, либо свидетельством кривбинга (трение мордой об ограду – рис. S428–429). Кости собаки происходят от больной особи: на одном ребре присутствуют следы сросшегося перелома, а на ряде поясничных позвонков присутствуют значительные околосуставные экзостозы и срастание ряда позвонков (рис. 4, С, Е; рис. S439–447).

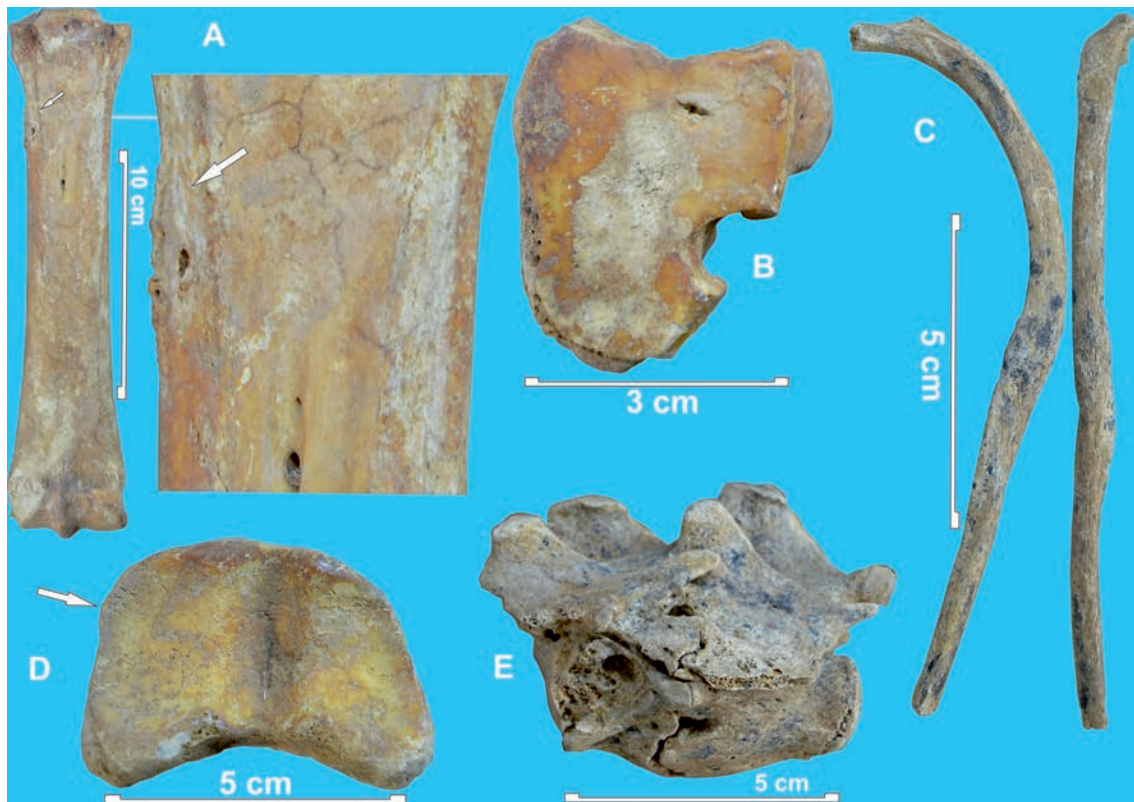

Рис. 4. Возрастные и патологические изменения костей лошади и собаки кургана № 33 мог. Степное-1:
А – незначительные экзостозы в месте крепления рудиментарной метаподии с пястью лошади;
В – остеохондротический дефект карпальной кости лошади;
С – свидетельство сросшегося перелома/трещины ребра собаки; D – незначительный проксимальный
липпинг первой фаланги лошади; E – анкилоз поясничных позвонков собаки

4-сур. Степное-1 қорымы № 33 обадағы жылқы мен ит сүйектеріндегі жас ерекшелік пен патологиялық өзгерістер: А – жылқының алдыңғы сирағы мен рудиментті сүйектің біріккен жеріндегі жеңіл экзостоздар; В – жылқының алдыңғы тізе сүйектеріндегі остеохондротикалық кемістік;
С – иттің қабырғасындағы сыну/жарықшақтанудан кейін қалпына келудің көрінісі;
D – жылқының топай сүйегінің проксимальды бетінің жеңіл кеңеюі;
E – иттің бел омыртқаларындағы анкилоз

Fig. 4. Age-related and pathological changes in the bones of the horse and dog from the mound No 33 of the Stepnoe-1 burial ground: A – minor exostoses at the point of attachment of the rudimentary metapodia to the horse's metacarpal; B – osteochondrotic defect of the carpal bone of the horse;
C – evidence of a healed fracture/crack of a dog's rib; D – minor proximal lipping of the first phalanx of the horse;
E – ankylosis of the lumbar vertebrae of the dog

Аномалии развития представлены перфорированным черепом быка/вола (рис. 5, E), лишними питательными отверстиями и депрессиями на диастеме нижней челюсти быков/волов (рис. S327, S376), а также лишним премоляром на одной нижней челюсти овцы (рис. S416).

Система раздробленности костей домашнего скота

На костях домашнего скота зафиксирована единая система фрагментирования костей в нескольких вариациях. Она полностью совпадает с той, что выявлена в археозоологическом материале поселений разных периодов бронзового века лесостепной и степной зоны Южного

Урала (эта особенность материалов зафиксирована относительно недавно и введена в научный оборот частично – [Рассадников 2021: 93]). Краткие упоминания таких расколотых костей присутствуют для материалов могильников Большекараганский и Степное-1 [Зданович 2002: 93; 2005: 33; Куприянова 2016: 33]. Предварительно эту систему можно охарактеризовать как традицию намеренного (преднамеренного) продольного расщепления или раскалывания костей. Трубчатая кость может быть расколота вдоль либо на два фрагмента, либо на несколько (рис. 6, рис. S226–240, 247–248, 254–256, 272–289). Другим проявлением этой традиции является скалывание или отщепление верхних и нижних концов у трубчатых костей (рис. 6, В; рис. S241–244, 290–294, 295–306). Предварительный анализ может говорить о том, что по кости сначала наносились один-два продольных удара и затем мог наноситься удар с торца для окончательного раскалывания кости или наоборот. На некоторых костях черепов КРС и МРС видны следы прижизненного пробоя (рис. 5, D; рис. S325–326). Для нижних челюстей фиксируется раскалывание/скалывание/разрубание суставного отростка и, возможно, разламывание кости в древности (рис. S172, 208, 270). Для позвонков фиксируется отрубание остистых отростков, либо разрубание тела позвонка пополам вдоль оси или перпендикулярно ей (рис. S209–222). Для рёбер характерно срубание верхнего конца (рис. S223–225). Отсечение головы могло происходить либо по разрубанию второго шейного позвонка, либо отсечением черепа и двух первых шейных позвонков или просто отсечением головы от позвонков (рис. S209, 264, 271, 308). Нижние части конечностей отсекались в основном по карпальным и тарзальным костям.

Модификационные изменения костей

Большая часть модификаций на костях скота представлена проявлениями традиции намеренного раскалывания костей, а также свидетельствами разделки в виде следов рубки и порезов (рис. S208–309, 311, 315–317, 328). На одной кости лошади из ямы № 1 зафиксирован погрыз собакой. На костях КРС выявлены предположительные свидетельства продолжительной варки. Они присутствуют на мыщелке черепа быка/вола и нескольких карпальных и центротарзальных костях КРС из ям 1, 2 и 20 (рис. 5, А–В; рис. S176–177, 312–314, 322–323). Такая реконструкция основывается на собственном опыте варки метаподий КРС для очищения костей от связок. На фрагментах, которые несколько часов находились над кипящей водой, образовались участки с выветрелой поверхностью, которая очень сильно похожа на поверхность костей из могильника. Очевидно, что центротарзальная кость (рис. 5, А) дистальной поверхностью была соединена с плюсной, а открытая проксимальная поверхность подвергалась воздействию высокой температуры или варки. На некоторых костях помимо такой «эрозии» присутствуют почернения, которые с большой вероятностью связаны с воздействием высокой температуры (рис. 5, В). Для достоверного заключения о варке костей в погребальном обряде кургана № 33 необходим эксперимент по продолжительной варке костей. На нескольких костях домашнего скота зафиксированы отверстия, чьё появление может быть связано как с целенаправленными действиями человека, так и с эрозионными процессами (рис. 5, С; рис. S310, 320). Сильная выраженность подобного отверстия в таранной кости лошади может указывать на воздействие со стороны человека.

Реконструкция погребального обряда

Анатомический состав, положение жертвенных выкладок и модификационные изменения костей могут служить косвенными основаниями для реконструкций, связанными с процедурой обряда. Такими примерами могут быть утверждения о том, что части животного клали в погребение вместе со шкурой или без мягких тканей на основании присутствия хвостовых позвонков или нарушенного анатомического положения [Генинг и др. 1992: 132; Зданович 2002: 57; Елимахов

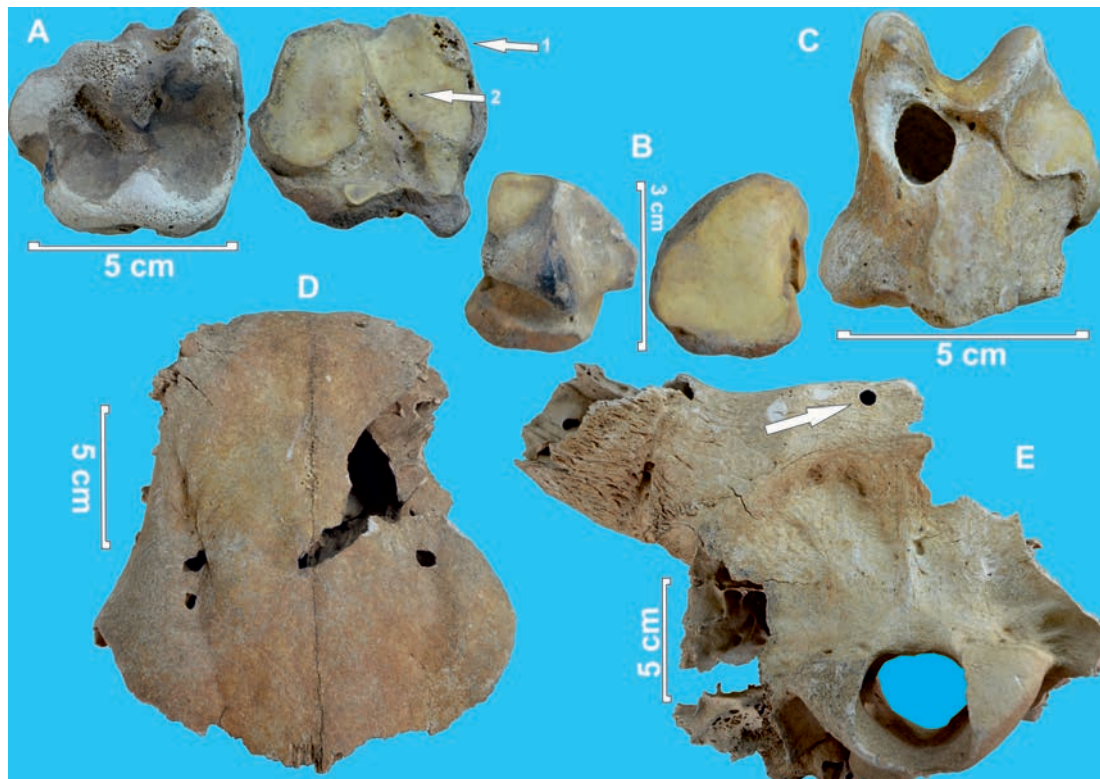

Рис. 5. Модификационные изменения, патологии и аномалии развития костей домашнего скота кургана № 33 мог. Степное-1: А – предположительные следы варки центротарзальной кости быка/вола. Стрелка 1 – начальная стадия дегенеративных изменений. Стрелка 2 – дефект суставной поверхности; В – предположительные следы варки на примере карпальной кости КРС; С – модификация неизвестного происхождения на таранной кости лошади; D – свидетельство умерщвления в виде прижизненного пробоя черепа КРС; E – аномалия развития в виде перфорации задней стенки черепа быка/вола

5-сур. Степное-1 қорымы № 33 обадағы үй жануарлары сүйектеріндегі патология және аномалияның дамуы, модификациялық өзгерістер: А – аталық ірі қара/өгіздің артқы тізе сүйегіндегі қайнатудан қалуы мүмкін іздер. 1 сызықша – тозудан болатын өзгерістердің алғашқы сатылары. 2 сызықша – буын бетіндегі ақау; В – ірі қараның алдыңғы тізе сүйектерінің мысалындағы қайнатудан қалуы мүмкін іздер; С – жылқы асығындағы белгісіз модификация; D – ірі қараның тірі күнінде бас сүйегін арнайы тесу көрінісі; E – аталық ірі қара/өгіздің бас сүйегінде тесік түріндегі өзгерістің дамуы

Fig. 5. Modification changes, pathologies and anomalies in the development of bones of livestock from the mound No 33 of the Stepnoe-1 burial ground: A – presumably traces of boiling of the centrotarsal bone of a bull/ox. Arrow 1 – initial stage of degenerative changes. Arrow 2 – defect of the articular surface; B – presumably traces of boiling on the example of the carpal bone of cattle; C – modification of unknown origin on the talus of a horse; D – evidence of killing in the form of an ante-mortem breakdown of the skull of cattle; E – developmental anomaly in the form of perforation of the posterior wall of the bull/ox skull

2005: 17], утверждения об использовании отрубленных голов с языком на основании наличия подъязычной кости (напр.: [Епимахов 2005: 137]) или реконструкция подвешивания туш животных или связывания лап собаки [Зданович 2002: 62]. В редких случаях упоминается о том, что кости могли быть сварены и предварительно очищены от мяса [Зданович 2002: 94]. Такое утверждение опирается на факт того, что кости были расколоты, но на костях нет следов ударов и также отсутствует коленная чашечка, что возможно только при условии размягчения связок и наличия мягких тканей. Особенностью материалов кургана № 33 является практически полное отсутствие

подъязычных костей и неполный набор сесамовидных костей КРС (в случае МРС их почти нет, но наиболее вероятно, что они не были собраны по причине малого размера). У ряда метаподий КРС (7 из 35) на нижнем конце имеются порезы, свидетельствующие о перерезании связок между метаподиями и фалангами. Для многих выкладок КРС и МРС фиксируется неполный набор каких-либо фаланг (особенно третьих – рис. S34, 49, 97 и др.). В случае расколотых костей фиксируется невозможность полностью собрать кость из всех имеющихся осколков. Иногда фрагменты одной кости имеют разный цвет (рис. S239, 267). Это могло произойти либо по причине грабительского нарушения, когда кости перемешиваются, либо фрагменты одной и той же кости изначально складывались в разные места ямы. Для ям № 14 и 15 фиксируется использование костей одной особи овцы. В яме № 14 присутствуют нижние неприсосшие эпифизы метаподий и полный набор первых фаланг. А в яме № 15 присутствуют остальные части метаподий и почти полный набор вторых фаланг (рис. S131 и 136). Очевидно, что для обеих ям попытались использовать части одного животного. Крайне интересным случаем в контексте разрубания/раскалывания костей выглядит фрагмент лучевой кости из комплекса ямы № 1. У кости разрублен пополам диафиз, но нижний неприсосший эпифиз остался целым (рис. S232). Остается неясным, в какой момент разрубалась кость – когда была с мягкими тканями или без них. Тем не менее, предварительные наблюдения могут свидетельствовать о том, что раскалывание костей могло происходить с мягкими тканями. В материале одного из поселений зафиксирована расколотая кость со следами погрыза собакой. Проблема реконструкции со всеми вышеописанными манипуляциями заключается в том, что теоретически это можно сделать с только что отрубленными конечностями в мясе и шкуре, вырезав необходимые части и разделив кости на две могилы. Так можно сделать с отрубленными ногами без шкуры или, например, со сваренными частями туш. Жертвенную выкладку можно сделать и из заранее подготовленных костей, которые принесли для обряда уже без мяса и связок. Отсутствие различных экспериментов не позволяет достоверно оценить приводит ли вырезание языка к потере подъязычной кости, какие следы оставляет варка на костях, в каком состоянии можно раскалывать кость и возможно ли снять шкуру без потери костей. Предварительная реконструкция факта варки отрубленных конечностей скота, раскалывания костей и вероятных следов воздействия личинок должны послужить стимулом для проведения экспериментов, результаты которых пополнят знания археозоологов о модификационных изменениях костей.

4 Обсуждение

Погребальный обряд кургана № 33 могильника Степное-1 в контексте использования жертвенных животных практически полностью соответствует канонам могильников синташтинской культуры на территории Казахстана и РФ. Такими общими чертами являются относительно массовое использование КРС, МРС и лошади с собакой. На одну могильную яму в кургане № 33 приходится около 4,5 голов скота. К общим особенностям относится использование в обряде скота обоих полов и преимущественно взрослых животных [Гайдученко 2002: 178; Куприянова, Зданович 2015: 57; Куприянова 2016]. Одной из главных общих черт также является форма репрезентации домашних животных, заключающаяся в преимущественном использовании различных вариаций выкладки из головы и нижних частей ног. Помимо метаподий ноги также могут быть дополнены берцовыми костями и фрагментами других костей конечностей, набор фаланг может быть неполным [Генинг и др. 1992: 196; Зданович 2002: 31, 72, 80, 88; Куприянова, Зданович 2015: 33; Куприянова 2016: 44]. Все остальные кости конечностей могут присутствовать в обряде либо в виде расколотых костей, либо одного фрагмента (напр., таранная кость КРС или фрагмент любой другой кости). В виде отдельной кости могут быть представлены и отдельные животные. По всей видимости, отдельные кости могут являться не только результатом нарушения изначальных

Рис. 6. Традиция намеренного продольного раскалывания или расщепления костей домашнего скота:
А – расколотые берцовые кости КРС; В – расколотая пясть быка/вола; С – расколотая плюсна быка/вола

6-сур. Үй жануарларының сүйектерін арнайы тігінен бөлшектеу немесе сындыру салты.
А – ірі қараның бөлшектенген асықты жіліктері; В – аталық ірі қара/өгіздің бөлшектенген алдыңғы сирағы;
С – аталық ірі қара/өгіздің бөлшектенген артқы сирағы

Fig. 6. The tradition of intentionally longitudinally splitting or cleaving the bones of livestock:
А – split tibia of cattle; В – split metacarpal of a bull/ox; С – split metatarsal of a bull/ox

выкладок, но и самостоятельными формами представления жертвенного скота, так как эта особенность встречена и в других могильниках [Генинг и др. 1992: 207; Зданович 2002: 57]. Так, в яме № 85 мог. Степное VII находился целый скелет лошади и фрагмент лопатки от другой особи лошади [Куприянова, Зданович 2015: 121–122]. В кургане № 33 также как и в других могильниках части туш всех видов домашних животных сопровождают только могилы мужчин, в женских погребениях отсутствуют выкладки лошадей, а детские могилы сопровождаются только МРС. Отдельного внимания заслуживает погребение 1. Погребённый в яме мужчина имел, по заключению антрополога, прижизненную травму черепа, нанесённую явно боевым оружием и давно залеченную. Позвонки спины были покрыты остеофитозными разрастаниями, что может служить признаком большой прижизненной нагрузки на позвоночник. Единственным сохранившимся предметом инвентаря (кроме сосуда) был роговой псалий – деталь конской упряжи. По данному набору признаков мужчина был отнесён к страте воинов-колесничих [Kurpianova 2022]. Ярким признаком колесничной культуры синташтинско-петровских памятников являются парные либо кратные двум

жертвоприношения лошадей. В данном погребении, ввиду его полной деструктурированности, эта деталь не была определена в полевых условиях. Но наличие в заполнении погребения костей двух условно целых скелетов лошадей заставляет предположить, что они располагались, как в других подобных погребениях, на перекрытии камеры. Однако в памятниках синташтинской культуры парные жертвенники с лошадьми представлены обычно «частичными животными» – голова+ноги. Использование целых туш в синташтинском обряде является относительной редкостью и выделено в особый тип по классификации парных жертвенников с лошадьми – тип Б1 [Куприянова 2021: 11]. В могильнике Степное-1 этот тип обряда до сих пор не был отмечен. Вместе с лошадьми на перекрытии, очевидно, располагался и скелет собаки. Интересной деталью является то, что она, как и погребённый человек, имела многочисленные прижизненные травмы. Весьма вероятно, что больное животное было логичным умертвить для жертвоприношения. При расчистке погребения 1 зафиксировано, что часть костей животных в двух хаотичных скоплениях по углам торцевой юго-восточной стенки опускались сверху ко дну ямы, а часть находилась в нише у южного угла ямы в её верхних слоях в виде очень компактного скопления (рис. 7). Судя по всему, в процессе вторжения в погребение участники ритуального «ограбления» собрали основную массу костей в мешок, который оставили тут же на перекрытии, а остальные кости осыпались в яму в процессе проникновения внутрь камеры. Единственная жертвенная яма (№ 20) по характеру выкладок ничем не отличается от могил взрослых людей. Такими же общими, но более частными аспектами является использование костей одного животного в нескольких погребениях (ямы № 14 и 15) или жертвенниках. Яма № 14, судя по контексту расположения находок, использовалась двукратно. Об этом свидетельствует нехарактерное расположение одного из сосудов – не в головах погребённого, а у продольной стенки, поверх трубчатых костей МРС. Яма № 15 имеет явные признаки многократного использования: нехарактерно большое для младенческих погребений количество сосудов (4), расположенных хаотично, в разных частях ямы и на разных уровнях, расположение жертвенников в разных частях ямы. Кроме того, количество особей МРС, представленных костями в двух погребениях, больше, чем в остальных детских погребениях – три в яме № 14, четыре – в яме № 15 (табл. 1). Таким образом, можно предположить, что оба погребения использовались несколько (по крайней мере, не меньше двух) раз и на каком-то этапе одновременно. В них могли быть погребены дети-родственники, о чём свидетельствует помещение в ямы частей одной особи МРС в процессе одного обряда, а также сходство стиля двух сосудов из керамического комплекса ям. Возможность функционирования ям синташтинской и петровской культур в качестве склепов многократно обсуждалась. Многократное использование крупных ям для погребения взрослых достоверно подтверждено в нескольких случаях [Куприянова, Зданович 2015: 62–63; Куприянова 2016: 35]. Для детских погребений такие данные отмечены впервые. Форма репрезентации лошади в виде одной первой фаланги также является маркером погребальной обрядности синташтинской культуры [Зданович 2002: 39; Калиева, Логвин 2009: 48]. Зафиксированная в кургане № 33 традиция намеренного раскалывания костей скота также является типичной не только для погребальных, но и для поселенческих материалов синташтинской культуры. К одной из черт кургана № 33 и погребального обряда синташтинской культуры является использование в комплексе взрослого животного с эмбрионом или новорожденной особью. В кургане № 33 такой комплекс представлен только одной выкладкой МРС. В остальных курганах синташтинской культуры использование туш телят, ягнят и жеребят, а также комплекса «взрослое + молодое животное» представлено более массово [Генинг и др. 1992: 144, 258; Зданович 2002: 57; Калиева, Логвин 2009: 47; Куприянова 2016: 14; Куприянова и др. 2020: 64]. Другими отличиями кургана 33 являются отсутствие использования целых туш скота и туш козы и домашней/дикой форм свиньи и лисицы/корсака, что встречается в других курганах этой культуры [Генинг и др. 1992: 120–123, 149; Зданович 2002: 41, 43, 93;

Рис. 7. Скопление костей в мешке (?) в северном углу на уровне перекрытия ямы №1 кургана № 33 мог. Степное-1

7-сур. Степное-1 қорымы № 33 обадағы 1-ші шұңқырдың жоғарғы деңгейінің солтүстік бұрышында қапшыққа (?) жиналған сүйектер

Fig. 7. Accumulation of bones in a bag (?) in the northern corner at the level of the overlap of the pit No 1 from the mound No 33 of the Stepnoe-1 burial ground

Виноградов 2003: 27; Калиева, Логвин 2009: 48–49; Куприянова, Зданович 2015: 20, 24; Куприянова 2016: 73; Куприянова и др. 2020: 38]. Курган № 33 также отличается малое количество наборов из таранных костей МРС. Если в других курганах синташтинской культуры зафиксированы наборы от нескольких десятков до 350 таранных костей, а сами наборы могут включать кости со следами обработки, а также таранные кости сайги или дикой/домашней свиньи [Генинг и др. 1992: 207, 230; Зданович 2002: 47, 57; Виноградов 2003: 39, 44; Калиева, Логвин 2009: 48; Куприянова, Зданович 2015: 40, 113; Куприянова 2016: 11], то в кургане № 33 присутствует всего лишь один набор из семи костей. Особый интерес представляет череп быка/вола с перфорированной задней стенкой. Подобные отверстия встречены у КРС разного пола, возраста и эпох, а также у дикой формы и только у тех видов животных, у которых присутствуют обширные внутренние полости [Baxter 2002; Fabiš, Thomas 2011]. Несмотря на внешний искусственный характер отверстия, наиболее вероятным объяснением перфорации может являться аномалия развития, которая произошла при формировании полостей черепа.

Одним из важных вопросов в контексте патологического анализа костей домашних животных является наличие или отсутствие традиции намеренного отбора больных животных

для погребального обряда и использования в нём рабочих животных. Намеренный отбор больных животных подтверждается только для овец и собаки. Только в их случае человек мог видеть, что животные испытывают проблемы со здоровьем. Даже случай анкилоза тарзальных костей коровы не даёт оснований для утверждения о намеренном отборе больных животных, так как патология могла не приводить к хромоте. На момент умерщвления или естественной смерти от различных факторов несколько особей овец могли иметь хромоту или даже испытывать проблемы с передвижением. Данная патология наряду со свидетельствами воспаления альвеол является типичной для могильников синташтинской культуры [Гайдученко 2002: 187]. Собака могла также иметь ослабленное состояние и проблемы с движением из-за повреждения позвоночника. Одной из причин патологий позвонков и рёбер собаки мог быть удар ногой копытными или человеком, который привёл к перелому рёбер и повреждению позвоночника. Тот факт, что переломы или трещины рёбер срослись на момент умерщвления для погребального обряда, позволяет говорить о наличии сострадательного отношении к собаке со стороны данной группы скотоводов. Животное не стали убивать сразу после получения тяжёлой травмы. На костях быков/волов зафиксированы возрастные изменения первых и вторых фаланг в таких стадиях развития, в которых их можно трактовать и как свидетельство их использования в качестве тяговых или рабочих животных. Однако отсутствие характерных для рабочего использования изменений на метаподиях заставляет трактовать такие изменения скорее как возрастные и ответную реакцию на собственный вес животного. В целом, большинство выявленных изменений на костях КРС и МРС являются типичными как для скота бронзового века, так и наших дней [Rassadnikov 2021; 2022]. Единственным существенным отличием являются серьёзные поражения ног овец, что пока не встречено у современного МРС в степной зоне Южного Урала. Одним из объяснений может быть содержание животных в сыром загоне, что может приводить к копытной гнили. Несмотря на наличие в кургане предметов т. н. колесничного комплекса в виде псалиев [Куприянова 2021: 29] и предположительных следов взнуздывания на нижнем последнем премоляре у выкладок лошадей из других курганов могильника Степное-1 [Гайдученко 2002: 188; Зданович 2002: 39; Куприянова 2016: 46], на костях лошади нет ни одного изменения, которое можно трактовать как достоверное свидетельство использования конкретной лошади в качестве рабочего животного, однако в ритуале погребения данные животные, безусловно, находились в контексте колесничной символики.

5 Заключение

Использование большого количества частей туш скота и собаки является одной из особенностей культур бронзового века Евразии и синташтинской культуры, в частности. Курган № 33 могильника Степное-1 не является исключением из правил. В погребальном обряде использовано несколько десятков туш всех основных домашних копытных бронзового века и одна собака. Фиксируется единая традиция использования частей животных в жертвенных выкладках и фрагментирования костей. Основной формой репрезентации домашних животных является выкладка: голова и ноги. Для погребального обряда использовались в основном половозрелые особи домашнего скота обоих полов. Не исключается намеренное использование в погребальном обряде животных с проблемами здоровья, которые заметны для человека.

Благодарности. Выражаем признательность Éva David и Наталье Ахметгалеевой за консультации по вопросам раскалывания костей домашнего скота и Deb Bennett за консультации по костям собаки.

Примечание: [Dataset 1 и 2] – <https://data.mendeley.com/datasets/fkbs9fj89m/1>

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. 362 с.
- 2 Гайдученко Л.Л. Некоторые биологические характеристики животных из жертвенных комплексов кургана 25 Большекараганского могильника // Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Кн. 1. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во., 2002. С. 173-189.
- 3 Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей: в 2-х ч. Ч. 1. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. 480 с.
- 4 Епимахов А.В. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. Челябинск: Библиотека А. Миллера, 2002. 170 с.
- 5 Епимахов А.В. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Кн. 1. Челябинск: Челябинский дом печати, 2005. 192 с.
- 6 Зданович Д.Г. Археология кургана 25 Большекараганского могильника // Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Кн. 1. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во., 2002. С. 17-106.
- 7 Зданович Д.Г. Жертвоприношения животных в погребальном обряде населения степного Зауралья эпохи средней бронзы: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005. 555 с. // Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35, оп. 2-Д, д. 83.
- 8 Калиева С.С., Логвин В.Н. Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 9. С. 32-58.
- 9 Куприянова Е.В. Погребальные практики эпохи бронзы Южного Зауралья: могильник Степное-1. Челябинск: Энциклопедия, 2016. 119 с.
- 10 Куприянова Е.В. Внутренний конфликт дуальной символики или конфликт в обществе: обряды парных жертвоприношений лошадей в некрополях бронзового века Южного Зауралья и Казахстана // Уфимский археологический вестник. 2021. № 2. С. 109-128.
- 11 Куприянова Е.В. Новые данные по погребальному обряду синташтинской культуры: курган 33 могильника Степное-1 // Степное: новые горизонты. Коллективная монография под общ. ред. Е.В. Куприяновой. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2023. С. 113-156.
- 12 Куприянова Е.В., Зданович Д.Г. Древности лесостепного Зауралья: могильник Степное VII. Челябинск: Энциклопедия, 2015. 196 с.
- 13 Куприянова Е.В., Стоколос В.С., Петров Н.Ф., Батанина Н.С. Могильник Степное 25: культурный синкретизм на границе степи. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2020. 155 с.
- 14 Логвин А.В., Шевнина И.В., Колбина А.В. Курган Халвай 5 – комплекс синташтинской культуры из Северного Казахстана // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 131-138.
- 15 Рассадников А.Ю. Результаты архео- и этнозоологических исследований на поселении позднего бронзового века Черноречье-2 // Теория и практика археологических исследований. 2021. № 1 (33). С. 85–105. DOI: [10.14258/tpai\(2021\)33\(1\).-06](https://doi.org/10.14258/tpai(2021)33(1).-06)
- 16 Цалкин В.И. Фауна из раскопок андроновских памятников в Приуралье // Основные проблемы териологии. Эволюция, зоогеография, экология и морфология млекопитающих и происхождение домашних животных. М.: Наука, 1972. С. 66-82.
- 17 Bartosiewicz L., Van Neer W., Lentacker A. Draught cattle: their osteological identification and history. Tervuren: Annales du Mus'ee Royal de l'Afrique Centrale. Sciences Zoologiques, 1997. 147 p.
- 18 Baxter I.L. Occipital perforations in a late Neolithic probable aurochs (*Bos primigenius Bojanus*) cranium from Letchworth, Hertfordshire, UK // International Journal of Osteoarchaeology. 2002. 12. Pp. 142-143. DOI: [10.1002/oa.591](https://doi.org/10.1002/oa.591)
- 19 Dottrens E. Etude preliminaire: Les phalanges osseuses de Bos taurus domesticus // Rev. Suisse de Zool. 1946. № 53 (33). Pp. 739-774.
- 20 Fabiš M, Thomas R. Not just cattle: Cranial perforations revisited // International Journal of Osteoarchaeology. 2011. 21 (3). Pp. 347-350. DOI: [10.1002/oa.1133](https://doi.org/10.1002/oa.1133)
- 21 Kupriyanova E. New Evidence of Charioteering Among Bronze Age Tribes in the Southern Trans-Urals (Russia) // Journal Anthropological and archaeological sciences. 2022. Vol. 6 (5). Pp. 788-791. DOI: [10.32474/JAAS.2022.06.000248](https://doi.org/10.32474/JAAS.2022.06.000248)
- 22 Payne S. Kill-off patterns in sheep and goats: the mandibles from As, van Kale // Anatol. Stud. 1973. Vol. 33. Pp. 281–303.

- 23 Payne S., Bull G. Components of variation in measurements of pig bones and teeth, and the use of measurements to distinguish wild from domestic pig remains // *Archaeozoologia* II. 1988. (1, 2). Pp. 27-66.
- 24 Rassadnikov A. Bone Pathologies of Modern Non-Draft Cattle (*Bos Taurus*) in the Context of Grazing System and Environmental Influences in the South Urals, Russia // *Int. J. Paleopathol.* 2021. Vol. 32. Pp. 87-102. DOI: [10.1016/j.ijpp.2020.11.003](https://doi.org/10.1016/j.ijpp.2020.11.003)
- 25 Rassadnikov A. Bone pathologies of modern caprines (*Ovis aries* & *Capra hircus*) in the context of the pasture-stall system of the steppe zone of the South Urals // *Int. J. Paleopathol.* 2022. 38. Pp. 18-31. DOI: [10.1016/j.ijpp.2022.05.003](https://doi.org/10.1016/j.ijpp.2022.05.003)
- 26 Silver I. The ageing of domestic animals // *Science in archaeology: a survey of progress and research*. London: Thames and Hudson, 1969. Pp. 283-302.
- 27 Telldahl Y. Ageing Cattle: The Use of Radiographic Examinations on Cattle Metapodials from Eketorp Ringfort on the Island of Öland in Sweden // *PLoS ONE*. 2015. Vol. 10 (9): e0137109. DOI: [10.1371/journal.pone.0137109](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0137109)
- 28 Thomas R., Johannsen N. Articular depressions in domestic cattle phalanges and their archaeological relevance // *Int. J. Paleopathol.* 2011. № 1. Pp. 43-54. DOI: [10.1016/j.ijpp.2011.02.007](https://doi.org/10.1016/j.ijpp.2011.02.007)
- 29 Von Den Driesch A. A Guide to the Measurement of Animal Bones from Archaeological Sites. Cambridge: Peabody Museum Bulletin 1, Harvard University, 1976. 136 p.
- 30 Zeder M., Lapham H. Assessing the reliability of criteria used to identify mandibles and mandibular teeth in sheep, Ovis, and Goats, Capra // *JAS*. 2010. Vol. 37. Pp. 2887-2905.
- 31 Zeder M., Pilaar S. Assessing the reliability of criteria used to identify postcranial bones in sheep, Ovis, and goats, Capra // *JAS*. 2010. 37. Pp. 225-242.
- 32 Zimmermann M.I., Pollath N., Ozbasaran M., Peters J. Joint health in free-ranging and confined small bovids – Implications for early stage caprine management // *JAS*. 2018. Vol. 92. Pp. 13-27. DOI: [10.1016/j.jas.2018.02.004](https://doi.org/10.1016/j.jas.2018.02.004)
- 33 Zimmermann M.I. Intra- und periartikuläre Pathologien als Marker für die zeitliche Erfassung der Anfangsphase der Domestikation von Schaf und Ziege. Dissertation, LMU München. 2019. Tierärztliche Fakultät. URL: <https://edoc.ub.uni-muenchen.de/23787/> (accessed: 07.04.2023).

REFERENCES

- 1 Vinogradov, N. B. 2003. *Mogilnik bronzovogo veka Krivoe Ozero v Yuzhnom Zauralie (Bronze Age burial ground Krivoye Ozero in the Southern Trans-Urals)*. Chelyabinsk: Yuzh.-Ural. book. publishing house (in Russian).
- 2 Gaiduchenko, L. L. 2002. In: Zdanovich, D. G. (ed.). *Arkaim: nekropol (po materialam kurgana 25 Bolshekaraganskogo mogilnika)*. Kn. 1. (*Arkaim: necropolis (based on the materials of mound 25 of the Bolshekaragansky burial ground. Book 1)*). Chelyabinsk: South-Ural book publishing house, 173-189 (in Russian).
- 3 Gening, V. F., Zdanovich, G. B., Gening, V. V. 1992. *Sintashta: arheologicheskie pamyatniki ariyskih plemen Uralo-Kazahst. Stepy: v 2-x ch. Ch. 1. (Sintashta: archaeological sites of the Aryan tribes Ural.-Kazakhst. Steppes: in 2 parts. Part 1)*. Chelyabinsk: South-Ural book publishing house (in Russian).
- 4 Epimakhov, A. V. 2002. *Yuzhnoe Zauralie v epohu sredney bronzy (Southern Trans-Urals in the Middle Bronze Age)*. Chelyabinsk: "A. Miller Library" Publ. (in Russian).
- 5 Epimakhov, A. V. 2005. *Rannie kompleksnye obshchestva severa Tsentralnoy Evrazii (po materialam mogilnika Kamennyi Ambar-5) (Early Complex Societies in the North of Central Eurasia (Based on Materials from the Kamennyi Ambar-5 Burial Ground))*. Chelyabinsk: Chelyabinsk Printing House (in Russian).
- 6 Zdanovich, D. G. 2002. In: Zdanovich, D. G. (ed.). *Arkaim: nekropol (po materialam kurgana 25 Bolshekaraganskogo mogilnika)*. Kn. 1. (*Arkaim: necropolis (based on the materials of mound 25 of the Bolshekaragansky burial ground. Book 1)*). Chelyabinsk: South-Ural book publishing house, 17-106 (in Russian).
- 7 Zdanovich, D. G. 2005. *Zhertvoprinosheniya zhivotnykh v pogrebalnom obryade naseleniya stepnogo Zauraliya epohi sredney bronzy: dis. ... kand. ist. nauk (Animal sacrifices in the funeral rite of the population of the steppe Trans-Urals of the Middle Bronze Age: thesis of the dissertation Candidate of Historical Sciences)*. Ekaterinburg (in Russian).
- 8 Kalieva, S. S. 2009. In: *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)*, 9, 32-58 (in Russian).

- 9 Kupriyanova, E. V. 2016. *Pogrebalnye praktiki epohi bronzы Yuzhnogo Zauraliya: mogilnik Stepnoe-1 (Funeral Practices of the Bronze Age of the Southern Trans-Urals: Stepnoe-1 Burial Ground)*. Chelyabinsk: "Encyclopedia" Publ. (in Russian).
- 10 Kupriyanova, E. V. 2021. In: *Ufimskiy arkeologicheskiy vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)*, 2, 109-128 (in Russian).
- 11 Kupriyanova, E. V. 2023. In: Kupriyanova, E. V. (ed.). *Stepnoye: novyye gorizonty. Kollektivnaya monografiya (Stepnoe: new horizons. Collective monograph)*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 113-156 (in Russian).
- 12 Kupriyanova, E. V., Zdanovich, D. G. 2015. *Drevnosti lesostepnogo Zauraliya: mogilnik Stepnoe VII (Antiquities of the forest-steppe Trans-Urals: burial ground Stepnoe VII)*. Chelyabinsk: "Encyclopedia" Publ. (in Russian).
- 13 Kupriyanova, E. V., Stokolos, V. S., Petrov, N. F., Batanina, N. S. 2020. *Mogilnik Stepnoe 25: kulturnyi sinkretizm na granitse stepi (Burial ground Stepnoe 25: cultural syncretism on the border of the steppe)*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University (in Russian).
- 14 Logvin, A. V., Shevnina, I. V., Kolbina, A. V. 2017. In: *Samarskiy nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)*, Vol. 6, 4 (21), 131-138 (in Russian).
- 15 Rassadnikov, A. Yu. 2021. In: *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy (Theory and practice of archaeological research)*, 1 (33), 85-105 (in Russian).
- 16 Tsalkin, V. I. 1972. In: Nasimovich, A. A. (ed.). *Osnovnye problemy teriologii. Evolyutsiya, zoogeografiya, ekologiya i morfologiya mlekopitayushchikh i proiskhozhdenie domashnikh zhivotnykh (The main problems of theriology. Evolution, zoogeography, ecology and morphology of mammals and the origin of domestic animals)*. Moscow: "Nauka" Publ., 66-82 (in Russian).
- 17 Bartosiewicz, L., Van Neer, W., Lentacker, A., 1997. *Draught cattle: their osteological identification and history*. Tervuren: Annales du Mus'ee Royal de l'Afrique Centrale. Sciences Zoologiques (in English).
- 18 Baxter, I. L., 2002. In: *International Journal of Osteoarchaeology*, 12, 142-143 (in English).
- 19 Dottrens, E. 1946. In: *Rev. Suisse de Zool*, 53 (33), 739-774 (in English).
- 20 Fabiš, M., Thomas, R. 2011. In: *International Journal of Osteoarchaeology*, 21 (3), 347-350 (in English).
- 21 Kupriyanova, E. 2022. In: *Journal Anthropological and archaeological sciences*, 6 (5), 788-791 (in English).
- 22 Payne, S. 1973. In: *Anatolian Studies*, 33, 281-303 (in English).
- 23 Payne, S., Bull, G. 1988. In: *Archaeozoologia*, II, 27-66 (in English).
- 24 Rassadnikov, A. 2021. In: *Int. J. Paleopathol*, 32, 87-102 (in English).
- 25 Rassadnikov, A. 2022. In: *Int. J. Paleopathol*, 38, 18-31 (in English).
- 26 Silver, I., 1969. *The ageing of domestic animals. Thames and Hudson: Science in archaeology: a survey of progress and research* (in English).
- 27 Telldahl, Y. 2015. In: *PLoS ONE*, 10(9): e0137109 (in English).
- 28 Thomas, R., Johannsen, N. 2011. In: *Int. J. Paleopathol*, 1, 43-54 (in English).
- 29 Von Den Driesch, A. 1976. *A Guide to the Measurement of Animal Bones from Archaeological Sites*. Cambridge: Peabody Museum Bulletin 1, Harvard University (in English).
- 30 Zeder, M., Lapham, H. 2010. In: *JAS*, 37, 2887-2905 (in English).
- 31 Zeder, M., Pilaar, S. 2010. In: *JAS*, 37, 225-242 (in English).
- 32 Zimmermann, M.I., Pollath, N., Ozbasaran, M., Peters J. 2018. In: *JAS*, 92, 13-27 (in English).
- 33 Zimmermann, M.I. 2019. *Intra- und periartikuläre Pathologien als Marker für die zeitliche Erfassung der Anfangsphase der Domestikation von Schaf und Ziege*. Dissertation, LMU München (in German).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 07.04.2023.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 24.08.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 24.08.2023.

ҚЫСҚАРТУЛАР ТІЗІМІ СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATIONS

АлтГУ –	Алтайский государственный университет. Барнаул
АлтГПУ –	Алтайский государственный педагогический университет. Барнаул
АН КазССР –	Академия наук Казахской ССР. Алма-Ата
АН СССР –	Академия наук СССР. Москва
АН УССР –	Академия наук Украинской ССР. Киев
АСГЭ –	Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Ленинград, Санкт-Петербург
БНЦ УрО АН СССР –	Башкирский научный центр Уральского отделения АН СССР. Уфа:
ВКО –	Восточно-Казахстанская область
ЕНУ –	Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева. Астана
ИА КН МНВО РК –	Институт археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки МНВО РК. Алматы
ИА КН МОН РК –	Институт археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки МОН РК. Алматы
ИА НАН РК	Институт археологии им. А.Х. Маргулана НАН РК. Алматы
ИАЭт СО РАН –	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Новосибирск
ИИАЭ АН КазССР –	Институт истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата
ИИМК РАН –	Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург
КазНИИ ПКНН –	Казахский научно-исследовательский институт по проблемам культурного наследия номадов. Алматы
КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына –	Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына. Краснодар
КСИА –	Краткие сообщения Института археологии. Москва
КСИИМК –	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Москва
МИА –	Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград
МИАК –	Материалы и исследования по археологии Казахстана. Астана; Алматы

МИЦАИ –	Международный институт Центральноазиатских исследований. Самарканд
МКТУ им. Х.А. Яссауи –	Международный Казахско-Турецкий университет им. Х.А. Яссауи. Туркестан
МНВО РК –	Министерство науки и высшего образования Республики Казахстан. Астана
МОН РК –	Министерство образования и науки Республики Казахстан. Астана
НАН РК –	Национальная академия наук Республики Казахстан. Алматы
НГУ –	Новосибирский государственный университет. Новосибирск
НИЦИА «Бегазы-Тасмола» –	Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы- Тасмола». Алматы
ОмГУ	Омский государственный университет. Омск
РАН –	Российская академия наук. Москва
СА –	Советская археология. Москва
САИ –	Сарыаркинский археологический институт. Караганды
САИ –	Свод археологических источников. Москва
СПбГУ –	Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург
ФИА –	Филиал Института археологии имени А.Х. Маргулана в г. Астана. Астана
ЮУрГУ –	Южно-Уральский государственный университет. Челябинск
IIСAS –	International Institute for Central Asian Studies. Самарканд
JAS –	Journal of Archaeological Science. Waltham, Mass

АВТОРЛАРҒА АРНАЛҒАН ЕРЕЖЕ ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ – SUBMISSIONS

Авторлар үшін мақалаларды беруге, оларды қарау тәртібіне, рецензиялауға, материалдарды рәсімдеу бойынша нұсқаулықтар мен ұсынымдарға, автор мен баспагердің өзара қарым-қатынасын реттейтін сұрақтарға қатысты барлық мәліметтер журналдың сайтында көрсетілген: archeokz.com

Ресімделуі көрсетілген талаптарға сәйкес келмейтін қолжазбаларды редакциялық алқа қарастырмайды!

Осы ереже журналда және журналдың сайтында жарияланған сәттен бастап күшіне енеді.

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов, регулирующих взаимоотношения автора и издателя, представлены на сайте журнала по адресу: archeokz.com

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

All information for authors regarding the submission of articles, the procedure for their consideration, review, instructions and recommendations for the design of materials, issues governing the relationship between the author and publisher are presented on the journal's website at: archeokz.com

Manuscripts whose design does not meet the specified requirements are not considered by the editorial board!

These rules come into force from the moment of publication in the journal and on the website of the journal.

ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫ

О.В. Кузнецова – компьютерлік беттеу және дизайн
Ә.М. Манапова – қазақ тіліндегі мәтіндерді редакциялау және қазақ тіліне аудару
Я.С. Шаяхметова, Г.А. Калдыбаева – ағылшын тіліндегі мәтіндерді редакциялау және ағылшын тіліне аудару

Компьютерная верстка и дизайн – О.В. Кузнецова
Перевод и редакция текстов на казахском языке – А.М. Манапова
Перевод и редакция текстов на английском языке – Я.С. Шаяхметова, Г.А. Калдыбаева

Computer layout and design – Olga Kuznetsova
Kazakh translation and editing – Aliya Manapova
English translation and editing – Yana Shayakhmetova, Gaukhar Kaldybayeva

Түпнұсқа макет Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтында дайындалды
050010 Алматы қаласы, Достық даңғылы, 44
Баспаға 27.12.2023 жылы қол қойылды. Пішім 84×108 ¹/₁₆
Шартты б. т. 28,14. Times New Roman гарнитурасы. Таралымы 100 дана

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии им. А.Х. Маргулана
050010 г. Алматы, пр. Достык, 44
Подписано в печать 27.12.2023 г. Формат 84×108 ¹/₁₆
Усл. п. л. 28,14. Гарнитура Times New Roman. Тираж 100 экз.

Original layout prepared at the Margulan Institute of Archaeology
050010 Almaty, Dostyk Ave., 44
Signed to print 27.12.2023. Format 84×108 ¹/₁₆
Printed sheet 28,14. Times New Roman headset. Circulation 100 copies

“Хикари” баспаханасында басылған
Отпечатано в типографии «Хикари»
Printed in the printing house «Hikari» hikari.kz24.online

16+